

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ**

1 (55)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1956

ПРОБЛЕМА ПАДЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ

(К итогам дискуссии)

Проблема падения рабовладельческого строя и генезиса феодальной социально-экономической формации принадлежит к числу ведущих по своему научно-теоретическому значению проблем советской исторической науки. Не случайно статья Е. М. Штаерман (ВДИ, 1953, № 2), представляющая собой попытку исследования данной проблемы, была с большим интересом встречена нашей научной общественностью. Ряд историков-античников и медиевистов приняли участие в развернувшемся на страницах ВДИ обсуждении ряда вопросов, связанных с этой проблемой.

Дискуссия показала, что между нашими исследователями существуют серьезные разногласия в вопросе о степени разложения рабовладельческих отношений и развития феодализма в период поздней Римской империи. В связи с этим оказался в значительной мере дискуссионным и вопрос о социальной сущности тех процессов, которые привели к гибели Западной империи.

По мнению Е. М. Штаерман, с IV в. «уже нельзя говорить о существовании рабовладельческой формации» (ВДИ, 1953, № 2, стр. 79). Однако далее автор пишет, что ранне-феодальные отношения установились лишь после начавшегося в IV в. переходного периода, наполненного «борьбой с пережитками рабовладения». Фактически статья не дает ясного определения производственных отношений, преобладавших в Римской империи с IV в., что обусловило нечеткость ее выводов.

Эта точка зрения, более последовательно, но и несколько упрощенно проведена в статье Е. Э. Липшиц. По ее мнению, с IV столетия «мы имеем дело уже с развитием, происходящим в рамках складывающейся феодальной формации» (ВДИ, 1955, № 4, стр. 64).

В статьях А. Р. Корсунского и А. Г. Гемпа (ВДИ, 1954, № 2 и 4), посвященных изучению положения различных категорий непосредственных производителей в поздней империи, проводится мысль о значительной роли в этот период рабовладельческой собственности и рабовладельческих производственных отношений. Авторы этих статей выступают против вывода Е. М. Штаерман, что рабовладельческая собственность существует в этот период лишь как «пережиток». В значительной мере к этому выводу примыкает и С. И. Ковалев, который рассматривает общество поздней империи как рабовладельческое (ВДИ, 1954, № 3, стр. 42). По мнению А. П. Каждана, также «нет достаточных оснований для предположения, будто бы рабство уже в III в. ... перестало быть основой производства» (ВДИ, 1953, № 3, стр. 88). З. В. Удальцова на основании изучения положения непосредственных производителей в Италии VI века —

уже после гибели Римской империи — приходит к выводу, что еще и в этот период имеет место борьба двух тенденций социально-экономического развития — рабовладельческой и феодальной (ВДИ, 1955, № 3, стр. 116).

Те участники дискуссии, которые в той или иной форме выступают против Е. М. Штаерман по вопросу о гибели рабовладельческой формации к началу IV в., вместе с тем, как правило, не отрицают, что в поздней Римской империи имел место генезис феодальных производственных отношений. По мнению А. Р. Корсунского, «процесс зарождения феодальных производственных отношений в недрах римского рабовладельческого общества сказывался на изменении положения различных разрядов земледельческого населения» (ВДИ, 1954, № 2, стр. 68). А. Г. Гемп пишет о зарождении новых производственных отношений в период поздней империи (ВДИ, 1954, № 4, стр. 75). А. П. Каждан считает, что в этот период, благодаря укреплению мелкого самостоятельного хозяйства, сложились экономические предпосылки для образования феодальной собственности (ВДИ, 1953, № 3, стр. 103—105). К этой же точке зрения, повидимому, присоединяется С. И. Ковалев, когда он пишет о «появлении предпосылок феодального способа производства» в результате развития «мелкого, фактически самостоятельного хозяйства колоннов и квазиколоннов» (ВДИ, 1954, № 3, стр. 41—42).

Выводам этих исследователей, при всем различии их точек зрения по ряду вопросов, общо положение о развитии элементов феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого строя Римской империи. Мы можем, таким образом, констатировать совпадение взглядов подавляющего большинства участников дискуссии по основному вопросу, связанному с падением рабовладельческого строя.

Дискуссия о падении рабовладельческого строя, бесспорно, отразила определенные достижения советских ученых в деле марксистской разработки истории Римской империи. В ряде статей, опубликованных в ходе дискуссии, проведено глубокое исследование кризиса рабовладельческого строя, многих важных сторон социально-экономических отношений поздней империи. Научные итоги дискуссии позволяют внести большую ясность в некоторые вопросы, связанные с проблемой перехода от рабовладельческой формации к феодальной.

Как убедительно показано в статьях А. П. Каждана и С. И. Ковалева, развитие производительных сил приводило к тому, что мелкое самостоятельное производство превращалось в единственно выгодную форму земледелия (ВДИ, 1953, № 3, стр. 80—84; 1954, № 3, стр. 36 слл.).

Можно признать вполне доказанным положение, что общий кризис рабовладельческого строя в Римской империи начался со второй половины II в. Эта точка зрения не вызвала возражений со стороны участников дискуссии. Весьма удачной может быть признана разработка Е. М. Штаерман вопроса о рабовладельческой вилле, как наиболее целесообразной форме хозяйства в условиях классического рабовладения. Кризис классического рабовладения был в известной мере связан с происходящим под влиянием товарно-денежных отношений процессом концентрации земельной собственности. «Хозяйство, перешагнувшее за определенные размеры, не могло основываться на рабстве в его классической форме» (ВДИ, 1953, № 2, стр. 70).

Относительно распространения новых форм эксплуатации непосредственных производителей: рабства на пекулии, колоната, использования вольноотпущенников в качестве земельных держателей многие участники дискуссии высказали ту точку зрения, что в этих особенностях социально-экономического развития поздней империи проявилась тенденция к переходу от рабовладения к феодализму.

По мнению Е. М. Штаерман, к концу III в. старые, рабовладельческие формы хозяйства были побеждены новыми — феодальными, либо приближающимися к феодальным. Эти новые формы хозяйства она видит в латифундиях, основанных на применении труда колонов или посаженных на землю рабов. «... Виллы были связаны с рабским, а латифундии с крепостническим способом ведения хозяйства» (ВДИ, 1953, № 2, стр. 72). К той же точке зрения, в основном, примыкает и Е. Э. Липшиц.

Положение о феодальном характере крупных имений IV—V вв. может быть доказано только путем тщательного исследования форм собственности, лежавших в основе производственных отношений в таких имениях. Как известно, для феодальных производственных отношений характерно сочетание собственности феодалов с собственностью крестьянина на орудия производства и свое частное хозяйство. Между тем в статьях Е. М. Штаерман и Е. Э. Липшиц положение непосредственных производителей IV—V вв. с точки зрения отношений собственности исследовано совершенно недостаточно. Поэтому их вывод о феодальном характере производственных отношений этого времени никак не может быть признан обоснованным, ибо он остается фактически без должной аргументации.

Изучение положения различных категорий непосредственных производителей, проведенное в статьях А. Р. Корсунского, А. Г. Гемпа и некоторых других, показало, что в период поздней империи еще в значительной мере продолжали действовать нормы рабовладельческого общества, лишавшие непосредственных производителей каких-либо прав собственности на орудия труда и продукты их хозяйств. В то же время нельзя говорить для этого периода о полном слиянии рабов и колонов в единый социальный слой зависимых земледельцев (Е. М. Штаерман, ВДИ, 1953, № 2, стр. 73). Положение рабов на пекулии значительно отличалось от положения колонов, и в то же время продолжало широко применяться рабство в его классической форме.

Попытку выяснить, в каком направлении изменялось положение непосредственных производителей в период поздней империи, представляет собой статья А. П. Каждана. Справедливо выдвигая на первый план экономическую сторону процесса генезиса феодализма, он приходит к выводу, что основной тенденцией исторического развития в этот период становится «укрепление мелкого самостоятельного хозяйства» (ВДИ, 1953, № 3, стр. 104). Этот вывод обоснован, как следует из статьи, главным образом двумя соображениями: во-первых, значительной ролью в различных провинциях империи мелкого землевладения и, во-вторых, тем, что, по мнению автора, в этот период происходило укрепление прав колонов на свое хозяйство.

Аргументация А. П. Каждана представляется недостаточно убедительной. Факт наличия мелкого землевладения может доказать лишь то, что оно сохраняло известные позиции в поздней империи, но не подтвердить тезис об его укреплении. Выводы автора о развитии колоната в западных провинциях основаны на случайных выдержках из источников. Так, укрепление владельческих прав колонов в Италии доказывается лишь тем фактом, что Симмах прибегал к помощи государственной власти для сбора ренты; для Африки тот же тезис подтверждается ссылками на данные II в. и времени варварского завоевания V в., но не источниками периода поздней империи. Данные, приводимые А. П. Кажданом для характеристики положения колонов восточных провинций, убедительны лишь в отношении сельских общинников, сидевших на государственной земле, но мало что говорят о положении колонов частных имений.

Выступая против тезиса о концентрации земельной собственности в период поздней империи, А. П. Каждан не учитывает многочисленных дан-

ных кодексов, свидетельствующих о росте крупных имений за счет мелкого и среднего городского землевладения. Совершенно недостаточно использует он и сравнительно богатые данные юридических источников и церковной литературы (например, Августина) о позднем римском колонате. Его соображение об исторической неизбежности в исследуемый период укрепления самостоятельных мелких хозяйств представляется правильным, однако автор не учитывает, что этой тенденции препятствовала растущая зависимость таких хозяйств от крупного землевладения. А. П. Каждан справедливо указывает на сопротивление господствующего класса «новым прогрессивным тенденциям в развитии общества» (ВДИ, 1953, № 3, стр. 105), однако из его статьи остается неясным, каким образом могло укрепиться мелкое крестьянское хозяйство, несмотря на это сопротивление и при наличии реакционной рабовладельческой политической надстройки.

Подводя итог обсуждению вопроса о положении непосредственных производителей поздней империи, можно заключить, что рабовладельческие отношения продолжали в этот период играть значительную роль в римском обществе. Посаженные на землю рабы не обладали никакими правами собственности на орудия производства и свое личное хозяйство; в значительной мере это положение распространялось и на колонов. Не приходится в то же время отрицать, что сам факт широкого распространения колоната и перевода рабов на пекулий означал тенденцию к смене рабовладельческих производственных отношений феодальными, начало развития феодальных отношений. В этой связи вызывает возражение точка зрения М. Я. Сюзюмова, что вызревание феодализма началось лишь после варварского завоевания (ВДИ, 1955, № 1, стр. 65). Нельзя, как это делает М. Я. Сюзюмов, отрывать разложение и гибель рабовладельческого строя от генезиса феодальных производственных отношений. Кстати сказать, сам автор неоднократно говорит о «новых производственных отношениях» в римском обществе, об использовании этих отношений господствующим классом, что находится в определенном противоречии с его тезисом об отсутствии элементов феодализма в поздней Римской империи.

В статье М. Я. Сюзюмова фактически смешаны два разных вопроса: вопрос об экономических процессах, протекавших в недрах рабовладельческого строя, и о роли политико-правовой надстройки римского общества. Если в статье А. П. Каждана имеет место недооценка юридических источников, то М. Я. Сюзюмов, наоборот, склонен судить о состоянии производственных отношений только на основании памятников права. Нельзя не возразить против положения М. Я. Сюзюмова, что «состояние раба не столько определялось его ролью в хозяйстве, сколько принадлежностью к сословию, его юридическим местом в обществе» (ВДИ, 1955, № 1, стр. 56). Хотя в рабовладельческом обществе, как и в феодальном, классовые различия закреплялись сословным делением, классовая принадлежность той или другой социальной группы определяется, разумеется, не юридическими моментами, но прежде всего ее местом в системе общественного производства.

Факты, приведенные в статье М. Я. Сюзюмова, бесспорно, свидетельствуют о том, что политико-правовая надстройка поздней империи стремилась упрочить рабовладельческие имущественные отношения. Отсюда, однако, еще не следует, что развитие новых производственных отношений не могло происходить вопреки нормам официального права. Очевидно, выработать объективное научное представление о социально-экономическом строе позднеримского общества можно только при условии глубокого изучения борьбы возникающих феодальных отношений с со-

противляющимися им силами рабовладельческого строя. Дискуссия, проводившаяся на страницах ВДИ, показала, что советскими учеными сделано еще далеко не все для такого диалектического и всестороннего исследования социально-экономической истории поздней Римской империи.

Одним из наименее освещенных в ходе дискуссии оказался вопрос о степени и формах вызревания феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого строя. Если роль и влияние рабовладельческих норм и имущественных отношений были исследованы в ряде статей с большой обстоятельностью, то неоднократно высказанная мысль о развитии феодальных элементов не сопровождалась, как правило, столь же детальным анализом этих элементов. Какие же явления, характерные для социально-экономического строя поздней империи, можно считать предпосылками становления феодализма?

К числу таких явлений, очевидно, прежде всего следует отнести колонат. Широкое распространение форм эксплуатации непосредственных производителей, наделенных средствами производства и обладающих некоторой хозяйственной самостоятельностью, несомненно, было шагом вперед по пути перехода от рабовладельческого хозяйства к феодальному. Вместе с тем нельзя согласиться с той точкой зрения, что позднеримский колонат и, тем более, рабство на пекулии якобы были формами уже сложившихся феодальных производственных отношений (см. статью Е. Э. Липшиц, ВДИ, 1955, № 4). Итоги дискуссии говорят о том, что на данном этапе исследования этих важнейших явлений социально-экономической жизни поздней империи мы можем оценивать их лишь как проявление тенденции к смене рабовладельческих отношений феодальными.

В ряде статей, опубликованных в ходе дискуссии, приводились данные, которые показывают, что положение позднеримского колона весьма существенно отличалось от положения средневекового феодально-зависимого крестьянина. В условиях поздней Римской империи действовали факторы, серьезно препятствовавшие развитию собственности непосредственных производителей на орудия производства и личное хозяйство — основы их заинтересованности в труде. К числу этих факторов следует отнести действие правовых норм рабовладельческого общества, лишавших рабов на пекулии и колонов каких-либо прав собственности, а также ту жесткую налоговую эксплуатацию, которую испытывало производительное население империи со стороны рабовладельческого государства (см. статью А. Р. Корсунского, ВДИ, 1954, № 2, стр. 68).

Отмечая значительное влияние указанных факторов на положение непосредственных производителей поздней империи, необходимо в то же время подчеркнуть, что этот вывод все же не содержит полного решения вопроса о степени развития собственности позднеримских колонов на орудия труда и личное хозяйство. Следует учитывать, что сословие колонов в период поздней империи не было вполне однородным: существовало несколько категорий колонов, различия между которыми изучены еще недостаточно. Еще большее значение, чем юридические различия, имели различия фактические, складывавшиеся вне зависимости от официального права. Те исследователи, которые опираются при изучении колоната главным образом на наиболее общие и абстрактные правовые нормы, выработанные римскими юристами, правильно подмечают основную тенденцию имперского законодательства, но неизбежно упрощают сложную и противоречивую картину колонатных отношений. Можно вполне согласиться с мыслью А. П. Каждана, что «термин *colonus* охватывал различные понятия, что законодательство, исходящее из единообразного понимания колоната на всей территории империи, осуществляло насилие

над реальной действительностью» (ВДИ, 1953, № 3, стр. 96). Фактические различия между отдельными группами непосредственных производителей определялись не только официальной юридической терминологией, но и реальным положением в различного рода хозяйствах. Вряд ли могло быть, например, одинаковым материальное положение колонов среднего городского землевладельца, обремененного государственными и муниципальными повинностями, и колонов крупного земельного магната, фактически независимого от фиска и предоставляющего патронию сельскому населению.

Вопросы, поднятые в ходе дискуссии, могут быть изучены достаточно полно только путем всестороннего привлечения литературных и папирологических источников, данных эпиграфики и археологии. Такая работа, проведенная пока еще в недостаточной мере, поможет во многом исправить и дополнить данные кодексов. В то же время она позволит создать более четкое представление о всем многообразии аграрных отношений поздней Римской империи и таким образом ближе подойти к пониманию различных путей генезиса феодальных отношений.

Для решения проблемы перехода от рабовладения к феодализму первоочередное значение имеет изучение эволюции различных форм земельной собственности, их соотношения и роли в экономике поздней империи. Только такое изучение позволит подойти к выяснению важнейшей стороны данной проблемы — вопроса о генезисе феодальной земельной собственности. Этот вопрос был поднят в статье Е. М. Штаерман, но, к сожалению, не подвергся в дальнейшем широкому обсуждению. Е. М. Штаерман видит развивающуюся феодальную собственность в так называемом экзимированном землевладении, противопоставляя его муниципальному землевладению; последнее представляло, по ее мнению, рабовладельческую собственность. Существенный недостаток этой концепции состоит в том, что она фактически отождествляет муниципальную собственность с рабовладельческими производственными отношениями, а экзимированное землевладение — с феодальными. Ее положение, что куриал обязательно эксплуатировал рабов, а экзимированный землевладелец — колонов (ВДИ, 1953, № 2, стр. 58—59), вряд ли может быть доказано данными источников. Формы перехода от рабовладения к феодализму были, разумеется, более сложными, чем простое выделение крупных имений из городской земли.

Вместе с тем можно вполне согласиться с автором в том отношении, что античная городская земельная собственность являлась тормозящим фактором на пути развития феодализма. Е. М. Штаерман справедливо видит в крупных экзимированных землевладельцах представителей «более развитой частной собственности», доказывая, что их собственность в отношении земли была менее ограничена, чем собственность куриалов. Становление свободно отчуждаемой земельной собственности было необходимым шагом в процессе концентрации земли и создания крупного феодального землевладения. «С того момента, как возник аллод, — писал Энгельс, — свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупного землевладения стало лишь вопросом времени»¹.

Характерное для IV—V вв. широкое развитие экзимированного частного землевладения приводило к ослаблению позиций городской земельной собственности в ряде районов империи. Серьезные различия в экономическом и политическом положении между привилегированным сенаторским сословием и обремененными тяжелыми повинностями куриалами бла-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.

гоприятствовали расширению экзимирированных владений за счет имений муниципальных землевладельцев. Процесс концентрации земельной собственности, связанный с распространением экзимирированного землевладения, приводил к выделению слоя могущественных земельных магнатов. Эти магнаты, нередко опиравшиеся на вооруженную силу своих частных военных отрядов, в некоторых случаях добивались фактической независимости от центральной императорской власти. Несмотря на немногочисленность этого слоя, его возникновение представляло собой новое важное явление в социально-экономическом строе империи, поскольку в имениях таких магнатов, в которых можно видеть прообраз будущих феодальных поместий, создавались основные предпосылки, необходимые для развития феодальных производственных отношений.

Фактическая независимость от фиска позволяла могущественным земельным собственникам организовывать эксплуатацию непосредственных производителей в своих имениях в таких размерах, какие они считали выгодными для своих хозяйств. Поскольку на размеры эксплуатации работников таких имений уже не оказывали влияния требования фиска, но они определялись лишь экономическими интересами собственника земли, здесь создавались более благоприятные условия для развития личного крестьянского хозяйства и заинтересованности работника в своем труде. Анализируя причины «самостоятельного развития имущества» крепостных крестьян, Маркс писал, что «урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола»¹. Эмансипация от произвольной, не соответствующей экономической целесообразности эксплуатации непосредственных производителей скорее всего могла быть достигнута в условиях поздней империи в крупных, фактически свободных от фискальных поборов имениях земельных магнатов. В то же время в таких имениях было больше возможностей для развития личной крепостной зависимости крестьянина от земельного собственника, отличавшейся от того прикрепления колонов к земле, которое в значительной мере было связано с фискальными интересами римского государства и далеко не всегда соответствовало реальному соотношению сил между посессором и его колонами.

Не следует, однако, преувеличивать масштабы развития магнатского землевладения в IV—V вв. Вряд ли можно вслед за Е. М. Штаерман причислять всех экзимирированных землевладельцев поздней империи к земельным магнатам (см. ВДИ, 1953, № 2, стр. 62). Сенаторское сословие этого периода объединяло экономически неоднородные группы земельных собственников, различавшиеся как по размерам их владений, так и по их структуре и способам эксплуатации. Наряду с сенаторами, чьи поместья занимали обширные замкнутые территории, было много таких, которые владели большим или меньшим количеством сравнительно небольших имений, рассеянных по различным провинциям (ср. статью А. П. Каждана, ВДИ, 1953, № 3, стр. 90). Налоги, которые платило большинство сенаторов, были сравнительно высоки и значительно увеличивали степень эксплуатации рабов и колонов в их имениях.

Нельзя также согласиться с тезисом Е. М. Штаерман о полном упадке городов в период домината, об «окончательном торжестве» частной собственности над общественной, которое она относит ко времени Константина (ВДИ, 1953, № 2, стр. 70 и 77). Во многих провинциях (например, в Проконсульской Африке, Бизацене, в ряде восточных провинций) муниципаль-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 806.

ципальная земельная собственность сохраняла в период поздней империи ведущую роль, несмотря на рост экзимирированного частного землевладения. Этому во многом способствовала политика позднеримского государства, ставившего своей целью воспрепятствовать распаду курий и упадку городской жизни.

Следует, наконец, указать и на то, что даже в наиболее крупных поместьях IV—V вв. еще далеко не были изжиты рабовладельческие производственные отношения (см., например, данные жития Мелании Новой, в поместьях которой трудилось тысячи рабов; ср. статью А. П. Каждана, ВДИ, 1953, № 3, стр. 85).

Научные итоги дискуссии показали односторонность точек зрения тех исследователей, которые рассматривают общество поздней империи либо как общество феодальное (Е. Э. Липшиц), либо как общество исключительно рабовладельческое, не содержащее никаких элементов развивающегося феодализма (М. Я. Сюзюмов). Развитие элементов феодальных производственных отношений происходило в различных формах, но оно наталкивалось на всё еще сильное сопротивление рабовладельческой собственности, проявлявшееся во многих сторонах социально-экономического строя поздней империи. Позднеримское бюрократическое государство сохраняло свою рабовладельческую сущность и не соответствовало — ни по своей структуре, ни по всей своей политической линии, направленной на сохранение старых экономических отношений и социальных групп, — интересам развития феодальных производственных отношений.

Все эти соображения говорят против тезиса Е. М. Штаерман и Е. Э. Липшиц о гибели рабовладельческой формации к началу IV в. Можно согласиться с Е. М. Штаерман в том отношении, что со времени поздней империи начинается переходный период от рабовладения к феодализму, однако следует признать вполне справедливым соображение А. Г. Гемпа, что этот период нельзя отделять от рабовладельческой формации (ВДИ, 1954, № 4, стр. 76). В IV в. не произошло переворота в основах общественного и политического строя Римской империи. Развитие элементов феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого строя приняло в этот период довольно широкие размеры, однако рабовладельческая формация в целом продолжала существовать. Лишь при условии устранения рабовладельческой политической надстройки было возможно развитие и победа феодальных производственных отношений в масштабе всего общества.

В ходе дискуссии были выдвинуты некоторые общие положения, намекающие основные особенности социального переворота, связанного с гибелью Римской империи. К таким положениям относится вывод о прогрессивном влиянии борьбы трудящихся масс на процесс укрепления самостоятельного крестьянского хозяйства (см. статьи А. П. Каждана и М. Я. Сюзюмова). В статьях С. И. Ковалева и М. Я. Сюзюмова вскрыта важная особенность революционных событий, сокрушивших рабовладельческий строй, — отсутствие революционного класса-гегемона (ВДИ, 1954, № 3, стр. 42 и 1955, № 1, стр. 65), что наложило определенный отпечаток на результаты этих событий. Однако все еще остается в значительной мере неясной связь падения империи с кризисом рабовладельческого способа производства и развитием элементов феодализма. Недостаточно изучен вопрос о характере классовых противоречий и социальной сущности классовой борьбы периода поздней империи.

По мнению Е. М. Штаерман, государство Константина было органом власти феодализирующейся земельной знати, состоявшей из собственных экзимирированных латифундий. В период поздней империи идет борьба против пережитков рабовладения в политическом и социально-

экономическом строе. Решающей силой в этой борьбе являлись революционные движения масс и вторжения варваров. Новый господствующий класс использовал к своей выгоде результаты этих движений. До известных пределов он «оказывался в одном лагере со своим антагонистическим классом, пока борьба шла против рабовладельческого государства и рабовладельческого города...» (ВДИ, 1953, № 2, стр. 63 и 77—78).

Эти выводы представляются несколько поспешными и не соответствующими степени изученности социально-экономической истории поздней империи. Намеченная классовая структура римского общества: зависимое крестьянство, рабовладельцы-куриалы и феодализирующиеся крупные землевладельцы — выглядит несколько схематичной и не учитывает всей сложности процессов формирования новых классов в период перехода от рабовладения к феодализму. Выше говорилось об экономической неоднородности сенаторского сословия, не было единым и сословие муниципальных землевладельцев: привилегированной состоятельной городской знати противостояла масса разорявшихся под бременем податей рядовых куриалов.

Статья Е. М. Штаерман не дает достаточно четкого представления о социальной сущности позднеимперского государства. Автор считает его государством феодализирующейся земельной знати и вместе с тем далее указывает, что оно постепенно становилось бесполезным для правящего класса (ВДИ, 1953, № 2, стр. 78). В конечном счете из статьи остается неясным, какие социальные группы вели борьбу против государства поздней империи и на какие силы оно опиралось.

Господствующий класс поздней империи в целом, очевидно, не был ни феодальным, ни «феодализирующимся» классом. Несомненно, что все слои господствующего класса в той или иной мере были связаны с рабовладельческой собственностью и одинаково заинтересованы в подавлении движений эксплуатируемых масс. В то же время отдельные группы крупных земельных собственников были заинтересованы в устранении наиболее консервативных институтов рабовладельческого общества, вроде городской и государственной собственности на землю. Хотя некоторые слои господствующего класса открыто выступали против римского государства, большая его часть сохраняла лояльность либо занимала промежуточные, колеблющиеся позиции. Состав господствующего класса поздней Римской империи представляется, таким образом, столь же сложным, сколь сложным и противоречивым был ее экономический базис.

Недостаточно убедительным выглядит вывод Е. М. Штаерман о союзе — пусть даже и «до известных пределов» — между феодализирующейся земельной знатью и крестьянством. Ведь известные нам представители массовых крестьянских движений поздней империи — агонистики и багауды — вели борьбу не только с римским государством, но и с крупным землевладением.

Вряд ли можно оценивать эти движения только как антифеодальные, либо, как предлагает М. Я. Сюзюмов (ВДИ, 1955, № 1, стр. 52), только как антирабовладельческие. Народные массы Римской империи в тот период боролись прежде всего против рабовладельческой собственности и рабовладельческого государства, но вместе с тем они выступали и против зарождавшихся в недрах рабовладельческого общества форм феодальной эксплуатации трудового населения.

Пробелы в научном понимании классовой структуры и социально-политической борьбы IV—V вв., во многом объясняются слабой разработанностью данных проблем в марксистской историографии.

Это хорошо показал весь ход дискуссии, в которой вопросы классово-

вой структуры и социально-политической борьбы периода поздней империи не получили надлежащего освещения.

Итоги дискуссии, проводившейся на страницах ВДИ, свидетельствуют о необходимости дальнейшего всестороннего изучения вопросов социально-экономической истории и классовой борьбы в период кризиса и падения рабовладельческого строя. Несомненно, что благодаря разнообразию конкретных социально-экономических условий, сложившихся в различных районах Римской империи, процесс разложения рабовладельческого способа производства и развития феодальных отношений проходил в различных провинциях не одинаково, обладал в каждой из них своими специфическими особенностями. Решение многих важных проблем перехода от рабовладения к феодализму затруднено из-за недостатка конкретных исследований по экономике и общественной жизни различных районов Римской империи. Все еще недостаточно ясны специфика и время перехода к феодализму в Византии (мнение Е. Э. Липшиц о наличии в Византии IV в. феодальной формации нельзя признать достаточно аргументированным данными источников), слабо изучены особенности социально-экономического строя отдельных провинций Западной империи. Сложную проблему генезиса феодализма невозможно решить без тщательного исследования социально-экономического развития отдельных районов римского мира.

Дискуссия показала, что необходимо расширить исследование положения различных социальных групп в системе позднеримского государства, изучить социальную природу антиимперских движений IV—V вв. Только такое исследование позволит понять специфику государства поздней империи и характер его социальной базы. Изучение всех этих вопросов представляется необходимым звеном в решении сложной проблемы падения рабовладельческого строя.

Необходимо шире развернуть конкретные исследования по социально-экономической истории и истории классовой борьбы периода поздней империи. Процесс генезиса феодальных производственных отношений не может быть изучен в достаточной мере и без исследования тех обществ, которые возникли на развалинах Римской империи в результате варварского завоевания. По этим вопросам в ходе дискуссии была опубликована только одна статья — Э. В. Удальцовой. Между тем роль варварского завоевания в гибели рабовладельческого строя и становлении феодализма изучена в нашей литературе недостаточно. Само варварское завоевание не было, как известно, единовременным актом и состояло из целого ряда последовательных вторжений и расселений различных племен и народов на территории бывших римских провинций. В советской науке еще недостаточно изучен вопрос о той роли, которую играли пережитки рабовладельческих производственных отношений в варварских государствах, образовавшихся на развалинах Западной Римской империи. У нас еще нет достаточно ясного представления о процессе складывания новых социально-экономических и политических условий, в результате воздействия которых феодальные производственные отношения получили полный простор для своего развития. Необходимо продолжить сотрудничество, начало которому положила дискуссия между историками — античниками и медиевистами — в изучении процесса, генезиса феодального способа производства на всем его протяжении. Задачей исследователей является выяснение особенностей этого процесса в различные периоды и в различных странах, изучение социально-экономических последствий каждого конкретного этапа варварских завоеваний и их взаимодействия с «римскими» элементами феодализма. Необходимо публиковать больше статей по ранней истории варварских народов и истории варварских государств V и последующих веков, привле-

кая к этому делу историков-медиевистов. Назревшим вопросом в работе по изучению закономерностей падения рабовладельческого строя и генезиса феодализма является исследование специфических особенностей этого процесса в тех странах, где сами рабовладельческие производственные отношения развивались в иных формах, чем в Римской империи. Следует более широко освещать на страницах исторических журналов малоизученные вопросы перехода от рабовладения к феодализму в странах Среднего и Дальнего Востока.

Таковы некоторые насущные задачи советской исторической науки в деле дальнейшей разработки проблемы падения рабовладельческого строя и перехода к феодальной общественно-экономической формации.

М. Л. Гельцер

НОВЫЕ ТЕКСТЫ ИЗ ДРЕВНЕГО АЛАЛАХА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

I

Произведенные в Северной Сирии раскопки холма Тель-Атчана открыли для науки известное до того только по намекам в источниках царство Алалах на Оронте, которое возникло, по всей вероятности, в III тысячелетии до н. э. и было разрушено народами моря в начале XII в. до н. э.¹ Раскопки выявили 17 последовательно залегающих слоев.

Древнейшие слои (XVII—IX) датируются IV—III тыс. до н. э. (Woolley, FK, 62—65); VIII слой относится к рубежу III—II тыс.; VII же слой (там же, 66—85) датируется уже более точно: в нем открыты клинописные документы с именами царей Ямхада (Алеппо), Хаммурапи, Яримлима и Никмепуха, известных уже науке по документам из Мари². Таким образом VII слой датируется концом XIX—XVIII вв. до н. э. Из вновь открытых документов³ видно также, что царство Алалах находилось в это время в постоянной зависимости от царей Ямхада, с которыми цари Алалаха были в родстве⁴. По текстам VII слоя установлено, что в Алалахе этого времени последовательно правили цари Аббан, Аммитаку, Иркабтум и Сумуаду (Wiseman, AT, стр. 2). Царство Алалах имело на Сре-

¹ См. отчеты о раскопках: L. Woolley, Excavations at Atchana-Alalakh, AJ, XVIII (1938), № 1; XIX (1939), № 1; XXVIII (1948), № 1/2; XXX (1950), № 1/2; он же, A forgotten kingdom, L., 1953 (далее сокращенно: Woolley, FK). См. также A. Pohl, Alalah, «Orientalia», 1954, № 3, стр. 237—252.

² Ж. Доссен, Хозяйственные архивы древнего Мари, ВДИ, 1940, № 1; G. Dossin, Le royaume d'Alep au XVIII-e siècle av. n. è. d'après les «Archives de Mari», «Académie Royale de Belgique. Bulletin de la Classe des Lettres», 1952, № 5—6, стр. 229—239.

³ Документы опубликованы: S. Smith, A preliminary account of the tablets of Atchana, AJ, XIX (1939), № 1; D. J. Wiseman, The Alalakh tablets, L., 1953 (в дальнейшем: Wiseman, AT); он же, Supplementary copies of Alalakh tablets, JCS, VIII (1954), стр. 1—4; E. A. Speiser, The Alalakh tablets, JAOS, 1954, № 1, стр. 18—25. В дальнейшем ссылки на тексты Алалаха будут обозначаться AT и номером по изданию Вайзмэна (с учетом его поправок 1954 года); звездочкой (*) обозначаются тексты XVIII века (VII слой).

⁴ См. AT*443 и *444. Ямхаду был подчинен и ряд других мелких царств — см. G. Dossin, Les archives épistolaires du palais de Mari, «Syria», XIX (1938), № 2, стр. 117; w[a-a]r-ki Ia-ri-im-li-im awêl Ia-am-h[a-a]d(KI) 20 šarānu i-la-ku «Яримлиму, человеку Ямхада, 20 царей следуют».

земном море порт, который по всей вероятности был расположен в Аль-Мина, недалеко от современного устья Оронта: хотя там и не обнаружено древних слоев, но отдельные паходки позволяют предположить, что еще во II тыс. здесь был город, древние же слои повидимому были смыты переместившимся руслом Оронта¹. Во второй половине XVIII в. город Алалах был разрушен².

Государственный аппарат Алалаха возглавлял царь, которому подчинялись владельцы отдельных *âlu* (см. ниже) и который сам, в свою очередь, был подвластен царю Ямхада. Целый ряд документов даже составлен от имени царей Ямхада—Яримлима и Никмепуха, которые иногда даже именуются «людьми» (*awêlu*, т. е. правителями) Алалаха. Яримлим вероятно одно время правил Алалахом непосредственно; это можно заключить из текста, в котором говорится о передаче царем Аббаном власти над Алалахом Яримлиму (АТ*1). Это событие относится повидимому ко времени перед вступлением на престол царя Алалаха Аммитакку, так как имена целого ряда лиц, состоявших на царской службе для времени правления Аммитакку и Яримлима совпадают (см. ниже). Впоследствии Яримлим передал еще при своей жизни власть Аммитакку, так как один из документов (АТ*6) составлен от имени Аммитакку «человека» (*awêlu*) Алалаха, который «в присутствии Яримлима, царя, его господина», передает все свои владения своему сыну Хаммурапи. Однако мы не знаем царя Хаммурапи в Алалахе: Аммитакку наследовали его сыновья Иркабтум и Сумуаду, последние из этой династии (Wiseman, АТ, стр. 2).

Открытые в Алалахе документы имеют чрезвычайно большое значение для социально-экономической истории древнего Востока, так как они дают материал по ряду таких вопросов, которые очень слабо освещены в источниках по истории других сходных обществ. Наиболее важен среди них вопрос о тех особых формах аграрных отношений, которые были повидимому характерны для раннерабовладельческих обществ и определялись значительными пережитками первобытно-общинного строя.

Косвенные, но все же достаточно выразительные данные свидетельствуют о существовании в Алалахе сельской общины: повинности (*iġku*) налагались на селение в целом (АТ*55); как коллективы выставляли селения и вооруженных людей в царское войско (там же)³.

Селения (*âlu*) имели своих старейшин (*šîbûti^{mes}*), которые, однако, являлись по сути дела царскими чиновниками, так как получали выдачи натурой из царских продовольственных складов⁴.

К сожалению, нам неизвестен количественный объем повинностей и налогов, вносившихся селениями в царскую казну, однако, как явствует из документов, жители должны были ежегодно отдавать определенную долю урожая⁵. Нередко эта доля урожая дарилась царем⁶ другому лицу или покупалась им от лица, которое раньше владело им (АТ*52 и *53). Так, в АТ*52 и *53, Яримлим, царь Ямхада и верховный владыка Алалаха, покупает всю территорию селений (*qâdun râtišu*) Ибуриа за 1000 сиклей

¹ Woolley, FK, 172—188; он же, The date of Al-Mina, JHS, 68 (1948), стр. 148.

² Woolley, FK, 81. По документам из более поздних слоев, датируемых XV—XIV вв., видно, что в дальнейшем Алалах вновь стал центром самостоятельного царства.

³ Последнее обстоятельство свидетельствует также и о том, что население этих селений не было низведено до рабского состояния.

⁴ АТ*271 и *322: продукты получают старейшины селений Ушувакильашпи, Алиме, Мурар и др.

⁵ АТ*55, *56, *76, *77 и др.

⁶ АТ*86: царь Аммитакку дарит Аббану селение (вернее, доход с урожая и повинностей его) «в качестве его доли».

серебра, 1000 париси¹ ячменя, 6 кувшинов вина, 10 кувшинов кунжутного масла и селения Кунува за 770 сиклей серебра, 500 париси эммера и 10 париси чечевицы от Абиади и Аммараду. Царь Алалаха Аммитакку покупает от разных лиц доходы от повинностей трех селений (АТ*54 и *55), причем в документе оговорено, о каких именно повинностях идет речь. В ряде других документов в качестве покупателей повинностей фигурируют «старшина тамкаров» (UGULA-DAM-GAR) Ирпаада (АТ *56 и *57) и Талмаамму (АТ*58); оба эти лица известны нам своими ростовщическими операциями (АТ *36 и *37; см. ниже). Вайзмэн считает, что во всех этих документах речь идет о купле - продаже земли. Но, поскольку в одном из документов (*55) специально оговорены повинности жителей селения (ilku) и известно, что они должны выставлять вооруженных людей в войско, с этим нельзя согласиться. На самом деле мы имеем здесь дело с приобретением и передачей права на получение в собственность повинностей, которыми были обязаны жители селений в пользу царя. Это подтверждается рядом документов, говорящих о передаче царями Аббаном и Аммитакку своей доли урожая с территорий одних селений определенным лицам в обмен на повинностную долю урожая других селений².

Наличие среди скупщиков земель и повинностей селений должностных лиц делает вероятным, что сделки эти были совершены через посредство этих должностных лиц, выступавших в качестве тамкаров, также в пользу царя. Очевидно, мы имеем здесь дело с своеобразной откупной системой, при которой царь получал продовольствие в определенные сроки и в те склады, где это для него в данный момент было удобнее.

Возникает вопрос об источниках права владения повинностями селений для тех лиц, которые продают эти повинности царю. Можно, конечно, предположить, что источником права владения было царское пожалование. Однако многочисленность сделок, в которых царь выступает в качестве покупателя, заставляет сделать другое предположение: скорее всего владельцы, продающие повинности селений царю, представляли собой потомков родовых старейшин, узурпировавших постепенно в свою пользу верховное право сельских общин (âlu) на общественные повинности их членов.

Из документов видно, что право владения селениями переходило по наследству. Так, в документе времени царя Ямхада Яримлима (АТ*11) некая Таттейа обращается к «Яримлиму, человеку (владыке) Алалаха»³, говоря, что селение Наштарби принадлежало ее отцу⁴. Далее совершаются какие-то символические действия, которыми Яримлим подтверждает право владения Таттейи на селение Наштарби. Другой текст (АТ* 283^b = JCS, 1954, № 1) говорит о передаче неким Шененшарри его жене Абинахми владения селением Айрраше⁵.

Царь скупал повинности общин по довольно высокой цене, и продавцы их включились по видимому в состав господствующей верхушки. Так, в документе АТ*56 некий Лаббина, продающий царскому тамкару Ирпаада несколько селений (т. е. повинности их жителей) за «полную цену», получает еще право пожизненного безвозмездного пользования 100 ику земли и ежегодное пособие.

¹ 1 париси (РА) = около 8 л (??).

² АТ*76: царь Аббан отдает трем лицам селение Димат в обмен на урожай селения Итатва; АТ*78: царь Аммитакку отдает Шинаруби три селения и две головы скота в обмен на селение Варри. См. также АТ *77, *79, *80 и др. тексты.

³ (3) Ia-ri-im-li-im (4) awêl (âlu) A-la-la-ah (KI).

⁴ (7) a-bi-ia ia-ši-im.

⁵ (6) (âlu) A-i-ir-ra-še a-na (f)A-bi-[na-ah-mi] (7) Še-ne-en-šar-ri id-di-i[n] «Селение Айрраше для Абинахми Шененшарри дал».

Среди текстов Алалаха часто встречаются документы о ростовщических операциях. Ссужалось серебро; процент колебался между $16 \frac{2}{3}$ и $33 \frac{1}{3}$ ¹. Займодавцем выступает часто царь, другие же лица — лишь изредка. В документе АТ*379 возможно идет речь о закладе земли². В качестве займополучателей от отдельных ростовщиков выступают также селения в целом, как коллективы³; они брали ссуду серебром, но обязывались платить натурой (АТ*34), что было выгодно ростовщику, так как в период уборки урожая цены на сельскохозяйственные продукты стоят ниже.

Люди селения (âlu) Алиме должны были из своей среды найти человека, который был бы способен уплатить долг и процент на него (АТ*45). Ростовщики, повидимому, должны были иметь специальные права на совершение соответствующих операций. Это явствует из того, что лица, не имевшие таких прав (awêlēmēs šarrâqi, букв. «дарители»), также дававшие займы (АТ*38), не имели права брать процент с данной в долг суммы⁴.

Круг лиц, занимавшихся ростовщическими и другими денежными операциями, был крайне ограничен. В рассматриваемых текстах все основные денежные операции, будь то покупка доходов от повинностей селений, ростовщичество, покупка земли, домов или рабов, совершают, в основном, четыре лица: главный тамкар Ирпаада, Сумунаби, Талмаамму и Шамшиаду, сын Ирпаады⁵. Эти же лица являются должностными лицами царя, что вполне естественно, так как документы происходят из царского архива. Вероятнее всего, что эти четыре лица выступают в документах только как посредники царя. Так в АТ*60 специально оговаривается, что Шамшиаду, сын «главного тамкара» Ирпааду, выступает в этой сделке в качестве агента царя.

Вообще при рассмотрении текстов Алалаха необходимо помнить, что они позволяют судить только о тех явлениях, которые могли найти отражение в документах царского архива.

Чрезвычайно ценны документы о ссудах, предоставлявшихся царем отдельным лицам (АТ *18—*32 и *36). Почти все эти документы относятся ко времени правления Аммитаку. Величина ссуды колебалась между 70 и 25 сиклями серебра, чаще всего встречается ссуда в 30 сиклей. Срок погашения ссуды указывается далеко не всегда, но иногда указывается, что выплата может происходить в течение всей жизни должника (например АТ *20). В подавляющем большинстве случаев оговаривается, что либо сам должник, либо члены его семьи, «за это серебро в качестве обеспечения (залога) в доме Аммитаку будет находиться»⁶. Если же лицо, которое должно было работать во дворце, убегало, то взамен брались другие члены его семьи⁷. Таким образом лица, получившие ссуду от дворца, в большинстве случаев попадали в пожизненную кабалу. Однако они не

¹ АТ *35 и *39. Интересно отметить, что в обоих случаях сумма долга делится на две части, из которых за одну следует больший процент, чем за другую. В одном случае (*35) должником является Иркабтум, будущий царь Алалаха. В текстах АТ *33 и *37 процент не указан. Сумма займов колеблется между 4 и 135 сиклями.

² АТ*379: (1)50 šiqū kaspu (2)a-na eqli GIS.TIM (3)bi-e-ri (4)i-na eqel (âlu) Zi-i-bi (5)a-na qa-ti (6)(m)A-bi-a-du (7)na-ad-nu «50 сиклей серебра для хорошо обработанного поля, в поле (селения) Зиби, в руки Абиаду даны».

³ АТ *34, *42 и *45.

⁴ АТ *38: (9) kaspam ú-ul uš-ša-ap (10)ú-ul it-ta-ra-ar «с серебра нет процентов». Мы имеем также несколько документов о возврате ссуды: АТ*9, *320 и *321.

⁵ АТ*33—*37; *56—*58; *63—*65.

⁶ kîma kaspim annîm ana mazazânûtim ana bît Ammitaku wašbu.

⁷ АТ *23: согласно договору Пентамушуни обязан идти работать на царя Аммитаку за долг в 30 сиклей серебра. В случае его побега, во дворец должны быть взяты его брат или сестра.

становились рабами в полном смысле слова: в документах нет ни одного указания о перепродаже этих лиц. Среди кабально-зависимых встречаются птицеловы¹, ткачи (АТ*19—*20), люди katarru (АТ*24) и др. Особый интерес представляет группа документов, по которым обязывались «находиться в доме (царя) Аммитаку» те несостоятельные должники, за которых этот царь уплатил их долги (АТ*28—*31). К сожалению документы обычно называют только имя несостоятельного должника без указания на его социальное положение; лишь в одном случае мы узнаем, что царь Аммитаку погасил долг ^{awēl} sâhîtu «корчмаря» — АТ* 30.

Алалахские документы VII слоя (XVIII в.) позволяют таким образом воссоздать картину царского хозяйства в процессе его становления. Те процессы закабаления общинников и вовлечения их в царское хозяйство, с одной стороны, и постепенной концентрации в руках царя верховного права на земли общин, с другой, о которых для других сходных обществ мы, вследствие характера источников, до сих пор только догадывались, в документах Алалаха раскрываются во всей исторической конкретности. Весьма важно также, что из этих документов совершенно ясно вырисовывается своеобразие переходных форм эксплуатации труда непосредственных производителей в царском хозяйстве, характерных поведением для рабовладельческих обществ в начале их исторического пути: как мы видели часть работников царского хозяйства находилась на полурабском положении. Характерно также, что в том же хозяйстве наряду с полусвободными работниками трудились и настоящие рабы. Так в АТ* 238 говорится о дневном продовольствии для рабынь² в месяце Утитхи³. В АТ*60 Шамшиаду, сын главного тамкара Ирпааду, покупает для царя за 400 сиклей серебра дом вместе с принадлежащими этому дому рабынями (число их не указано). В АТ*61 царь Аммитаку покупает «сыновей Ирпааду» и их мать Адиру за 200 сиклей серебра, 100 париси ячменя, 3 куска ткани и 1 кувшин масла.

Кроме рабов и кабально-зависимых в царском хозяйстве использовались также и наемные работники (agru—АТ*377), которым также выдавалось довольствие и серебро, и которые имели своих «контролеров» (GIR). В АТ* 243 упоминаются GIR «надсмотрщики» над erînnu^{mes} «пахарьями».

Рабы использовались и в качестве дворцовой прислуги⁴. О значительных размерах царского хозяйства свидетельствуют многочисленные записи о выдаче корма для быков и лошадей⁵.

Помимо кабально-зависимых, рабов и наемных работников (agru), занятых в земледелии, в царском хозяйстве работали также ремесленники, получавшие за свой труд вознаграждение серебром или натуральными выдачами с царских складов. Среди них упоминаются ювелир⁶, ткач⁷, кожевник⁸, плотник⁹, «парикмахерша»¹⁰. Плату серебром получали и ры-

¹ АТ *18: Аммиаду в обеспечение возврата полученной им ссуды в 1/3 мины и 1 сикль серебра отдает во дворец двух своих сыновей. «Птицелов» — (awēl)u:andû.

² SĒ ur-ru SAL.MEŠ.SAG.GU.

³ warah utithi (календарь Алалаха до сих пор нам неясен).

⁴ АТ*255. Текст говорит о выдаче прокорма в числе прочих и рабыням-кормилицам (SAL. MEŠ mu:êniqum); см. также АТ *266 и др. тексты.

⁵ АТ *243, *267, *245, *246, *241 и др. Интересно отметить, что лошадь встречается здесь еще в XVIII в. до н. э., т. е. еще задолго до вторжения касситов в Вавилонию.

⁶ АТ *376: kudinnu (KÛ-DĪM).

⁷ АТ *383: u-paru; он получает 4,5 сикля.

⁸ АТ *269: ma kuñuli (суффикс хурритский); см. E. Speiser, JAOS, 1954, № 1, стр. 20.

⁹ АТ* 269: naggâru.

¹⁰ АТ* 253: sa¹SU.I.

баки¹. Характерно, что плата выдается не непосредственно этим лицам, а их «надсмотрщикам»² — очевидно для последующей раздачи.

Ремесленникам из царских складов выдавался материал для его обработки. Так например, прядильщикам и ткачам выдавалась шерсть³, пивовары⁴ получали ячмень для приготовления пива и т. д. Ремесленники несли воинскую повинность. Сохранились таблетки с указанием распределяемого между отдельными жителями царства оружия (АТ*203—*206) — луков и стрел. Среди получающих оружие упоминаются брадобрей (gallâbu — АТ*203), музыкант⁵ и пекарь⁶. Таким образом зависимые царские ремесленники не были низведены до состояния рабов, так как им доверялось оружие. Положение этих лиц напоминает то, которое рисуют нам и угаритские тексты⁷.

Имеется ряд документов о выдаче вознаграждения за службу (серебром и натурой) должностным лицом дворцового хозяйства, например «надсмотрщику над стадами»⁸.

Выдачи продовольствия с царских складов получали и жители селений (âlu)⁹ — повидимому в то время, когда они находились при выполнении повинностей в пользу царя. Общинники, несущие воинскую повинность, получали оружие с государственных складов и стрелы (АТ*203 — *206).

Специфика наших источников — их происхождение из царского архива — определяет почти полное отсутствие в этих документах сведений о частном рабовладельческом хозяйстве. Поэтому в документах Алалаха можно найти лишь отрывочные и часто только косвенные сведения о частном рабовладении. Так в АТ*65 ростовщик Сумунаби берет в рабство за долг в 33 1/3 сикля серебра женщину, относительно которой в документе сказано: «на свободу (она) отпущена не будет»¹⁰. Само по себе достаточно выразительное свидетельство этого документа подтверждается косвенными данными документа о попытке для царя «дома с рабынями» (см. выше) — рабыни покупаются очевидно у частного лица.

Таким образом, как ни скудны наши данные, они все же позволяют достаточно прочно установить наличие в Алалахе, во-первых, частного рабовладения, а во вторых — как было показано — неограниченного долгового рабства.

О значительном развитии частной собственности и товарно-денежных отношений говорят алалахские акты купли-продажи продуктов питания, рабов и домов. Так, АТ*324 представляет собой документ о покупке для дворца от разных лиц 72-х сосудов лучшего пива за 37 сиклей и 36,5 сосудов — за 73 париси эммера. В АТ*59 дом продается за 15 сиклей серебра и пол-кувшина масла (ср. АТ*60).

Что же касается частной собственности на землю, то в рассматриваемых документах нет данных, свидетельствующих о ее наличии. Напротив, в документе АТ*7 о разделе наследства речь идет только о доме, а земля

¹ АТ*381: bâ'iru «рыбак»; он получает 10 сиклей.

² UGULA(waklum) — АТ *381, *384, *253 и др.

³ АТ *358, *359 и *360.

⁴ АТ *255: awêlû(me) i-ku-ri «пивовары». Не исключено, что часть выданного ячменя шла в качестве натуральной платы.

⁵ АТ *203, *204: nâru (LUL).

⁶ nuhatimmu (MU) (АТ *203).

⁷ См. ВДШ, 1952, № 4, стр. 28—37; 1954, № 4, стр. 72—74. На сходство ряда общественных явлений в Алалахе и Угарите указывает также и О. Eissfeldt, Ugarit und Alalach, FuF, XXVIII (1954), № 3, стр. 80—85.

⁸ АТ *268: PA LÜ. MEŠ.ŠIB.

⁹ АТ *268: люди селения Ашгахени получают 150 париси эммера; ср. АТ *374.

¹⁰ (6) i-na an-da-ra-ri-im (7) ú-ul i-na- an-da-ar.

не упоминается¹: это позволяет заключить, что земля домовладельца находилась у него только в пользовании. Правда, имеется несколько документов купли-продажи виноградников², но и они скорее всего были еще не частной собственностью, а лишь частным владением: речь идет именно о виноградниках, т. е. о затраченном на них труде, а не о земле как таковой. Повидимому в Алалахе XVIII века процесс формирования частного землевладения только еще начался. Пути, которыми шел этот процесс, раскрывают документы продажи виноградников по невероятно низкой цене в 9 и 10 сиклей за ику (АТ*64 и *62): вероятно, это были лишь фиктивные сделки, оформлявшие захват земли у несостоятельных должников; в обоих случаях покупателями выступают ростовщики — Сумунаби и Шамшиаду.

Несколько документов позволяют судить об имущественных отношениях внутри семьи. При наследовании сыновья и дочери получили равные доли, но сын имел право выбора своей доли³. Жена, по крайней мере в состоятельных семьях, имела собственное имущество⁴. Этот же документ, АТ*238^b = JCS, VIII, свидетельствует и о наличии в Алалахе XVIII века крупных денежных состояний.

Все юридические акты совершались в присутствии царя, и документы составлялись от его имени, причем неустойку за невыполнение условий, указанных в документе, виновный уплачивал в пользу дворца или храма.

II

Следующие слои — VI и V — не дали письменных памятников и поэтому датировка их остается весьма спорной (Woolley, FK, 86—104). Наиболее богат находками оказался IV слой, в котором найдено большое число клинописных текстов и статуя с автобиографической надписью даря Идрими, современника митанийского Шутарны⁵. В Алалахе IV слоя последовательно правили цари Илимилимма I, Идрими, Ададнирари, Никмеа и Илимилимма II (Wiseman, АТ, стр. 7). Второй сын Идрими Никмеа был подчинен царю Митании Шаушшатару, современнику Тутмоса III⁶. Что же касается Идрими, то он был современником царей Митании Барратарны (Wiseman, АТ, стр. 7) и Шутарны (статуя Idrimi, стк. 42—43). Надпись Идрими повествует о войнах Митании с хеттами, но в ней нет еще данных о Хеттском царстве как могущественной державе (там же, стк. 42—43 и 70—72) и притом отсутствует какое-либо упоминание Египта. Вероятно,

¹ Один из наследников берет себе «верхнее жилище, т. е. надстройку» (bitam e-li-a-am ša gu-uk-bi), а другой — «нижнее жилище» (bitam ša-ar-li-a-am).

² АТ*62 — *64. Величина участков колеблется от одного до трех ику (ику, по крайней мере в Вавилонии, = 0,35 га), а цена за ику — между 9 и 100 сиклями серебра плюс различные натуральные приплаты (например в АТ *62: 30 парси эмера, кусок ткани, 1 меч и др.).

³ АТ *7: «(20) Пусть Аббан выберет и возьмет (21) часть, (22) которую он предпочитает, (23) а часть, которую он не (возьмет), пусть Биттати возьмет».

⁴ АТ *238 (JCS, VIII): (4) ... VII li-mi kaspim ša (f)A-bi-na-ah-mi (5)eli (m)še-né-en-šar-ri mu-ti-air-šu-ú «7 тысяч (сиклей) серебра, которые Абинахми отдала взаимы своему мужу Шененшарри».

⁵ S. Smith, The statue of Idri-Mi, L., 1949; W. F. Albright, Some important recent discoveries..., BASOR, № 118 (1950), стр. 11—20.

⁶ См. S. Smith, A preliminary account of the tablets from Atchana, AJ, XIX (1939), № 1, стр. 41—42; W. F. Albright, Further observations on the chronology of the early Second Millennium B. C., BASOR, № 127 (1952), стр. 27—30; W. F. Albright, New light on the history of Western Asia in the Second Millennium B. C., BASOR, № 77 (1940), стр. 17—22.

она была составлена до египетских походов Тутмоса I против Митанни¹. Отсюда вытекает, что Илмилимма, вероятно бывший основателем династии, воцарился во второй половине XVI в. до н. э., а правление его династии падает в основном на XV в. до н. э. Конец IV слоя Алалаха можно по видимому датировать временем царствования фараона Аменхотепа II, который во время своих походов в Сирию достиг Оронта и разорил область Залхи (Цалхи) и страну Нии²: область Залхи и страна Нии упоминаются в текстах из Алалаха как составные части этого царства. Возможно, что Аменхотеп разорил и самый Алалах³. Во всяком случае заслуживает внимания то обстоятельство, что при наличии сравнительно многочисленных упоминаний Митанни⁴, в документах Алалаха этого времени ни разу не упоминается Египет. Отсюда можно сделать вывод, что известная нам династия Алалаха не пережила египетских походов в эту область. В период, освещаемый памятниками IV слоя, владения Алалаха достигают весьма обширных размеров. Помимо многочисленных селений (âlu), расположенных в районе города, его царям принадлежали страна Мукиш⁵, страна Нии (Нихи)⁶, а также Залхи⁷ и Аммиа⁸, находившиеся на северном побережье Финикии⁹, и некоторые другие области, локализация которых не установлена. Под контролем царя Алалаха находились также племена кочевников Суту¹⁰.

Сравнение материалов VII (XVIII в.) и IV (XV в.) слоев Алалаха позволяет проследить те изменения, которые произошли в социально-экономической жизни Алалаха за три века.

Значительные изменения можно прежде всего констатировать в земельных отношениях. В документах IV слоя мы совершенно не встречаемся более с куплей, продажей и передачей повинностей целого селения (âlu) одним лицом другому. Означает ли это, что путем скупки царь утвердил свое верховное право на все земли общин или же исчезновение этого явления объясняется другими причинами — сказать трудно.

Не менее трудно ответить на вопрос о том, в какой мере и в каких формах продолжало существовать общинное землевладение. Возможно, что о наличии сельской общины говорят документы выдачи продуктов питания (ячменя, эммера и муки) «для селения (такого-то)»¹¹ — по видимому речь здесь идет о выдачах для членов общины в период выполнения ими цар-

¹ Эта датировка правления Идрими подсказана автору академиком В. В. Струве, за что я пользуюсь случаем выразить ему свою глубокую признательность.

² A. B a d a w i, Die neue historische Stele Amenophis, Ann. Serv., XLII (1943), стр. 1—23; см. также П. К а ц н е л ь с о н, Характер войн и рабовладение в Египте при фараонах-завоевателях XVIII—XX династий, ВДИ, 1951, № 3.

³ A. Alt, Amenophis II in Syrien und Palästina, FuF, XXVI (1950), № 7:8.

⁴ AT 21, 135, 224, 225 и 340.

⁵ (mātu)Mu-ki-i-ḫe (Idrimi, 38; AT 2 и 395).

⁶ (mātu)(âlu)Ni-ḫi (Idrimi, 37; AT 215 и 426)

⁷ (âlu)Za-al-ḫe (AT 5, 395 и 396).

⁸ (mātu)(âlu)A-ma-e (Idrimi, 37 и др.; AT 182).

⁹ Относительно Аммиа см. М. Л. Гельцер, Классовая и политическая борьба в Библие Амарнского времени, ВДИ, 1954, № 1, стр. 33—39. Залхи упоминается также в переписке из Телль-эль-Амарны в качестве области, находящейся близ Угарита и снабжавшей Египет кедром (EA, № 128, 4—6).

¹⁰ Idrimi, 84; šâb(ḫe) Su-tu-u za i-na lib-bi ma-ti-ia «воины Суту, которые в моей стране»; см. также, Idrimi, 15. Вопрос о внешних связях Алалаха будет освещен нами в специальной работе.

¹¹ AT 284, 289—291 и др. Документы составлены по формуле: x ZÍZ (m)A. a-na (âlu)Y «x муки (липу такому-то) для (селения такого-то)». Ср. М. Л. Гельцер, ВДИ, 1952, № 4, стр. 30. О землях âlu в целом говорится в документе AT 215: (âlu)Ū-ri-ma; âlu)Ni-ḫi.

ских повинностей (*ilku*): продукты выдаются старейшине (или царскому управителю? — *awêlu*) селения.

О сохранении сельской общины повидимому свидетельствует и документ, говорящий о поступлении в царскую казну 130 кувшинов вина в качестве налога селения Алиме (АТ 325). Но с другой стороны именно налоговые документы ясно показывают, что внутри общины в это время уже достаточно прочно сложилось частное землевладение. В большинстве налоговых документов фигурируют не *âlu* в целом, а отдельные землевладельцы данного *âlu*, причем размеры вносимых ими налогов (в пределах одного и того же *âlu*) резко колеблются, что несомненно указывает на значительные различия в величине наделов¹. Сохранились документы учета количества домов (*bîtâtu*) разных *âlu*. В одном из таких списков перечислено 22 селения с числом домов от 3 до 74 в каждом (АТ 185).

О развитии частного землевладения свидетельствуют документы продажи, заклада и наследования земельных участков².

В руках отдельных лиц сосредоточивались значительные земельные владения³.

Помимо земель общин и частновладельческих земель большой удельный вес имел царский земельный фонд, который подразделялся видимо на три части: земли царского хозяйства, земли царских селений (см. ниже) и участки, предоставлявшиеся на условии несения повинностей ремесленникам и воинам. Однако о царском хозяйстве для XV века сохранилось очень немного документов⁴. Вероятно в это время размеры царского земледельческого хозяйства значительно сократились; основные доходы царь стал получать от податей и повинностей *âlu* и зависимых царских людей.

Что касается земель царских селений, то документы не позволяют установить, на каких условиях сидели на них зависимые от царя люди. Известно только, что существовали «царские селения»⁵, и что эти селения получали (повидимому в пользование) от царя скот и рабов⁶, причем скот и рабы распределялись между отдельными семьями жителей селения. Возможно также, что повинности этих селений выполняли именно рабы.

Немного лучше мы осведомлены об участках условного владения, выделявшихся из царского земельного фонда воинам и ремесленникам. Упоминаются воины различных категорий: [*šâbû^{meš}*], *ha-*

¹ АТ 207: 81 владелец виноградников в (*âlu*)*Ha-zi-lu-uh-e* имеют от одного шиду (*šîdum* = $\frac{1}{4}$ *iku*) до трех ику земли каждый. Ср. АТ 208—209. АТ 210: в (*âlu*)*Za-ḥe* отдельные лица владеют от половины ику до трех куману (=шиду) каждый.

² АТ 49: Илимиллима, тогда еще царевич, дает Кушамати 30 сиклей серебра под залог его земли, дома и виноградника. АТ 87: жена Кабла наследует поля, виноградники и оливковые рощи (текст сильно фрагментирован и кроме самого факта наследования земли, его смысл остается неясным).

³ АТ 88: (женщина) Найаш передает (женщине) Умми-Иш-хар виноградник и оливковую рощу. В АТ 212 говорится о 6 ику земли, принадлежащих женщине Зази, и 21 ику, принадлежащих Баладуве. Этот же Баладува получил (возможно, в аренду) 180 шиду земли «из полей города Алалаха» (АТ 218).

⁴ В АТ 214 упоминаются «дворцовые лошади» (*a êkalli*); в АТ 214 говорится о двух ику дворцовой земли (2 *iku ša êkallim*); в АТ 238 о выдаче ста рабыням эмера (по 3 РА каждой); этот документ называется (*tuppi SAL.NITA.MES* «таблетка рабынь»; в АТ 148 упоминается (*amêl*)*rêšî ŠIG.UDU. šarri* «пастух царских овец»; в АТ 340—9 *amêlû(me.) rêšî ša alr (me.)* «девять пастухов быков»; в АТ 215—10 человек, стригущих овец для дворцового хозяйства.

⁵ АТ 186, *URU.DIDI.HI.A ša šarri* «царское селение»; см. также АТ 187.

⁶ АТ 336: распределение 229 голов скота для (*âlu*)*Akubia*. АТ 338, 220 и 342: о рабах, выдаваемых *âlu* и находящихся в них; см. АТ 230, 232, 233, 234, 235. В последнем тексте указано количество рабов, выделенных (*âlu*)*A-su*, причем каждой перечисленной семье выделялось от 2—7 рабов и рабынь. См. также J. M e n d e l s o h n, *On slavery in Alalakh, IEJ*, стр. 65—72: автор считает, что на семью приходилось в среднем по 3 раба; L. O p p e n h e i m, *JNES*, 1955, № 3, стр. 196—199.

ni-a-ḥu, e-ḥe-le-na, ḥu-up-šu, na-me-e, ša-na-nu и др. (см. о них ниже), а также ремесленники: кузнецы, плотники и др. (см. ниже). Земельный надел, предоставляемый царем, назывался rûgu (букв. «жребий»)¹. Текст обычно указывает, в каких селениях были расположены эти наделы. Количество наделов было немалым. Текст АТ 226 говорит о 1006 наделах людей шанану, эхелена и хапахена. К сожалению, размеры наделов этих категорий людей неизвестны. Сохранились только общие цифры: всего 52 ику полей хушшу и всего 17 ику поля эхелена². По всей вероятности, это были наделы, расположенные в одном или нескольких близлежащих селениях. Относительно размеров наделов ремесленников дает представление текст АТ 213, где говорится о земельных наделах от 1 куману до 1 ику, находившихся в руках кузнецов³. Часто упоминаются плотники⁴, которые подразделяются на две категории: изготавливающие столы⁵ и изготавливающие колесницы⁶. Кроме того, в текстах о всевозможных ремесленных работах и выдачах встречаются упоминания о кожевниках⁷, резчиках по камню⁸, ювелирах⁹, птичниках или птицеловах¹⁰, конюхах¹¹, певцах или музыкантах¹² и о врачах¹³. Жили ремесленники в различных селениях царства, причем ряд документов перечисляет количество их домов¹⁴ в том или ином селении¹⁵. Иногда ремесленники включаются в число той или иной категории воинов¹⁶; однако с таким явлением мы встречаемся очень редко. Материал для работы и вознаграждение ремесленники получали с царских складов¹⁷, причем, однако хотя выдача материалов производилась из царских складов, иногда изделия предназначались для частных лиц. Один из текстов (АТ 417) говорит о 14 столах, сделанных для (женщины) Зази. Особое же внимание уделялось предметам военного снаряжения и оружию, в первую очередь колесницам¹⁸, наконечникам стрел¹⁹

¹ В Ассирии примерно того же времени rûgu «жребий» обозначал надел одной семьи в пределах сельской общины (см. И. М. Дьяконов, РЭОА, стр. 45). В Алалах в документах, касающихся общинной и частной земли, этот термин не встречается, попадаясь только в текстах, касающихся царских повинностных наделов. АТ 226: 670 bitu ša rûri šâbê (me.) ša-na-nu «670 домов надела воинов шанану»; АТ 192: 53 ru-ri-na e-ḥe-le-na «53 надела (людям) эхелена»; АТ 190: eqli purri «поля надела», где перечислены наделы 42 лиц разных служебных категорий в селении Алавари. См. также АТ 122, 198, 200 и др.

² АТ 211: (1) naphar 52 ikū eqlêtu(me) ḥu-up-šu (2) naphar 17 ikū eqli e-ḥe-el-li.

³ (Amêl)nappâḥu. «Кузнецы», владевшие участками царской земли, упоминаются также в АТ 213, 227, 397, 401—402 и др.

⁴ (amêl)naggâru АТ 143, 200, 220, 221, 227, 417, 422, 425 и др.

⁵ amêlû(me.) naggâru ša (išu)pa urê.

⁶ amêlû(me.) naggâru ša (išu)narkabâti.

⁷ АТ 197; 227: (amêl)as-ka-pu; хурритский термин: (amêl)maš-ku-ḥu-li, см. E. Speiser, The Alalakh tablets, JAOS, 1954, № 1.

⁸ АТ 227; 442: (amêl) par-gu-li; хурр. pu-ku-ul-lu-ḥu-li, см. E. Speiser, там же.

⁹ АТ 227: (amêlû)(me) sa-as-si-nu «ювелиры».

¹⁰ АТ 135: (amêl)u andû.

¹¹ АТ 148: (amêl)kizi, и др. тексты.

¹² АТ 158: (amêl)nâru.

¹³ АТ 296: (amêl)âsû. К сожалению, не все встречаемые в текстах названия профессий нам понятны, ибо они переданы хурритскими терминами.

¹⁴ bitâtu(me).

¹⁵ АТ 134, 135, 401 и др.

¹⁶ АТ 134: два плотника входят в число людей na-a-me. АТ 148: конюх, музыкант и люди mar-ta-tu-ḥu-li (?) ḥe-eš-ta-ru-ḥu-li входят в состав воинов e-ḥe-le-na.

¹⁷ АТ 220, 227, 397, 401, 402, 407 и 422, 423, 442 и др.

¹⁸ АТ 425 говорят о передаче плотниками колесниц, по всей вероятности, для ремонта; также АТ 220. Об изготовлении колесниц см. АТ 227.

¹⁹ АТ 401: кузнецам дано 2 таланта 1000 сиклей меди (erû), из коих 400 сиклей должны были пойти на изготовление наконечников стрел (КАК.У.ТАГ.ГА.НІ.А). См. также АТ 397, 402 и 227, где речь идет о 1500 наконечниках стрел или дротиков (ši-il-ta-aḥ-ḥu erû).

и мечам¹. Таким образом в отличие от Угарита ремесленники Алалаха работали главным образом не для торговли, а для военных целей².

Чрезвычайный интерес представляет организация и общественное положение лиц, обязанных царю воинской службой. Сюда относятся разные категории людей, как то: e-he-le-e-na (вар. ehelu/eheli)³, na-me-e⁴, ha-a-ni-ah-he⁵, šu-zu-bu-tu⁶, e-ku-du⁷, hu-up-šu⁸, ša-na-nu⁹ и некоторые другие реже встречающиеся. Отметим, что перед одними и теми же терминами постоянно чередуются слова šâbê(meš) «мужи», mârê(meš) «сыновья» и amêlê(meš) «люди».

Все тексты, упоминающие вышеозначенных лиц, указывают на их размещение в различных селениях (âlu) царства Алалах. Как указывалось, люди эти владели определенными участками земли. Интересен текст, перечисляющий дома bitâtu(meš) людей упомянутых категорий в селении Тухули (АТ 189), в котором встречаем надель (ru-ur-gi-na) и «дома (согласно их) таблетке»¹⁰, причем там перечислены люди эхелена и ханиахе. В имущественном отношении они не были равны. Некоторые из упомянутых категорий обладали даже боевыми колесницами¹¹, а относительно некоторых сказано, что они не имели даже быка, т. е. основного скота для производства земледельческих работ в своем хозяйстве¹².

Зная в общих чертах, что они все были воинами, мы ничего не знаем точнее о характере их обязанностей. Возможно, что во время исполнения последних они получали прокорм из царских складов, и таблетки, перечисляющие выдачу пропитания отдельным лицам¹³, относятся именно к данным категориям людей. Для несения своих обязанностей им выдавались иногда колесницы (АТ 422) и вероятно за те или иные заслуги перед царем отдельные лица освобождались от ilku (повинности) и вознаграждались¹⁴.

Разобравшись в общих чертах в характере повинностей и социального положения указанных категорий лиц, попытаемся установить отличие их друг от друга. В этом направлении уже был предпринят ряд попыток¹⁵, причем пока еще немногочисленные мнения ученых сильно расходятся¹⁶.

¹ АТ 227: 20 patrâti erû «20 медных (бронзовых) мечей».

² Ср. М. Л. Гельцер, ВДИ, 1952, № 4 и 1954, № 4; см. А. Alt, Bemerkungen zu den Verwaltungs- und Rechtsurkunden von Ugarit und Alalach, WO, 1954, стр. 7—18.

³ АТ 132, 136, 138, 143, 248, 192, 197, 198, 200, 202, 211, 226.

⁴ АТ 129, 134, 138, 140, 156.

⁵ АТ 131, 133, 135, 139, 140, 151, 186, 187, 192, 202, 226.

⁶ АТ 129, 143, 149, 156, 186, 187.

⁷ АТ 132, 143.

⁸ АТ 131, 136, 176, 186, 202, 211 и др.

⁹ АТ 145, 183, 202, 226, 341, 350, 352.

¹⁰ bitâtu(me) duppatinina.

¹¹ АТ 283; из 1006 шавану 76 имеют колесницы (GIŠ.GIGIR). АТ 341, 350 и 352 перечисляют овец, баранов, ослов, ослов, принадлежащих шавану.

¹² АТ 136 перечисляет 42 хушшу, из которых 13 не имеют быка (GUD.NU.TUK). См. ссылки на аналогичные тексты D. J. Wiseman, АТ, стр. 10.

¹³ tuppi :ê'im «таблетка прокорма» (АТ 289—291; 293—296). См. также АТ 307, где 31 человек получают какое-то вознаграждение :a ru-ḥi ilki «взамен илку (повинности)»; см. также АТ 354.

¹⁴ АТ 422; (m)Sag-gu-wa ū-ul il-ku «Шаррува не (исполняет) илку». АТ 353: перечисляются люди Алалаха, получавшие от царя овец. Затем следует примечание anḥi-tim :a UDU. III. A lā ilku «Они не несут повинности овцами», т. е. освобождаются от необходимости сдавать их в пользу царя.

¹⁵ Wiseman, АТ, стр. 10; E. Sreier, ук. соч., стр. 21, R. Labat, рец. на Wiseman, АТ, «Syria», XXXI (1954), № 1, стр. 122—125.

¹⁶ Wiseman, АТ, стр. 10—11, считает людей наме полукочевыми племенами, хушшу — полусвободными людьми, несущими воинскую повинность, а ханиаху и эхелена (приравнивая к последним людей шузубуту и экуду) более знатной и богатой категорией лиц. Sreier, ук. соч., стр. 21, считает людей эхелена и шузубуту воль-

Учитывая обстоятельство, что термины эхелена и ханиаху являются несомненно хурритскими, можно в некоторых случаях установить их тождество с соответствующим аккадским термином. Наибольшую важность для этого представляет текст АТ 226, в котором перечислены: 670 домов воинов шанану; 213 домов ханиахе; 33(?) дома эхелена; [? домов] «согласно таблетке»; итого 1006 воинов шанану всех¹. Следовательно, категории людей ханиахе и эхелена являлись какими-то подразделениями категории воинов шанану. И действительно, кроме одного раза (АТ 202), в многочисленных дошедших до нас текстах люди шанану никогда не упоминаются в итогах вместе с людьми ханиахена и эхелена². Зато хупшу никогда не отождествляется с шанану. Они постоянно встречаются или наряду с шанану или наряду с эхелена и ханиахена³. Поэтому приходится сделать вывод о некотором различии, к сожалению для нас неуловимом, в социальном положении этих двух категорий воинов⁴.

И хупшу и шанану входили в число людей наме. Текст АТ 129 перечисляет «55 сыновей воинов наме»⁵. Число это состоит из 42 «людей хупшу» и 13 «сыновей ханиахена»⁶.

Отдельно от упомянутых категорий лиц, включенных в большую категорию наме, стоят люди экуду и шузубу (вар. шузубуту)⁷. Их количество во всех текстах является в несколько раз меньшим, чем количество воинов наме⁸. Во всех текстах они следуют за вышеуказанными категориями лиц. Ни разу нет также указаний относительно их имущества и земельных участков, помимо общего упоминания их «домов» (*bîâtû*). Поэтому можно предположить, что они выполняли в войске какие-то вспомогательные функции⁹ и стояли в военной иерархии Алалаха на более низкой ступени¹⁰.

Как и в XVIII веке, в XV в. до н. э. в Алалахе продолжает применяться закабаление свободных людей за долги, причем в ряде случаев закабаляют своих должников члены царской семьи. Положение людей, находившихся в качестве залога за долги, хотя вероятно юридически в XV в. и не приравнивалось к рабскому (они входят в число контрагентов сделок), однако фактически мало отличалось от рабского состояния. Должники должны были

воотпущенниками, производя этим термин от аккадского глагола *êzêbu* «оставлять, покидать» в шаф'ельной породе, т. е. в каузативном значении. Людей шанану он приравнивает к SA. GAZ (*garîru*). R. L a b a t, ук. соч., следуя Вайзмэну, отождествляет воинов наме и хупшу, считая их полукочевыми земледельцами (!), несущими воинскую повинность, а людей ханиахе и эхелена представителями среднего класса, находящимися в услужении во дворце.

¹ (6) *bîtu* a pu-ri *šâbû*(me³) *ša-na-nu* (7)213 *bîtu* *ha-ni-a-ĥu* (8)35(?) *bît e-ĥe-i-el-e* (9)[?bît] *dup*(-) *pa-ni-ni* (10) *narĥar* 1 *li-im* 6 (11) *šâbû*(me³) *ša-na-nu* *ga-li-ma* (далее идет перечисление еще 76 колесниц).

² Встречаются или люди шанану или ханиахена и эхелена.

³ АТ 129, 131, 186, 187 и др.

⁴ В связи с этим следует отказаться от ранее высказанной точки зрения об их полной тождественности, см. ВДИ, 1954, № 1, стр. 36 (там же указаны основные толкования этого термина и соответствующая литература). См. также М. Л. Гельцер, ВДИ, 1952, № 4.

⁵ 55 *mârê*(me) *šâbê*(me³) *na-a-me*.

⁶ Аналогичные примеры — АТ 137, 138, 139 и 143.

⁷ См. выше указание на тексты, где этот термин встречается.

⁸ АТ 132: 16 *šâbû*(me) *na-me-e* и 4 (*mâtû*(me.)*ek-ku-du*. АТ 186: перечислено 261 хупшу, 18 ханиахе и 27 шузубу; АТ 145: 29 наме и 5 шузубу; АТ 129: 55 наме и 17 шузубу.

⁹ Филологическое объяснение этого термина в данном случае почти ничего не даст (см. выше — объяснение Шпейзера, ср. *ekûdu* с др. евр. *‘āqad* «связывать, вязать»).

¹⁰ В задачи настоящей работы не входит рассмотрение организации и характера войска Алалаха, поэтому мы ограничимся попыткой установления значения вышеупомянутых категорий воинов.

работать на заимодавца¹. Так же, как и в XVIII в., к должникам применялся принцип ответственности всей его семьи за уплату долга². Допускалась и замена заложника другим лицом³. Встречается случай, когда человек отвечает за свой долг перед заимодавцем не личностью, а только имуществом⁴ (в случае уклонения от своих обязательств он обязан уплатить в пользу дворца крупный штраф).

Имеются данные о ссудах не только серебром (АТ 47, 48 и др.) и медью⁵, но и скотом⁶. Приведенные тексты говорят также о ростовщическом проценте, однако никаких данных о его размере нет. Возможно, что существовала установленная законом норма взимаемого процента и она подразумевается во всех заемных сделках.

Однако, в противоположность положению, существовавшему в Алалахе в более ранний период, в XV в. мы сталкиваемся с ростовщичеством и частных лиц. Они пользовались по отношению к должнику теми же правами, что и лица официальные, и царская печать на документе юридически оформляла это положение⁷.

Возможно—это случайность, что ни один текст, относящийся к XV в., не говорит о тамкарах (купцах или же царских торговых агентах). Вообще мы не видим большего развития товарно-денежных отношений по сравнению с XVIII в. до н. э. Наоборот, выдачи из царских складов производились в основном натурой⁸, в противоположность Угариту примерно того же времени, где плата царским должностным и зависимым людям нередко выдавалась серебром⁹. Это объясняется различием в экономике этих царств. В Угарите большую роль играла торговля и снабжение государств внутренней Сирии ремесленными изделиями, благодаря чему там были более развиты товарно-денежные отношения. Алалах же, как мы видели, имел характер земледельческого государства, со специально организованной военной системой, связанной с владением участками земли за несение повинностей, и приспособленной в основном только к чисто натуральной системе хозяйства.

Тексты Алалаха XV века содержат многочисленные данные о рабовладении. Выше уже говорилось о применении труда рабов в царских селениях¹⁰. Имеется также достаточно других текстов, дающих возможность восстановить картину рабовладения в древнем Алалахе. Рабы обозначались различными терминами, как-то: (w)ardu «раб», ṣuḥāgu «отрок», «мо-

¹ АТ 47: должник Аптабишарри должен работать на царевича Илимилиму (при царе Никмепа). В ряде текстов указывается, что должник отдает рабов и свободных в дом заимодавца, а иногда и сам обязан находиться там. АТ 82: Папаниэла (женщина) находится в качестве заложницы за долг во дворце вместе со своими тремя рабынями и одним рабом.

² АТ 48: в случае неуплаты долга человеком Ба'алаиа за него отвечает его семья. В качестве заимодавца опять фигурирует Илимилиму.

³ АТ 84: (при царе Никмепа) некий Луллу, сын Анаий, замещается в залоге Аббисей.

⁴ АТ 49: Кушамати берет в долг 30 сиклей у царевича Илимилиммы. Земля, дом и виноградник Кушамати остаются в залоге. Если он сбежит, то должен уплатить 100 сиклей серебра в пользу дворца (ḥkallū).

⁵ АТ 46: Кута и Илимилки берут займы от Тугту 26 талантов меди; см. также АТ 51.

⁶ АТ 344: речь идет об иске к должнику в размере 6 быков (GUD).

⁷ АТ 83: сделка, совершенная «перед царем Никмепа», говорит об отдаче жене Пуххи в залог Аттували и еще трех лиц. АТ 85: в тексте говорится об Энхуте, находящемся в залоге у Тутты из селения Тайаз. См. также другие тексты.

⁸ АТ 289—296, 323, 324, 327, 328, 363, 364 и др.

⁹ См. М. Л. Г е л ь ц е р, ВДИ, 1952, № 4; 1954, № 4.

¹⁰ АТ 230—235: речь идет о рабах селений (ālu) Асу, Тайами, Халулаше, Залакиа, Лацу. В ряде случаев перечислены их владельцы. Каждая семья имела от 1 до 7 рабов.

людой (раб)», SAL «женщина», «рабыня» и *ṣuḫārtu* «молодая (рабыня)». Сохранившиеся документы сделок купли-продажи рабов дают нам цену в 25 сиклей серебра за одного раба¹ или же 5,5 талантов меди². Рабыня ценилась вдвое дороже, за нее давалось 50 сиклей³. Интересно сопоставить цены на рабов с другими ценами. Так например, бык стоил около 3500—5700 сиклей меди⁴, т. е. примерно 2—3 таланта. Таким образом мы получаем соотношение цены рабыни и раба к цене быка, как 10 : 5 : 2 или 3. Известны случаи побегов рабов⁵. Вероятно, они были достаточно часты, так как царь, в качестве представителя рабовладельческого класса и крупного рабовладельца, прибегает к урегулированию вопроса о беглых рабах в международном масштабе, особо оговаривая в своих договорах с правителем соседних стран вопрос о выдаче беглых рабов⁶. О многочисленности рабов в Алалахе XV века говорит документ о покупке неким Илицилли девочек в возрасте от трех до семи лет за 1000 сиклей серебра (AT 70). Сопоставляя эту сумму с обычной ценой рабыни (50 сиклей), можно заключить, что число маленьких рабынь было весьма значительно. Рабы и рабыни закладывались также в числе прочего имущества в обеспечение долга⁷.

Каковы же были источники пополнения рабов в Алалахе рассматриваемого периода? К сожалению, мы должны ограничиться здесь предположениями. Документов, говорящих о продаже свободных людей в рабство за долги, как это делалось в Алалахе XVIII века до н. э., мы за рассматриваемый период не имеем. Наоборот, как можно заключить из ряда документов, долговая кабала свободных людей носила здесь временный характер и сменялась, повидимому, простой зависимостью от царя, что встречается и в документах XVIII в. до н. э. Поэтому, по всей вероятности, рабы добывались в основном на войне.

Рассмотренные материалы дают нам чрезвычайно яркую картину развития рабовладельческого общества Алалаха. Основной тенденцией этого развития было постепенное изживание пережитков первобытно-общинных отношений, укрепление положения царя, царской фамилии и служилой знати, увеличение удельного веса рабства и соответственное укрепление рабовладельческого государства.

¹ AT 67: некий Энхута покупает раба от трех лиц за 25 сиклей. AT 68: он же покупает раба за 25 сиклей от четырех лиц из селения (*ālu*) Ара. Вероятно, продавцами здесь являются неразделенные братья.

² AT 69: раб покупается за 5,5 талантов меди; AT 71: раб покупается за 5 талантов меди.

³ AT 66: царь Никмепа покупает рабыню за 50 сиклей серебра.

⁴ AT 74: два быка покупаются за 7000 сиклей меди (т. е. 4 таланта). AT 72: один бык покупается за 5700 сиклей меди (т. е. примерно за 3 таланта). Талант (*qa-qa-gum*) в Алалахе равнялся 1800 сиклям, т. е. 0,5 таланта в переводе на вавилонскую метрическую систему.

⁵ AT 101: речь идет о поимке трех беглых рабов.

⁶ AT 2: договор царя Алалаха с царем Тунипа.

⁷ AT 344: в залоге держится молодая рабыня; AT 82: три рабыни и один раб держатся в залоге во дворце вместе с их хозяйкой Папанизлой. Ср. AT 83.

Н. Б. Янковская

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ АССИРИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Господство Ассирии в международной политике укреплялось ведущей ролью ее в международном обмене¹. Развитие этого обмена, можно сказать а priori, в свою очередь целиком зависело от состояния производства в каждой отдельной стране, в особенности от степени и характера их взаимной экономической зависимости друг от друга. Эта сторона проблемы не подвергалась еще специальному исследованию, так как изучение ее наталкивается на большие технические трудности, из-за которых и в настоящей статье автор ограничился анализом сведений, содержащихся в тех подробных перечнях дани (*biltu, mandattu*), «даров» и награбленного имущества покоренных стран, которые приводятся в ассирийских анналах².

В более древних анналах (до VIII в.) между списками дани и награбленного во время завоевательных и карательных походов принципиального различия нет, так как натуральная дань, упоминаемая в анналах этого времени, как правило, высылалась в связи с непосредственной угрозой вторжения ассирийцев и по своему составу не отличалась от того, что ассирийские войска захватывали в этих странах путем грабсжа. Другое дело — изредка пазначавшаяся ежегодная дань, состав которой будет рассматриваться особо.

Причиной отсутствия работ, посвященных систематизации этих данных, всегда считалась отрывочность сведений и невозможность во многих случаях отличить местную продукцию от привозной. Однако это затруднение представляется все же преодолимым.

Существование прочных международных торговых связей в Передней Азии в конце II — начале I тысячелетия, в период возникновения.

¹ См. первые разделы каждой из трех глав РЗОА.

² Ссылки на анналы даются по сборнику переводов ARAB, где приведена библиография первоисточников. Термин *biltu* обозначает всякий «доход» и в системе мер веса — талант (ок. 30 кг). Оборот *biltu našū* «нести *biltu*» является калькой с шумерского *gù-gál* (встречается с начала III тысячелетия до н. э.) и представляет собой обозначение обязательных поступлений, как с населения своей страны, так и с завоеванных стран, в отличие от *mandattu*, термина, зафиксированного тысячелетием позже, как обозначение ежегодной регулярной дани с покоренных стран (см. об этом подробнее. W. J. M a r t i n, *Tribut und Tributeleistungen bei den Assyrem*, Helsingforsiae, 1936). В нововавилонский период *mandattu* употребляется как термин для оброка, уплачиваемого рабом, ведущим самостоятельную хозяйственную деятельность (РЗОА, стр. 131).

ассирийской державы, бесспорно. Уже архивы ассирийских колоний конца III тысячелетия до н. э. свидетельствуют о развитой торговле, в которой роль денег играло обычно серебро, реже свинец, олово и медь¹.

Наличие в сокровищницах запасов средств обращения — золота и серебра — отмечается в ассирийских летописях для следующих областей (см. карту): Египет², переднеазиатское Средиземноморье в целом³, Газа⁴, Асод⁵, Иудея⁶, Израиль⁷, Дамаск⁸, Тир⁹, Сидон¹⁰, Арвад¹¹, Кипр¹², Куммух¹³, Мелид¹⁴, Гургум¹⁵, Куэ¹⁶, Тарс¹⁷, Тиана¹⁸, Табал¹⁹, Унку²⁰, Хаттина²¹, Бит-Агуси²², Хатти²³, Бит-Адини²⁴, Тиль-Абна²⁵, Ицалла²⁶, Гузана²⁷, Бит-Халупе²⁸, Бит-Бахиани²⁹, Нацибина³⁰, Бит-Замани³¹, Шубрия³², Мусасир³³, Гильзан³⁴, Замуа³⁵, Хальман³⁶, Кардуниаш (Вавилония)³⁷, Халдея³⁸, Сухи³⁹, Хиндану⁴⁰, Лаке⁴¹, Элам⁴² и арабские области⁴³.

Как можно заметить по соотношению приведенных цифр, наиболее значительными запасами золота обладали в первую очередь Тир и Мусасир, во вторую — Каркемиш (Хатти), Иерусалим (Иудея), Дамаск и центры Табала⁴⁴, Кардуниаша (Вавилонии) и Израиля, в третью — Бит-Замани и Замуа. Лаке хаматские оказываются богаче харранских. Те же

¹ Среди месопотамских товаров преобладали различные ткани, шкуры, медная утварь, реже — украшения, сосуды, растительное масло; из Малой Азии шли изделия кузнецов, валяльщиков и кожевников. См. B. L a n d s b e r g e r, *Assyrische Handelskolonien in Kleinasien aus dem dritten Jahrtausend*, Lpz, 1925, стр. 20—25.

² Фивы (ARAB, II, 778) и Мемфис (II, 584—585). В дальнейших ссылках на переводы анналов римскими цифрами обозначены тома и арабскими — параграфы ARAB.

³ I, 479, 518, 603, 772 и 801.

⁴ I, 815.

⁵ Вместе с соседними областями (II, 30).

⁶ II, 312: 900 кг золота, 24 тонны серебра.

⁷ I, 590, 815: 300 кг золота и серебро.

⁸ I, 769: 90 кг золота и серебро; I, 740: 69 тонн серебра и 600 кг золота.

⁹ I, 803: 4,5 тонны золота. ¹⁰ II, 527. ¹¹ II, 912. ¹² II, 186 и 710.

¹³ I, 599. ¹⁴ I, 636 и 638. ¹⁵ I, 599 и 601. ¹⁶ I, 583. ¹⁷ I, 583.

¹⁸ II, 7 и 55. ¹⁹ I, 802: 300 кг золота и 30 тонн серебра. ²⁰ I, 769.

²¹ I, 585, 593, 655, 477: 600 кг серебра и 30 кг золота.

²² I, 477, 600, 601: 5 кг золота, 180 кг серебра.

²³ I, 476: 600 кг алектра; I, 601: 90 кг золота, 2 тонны 100 кг серебра; II, 8 и 138: 345 кг золота и больше 63 тонн серебра; кроме того, II, 70: дань, общая с халдеями низовой Евфрата.

²⁴ I, 475 и 474 (вместе с Тиль-Абной).

²⁵ I, 475: 2 кг серебра ежегодно; I, 599 (вместе с Ицаллой и соседними районами).

²⁶ I, 475 и 480 (вместе с соседней областью); I, 477 (вместе с Бит-Бахиани и Хатти).

²⁷ I, 373. ²⁸ I, 412 (5 кг серебра), 443 и 469. ²⁹ I, 373 и 475. ³⁰ I, 368.

³¹ I, 466: 60 кг серебра и 60 кг золота; I, 501: 1 кг золота и больше 6 кг серебра.

³² I, 502 и I, 447 (вместе с соседними районами).

³³ I, 172: дворцовые сокровища — больше тонны золота и около 5 тонн серебра;

II, 212 — крамовые сокровища: 120 (? — лакуна) кг золота и около 5 тонн серебра.

³⁴ I, 589; I, 457 и 441 (вместе с соседними странами, в числе которых Хубушния).

³⁵ I, 451 и 457; II, 31: 75 кг серебра прислано вместе с соседними странами.

³⁶ I, 610.

³⁷ II, 234, 260, 270, 301, 642, 809; I, 764: 300 кг золота и 30 тонн серебра.

³⁸ I, 625, 650, 666, 806; II, 45 и 68.

³⁹ I, 470, 599 и 410: 90 кг серебра и 10 кг золота.

⁴⁰ I, 443, 469, 410: 5 кг золота и 5 кг серебра.

⁴¹ I, 412, 443 и 472. Кроме того I, 412: 10 кг золота и 10 кг серебра было получено от Лаке, кочевавших в сторону Хамата; I, 411: 1,5 кг золота и 5 кг золота и 5 кг серебра от Лаке, кочевавших в сторону Харрана.

⁴² II, 235, 257, 356 (одно серебро!); II, 45 (вместе с халдеями).

⁴³ I, 778, 799, 818; II, 518 (5 кг золота); II, 536 и 551; II, 18 и 55 (одно золото). Вместе с Египтом — II, 312: 900 кг золота, 24 тонны серебра (совместно с Иудеей прислано Сенаххерибу).

⁴⁴ См. ниже, стр. 34.

области обладали и наибольшими запасами серебра, однако на первом месте в этом отношении стояли не Тир и Мусасир, а Дамаск и Каркемиш (Хатти), на втором — центры Табала, Кардуннаша (Вавилонии) и Иудея и только на третьем — Мусасир.

Перестановка между группами, которая получается из сравнения цифр по запасам золота и серебра, очень показательна. В предшествующем, II тысячелетии до н. э. главным средством обращения в Передней Азии было серебро; очевидно, поэтому на первом месте по его запасам стоят главные торговые центры периода до стабилизации ассирийской гегемонии: Каркемиш и Дамаск. Что же касается богатейших по запасам золота Тира и Мусасира, то первый из них стал международным торговым центром только в ассирийский период. Эти сведения о Тире имеются в анналах Тиглатпалассара III, т. е. относятся к тому времени, когда ассирийцы перешли от сбора дани во время походов, что перерастало в опустошительные грабежи, к сборам дани через упорядоченный бюрократический аппарат. Повидимому, эта новая система эксплуатации покоренных Ассирией стран дала некоторые возможности для оживления передвезианской торговли, в которую, как видно, прочно втянулся и Египет. Однако теперь международная торговля направлялась уже не через Ассирию и присоединенные к ней сирийские области, как это было до оформления ассирийского военно-административного объединения, а через оставшиеся нейтральными пути, на которых были расположены Тир и Мусасир¹.

Относительно земледелия — главной отрасли производства оседлых районов; сведения ассирийских annalov наименее полны, так как зерно и фураж взимались с завоеванных областей по той же налоговой системе², что и в самой Ассирии, и в состав дани, как правило, не входили. Хлебные поля и житницы упоминаются обычно только в связи с опустошением той или иной области карательной экспедицией или в случаях устройства опорных крепостей в районах стратегически наиболее важных, в связи с сосредоточением в них запасов продовольствия и фуража. В таких перечнях фигурируют: Дамаск³, Бит-Адини⁴, племена Лаке⁵, Бит-Халупе⁶, долины гор Кашиари⁷, Ицалла⁸, Бит-Бахиани⁹, Бит-Замани¹⁰, Нирбу¹¹, Кутмух¹², Урарту¹³, Хабху¹⁴, Замуа¹⁵, Манна¹⁶, Гамбулу¹⁷, Халдея¹⁸, и Аррапха — область в верховьях Адема¹⁹.

Распространение садоводства и виноградарства зафиксировано в анналах немного шире, так как помимо сведений о погромах и снабжении военных баз, наличие виноградарства можно установить еще и по упоминаниям вина, выслывшегося в числе других подношений навстречу ассирийскому войску в знак покорности, во избежание попутного разграбления.

Во всех случаях, когда указания на садоводство и виноградарство не сопровождаются свидетельствами о разведении зерновых культур (см. схему 1), само собой разумеется, что хлебные поля все же там были, так как без них в то время ни один оседлый район немислим.

¹ О роли Мусасира см. С. М. Б а ц и е в а, Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию, ВДП, 1953, № 2, стр. 29, прим. 1.

² См. РЗОА, стр. 127 и 131.

³ II, 279. ⁴ I, 620. ⁵ I, 411.

⁶ Ссзам: I, 443. ⁷ Зерно и сезам: I, 364.

⁸ I, 412. ⁹ I, 364 и 368. ¹⁰ I, 405 и 501.

¹¹ I, 465 и 502. ¹² I, 413. ¹³ II, 159—160, 165—167. ¹⁴ I, 371 и 465. ¹⁵ I, 458.

¹⁶ II, 144, 164 и 148 (в этом параграфе речь идет о самой южной из маннейских областей, Меси, в крепостях которой войско Саргона II обнаружило большие запасы муки и вина).

¹⁷ II, 31. ¹⁸ II, 261. ¹⁹ I, 622.

Районами садоводства и виноградарства в Северной Месопотамии были: Сухи¹, Лаке², Бит-Адини³, Бит-Халуде⁴, Тиль-Абна⁵, долины гор Кашари⁶, Ицалла⁷, Нирдун⁸, Нирби⁹, Кутмух¹⁰, Урарту¹¹, Гильзан¹², Манна¹³, Хабхи¹⁴, Замуа¹⁵, район в верховьях р. Адема¹⁶, Бит-Агуси¹⁷, Гургум¹⁸, Куммух¹⁹.

Только садоводство, без указаний на разведение виноградников, отмечается в округе Дамаска²⁰, в области Эллипи²¹, в халдейских поселениях нижнего Евфрата²², в Гамбулу²³. и в Амеде, центре области Бит-Замани²⁴.

Для районов издавна оседлых, с высокоразвитым земледелием характерно наличие художественных ремесел, особенно ткацких и ювелирных.

Ткани льняные (kitê) и шерстяные (birmi) по распространению стоят на втором месте после медных изделий. В перечне даней, полученной Тиглатпалассаром III из стран юго-восточной Малой Азии, Сирии, Средиземноморского побережья и Египта, льняные ткани kitê названы «одеждой их страны». Очевидно, здесь имелся в виду отмеченный в конце списка Египет, издавна славившийся высоким искусством изготовления льняных тканей, в отличие от других стран Передней Азии, где одежды ткали из шерсти. Термин birmi семитического происхождения, образован от того же корня, что и общесемитское barâmi «быть пестрым». Этот корень имеет в аккадском два значения: 1) «ткать (?) из разноцветных нитей», 2) «оттискивать печать»²⁵. Судя по этим двум значениям, речь идет не столько о тканье разноцветными нитями, сколько о вышивке, фактура которой сходна с узорным оттиском резной печати²⁶. Однако возможно, что имеются в виду ковровые изделия.

Поступления тканей отмечаются из следующих районов: Фивы²⁷, Газа²⁸ Средиземноморье и Сирия в целом²⁹, Дамаск³⁰, Сидон³¹, Арвад³², Финикия в

¹ I, 410; I, 310: финиковые пальмы.

² I, 411.

³ I, 475; I, 620: садоводство.

⁴ I, 460 и 498.

⁵ I, 599. Ниже по течению Балиха, в округе Харрана также известно виноградарство. См. реестр сельскохозяйственного населения области Харран в РЗОА, стр. 90 сл. Упомянутые в тексте I, 411, Лаке, повидимому, харранские.

⁶ I, 364, 461 и 498.

⁷ I, 445 и 475.

⁸ I, 462 и 499; I, 447 (с соседями, в том числе с Бит-Замани).

⁹ I, 446.

¹⁰ I, 442 и 459. В последнем случае жители Кутмуха присылали дань вместе с одним из племен мушков (античные мосхи), спустившихся из Малой Азии к верховьям Тигра в начале XI в. до н. э. и, повидимому, осевших здесь (см. АВНШУ, ВДИ, 1951, № 2, текст № 10 и прим.). Судя по тексту I, 413, эти мушхи уже в начале IX в. до н. э. были земледельцами.

¹¹ II, 160—161, 166—167 (в том числе садоводство).

¹² I, 457, 598 и 607. В двух последних случаях Гильзан присылает дань вместе с другими соседними областями, в числе которых названа Хубушкия, расположенная на притоке Тигра Бохтане, повидимому, также сельскохозяйственная область.

¹³ II, 148 и 164 (в том числе садоводство).

¹⁴ I, 460, 498 и II, 170. Местоположение Хабхи до сих пор твердо не установлено. См. Г. А. Мелликшивили, Паири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 22. сл. Об экономике Закавказья, там же, стр. 322 сл.

¹⁵ I, 451, 452, 457, 458.

¹⁶ I, 622, 724 (в том числе садоводство). ¹⁷ I, 600.

¹⁸ I, 599. ¹⁹ I, 599. ²⁰ I, 681. ²¹ II, 279.

²² II, 235, 261, 262, 266, 276 и 303.

²³ II, 32: финиковые пальмы

²⁴ I, 480.

²⁵ Muss-Arnolt, Assyrisch-englisch-deutsches Handwörterbuch, I, стр. 191 и 192.

²⁶ Там же, стр. 192: birmi «розетка».

²⁷ II, 778. ²⁸ I, 815. ²⁹ I, 772 и 801; II, 31. ³⁰ I, 740. ³¹ II, 527. ³² II,

целом¹, Бит-Агуси², Унку³, Хаттина⁴, Хатти (Каркемиш)⁵, Бит-Адини (вместе с Тиль-Абной⁶, Бит-Халупе⁷, Бит-Замани⁸, Мусасир⁹, Гильзан (вместе с соседями)¹⁰, Замуа¹¹, Элам (вместе с халдеями)¹², Сухи¹³, Лаке¹⁴.

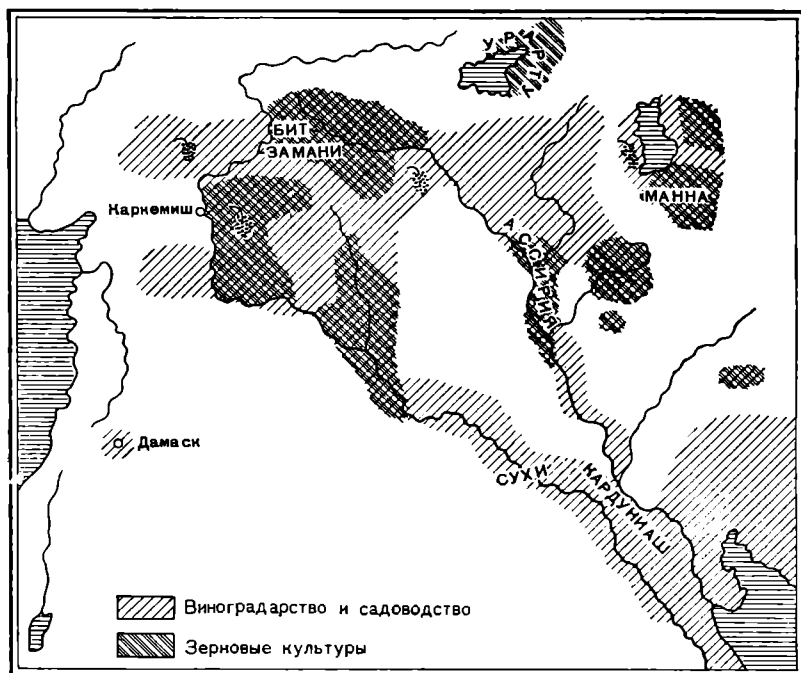

Схема 1. Размещение сельскохозяйственных районов

Значительно меньшее распространение имели ткани, крашенные в пурпур, добывавшийся в финикийских городах из средиземноморских моллюсков (*argamannu* — красный пурпур и *takiltu* — фиолетовый пурпур)¹⁵.

В одном документе из архивов Нузу (область Аррапха, в верховьях притока Тигра—Адема) середины II тысячелетия до н. э.¹⁶ сообщается об обмене местных тканей, в числе которых есть и *birni*, на ткани, среди которых называются ханаанские *takiltu*. Здесь же в перечне местных изделий упоминается крашеная шерсть *tabaggi*, которую анналы Саргона II считают происходящей из Урарту и Хабху (ARAB, II, 173). Возможно, что в последнем случае речь идет об известном в древности третьем виде пурпурной краски (ср. НА, 236, прим. 1), добывавшейся, по видимому, из закавказской кошенили¹⁷.

Ашшурбанапал назначил островному финикийскому городу Арваду ежегодную дань обоими видами пурпурной шерсти (*takiltu* и *argamannu*, ARAB, II, 912), но не тканями — очевидно, потому, что в финикийских городах производилась только окраска шерсти. Транспортировка самой

¹ I, 479 и 518. ² I, 477. ³ I, 769. ⁴ I, 476, 477, 601, 655. ⁵ I, 476. ⁶ I, 474.

⁷ I, 443 и 469. ⁸ I, 466 и 501. ⁹ II, 172. ¹⁰ I, 457. ¹¹ I, 457. ¹² II, 45.

¹³ I, 410 и 592. ¹⁴ I, 443 и 473.

¹⁵ См. НА, стр. 236 и прим. 2.

¹⁶ SMN, 751; см. Speiser, EA, AASOR, XVI, стр. 121—122.

¹⁷ См. обо всех этих трех видах пурпура Muss-Arnolt, Handwörterbuch, I, стр. 97, и II, стр. 1157 и 1146.

этой краски невозможна, поэтому окраска шерсти была постоянным источником доходов финикийских городов. Что касается шерсти, то она могла доставляться из сирийских районов, жители которых разводили преимущественно мелкий рогатый скот¹. Соотношение между количеством крупного и мелкого рогатого скота в сирийских областях Бит-Агуси, Хаттине и Хатти было равно 1 : 10 (ARAB, I, 477, 600 и 601).

Возможно даже, что преобладание овцеводства в сирийских областях имело место именно благодаря этому обмену. Косвенным доказательством наличия постоянного обмена Хаттины и Каркемиша (Хатти) с финикийскими городами может служить тот факт, что ассирийцы назначали ежегодную дань крашенной в пурпур шерстью, помимо Арвада только этим двум областям (по 60 кг takiltu в год, ARAB, I, 601). Таким образом, Хатина и Каркемиш, повидимому, регулярно получали в обмен на свои поставки простой шерсти шерсть крашеную. Пурпурная шерсть упоминается также как дань посредничавших в обмене между Средиземноморьем и северной Месопотамией племен Лаке, имевших кочевья в сторону Хамата, и в цитадели Хиндану².

Запасы различных самоцветов были открыты ассирийцами при грабеже сокровищниц Вавилона³, городов Египта⁴ и в транзитных центрах: Сидоне (II, 527), в халдейских городах низовий Тигра и Евфрата (I, 794 и 806) и на среднем Евфрате: в городах арамейских племен (I, 443) и в Сухи (I, 592). Из области Сухи Салмансар III получил в составе дани золотые изделия и гилеадскую⁵ древесную смолу бделлий, которые упоминаются в этих же анналах еще только раз в составе израильской дани⁶. Вероятно, через этот район проходил караванный путь, непосредственно связывающий приевфратских арамеюв с югом Средиземноморского побережья. Через халдейские города в низовьях Евфрата и Тигра в Переднюю Азию попадало африканское (?) золото и черное дерево⁷, через Персидский за-

¹ О преобладании в Сирии скотоводства, см. также С. М. Б а ц и е в а, ук. соч., стр. 22.

² ARAB, I, 412 и 443.

³ II, 260, 301 и 340. Из самоцветов, золота и серебра состоял также подарок вавилонского царя эламскому, посланный в честь заключения военного союза против Ассирии (II, 257, 356; ср. II, 642 и 809). Широко распространенный в Вавилонии и Египте лазурит упоминается и в ассирийских анналах. В анналах Асархаддона (681—668 гг. до н. э.), получавшего лазурит в качестве дани от мидийских племен (II, 540 и 566), ошибочно указывается на область Патуш'арра, расположенную у подножья гор Бянки (совр. Демавенд), как на источник этого камня (II, 519). В действительности лазурит (по крайней мере та его разновидность, которая археологически засвидетельствована в древней Передней Азии) имеется только в Бадахшане. Северо-восточным районам Мидии, расположенным по ту сторону Загра, и, очевидно, связанным обменом со среднеазиатскими областями, Тиглатпаласар III назначил дань в 9 тонн лазурита (I, 768). Из обмена с этими областями возникли, повидимому, и запасы лазурита среди других самоцветов (в том числе сердолика, см. ниже, стр. 40), попавших в руки саргоновского войска при разграблении парского дворца в Мусасире (II, 172). Большой кусок лазурита, присланный Синаххерибу из Иудеи (II, 312), попал туда также, очевидно, в результате обмена с указанными районами.

⁴ II, 778, 584—585 (при грабеже, произведенном армией Ашшурбанапала в Фивах и армией Асархаддона в Мемфисе). Кроме того они упоминаются и в составе дани, присланной фараоном совместно с арабами степи и красноморского побережья (II, 18). В числе арабских областей числится также Сабейское царство, из которого Синаххериб один раз получал самоцветы (II, 440). Стоит также отметить попутно назначение Ашшурбанапалом ежегодной дани для племени Те'ри, в составе которой, кроме золота, верблюдов, сурьмы и камней, числится жемчуг (II, 870), а в дани арабской крепости Адуму — 1000 камней бирюзы (II, 55, 518 и 536); см. DChG, стр. 134.

⁵ Гилеад — северная часть совр. Трансиордании.

⁶ I, 590. Возможно, что упомянутые здесь золотые изделия были египетского происхождения.

⁷ I, 794; II, 18, 55. Встречается также в составе дани финикийских городов (I, 479 и II, 527) и Иудеи (II, 312).

лив — индийский (?) золотой песок¹, и слоновая кость² — возможно, в обмен на переднеазиатские ремесленные изделия, серебро, свинец, медь и железо³.

Награбленные ассирийцами в Вавилонии и Мемфисе золотые и серебряные изделия⁴, по всей видимости, были местного производства.

Изделия из благородных металлов или отделанные золотом и серебром встречаются по всему торговому пути: в верховьях Тигра и его притоков⁵, у излучины Евфрата⁶, и в низовьях Тигра и Евфрата⁷. Очевидно, они были одной из главных статей вывоза ремесленных центров. По материалам ассирийских анналов обнаруживаются до сих пор неизвестные ремесленные центры, возникшие у источников сырья, с ремеслами, уже доведенными до степени искусства, т. е. имеющими за собой давнюю традицию. Обработка местного сырья известна для Табала (изделия из серебра, добывавшегося в этом районе)⁸, Хаттины, Каркемиша (изделия из аманского бунса⁹) и Бит-Адини (изделия из местной слоновой кости)¹⁰.

Изготовление серебряных изделий засвидетельствовано для Ассирии, Урарту и Хабхи (II, 213)¹¹. Высокое развитие металлообрабатывающих ремесел в первых двух земледельческо-скотоводческих областях подтверждается данными археологии¹². Ассирия и Урарту занимали ключевые позиции в транзите горных областей, чем обеспечивался постоянный приток сырья для их металлообрабатывающих ремесел.

Шире всех других ремесленных изделий была распространена медная утварь, в некоторых районах, по видимому, в связи с удобством ее применения в кочевом и полукочевом хозяйстве.

¹ I, 794 и 806. Об источниках золота в Передней Азии, см. DChG, стр. 58 сл. и R. J. F o r b e s, Gold in the ancient Near East, «Ex Oriente lux», 1939, № 6, стр. 237—250 (с указанием библиографии вопроса).

² I, 625, 650 и 666.

³ I, 625, 650, 666; II, 45, 68, 794, 806. Свинец и олово обозначаются в клинописи одним общим термином алаки. Местонахождение олова зафиксировано в районе к северо-востоку от Исфгани — см. ОИТДВ, стр. 84.

⁴ II, 260, 357, 587, 585.

⁵ В Бит-Замани: мебель, отделанная слоновой костью и золотом (I, 466); в Мусасире: деревянные изделия и мебель с золотой и серебряной отделкой, золотое оружие и снаряжение, золотая и серебряная утварь (II, 172—173, 213); в Замуа: мебель, обитая золотом (I, 476).

⁶ В Бит-Агуси: ложе, обитое золотом и серебром (I, 600); в Каркемише и Бит-Адини: серебряные изделия и золотое оружие (I, 475 и 476).

⁷ Золотые и серебряные вещи из парской палатки в разбитом халдейском лагере (II, 39).

⁸ II, 213. О месторождениях серебра в этом районе см. DChG, стр. 61.

⁹ I, 477 и II, 70. Куски бунса вместе с африканским черным деревом были присланы Сенаххерибу из Иудеи, Асархаддону — из Сидона (II, 312, 511 и 527).

¹⁰ I, 475. Тиглатпаласар I (конец XII в. до н. э.) охотился на слонов именно в этом районе (I, 247). Ададнерари II (конец X в. до н. э.) охотился на слонов у подножья Ливана (I, 392). Другим источником слоновой кости, который следует предположить ввиду последующего полного истребления сирийских слонов, можно считать Индию, откуда слоновая кость могла попадать в Переднюю Азию по притокам Тигра и главным образом через Персидский залив. Однако возможно, что имеющиеся в ассирийских летописях сообщения о наличии слоновой кости у халдейских племен в низовьях Евфрата касаются вывоза сирийской слоновой кости (I, 625: шкуры и бивни). Шкуры и бивни слонов или отдельно кость, кроме того, встречаются в перечнях дани Хаттины и Сухи Саламансару III (I, 585, 592 и 593), Куммуха, Тира, Куз, Каркемиша и Гургума — Тиглатпаласару III (I, 739, 769 и 772), в общей дани Египта и арабов побережья и степи Саргону II, в составе иудейской дани Синаххерибу и Сидона — Асархаддону (II, 312 и 527).

¹¹ См. выше, стр. 31, прим. 14.

¹² См. Б. Б. П и о т р о в с к и й, История и культура государства Урарту, Ереван, 1944, стр. 191 сл.; ОИТДВ, т. I; В. М е i в н е г, Babylonien und Assyrien, Heidelberg, 1920, т. I, гл. 8.

В составе стран, присылавших медные изделия, числятся средиземноморские и приевфратские области в целом¹, а также отдельно: Финикия², Хаттина³, Хатти⁴, Бит-Адини⁵, Ицалла⁶, области среднего течения ев-

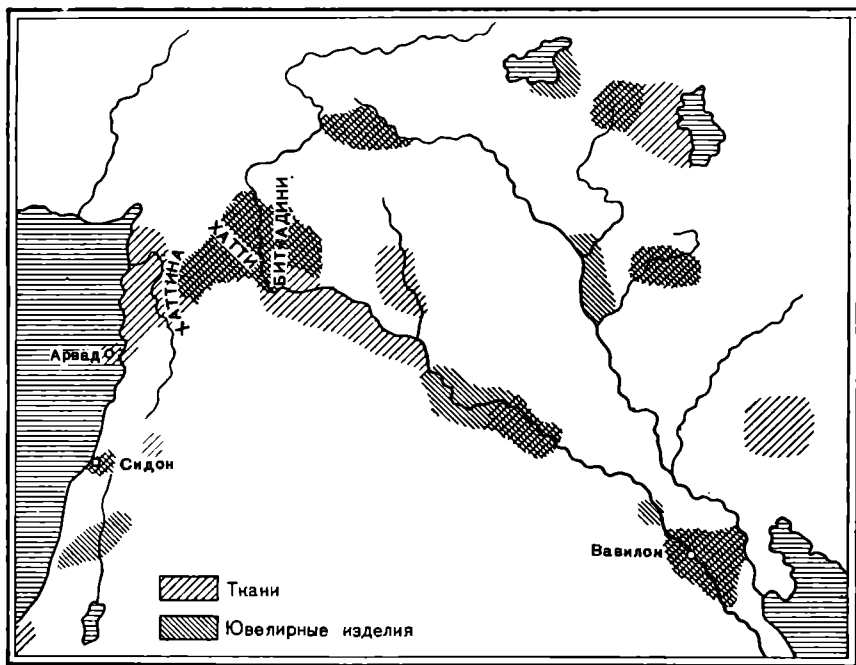

Схема 2. Распространение тканей и ювелирных изделий

фратского Хабура⁷, район гор Кашиари⁸, Бит-Бахиани⁹, Кутмух¹⁰, Нирдун¹¹, Нирби¹², Бит-Замани¹³, Шубрия¹⁴, Хабхи¹⁵, Мусасир¹⁶, Гильзан¹⁷, Киррури¹⁸, Гизильбунда¹⁹, Замуа²⁰, Элам²¹, остров Дильмун (Бахрейн)²², Сухи²³, Хипдану²⁴, Лаке²⁵.

Существование художественных ремесел по обработке бронзы анналы отмечают только в Мусасире²⁶, где имелись свои разработки меди²⁷. Особенным разнообразием художественных изделий из меди отличается

¹ I, 603 и 610.   ² I, 479 и 518.

³ I, 593 и 601.   ⁴ I, 476.   ⁵ I, 475.

⁶ I, 475 и 447 (общая дань с Бит-Бахиани и Хатти).

⁷ I, 412, 443 и 469.   ⁸ I, 461.

⁹ I, 475.   ¹⁰ I, 222, 223, 459, 498, 442 (в последнем случае совместно с мупками).

¹¹ I, 462 и 499.

¹² I, 446.

¹³ I, 466, 501, 447 (в последнем случае совместно с другими областями верхьев Тигра).

¹⁴ I, 502.   ¹⁵ I, 460 и 498.   ¹⁶ II, 172—173 и 213.

¹⁷ I, 589 и 441 (в последнем случае совместно с Хубушкой).

¹⁸ I, 440 (совместно с соседними странами).

¹⁹ I, 710.   ²⁰ I, 454 и 457.   ²¹ II, 810.

²² II, 438. В этом тексте специально подчеркивается местное производство мелких изделий.

²³ I, 410 и 470.   ²⁴ I, 469.

²⁵ I, 412, 443 и 473.   ²⁶ II, 173.

²⁷ См. Б. Б. Петровский, История и культура государства Урарту, стр. 218.

дань Замуа, Бит-Замани и Каркемиша¹. Если ремесла Каркемиша, как одного из крупнейших транзитных центров, могли развиваться на привозном сырье, благодаря постоянным значительным запасам его сокровищницы, то для Бит-Замани и Замуа вероятнее предположить существование местных разработок меди².

Металлообрабатывающие центры, которые прослеживаются таким образом по изделиям художественных ремесел, были, несомненно, вместе с тем и центрами производства орудий труда.

Несмотря на то, что железо было важнейшим стратегическим сырьем³, оно упоминается значительно реже всех других металлов: в общей дани малоазийских, сирийских и средиземноморских областей⁴, в Дамаске⁵, в Хаттине⁶, в Каркемише⁷, в Куз⁸, Бит-Халупе⁹, Бит-Замани¹⁰, в Шубрии¹¹, в халдейских областях¹², у хаматских Лаке¹³. Но это объясняется в значительной степени характером наших источников, так как в них речь идет главным образом о содержании сокровищницы.

Медь и свинец¹⁴ в слитках по своему распространению стоят на втором месте после благородных металлов. Во II тысячелетии до н. э. медь и свинец играли роль денег в переднеазиатском обмене, поэтому ареал их распространения сходен с ареалом распространения серебра. Упоминание обоих этих металлов встречается в анналах для следующих районов: Мемфис¹⁵, группа средиземноморских, малоазийских и сирийских областей¹⁶, Дамаск¹⁷, Финикия¹⁸, Унку¹⁹, Хаттина²⁰, Бит-Агуси²¹, Хатти (Каркемиш)²², Мелид²³, Бит-Адини²⁴, Ицалла²⁵, Бит-Халупе²⁶, Бит-Бахиани²⁷, Шубрия²⁸, Мусасир²⁹, Гильзан³⁰, район южнее Каспийского моря³¹,

¹ I, 454, 466, 476 и 501.

² См. H. Q u i r i n g, Die Erzgrundlagen der ältesten Eisenerzeugung, «Zeitschrift für praktische Geologie», Jg. 41 (1933) Hf. 8, стр. 128 сл. и DChG, стр. 63 сл. О древнейших разработках руд в районе истоков Тигра см. К с е н о ф о н т, Анабасис, М.—Л., 1951, прим. 3 к кн. IV.

³ Подробнее о районах добычи и обработки железа и роли его транзита в политико-экономической истории этого периода см. С. М. Б а ц и е в а, ук. соч.. О составе и месторождениях железа, известных ассирийцам, см. DChG, стр. 80 сл.

⁴ I, 801 и 722. ⁵ I, 740: 150 тонн. ⁶ I, 585 и 477 (3 тонны).

⁷ I, 601: 3 тонны; I, 476: 7,5 тонн.

⁸ I, 583. ⁹ I, 443.

¹⁰ I, 405, 466 и 501.

¹¹ I, 502. ¹² I, 625. ¹³ I, 412: 30 кг железа.

¹⁴ О местах добычи и о терминологии, обозначающей оба эти металла, см. DChG, стр. 63 сл. и 116 сл.

¹⁵ II, 585: бронза и свинец.

¹⁶ I, 603, 801, 772 (в последнем случае в списке областей числятся и аравийские): свинец, олово, медь.

¹⁷ I, 740: 900 тонн меди.

¹⁸ I, 479 и 518: свинец и медь.

¹⁹ I, 769: 3 тонны меди.

²⁰ I, 585, 593, 655, 477: медь и свинец; в последнем случае — 3 тонны свинца.

²¹ I, 477: медь; текст с лакуной на том месте, где в перечне мог быть назван и свинец.

²² I, 601: 900 кг меди; I, 476: 3 тонны меди.

²³ I, 636 и 638: медь и свинец.

²⁴ I, 475 и 474: медь и свинец; в последнем случае дань совместно с Тиль-Абной.

²⁵ I, 475: медь и свинец; I, 447 (совместно с Бит-Бахиани и Каркемишем): свинец.

²⁶ I, 412: 330 кг свинца и медь из города Шадикиани; I, 443 и 469: медь и свинец.

²⁷ I, 475: медь и свинец.

²⁸ I, 405 и 466: свинец и медь; I, 501: 6 тонн свинца и 3 тонны меди; I, 447) вместе с соседними областями).

²⁹ II, 172—173: бронза из дворца и свинец; II, 213: 108 тонн меди из храма.

³⁰ I, 589: свинец; I, 441 (совместно с Хубушкойей): свинец и медь.

³¹ I, 768: медь. Речь идет о назначении дани на будущее в 15 тонн меди и 9 тонн лазурита.

Замуа¹, Аррапха², Халдейские области³, Сухи⁴, Хиндану⁵, Лаке⁶.

По запасам меди, насколько можно вывести из отмеченных цифровых данных, на первом месте стоят Мусасир и Дамаск, остальные сокровищницы не идут с ними ни в какое сравнение. Для Мусасира это, без сомнения, результат разработки своих месторождений и транзита, для Дамаска же медь, наряду с железом (см. выше), была скорее одной из основных статей транзита, так как доставка металлов из рудников малоазиатского Тавра в Вавилонию и Египет, не имевшие собственных рудников, должна была идти именно этим южным торговым путем, который держал в своих руках Дамаск. Среди прочих выделяются Каркемиш (Хатти), цитадель в Унку и Шубрия. Каркемиш был одним из крупнейших торговых городов северного пути. Шубрия и Аррапха имели, повидимому, свои рудники. Для прикаспийской области Тиглатпаласар III назначил в составе дани на будущее время 5 тонн меди и 9 тонн лазурита, но так как лазурита оттуда он явно получать не мог (см. выше) и, повидимому, не получил, то возможно, что его расчет на получение из этого района 15 тонн меди мог также оказаться безосновательным. Область Унку, вероятно, имела запасы этого металла в результате обмена с районами близлежащих Аманских гор.

По запасам свинца, с той же оговоркой относительно немногочисленности цифровых данных, особенно выделяется Шубрия (совр. Сасунские горы), которая в этом отношении стоит вне сравнений с другими районами. Возможно, что здесь имелись свои свинцовые или оловянные копи (ОИТДВ, 84 и 170). Среди остальных районов наиболее значительные запасы свинца указаны для хаматских племен Лаке, которые по этому металлу и по меди оказываются богаче своих харранских соплеменников, так же как и в отношении благородных металлов (см. выше, стр. 30). По своему расположению третий пункт, обладавший значительным запасом свинца, — Шадиканни (главный город Бит-Халуце) был промежуточным звеном между Лаке и Шубрией.

Весьма показательно абсолютное преобладание в запасах всех стран металлов в слитках (безразлично, идет ли речь о благородных металлах, бронзе, меди, свинце или железе). Очевидно, в районах добычи металлов практиковалась главным образом плавка руды, без последующей ее обработки (АЗ, 53, 56, 75—76 и 78), производившейся в районах потребления в меру их способности к содержанию у себя ремесленников.

Горные районы Закавказья, по мнению Б. Б. Пиотровского, начали специализироваться на добыче руд только во второй половине II тысячелетия до н. э. Поскольку эта специализация проходила под влиянием развития переднеазиатского международного обмена, постольку естественно предположить, что аналогичная специализация на горном деле в горных районах, ближе расположенных к культурным центрам Передней Азии, прошла тем же порядком, но раньше, чем в Закавказских областях.

Б. Б. Пиотровский справедливо связывает с этой специализацией одновременное развитие коневодства в горных районах Закавказья, объясняя эту связь необходимостью постоянных сношений между рудниками и основными поселениями.

¹ I, 457: свинец и медь. В тексте I, 456 отмечается также присылка дани медью из соседней области.

² I, 232: 900 кг бронзы. ³ I, 625: свинец и медь. ⁴ I, 440 и 444: свинец.

⁵ Медь: I, 443, 469 и 410 (в последнем 30 кг свинца).

⁶ I, 443 и 473. Лаке хаматские — I, 412: 960 кг свинца, 390 кг меди; Лаке харранские — I, 411: 180 кг свинца.

Ковские заводы, по сведениям анналов, имелись только в горных областях. Среди районов, присылавших регулярную дань лошадьми, исключая Мидию¹, числятся: группа северомесопотамских областей, в том числе Бит-Замани²; Замуа³, Манна⁴, Гильзан⁵, Наири⁶, Шубрия⁷, Тиана⁸ и Табал⁹. Для населения области Суби, по словам анналов Саргона (II, 158), издавна главным занятием было выращивание лошадей и поставка их для регулярной армии урартов.

Таким образом, есть основания утверждать, что перечисленные скотоводческо-земледельческие области были главными поставщиками металлов. Совершенно определенно это можно сказать относительно Замуа и Бит-Замани. О первой уже шла речь выше, вторая была расположена на территории сплошных меднорудных месторождений¹⁰. Приурмийские области Гильзан и Манна, повидимому, пользовались теми же рудниками, что и Мусасир. Относительно Шубрии и Табала, которые не отмечены в схеме 1 среди земледельческих районов, тем не менее также можно предположить, что они имели на своей территории земледельческо-скотоводческие районы со специализацией на добыче руд, до которых ассирийцы просто не добирались, так как поселения Шубрии размещались в неприступных горах, а Табал был районом, наиболее отдаленным из подвергавшихся угрозе ассирийской экспансии.

Первое крупное общественное разделение труда — выделение скотоводства, а затем возникновение ремесел у источников сырья для районов Закавказья Б. Б. Пиотровский датирует рубежом II и I тысячелетий до н. э. О тесной связи Закавказья с более развитыми переднеазиатскими странами можно с уверенностью говорить для периода не раньше середины II тысячелетия до н. э.¹¹

Очевидно, в районах, ближе расположенных к древнейшим культурным центрам передней Азии (Вавилонии и Египту), отделение скотоводства от земледелия произошло раньше. Упрочение этого разделения означает, что для земледельческих районов должно было стать предпочтительнее получение взрослого рабочего скота из областей, имевших в своем распоряжении естественные пастбища, т. е. скотоводческих по преимуществу.

Показательна специализация округа центрального города соседней с Вавилонией области на разведении именно крупного рогатого скота (повидимому, тяглогового), который здесь, как подчеркивается в источнике, выкармливали травой (II, 539), в отличие от других земледельческих райо-

¹ I, 719, 795 и 812; II, 58, 204, 519, 540 и 566; ср. с данью и грабежами ассирийцев в соседних областях, в том числе в Гизильбунде (I, 719 и II, 149), Эллии (совр. Керманшах; II, 58, 147 и 237), Кашии (совр. Луристан; II, 236, 237 и 277), Намаре и соседних областях на Дияле (I, 637 и 766).

² Бывшая территория Митанни: Бит-Бахвани (I, 366, 368 и 475; I, 373 — вместе с Гузаной и хабурскими областями; I, 447 — вместе с Хатти и Ицаллой); Нирдун (I, 462, 466 и 499); наместничество Наири (I, 775 и 447 — вместе с Бит-Замани, Нирдун и др.); Бит-Замани (I, 405, 466 и 501).

³ I, 451 и 457; II, 210 — соседняя Аллабрия; II, 145 — Манна, Эллии и Мидия.

⁴ I, 587 и 718; II, 144, 148, 786 и 851.

⁵ I, 589, 598 и 607; 588 — дань соседних районов, в числе которых Авдиа, на р. Сефид-руд; I, 441 и 457 — дань, присланная вместе с Хубушкойей (на притоке Тигра — Бохтане).

⁶ В основном урартские области: I, 236, 275, 301, 305, 402, 414, 605, 606, 717, 718 и 722.

⁷ I, 502. ⁸ II, 755. ⁹ II, 781, 848 и 911.

¹⁰ См. «Zeitschrift für praktische Geologie», Jg. 41 (1933), Hf. 8, стр. 128 сл.

¹¹ АЗ, стр. 43 сл. В архивах царей Ассирии обычно упоминается две породы лошадей, очевидно, наиболее ценные для конницы: mesâia (из южной маннейской области) и kusâia (эфиопские).

нов, где скот кормили ячменем и соломой. Речь идет о Гамбулу, одном из арамейских племен, расселившихся в конце II тысячелетия до н. э. в районе современного русла Тигра, в нижнем его течении, к востоку от шумерского Лагаша. Поселившись в этой древней земледельческой обла-

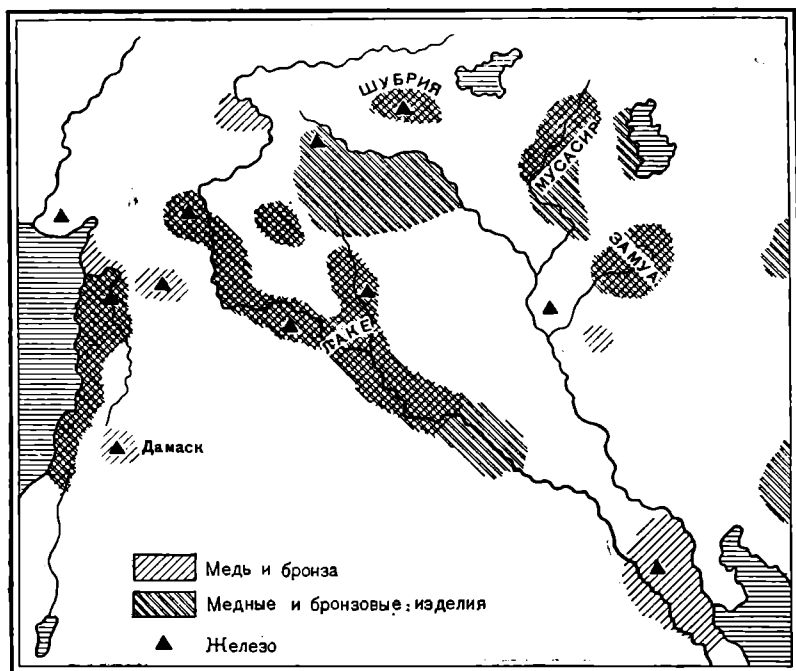

Схема 3. Распространение металлов (кроме благородных) и металлических изделий

сти, гамбулийцы, очевидно, все-таки наряду с новым для них земледелием сохраняли и скотоводство, приспособив его к нуждам обмена с более развитой Вавилонией.

Скот назначался в качестве ежегодной дани только горным и степным районам: Табалу¹, Тиане², Нирбу³, Бит-Замани⁴, Наири⁵, Манне⁶ и ее соседям⁷, Замуа⁸, Мидии⁹, Гамбулу¹⁰, областям аравийского полуострова¹¹.

На существование четкого разделения между земледельческими и скотоводческими районами указывает и тот факт, что нигде в оседлых областях Передней Азии не держали верблюдов, представлявших основное богатство жителей степных областей по ту сторону Загра¹² и на аравийском полуострове¹³.

История проникновения ассирийцев в эти степные районы, которую дают анналы, не лишена интереса. Двугорбых верблюдов анналы Саргона II (722—705 гг. до н. э.) называют «уроженцами» северо-восточных областей, лежащих по ту сторону Загра. Термин, обозначающий двугорбых

¹ II, 781, 848 и 911. ² II, 7 и 55. ³ I, 446.

⁴ I, 466 и 501. ⁵ I, 236 и 722. ⁶ II, 786.

⁷ I, 587. ⁸ I, 451 и 457. ⁹ II, 58.

¹⁰ II, 31. ¹¹ II, 18, 518 и 870.

¹² I, 589, 591, 598, 607 и 718; II, 147, 259, 270, 519, 540 и 566.

¹³ I, 772, 778, 799, 817 и 818; II, 55, 259, 270, 358, 518, 536, 551, 823, 824, 827, 870, п 949.

верблюдов (*udru*), стал привычным для ассирийцев, только начиная с середины VIII в. до н. э.; анналы Салмансара III (859—825 гг. до н. э.) называют двугорбых верблюдов, полученных из приурмийской области Гильзан, термином, обозначающим одногорбых арабских верблюдов (*gamtâlu*), но с разъяснением, что эти *gamtâlu* имеют два горба. Такая же оговорка обычна в анналах Шамши-Адада V (конец IX — начало VIII в. до н. э.) в перечнях дани восточных и северо-восточных загрских племен;

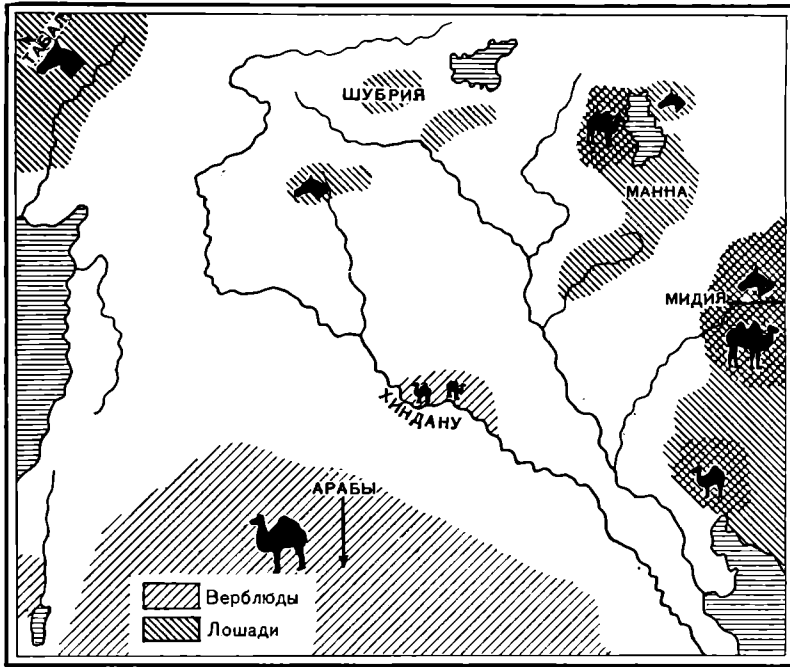

Схема 4. Размещение кочевого и полукочевого скотоводства

однако здесь уже употребляется термин *udru*. Специально для обозначения двугорбых верблюдов термин *udru* без дополнительных разъяснений применяется только в анналах Тиглатпаласара III (середина VIII в. до н. э.). Таким образом, установление тесных связей переднеазиатских стран со степными племенами мидян можно датировать VIII в. до н. э. В отличие от загрских областей, на Аравийском полуострове разводили только одногорбых верблюдов (известны с XI в. до н. э.)¹, которые здесь были главной добычей ассирийцев и представляли основную статью дани арабов. Единственный случай, когда ассирийцы, получают одногорбых верблюдов из другого (но примыкающего к арабским) района — это дань арамейского племени Хиндану (I, 410). Эта же область прислала один раз Ашшурнасирапалу (начало IX в. до н. э.) дань, в составе которой числился сердолик (этот камень, очень распространенный в Передней Азии I тысячелетия до н. э., по наблюдениям Г. Г. Леммлейна происходит из Индии); на этот раз дань была доставлена на двугорбых загрских верблюдах. Таким образом, Хиндану можно считать транзитным пунктом на караванной до-

¹ W. F. Albright, *Archaeology and religion of Israel*, Baltimore, 1942, стр. 132 сл. (ср. со стр. 96 сл.).

роге через степи аравийского полуострова и северную Месопотамию к Загру (I, 443).

Все случаи, когда одnogорбые верблюды попадали в руки ассирийцев при грабежах в других районах, объясняются пребыванием арабов в союзнических крепостях или торговым посредничеством их в обмене областей побережья Средиземного моря и Персидского залива¹.

Одnogорбые верблюды попадают в руки ассирийцев при грабежах во время походов в районы нижнего Евфрата, месопотамского побережья Персидского залива, при осаде пограничных крепостей Элама и Эллипи². Торговые связи арабов прослеживаются и по распространению обычно присутствующих в арабской дани благовонных трав³. Эти травы упоминаются при разгроме царского дворца Унку и в Дур-Якине, торговом центре халдейского племени, расселившегося на месопотамском берегу Персидского залива. Очевидно, эти травы привозились с аравийского полуострова, так как смолы и травы, входившие в состав дани других областей, все были местного происхождения: область в предгорьях Амана присылает кедровую смолу (I, 601), Израиль — гилеадский бделлий (I, 590), Дамаск — 600 кг ладана (I, 769).

Систематические походы вглубь Аравийского полуострова, так же как и в степные районы по ту сторону Загра, начинаются с середины VIII в. до н. э. По всей вероятности, это было вызвано налаживанием международной торговли, которая пошла в обход районов, объединенных Ассирией (ср. выше, стр. 30). Еще более существенным, повидимому, является то обстоятельство, что обмен со степными скотоводческими районами (если иметь в виду и грабительские походы — наиболее распространенный из способов обмена) по своим масштабам и сравнительной легкости больше удовлетворял нуждавшиеся в нем земледельческие области (ср. АЗ, 114).

Несмотря на указанное разделение, скотоводство было одной из важнейших отраслей производства повсюду, в том числе и в оседлых районах, поэтому перечень стран, из которых ассирийцы угоняли крупный и мелкий рогатый скот или получали его в качестве дани, является наиболее обширным из всех: Египет⁴, Израиль,⁵ Бит-Агуси⁶, Хаттина⁷, Хатти (Каркемиш)⁸, Куммух⁹, Гургум¹⁰, Куэ¹¹, мушки¹², Дайаэни¹³, Бит-Адини¹⁴, Тиль-Абна¹⁵, Ицалла¹⁶, хабурские районы¹⁷, области в долинах Кашиари¹⁸, Кутмух¹⁹, Нирдун²⁰, Гамбулу²¹, халдейские области в низовьях Евфрата²² и арамейские на среднем Евфрате²³, Наири²⁴, Шубрия²⁵, Урарту²⁶, Хабху²⁷,

¹ II, 31, 33, 39, 45, 234, 237, 240, 274 и 279.

² II, 259, 270 — битва Сенаххерибас юго-восточной коалицией, в армии которой были оба вида верблюдов.

³ giḫḫē kālāma — I, 778, 799, 817 и 818; II, 18, 440, 518, 536, 551 и 569.

⁴ II, 78, 87 и 580. ⁵ II, 240. ⁶ I, 477, 600 и 601. ⁷ I, 477, 601 и 655 и общая дань Средиземноморья: I, 772.

⁸ I, 476 и 601.

⁹ I, 599. ¹⁰ I, 599 и 601. ¹¹ I, 583. ¹² I, 413. ¹³ II, 245.

¹⁴ I, 472 и 475. ¹⁵ I, 599.

¹⁶ I, 412, 445, 475 и 480 и I, 447 (в составе общей дани с Бит-Бахиани и Хатти).

¹⁷ I, 370, 465 и 469. ¹⁸ I, 461.

¹⁹ I, 223, 459, 498 и 442 (в последнем случае дань была прислана вместе с соседним племенем мушков).

²⁰ I, 462 и 499.

²¹ I, 764 и II, 32, 234, 235, 266, 276, 303 и 788. В тексте II, 274 и 539 отмечена дань, присланная вместе с соседними областями.

²² I, 625, 794 и 806; II, 36, 45 и 67.

²³ Сухи: I, 410 и 470; Хиядану: I, 469; Лаке: I, 373, 411, 412, 443 и 473.

²⁴ I, 447 и 775; II, 21, 56 и 168.

²⁵ I, 502; II, 607. ²⁶ I, 606 и II, 13, 24, 145 и 210.

²⁷ I, 460, 465 и 498.

Мусасир¹, Гильзан², Киррури³, Манна⁴, Замуа⁵, Эллипи⁶, Аррапха⁷, Намар⁸, Элам⁹, Гизильбунда¹⁰ и Мидия¹¹, области Аравийского полуострова¹² и Иудея¹³. Обширность приведенного списка объясняется тем, что в летописях преобладают сообщения о грабежах поселений, а не городов-крепостей. Осада крепости далеко не всегда кончалась взятием и разграблением ее или выдачей дани, имущество же окрестных поселений постоянно оказывалось легкой добычей ассирийцев. Трофеи в поселениях сводились к угону скота и людей.

При сопоставлении данных схем размещения земледельческих районов (№ 1), распространения тканей, ювелирных изделий (№ 2) и металлических изделий (№ 3) выясняется, что заштрихованные области совпадают. Тем самым подтверждается, что ремесленные центры являлись вместе с тем районами развитого земледелия. Особенно наглядно это выясняется из сравнения со штриховой схемой размещения кочевого и полукочевого скотоводства (№ 4). Если на первых трех схемах выделяются главным образом центральные районы Передней Азии, расположенные на территории так называемого плодородного полумесяца, то на четвертой схеме выделяются главным образом районы степные и отчасти горные вне этой территории.

На схеме распространения железа и меди (№ 3) отмеченными оказываются районы добывающие (горные), транзитные и главные потребители этого важнейшего ремесленного сырья: земледельческие. Если же сверить ареал благородных металлов с названиями стран по карте, то нетрудно убедиться, что штриховка схемы распространения всех металлов, включая благородные, оказалась бы сплошной. Очевидно, если говорить о благородных металлах, как о продукте горного дела, а не только как средстве обращения, то придется признать, что этот товар имел повсеместное распространение, т. е. что в горном деле производство на обмен было максимально развито.

Закончив на этом обзор состояния и особенностей производства переднеазиатских стран, упоминаемых в анналах, попытаемся выяснить характер и степень взаимной экономической зависимости их между собою.

Прежде всего необходимо выяснить смысл только что отмеченного деления областей сначала на преимущественно земледельческие (схема 1) и преимущественно скотоводческие (схема 4). Очевидно, что такая специализация сложилась стихийно и объясняется особенностями географических условий. По словам Маркса: «внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, зудоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. п. При зачатках культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства. Сравните, напр., Англию с Индией или — в античном мире — Афины и Коринф с прибрежными странами Черного моря»¹⁴.

¹ II, 22, 172 и 176. ² I, 588. ³ I, 440.

⁴ II, 144, 148 и 851. ⁵ I, 452 и 454.

⁶ II, 237 и 147 (в последнем случае вместе с соседними областями).

⁷ II, 236, 237, 277, 724 и I, 771 (в последнем случае вместе с соседними областями).

⁸ I, 766.

⁹ II, 235, 804, 811, 920 и 45 (в последнем случае вместе с соседними областями).

¹⁰ I, 719 и II, 149 (в последнем случае вместе с соседними областями).

¹¹ I, 519, 540, 721, 768, 795 и 812.

¹² I, 778, 779 и 817; II, 55, 358, 536, 551, 823, 824, 827 и 949. ¹³ II, 240 и 312.

¹⁴ К. М а р к с, Капитал, т. I, 1955, стр. 515 сл.

Это положение, существенно облегчающее наш анализ, обусловлено марксовой теорией воспроизводства, по которой для осуществления как простого, так и в особенности расширенного воспроизводства необходимо наличие определенной пропорциональности между I (средства труда) и II (предметы потребления) подразделениями общественного производства, а также определенной пропорциональности между отраслями внутри этих двух основных подразделений¹.

Для обеспечения расширенного воспроизводства, без которого общество не может развиваться вообще, необходимо накопление в I подразделении, облегчающееся наличием естественного богатства средствами труда.

В полном соответствии с приведенным выше наблюдением Маркса, и на Ближнем Востоке земледельческие области, отличающиеся наивысшим природным плодородием почвы, были колыбелью древнейших цивилизаций. Области так называемого плодородного полумесяца (схема 1), в общем и целом, если рассматривать их производство с точки зрения международного обмена, следует отнести к группе стран, производящих преимущественно средства потребления (II подразделение общественного производства). Скотоводческие же районы (схема 4) по признаку поставок тяглового и транспортного скота следует отнести к числу областей, имеющих природные преимущества для развития производства средств труда (I подразделение)², так как с точки зрения дальнейшего расширения общественного производства Передней Азии в целом, а не только каждой данной страны, существенной является именно эта их способность. Поставки продуктивного скота и других предметов потребления из продуктов скотоводства (II подразделение) не имеют решающего значения для расширенного воспроизводства. К тому же продукты скотоводства вообще не входили в состав необходимых средств жизни. Во всех культурных центрах, бывших оседлыми, рацион основной рабочей силы — рабов и большинства свободных производителей материальных благ — сводился к зерну (хлеб и пиво) иногда с добавлением кунжутного масла. Потребность в шерсти для одежд этой группы населения могла без труда покрываться в каждой стране из ее же собственных продуктов³.

Другим основанием для включения скотоводческих областей в I подразделение общественного производства может служить также значение транспортного скота не только как основного средства сообщения в мирной обстановке, но и в особенности чрезвычайно важная роль колесниц,

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 439 и прим. 50 о соблюдении этого важнейшего соотношения даже в трудовых операциях дикаря.

² Ср. К. Маркс, Капитал, т. I, 1950, стр. 186: «Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда (разрядка моя. — П. Я.) на первых ступенях человеческой истории играют прирученные, следовательно уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные». И раскрывая далее понятие «средства производства», на стр. 187 Маркс дает известное обобщение: «Из числа самих средств труда механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, составляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства...». Иными словами, под «костной» системой производства здесь подразумеваются орудия труда, под «мускульной» же, в частности, рабочий скот. Необходимо обратить особое внимание на слово «совокупность» и на охватываемое им различие между «костной» и «мускульной» системой производства, так как нередко особенности «мускульной» системы производства совершенно опускаются, хотя они не менее важны для определения формации, чем «костная» система производства.

³ Что именно таков был рацион производителей материальных благ в Двуречье, подтверждается бесчисленными документами хозяйственной отчетности.

конницы и вьючного и тележного транспорта в оснащении армии любого из государств Передней Азии того времени¹. Во всех случаях пополнения ассирийского войска из состава армий завоеванных областей и поставок подкреплений в ассирийскую армию, находившуюся на марше, о какой бы области ни шла речь, всегда упоминаются лошади².

Это особое значение скотоводческих областей, как мне кажется, является одной из причин того, что наименее, казалось бы, развитые степные скотоводческие племена Мидии, при поддержке Вавилонии, сначала разгромили ассирийскую армию, а затем даже смогли самостоятельно добиться гегемонии в международнои политике.

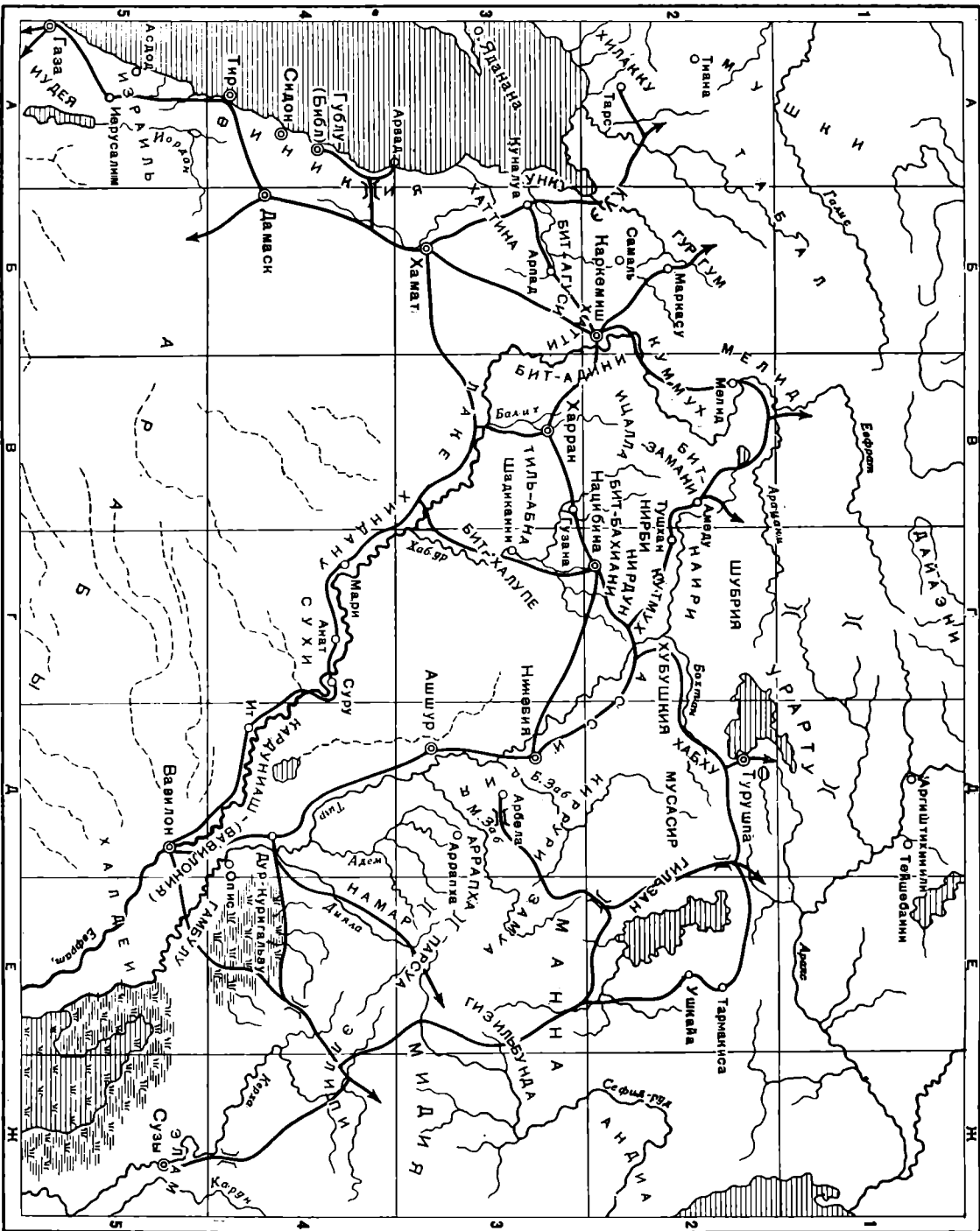
Для горных районов, которые имели значительно меньше возможностей для развития земледелия, чем цивилизации больших речных долин, и относительно меньше возможностей для развития скотоводства, чем степные районы — специализация на горном деле имела, кроме всего прочего, то преимущество, что воспроизводство в горном деле не представляет затруднений, свойственных двум другим добывающим отраслям, которые имели решающее значение для развития экономики любой страны древнего Востока: земледелию и скотоводству. В земледелии кроме затруднений в воспроизводстве, связанных с характером земельных отношений, всякое расширение производства среди прочих затрат требует прежде всего наличия дополнительного количества посевного зерна, не считая зависимости земледельческих хозяйств от возможности содержать рабочий скот. Развитие скотоводства ограничено, в свою очередь, размерами пастбищ и кормовых запасов; в последнем отношении оно зависит от уровня развития земледелия³, именно это и было одной из причин периодических вторжений кочевников в земледельческие районы. Кроме того, земледелие и скотоводство являются сезонными, т. е. сопряжены с периодическими перерывами в цикле производства; причем влияние неблагоприятной погоды здесь, как известно, столь значительно, что иногда вовсе срывается очередной цикл (неурожай и т. п.) или значительно сокращается ряд последующих циклов. В горном же деле влияние сезонности совсем не ощущается и не требуется никаких дополнительных затрат на расширение производства, кроме введения новой рабочей силы и самых примитивных орудий труда.

С возникновением в горных районах классового общества и государства (с середины II тысячелетия до н. э.) положение осложнилось: свободный доступ к источникам сырья на их территории стал постепенно сокращаться, торгово-ремесленные колонии древних земледельческих цивилизаций были истреблены (см. РЗОА, стр. 37 и 38). Слаборазвитые по сравнению с древними земледельческими цивилизациями новые культурные центры горных районов, с возникновением у них собственных обрабатывающих отраслей, в том числе и художественных ремесел, перестали, очевидно, нуждаться в получении извне ремесленных изделий, служивших

¹ См. состав переднеазиатских войск в I, 611. Следует помнить, что речь идет о рабовладельческой формации, в производстве которой насилие играет решающую роль. Ср. К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 479, о характерной для рабовладельческой формации замене процесса обращения прямым физическим принуждением.

² Хаттина (I, 600 и 655), Унку (I, 769), Иудея (II, 240), о-в Кипр (II, 710), Фивы (II, 778, 74 и 87), Мемфис (II, 585), Халдея (II, 45, 234, 274, и 320), Гамбулу (II, 31, 39, 67 и 788—вместе с соседними областями), Сухи (I, 470), Элам (II, 45, 804, 809, 811, 920 и 1038); в целом средиземноморские, сирийские, малоазиатские, арабские районы (I, 772; II, 18 и 55).

³ Этим обстоятельством объясняется, в частности, отмечавшееся выше превосходство пород скота, выведенных в Вавилонии и Египте (см. ARAB, II, 778; ср. II, 87 и 74).

Схематическая карта персидонезагских торговых путей (по данным ассирийских летописей)

прежде основной статьей их ввоза, а свою продукцию добывающих отраслей, которая прежде вывозилась за бесценок (продукты скотоводства и горного дела), эти горные области, по мере развития у них производства жизненных средств, повидимому, уже могли использовать для расширения собственного производства. На эквивалентный обмен даже самые развитые страны не были способны из-за чрезвычайно слабо развитой товарности производства.

Эти последствия развития горных областей должны были подорвать самые основы воспроизводства в районах древнейших цивилизаций, которые действительно к концу II тысячелетия до н. э. вступают в полосу кризиса в материальном производстве.

Ассирия стала гегемоном в международной политике начала I тысячелетия, повидимому, именно благодаря тому, что она имела наиболее широкие возможности для насильственного урегулирования международного обмена (см. РЗОА, 81; ср. 11 сл.). Чрезвычайно показательна в этом отношении проассирийская политика сначала Вавилонии, а затем Египта, армия которого сражалась на стороне Ассирии до самого последнего момента¹.

Развитие горного дела в северомесопотамских, загрских и таврских предгорьях, которые Ассирия присоединила к себе в первую очередь, достигло, как видно, весьма значительных для того времени масштабов, на что указывают приведенные выше цифры и археологические находки, в числе которых один дворец Саргона II дал около 160 тонн железа².

Отсутствие реальных возможностей для установления настоящей экономической общности, основанной на эквивалентном товарном обмене, допускало сохранение и расширение международного обмена только в принудительных формах, одинаково для внешнего и для внутреннего рынков.

Характер внутреннего обмена (взаимоотношения различных групп в производстве) достаточно ярко проявляется в факте сосредоточения в городах накоплений однотипного характера: средства обращения, предметы роскоши, воинское вооружение и снаряжение. Эта особенность общественного богатства дополняется типичной картиной размещения различных отраслей производства: садоводство и художественные ремесла сосредоточивались в тех же торговых и административных центрах и округах их, на остальной же территории ассирийцы при самых основательных грабежах не встречали никаких богатств, кроме посевов на полях и скота в поселениях или на пастбищах (см. выше, стр. 42). Подобное распределение может быть следствием только такого обмена, основой которого является внеэкономическое принуждение.

Ассирия старалась всеми силами сохранить господствующее положение в международном обмене, однако ее торговое посредничество не могло идти на пользу всем объединенным ею странам, так как за товары, приобретенные сверх обязательной дани, Ассирия расплачивалась теми самыми средствами, которые она собирала от своих данников-продавцов. К тому же по мере роста государственного аппарата Ассирии и расширения ее культурных потребностей размеры дани, налагавшейся на завоеванные страны, росли³, а доля дохода, который эти страны получали из торговли с Ассирией, по сравнению с ущербом из-за контрибуций, становилась все мизернее. В результате международный обмен стал прокладывать себе пути в обход

¹ Представляется чрезвычайно важным с этой точки зрения проследить для каждой отдельной страны, какие именно социальные группы поддерживали ассирийцев.

² W. P l a c e, Niniveh et Assyrie, P., 1867, стр. 84.

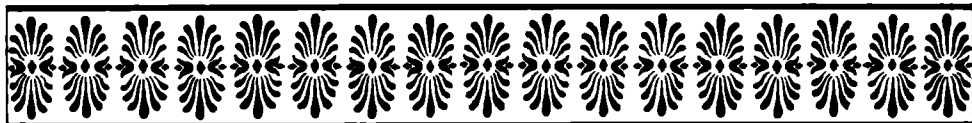
³ Почти все свидетельства о назначении дани имеют дополнительное указание на то, что упомянутая дань наложена сверх прежней.

ассирийских торговых центров (см. выше стр. 30 и 41). Эти новые пути становились тем оживленнее, а старые, через Ассирию, тем глуше, чем больше обострялось противоречие между историческим смыслом стихийно развивавшегося межрайонного разделения труда и грабительскими целями ассирийской державы.

Очевидно, в обострении этого противоречия и нужно искать объяснение непреложного закона обратной пропорциональности между размерами объединений, подобных ассирийскому, и устойчивостью их.

Историческая же закономерность непрерывного возникновения таких объединений из только что распавшихся объясняется необходимостью принудительной регулировки обмена, который затруднялся крайне слабым развитием товарного производства, особенно в сельском хозяйстве.

М. Сергеенко

ТРИ ВЕРСИИ В ПЛУТАРХОВОЙ БИОГРАФИИ ТИБЕРИЯ ГРАКХА

Плутарх в своей биографии Тиберия Гракха использует дружественную для Гракха традицию — это совершенно ясно. Дружественная традиция эта представляется, однако, отнюдь не единой, — обстоятельство, исследователями доселе не отмеченное. В ней совершенно отчетливо можно проследить два направления, по существу друг друга исключаящих. Одно обращалось к друзьям, перед которыми Тиберий и его дело не нуждались в защите. Другим этим, однако, можно было открыть глаза на поведение оптиматов, им можно было объяснить, что прикрывалось обвинениями, возводимыми на Тиберия, можно было прояснить и обострить их классовое сознание и тем самым организовать к сплоченной и сознательной борьбе. Иными словами, эта дружественная версия — назовем ее версией А — имела цели чисто агитационные и занималась не столько защитой Тиберия, сколько атакой на его врагов. Следы этой версии, вызванной к жизни потребностями минуты и создававшейся в пылу борьбы, изо дня в день, на форуме, в речах, обращенных к народу, на обдуманых страницах апологий Тиберия, уцелели в речах Гая, в замечаниях у Аппиана, в многочисленных фразах у Плутарха. В умелых руках это было оружие страшное. Сохранившийся отрывок из речи Гая: *pessumi fratrem meum optimum interfecerunt* (смелый сдвиг принятой терминологии: те, кто носит почти официальное название «самых лучших» — *optimi* — фактически оказываются «самыми дурными» — *pessumi*; в самом деле, какого еще имени заслуживают убийцы?) — позволяет угадать, что делалось в этом направлении. У Плутарха мы найдем — и не однажды — чрезвычайную суровую характеристику оптиматов: это настоящие злодеи, для которых не существует никаких принципиальных соображений, а есть только вопросы материального порядка. Богатые и имущие ненавидят закон Тиберия вследствие своего корыстолюбия, а самого законодателя по злобе и злобности (*οἱ δὲ πλοῦστοι καὶ κτηματικοὶ πλεονεξία μὲν τὸν νόμον, ὀργή δὲ καὶ φιλονεικία τὸν νομοθέτην, δι' ἑχθροῦς ἔχοντες* — IX). «Они тайком злоумышляли против Тиберия и подговаривали убийц» (*... ἐπιβόλευον δὲ τῷ Τιβερίῳ κρυφαὶ καὶ συνίστασαν ἐπ' αὐτὸν τοὺς ἀναρχήσαντας* — X). Насика так ненавидит Гракха потому, что «он приобрел много государственной земли, и ему тяжело было, что его заставляло сойти с нее» (XIII). На Октавия брошена тень подозрением в том, что противостоят Тиберию его заставляют своскорыстные побуждения: он тоже оказывается обладателем большого количества государственной земли, а в конце кон-

цов он, в качестве самостоятельной величины, совершенно исчезает: как злая сила стоят за ним оптиматы, превратившие его в безвольную и бездушную пешку.

Версия А совершенно ясна по своему замыслу. Гораздо сложнее другая — назовем ее версией В, — тоже дружественная, но ставящая себе иные цели: не агитацию против оптиматов, а защиту Тиберия — и обращающаяся к совсем другим людям, другого класса и других настроений. Эта версия была примиряющей и примиренческой: она исходила от людей, которые не могли и не хотели вырывать пропасти между Тиберием и сенатской партией, хотя бы в лице ее умеренного крыла. Больше того, этим людям мерещилось какое-то соглашение между деятельностью Тиберия и установками сената, и они трудились над созданием моста, который соединит враждующие стороны. Авторы этой версии были мечтателями, совершенно не отдающими себе отчета в реальной ситуации, и политика интересовала их, видимо, только как материал для реабилитации Тиберия. Они были у себя дома не на форуме, а в этике и философии (в версии этой сразу бросается в глаза внимание и интерес к проблемам чисто этическим), они не в силах были порвать с существующим порядком, и они любили Тиберия. Кроме того, они были близки к нему и его семье. В их распоряжении был богатый материал чисто биографических сведений, и они вычертили образ юноши, украшенного всеми добродетелями, предписанными стоей, и наделенного очарованием, перед которым никто не в силах устоять, начиная с гордеца Аппия Клавдия и кончая варварами из Нуманции. Среди этих добродетелей искусно вклинено упоминание о тех *αἰδώς καὶ τιμὴ τοῦ ἄρχοντος* «почтении и уважении к властям» (V), которые он проявляет даже по отношению к такой бездарности, как Манцин. Эта *αἰδώς* перед властями отличает его чуть ли не до последнего момента: почтительно внимает он «мужам-консулярам» и идет, повинувшись их совету, для переговоров в сенат. Неужели эти качества возможны в человеке, метящем в тираны и стремящемся к тирании?

Надо признать, что этот косвенный ход против обвинения Тиберия в том, что он стремился стать неограниченным властителем, было одним из самых удачных, которые сделали его апологеты. Нельзя было тоньше опровергнуть укор в тиранических стремлениях, нависших над Тиберием, — тоньше и действеннее. Характеристика Октавия была дана этой версией в тонах самых благожелательных: «серьезный и благонамеренный юноша, друг и товарищ Тиберия» (X), которому судьба, как и Тиберию, даровала в удел «прекрасную природу и разумное воспитание». Она признала аброгацию Октавия «делом незаконным и жестоким», но представила ситуацию так, чтобы смягчить поведение Тиберия, насколько это было возможно. Тиберий делает все, чтобы отклонить Октавия от его намерения: он взывает к его чувству справедливости (XI); предлагает Октавию поставить на голоса сначала свое собственное отрешение (XI); перед началом голосования «опять пытается убедить Октавия» (XII); прервав голосование, умоляет его уступить, и когда, наконец, все кончено и народ кидается на ненавистного трибуна, бросается ему на помощь. Эта версия изобразила историю аграрного закона, проведенного Тиберием, так, чтобы создать впечатление возможно меньшей розни и ущерба, наносимого им оптиматам. Во-первых, Тиберий «составил этот закон не сам, а пользуясь советами граждан, первых по доблести и славе» (IX). Сенатская партия с негодованием отвергла эту традицию: «мятежники обычно ссылаются на славных мужей доброго старого времени, имльзовавшихся народной любовью, чтобы и самим как бы угодиться им... Красс и Спевола, говорят они, написали Тиберию Гракху его законы» (*seditioni cives solent, cum aliquos ex antiquis claros viros proferunt, quos dicant fuisse populares, ut eorum ipsi similes esse*

videantur... Crassum et Scaevolam aiunt T. Graccho auctores legum fuisse (Cic., Acad., II, 5, 18).

Во-вторых, «нельзя было придумать закона более кроткого и мягкого» (IX): за отбираемую землю полагалось уплатить хозяевам ее цену, и только упорство оптиматов заставило Тиберия прибегнуть к более суровой редакции, в которой пункт о денежном возмещении был уничтожен (X). Аппиан, излагающий земельные законы Тиберия с бесподобной ясностью, об этой редакции ничего не знает. Ее следует отнести, по всей видимости, на счет авторов версии В, стремившихся уничтожить причину для главного недовольства Тиберием: он заботился о благосостоянии оптиматов, и они собственным недомыслием разрушили эту заботу.

Любопытно проследить у Плутарха и следы возникающей враждебной Тиберию традиции. Оптиматы должны были, конечно, дать свою историю Тиберия. Отрешение народного трибуна от должности было, конечно, делом неслыханным, но и убийство народного трибуна не извинялось никакими параграфами римской конституции. Оправдание такому беспримерному беззаконию могло быть найдено только в огромности преступления, совершенного или замышленного народным трибуном. Своему преступлению сенатская партия должна была противопоставить преступление, задуманное Гракхом и пресеченное люльми, озабоченными судьбами государства: убийцы Тиберия превращались тогда из преступников в спасителей отечества, а сенат из скопища жадных корыстолюбцев в мудрых блюстителей истинной государственности. Конечно, при построении такой версии следовало исходить не от аграрных законов: упрек в своекорыстии, которым всегда можно было ответить на обвинение, поднятое против этих законов крупными землевладельцами, парировать было трудно, — и характерно, что сенатская версия упоминает об этих законах глухо и вскользь. Абрагация Октавия, имевшая в себе все элементы нарушения основных законов республики, была гораздо выпрышнее как отправной пункт для построения обвинительного акта. Перекинуть мост от этого поступка к подготовке тирании было, при известной настроенности мысли, делом нетрудным. Версия эта создавалась еще при жизни Тиберия, и друзьям его приходилось с ней считаться. Блоссий уговаривает Тиберия идти в народное собрание, несмотря на зловещие приметы, потому что, если он не пойдет, то враги его «сделают этот поступок не предметом издевательства, а прокричат о Тиберии перед народом как о человеке, замыслившем тиранию и уже возгордившемся» (XVII). Плутарх чрезвычайно интересен тем, что он позволяет бросить взгляд на то, как создается и организовывается эта враждебная версия. Тут и ядовитый вопрос Тита Анния, заставляющий предполагать безудержный размах Гракхова самовластия, и укор Метелла в том, что он ходит ночью в сопровождении висельников и голодранцев (XIV), и бесстыдная клевета соседа, утверждавшего, что Тиберий примерял царскую диадему и порфиру, присланные ему царем пергамским. Все это пока отдельные штрихи, которые умелая рука соединит вместе, чтобы воздвигнуть против Тиберия обвинение в стремлении к царской власти.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О. В. КУДРЯВЦЕВ, Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры, М., Изд-во АН СССР, 1954, 364 стр., тираж 2500 экз., цена 15 руб.

В науке римским провинциям уделяется сравнительно мало внимания. Если по истории Италии и собственно Рима написано бесчисленное количество книг, то имеется сравнительно мало сводных работ, дающих общую историю отдельных провинций или групп их.

Однако, как справедливо замечает автор разбираемой монографии, «история провинций представляет собой одну из важнейших проблем истории античного мира. По существу, именно история провинций дает ключ к пониманию основных процессов исторического развития Средиземноморья от установления римского владычества по берегам Средиземного моря до конца существования рабовладельческого строя. Только изучение истории провинций может превратить историю Римской империи из истории императоров в подлинную историю последних столетий античного рабовладельческого общества...» (стр. 345).

С этой точки зрения, работа покойного О. В. Кудрявцева заполняет большую брешь, которая имелась в сводных трудах по истории римских провинций. Заслуга автора в выборе предмета своего исследования тем более велика, что он остановился на теме, наименее исследованной, а внешне наименее «эффектной».

Действительно, история Эллады во II в. н. э. едва ли может привлечь исследователя и читателя какими-нибудь «занимательными» моментами. Источники не сохранили никаких драматических событий (о вторжении костобоков мы, в сущности, почти ничего не знаем), а самой яркой личностью является крупный землевладелец, ростовщик, римский сенатор и весьма посредственный философ Герод Аттик. И дело здесь не столько в плохом состоянии источников, сколько в самом характере рабовладельческого общества Эллады II в. н. э., которое в этот период находилось в состоянии глубокого упадка и разложения. Вместе с тем «провинция Ахайя,— пишет О. В. Кудрявцев,— дает возможность показать в наиболее чистом виде закономерности развития античного рабовладельческого общества в период его окончательного упадка» (стр. 33).

Монография О. В. Кудрявцева представляет собой часть его большой исследовательской работы по истории римских провинций и римской провинциальной политики¹. Монография состоит из трех частей. Первая посвящена общим закономерностям развития Римской империи и эллинических областей Балканского полуострова, вторая — провинции Ахайе, третья — Эпиру и Македонии. Каждая часть распадается на главы. Заключение подводит общий итог исследованию.

---

¹ Кроме рецензируемой монографии, см. статьи О. В. Кудрявцева о восточной политике Римской империи в I в. н. э. (ВДИ, 1948, № 2 и 3; 1949, № 3); о вторжении костобоков — ВДИ, 1950, № 3; о вторжении мавров в испанские провинции — ВДИ, 1950, № 4; о римской провинции Каппадокии — ВДИ, 1955, № 2.

Первая глава первой части — «Значение Римской империи в развитии античного рабовладельческого общества» касается ряда важных методологических проблем, решая их в том направлении, которое за последние годы наметила советская историческая наука. Бесспорно, что Римская империя была образована путем завоевания и включала в себя различные племена и народности. «Отдельные области, входившие в состав империи, к моменту ее возникновения и в значительной степени на всем протяжении ее истории стояли на различных ступенях экономического развития... Империя на всем протяжении своей истории не имела ни единой экономической базы, ни общего языка» (стр. 5).

Однако характер и значение объединения, которое представляла собой Римская империя, понимаются иногда слишком упрощенно. Забывают, что Римская империя просуществовала почти пять столетий, что хотя она и не имела единой экономической базы, но обладала единой тенденцией экономического развития и довольно прочными экономическими связями. Известная непрочность и насильственный характер объединения были общей чертой рабовладельческих и раннефеодальных империй, в особенности выступающей при сравнении их с более прочными государственными образованиями позднефеодального и капиталистического периодов. Но при этом не нужно забывать конкретных особенностей каждой из таких империй. Если можно поставить на одну доску монархию Александра Македонского и империю Карла Великого, то необходимы значительные оговорки при сближении их с империей Флавиев и Антонинов. Поэтому мне кажется, что О. В. Кудрявцеву не следовало безоговорочно подчеркивать насильственный характер объединения, достигнутого в Римской империи.

Далее автор касается чрезвычайно важной проблемы возникновения империи и кризиса полиса. Он совершенно прав, когда говорит, что италийские гражданские общины, *civitates*, несмотря на их своеобразие, по типу организации и форме собственности не отличались принципиально от эллинских городов-государств, полисов. Поэтому италийская федерация Рима, а позднее римская средиземноморская держава и в известной мере даже ранняя империя являлись своеобразной системой полисов. Далее автор подчеркивает, что полис только до известных границ давал возможность развития рабовладельческого строя. Характер полисной земельной собственности тормозил развитие рабовладельческого хозяйства и рабовладельческой собственности. Поэтому в определенный момент наступал кризис полиса, выражавшийся прежде всего в процессе концентрации земли и разорении мелких свободных производителей: крестьян и ремесленников.

Экономический кризис полиса сопровождался политическим. Увеличение количества рабов и люмпен-пролетариев, обострение форм социально-политической борьбы привели к тому, что «полис как государственная форма перестал удовлетворять задачам подавления эксплуатируемых» (стр. 14). Поэтому возникает тенденция к политической централизации в форме федерации полисов под гегемонией одного из них (Афинская архэ, Римская республика), или включения полисов в крупные монархические государства (эллинистические монархии, Римская империя).

Необходимо особенно подчеркнуть, как это и делает автор монографии, что «кризис полиса как таковой ни в коем случае нельзя отождествлять с кризисом рабовладельческого способа производства в целом» (стр. 11). Действительно, кризис эллинских полисов, начавшийся в конце V в. до н. э., происходил одновременно с максимальным развитием в Греции рабства. Аналогично этому кризис римского полиса, иначе говоря — кризис Римской республики, «совпал по времени с наивысшим развитием рабовладельческого способа производства в Средиземноморье» (стр. 15). Кризис полиса был кризисом полисной политической надстройки (республики демократической или олигархической), вызванным разложением мелкой свободной собственности, которая являлась базой классического полиса. Кризис полиса был не кризисом рабовладельческого способа производства, а, наоборот, выражением его наивысшего расцвета.

Однако кризис полиса не означал его исчезновения. О. В. Кудрявцев совершенно прав, когда говорит, что «основной формой распространения развитых рабовладель-

ческих отношений было распространение рабовладельческого полиса. Равномерное распределение земли, характерное для классического полиса, было нарушено, полис перестал быть независимым городом-государством, но, как основная общественная единица античного мира, городская гражданская община полностью сохранила свое значение...» (стр. 18). Добавим, что такая стойкость полиса была вызвана его классово-природой и организационной структурой. Полис как организация коллектива рабовладельцев являлся наиболее совершенной социальной формой, выработанной в процессе развития рабства. Вот почему даже после упадка классического полиса полисная организация продолжала существовать в рамках эллинистических монархий и Римской империи.

Третьим вопросом первой главы является проблема кризиса рабовладельческого способа производства. В старых центрах рабства — в Греции, в Италии первые симптомы кризиса появляются очень рано: в Греции уже во второй половине III в. до н. э., в Италии на два столетия позже — во второй половине I в. до н. э. Однако на этих ограниченных территориях предпосылки для перехода к более высокой системе производства или полностью отсутствовали (Эллада), или были ничтожны (Италия). Римская империя открыла широкие возможности дальнейшего развития рабовладельческих отношений и создания предпосылок для перехода к феодализму: «лишь утилизация развитым рабовладельческим строем, сложившимся в Средиземноморье, экономических ресурсов доступной ему периферии позволила ему до конца исчерпать возможности своего развития» (стр. 20).

Все это верно. Однако мне кажется, что О. В. Кудрявцев слишком односторонне подчеркивает экстенсивный характер распространения рабовладельческих отношений на новые территории Средиземноморья (стр. 18, 20). Термин «экстенсивное развитие» в применении к рабовладельческому строю может означать или простое территориальное расширение рабства независимо от степени его интенсификации, и тогда термин условно можно принять, или он означает, что вероятнее, только количественный рост, без всякого качественного изменения, и тогда употребление термина неправильно или, в лучшем случае, крайне спорно.

Действительно, можно ли принять без всяких доказательств, что рабовладельческие отношения в первые два столетия империи расширялись только экстенсивно, т. е. без всякого качественного роста? Экстенсивное развитие рабства (употребляя термин в его втором значении, а в таком значении им, по всей вероятности, и пользовался автор) означает, что степень интенсификации рабского труда (производительность труда рабов, трудовые навыки, техническая сторона производства и пр.) осталась на прежнем уровне, т. е. на уровне, достигнутом на старых территориях рабовладения в последнее столетие Римской республики. Но это не так.

Развитие рабовладельческих отношений в новых римских провинциях не было простым механическим копированием системы отношений, существовавшей в старых центрах; была не только экстенсификация, но и интенсификация. О. В. Кудрявцев сам совершенно правильно констатирует экономический подъем периода ранней империи, который совершался на основе рабовладельческих производственных отношений (стр. 26). Но возможен ли экономический подъем без каких-либо качественных изменений в способе эксплуатации? Возможна ли экстенсификация без интенсификации? Для периода ранней империи характерен значительный рост техники: распространение водяной мельницы, колесного плуга, «жвейки», стеклольного производства, лужения посуды, латунного производства, развитие строительной техники и т. д. Но технический прогресс без некоторой интенсификации способа производства невозможен. Конечно, эта интенсификация в условиях рабства часто достигалась применением смягченных форм эксплуатации: отпуском рабов на пекулий, колонатными отношениями, вольноотпущенничеством и пр. Но ведь все это происходило еще в рамках рабовладельческого способа производства, основным производителем в первые два столетия империи продолжал оставаться раб. Таким образом, понимание О. В. Кудрявцевым чисто экстенсивного расширения рабовладельческих отношений на новые области Средиземноморья в период ранней империи нуждается в уточнении.

Правильно решает автор вопрос о положении при империи провинций. Несмотря на то, что количество выкачиваемых из них ценностей по сравнению с республиканским периодом, вероятно, возросло, однако более упорядоченная форма эксплуатации, сокращение войн, отмена откупной системы и пр. благоприятно отразились на положении провинций. Решающую роль играл здесь факт расширения правящего класса империи по сравнению с республикой (стр. 24).

Однако не на все провинции римское господство действовало одинаково. Те старые провинции (Ахайя, Македония, Сицилия), где развитые рабовладельческие отношения сложились задолго до римского завоевания, переживали упадок. Римское господство «искусственно консервировало в этих провинциях рабовладельческий строй на стадии его разложения, увековечивая тем самым запустение и упадок» (стр. 25). Те же провинции, в которых рабовладельческая система сложилась уже после римского завоевания и под его влиянием (большинство европейских и африканских провинций), переживали в период ранней империи экономический подъем.

Не совсем ясно в этой классификации место азиатских провинций и Египта. О. В. Кудрявцев находит, что они были в особом положении (стр. 26), так как, с одной стороны, римское завоевание принесло с собой дальнейшее развитие рабовладельческих отношений, а с другой — оно подавляло элементы феодализма, которые возникли здесь раньше, чем в других местах. Однако это не дает ответа на вопрос, в каком же положении находились эти провинции, переживали они упадок или подъем, — а как раз с этой точки зрения и проводится деление провинций.

Последний раздел первой главы — «Формирование элементов феодализма и общий кризис рабовладельческого строя» не вызывает возражений. О. В. Кудрявцев избежал обеих крайностей в понимании феодализации Римской империи: ее переоценки, с одной стороны, и недооценки — с другой. В рамках рабовладельческих производственных отношений, при наличии рабовладельческой надстройки начинают складываться элементы феодализма. Автор нашел удачный термин для обозначения этих складывающихся элементов: эмбриональная форма (стр. 26, 27). Действительно, нельзя отрицать наличия в Римской империи процессов, которые едва ли могут быть названы иначе, как процессами феодализации.

Из ряда мест монографии можно видеть, что ее автор отождествляет античную форму собственности с полисной формой (см., например, стр. 7, 18, 30, 81, 305 и др.). Однако античная собственность есть не что иное, как развитая рабовладельческая собственность (в отличие, например, от ранних форм рабовладельческой собственности на древнем Востоке). Характеризуя ее только как полисную собственность, мы подменяем содержание рабовладельческой собственности ее формой, так как основной и существеннейшей чертой рабовладельческой собственности является собственность рабовладельца на средства производства и на непосредственного производителя — раба¹. Конечно, полисная рабовладельческая собственность имеет ряд особенностей, на которые впервые указали Маркс и Энгельс, однако эти особенности формы, т. е. распределения собственности, не должны закрывать от нас ее существа, т. е. классового содержания.

Вторая глава первой части посвящена положению эллинских провинций Балканского полуострова в системе Римской империи, их истории в классический и эллинистический периоды, а также римскому завоеванию и римскому владычеству в период республики. Здесь представляет интерес деление провинций на две группы. К первой группе принадлежат старые эллинские территории — целиком провинция Ахайя и в значительной части Эпир и Македония. В этих частях Балканского полуострова рабовладельческий строй сложился еще в глубокой древности и к моменту римского завоевания переживал глубокий упадок. Вторую группу составляет Фракия, а также северные части Эпира и Македония. В этих областях развитие рабовладельческие от-

¹ На это обстоятельство указывал А. П. Каждан в полемике с Е. М. Штаерман (ВДИ, 1953, № 3, стр. 79).

ношения складываются очень поздно, достигая своего расцвета только в период империи. Это деление, отражающее различие социальных структур двух групп провинций, важно с точки зрения исторического анализа.

Наиболее последовательный и самостоятельный характер носят вторая («Ахайя») и третья («Эпир и Македония») части монографии. Обе они основаны на колоссальном материале как источников, так и научной литературы. Особенно нужно подчеркнуть широкое использование надписей. Об огромном размере исследовательской работы, проделанной автором, свидетельствует хотя бы аппарат примечаний. Некоторые примечания настолько велики, что представляют собой самостоятельные исследования. Таково, например, примечание 3 на стр. 172—174, примечание 3 на стр. 185—187, примечание на стр. 218—219, примечание 2 на стр. 148—149 и др. Восстановление эпиграфических текстов и их переводы, а также переводы литературных источников, как правило, сделаны очень хорошо и, за исключением кое-каких мелочей, не вызывают возражений. Просматривая примечания, поражаешься огромным знаниям О. В. Кудрявцева во всех областях науки об античности, а также детальностью и тщательностью его анализа.

Среди очерков второй части особый интерес представляют главы IV и VII: «Афины» и «Внешнее положение Ахайи. Вторжение костобоков». В главе об Афинах мастерскому анализу подвергнуты материалы, относящиеся к Героду Аттику. Фигура этого последнего интересна тем, что он был типичным представителем провинциальной аристократии, подвергшейся сращиванию с аристократией римской. Этот процесс образования общеперской рабовладельческой знати, завершившийся во II в. н. э., имел огромное значение с точки зрения консолидации класса имперских рабовладельцев и последнего расцвета Римской империи накануне ее кризиса. С этой точки зрения, фигура Герода Аттика представляет интерес, далеко выходящий за местные, афинские рамки. Такой же общий интерес имеет борьба Герода Аттика с афинским демосом. Это была борьба афинского народа против ростовщического капитала и опирающейся на него олигархии. Вместе с тем в ней проявилась борьба за власть отдельных олигархических группировок.

Глава о костобоках представляет исчерпывающую сводку и тщательный разбор всех данных об этом загадочном племени и его вторжении на Балканский полуостров. К сожалению, характер источников не дает возможности дать обстоятельный ответ на ряд основных вопросов: о происхождении костобоков, их общественном строе, о путях их проникновения в Ахайю и т. д. Тем не менее значение этой главы велико. На данном уровне науки она представляет последнее слово в постановке проблемы костобоков. И вряд ли возможно после исследования О. В. Кудрявцева и до появления новых источников сказать что-нибудь существенно новое в этом вопросе.

Очень интересен общий очерк социально-экономического строя провинции Ахайи (стр. 62—116). Это первая в литературе серьезная попытка исследовать экономику и социальные отношения Греции периода империи. Перед нами встает яркая картина запустения некогда передовой области Средиземноморья, состояния ее сельского хозяйства и аграрных отношений¹, рабовладения и городской жизни. Единственный формальный упрек, который можно сделать автору,— это за смешение понятий «Эллада» и «Ахайя». Такое смешение мы находим на стр. 76, 77, 79, 81 и др. Его можно извинить, поскольку при анализе социально-экономических отношений выделить провинцию Ахайю из общего комплекса Эллады крайне трудно.

Третья часть монографии, где идет речь об Эпире и Македонии, значительно уступает первой по объему. Это объясняется и меньшим количеством источников и меньшим значением этих провинций по сравнению с Ахайей. Однако это не снижает значительного интереса, который представляют Эпир и Македония как провинции переходного типа. «В Эпире и Македонии особенности, характерные для развитого рабовладельческого общества, сочетались с пережитками первобытно-общинного строя» (стр. 289). О. В. Кудрявцев с большим искусством извлек из немногочисленных источников все,

¹ Очень остроумен анализ аттической надписи IG, II—III², 2, 2776 (стр. 81—87).

что они могут дать. Мы имеем теперь, впервые в нашей научной литературе, правильный анализ общественного строя Эпира и Македонии накануне общего кризиса Римской империи.

Одно замечание по поводу использования источников. Для характеристики экономики Южной Македонии и Фессалии О. В. Кудрявцев ссылается на Апулея (стр. 319; стр. 79, прим. 1; стр. 108, прим. 2). Хотя эти ссылки он сопровождает оговоркой, что «не следует, разумеется, воспринимать рассказ Апулея как фотографическое воспроизведение фессалийской действительности» (стр. 319), однако считает возможным использовать материал Апулея для общей характеристики экономической жизни Фессалии и Македонии. Апулей, конечно, знал условия греческой жизни, в частности условия Македонии и Фессалии, но знал их как путешественник. Несомненно, что, описывая в своем романе Фессалию, он в действительности имел перед глазами прекрасно ему знакомую Северную Африку.

Монография О. В. Кудрявцева представляет серьезную научную работу, характеризующую ее автора как зрелого ученого, обладавшего огромными знаниями и в совершенстве владевшего методологией и методикой исторического исследования. Нет никакого сомнения в том, что О. В. Кудрявцев мог бы явиться автором еще ряда выдающихся работ по истории античного мира. Преждевременная смерть О. В. является тяжелым ударом для советской науки.

Проф. С. И. Ковалев

* * *

Книга безвременно ушедшего от нас Олега Всеволодовича Кудрявцева состоит из трех частей и заключения. В первой части автор рассматривает общие закономерности развития Римской империи, останавливаясь при этом на своеобразии положения эллинических провинций Балканского полуострова, к числу которых он относит Ахайю, Эпир и Македонию. Основная часть работы (стр. 51—286) посвящена детальному рассмотрению экономики, политического строя, внешнего положения и идеологической жизни Ахайи; отдельно исследуется римская политика по отношению к Ахайе, а также судьбы Афин, Коринфа и некоторых других городов. В последней части столь же всесторонне, хотя и более кратко рассматривается положение Македонии и Эпира. Работа, основанная на изучении разнообразных источников, посвящена актуальной и недостаточно изученной проблеме и несомненно будет содействовать развитию наших представлений об истории поздней античности.

Несомненно, без изучения истории провинций нельзя воссоздать картину жизни Римской империи. Однако эта тема, как всякое локальное исследование, представляет большие трудности: перед исследователем стоит опасность увлечься интересными деталями и выпустить из поля зрения главное — основные контуры процесса, лишь частью которого являлись судьбы данной местности. Однако О. В. Кудрявцев избежал этой опасности: в рецензируемой работе локальная история рассматривается в определенной связи с основными процессами истории империи.

Книга содержит интересный фактический материал и важные выводы. В частности, мне представляется чрезвычайно существенным суждение О. В. Кудрявцева, что кризис полиса не есть кризис рабовладельческой системы хозяйства, что, наоборот, кризис полиса есть необходимое условие для прогрессивного развития рабовладельческого способа производства (стр. 11): рабовладельческое производство только тогда достигает полного расцвета, когда разрушает полисные ограничения. Автор, несомненно, прав, когда подчеркивает, что во II в. н. э. «античная форма собственности сохранилась в городах Эллады только формально» (стр. 81). Правильно намечены автором различия общественного и политического строя рабовладельческих полисов Востока и Запада (стр. 20, 102), убедительно его суждение, что «колонат не может быть выведен непосредственно из рабства» (стр. 94). Правильно объясняет О. В. Кудрявцев и причины того, что римское завоевание не могло уничтожить полис, «основную социаль-

но-политическую единицу эллинистического мира» (стр. 119 сл.). Следует отметить также четкую характеристику автором классово-политической борьбы (стр. 170 сл., 220 сл.), анализ политического строя Ахайи (стр. 118 сл.), исследование архаических тенденций эллинской культуры II в. (стр. 279 сл.) и многое другое. Метод исследования О. В. Кудрявцева: тщательный, скрупулезный анализ терминов, сопоставление разнородных источников, пересмотр традиционной датировки отдельных фактов — дает ему возможность на основании исследования скудных известий источников строить широкие и интересные выводы. В этом отношении особенно показательна глава, посвященная исследованию известий о вторжении костобоков (стр. 245 сл.). Детально анализируя Элевсинскую речь Элия Аристиды и эпиграфические данные, автор убедительно датирует нашествие костобоков 170 годом (стр. 257); затем он тщательно изучает известия о месте обитания костобоков, их этнической принадлежности и общественном строе; несомненно, заслуживает внимания осторожно высказанная О. В. Кудрявцевым гипотеза о том, что костобоки принадлежали к числу племен, являвшихся носителями культуры «полей погребений» (стр. 263). Наконец, автор рассматривает ход вторжения костобоков и его последствия. Он, бесспорно, прав, видя в нашествии костобоков предвестника грандиозных вторжений III века (стр. 271).

Общественные отношения II века О. В. Кудрявцев рассматривает в развитии, постоянно сопоставляя их с предшествующим и — реже — с последующим историческим этапом.

Вместе с тем отдельные положения книги представляются недостаточно ясными, а иногда — сомнительными и спорными.

Прежде всего несколько замечаний относительно источников. О. В. Кудрявцев, всесторонне исследовав эпиграфический материал, уделил, как мне кажется, недостаточное внимание источникам другого типа. Это относится, в первую очередь, к археологическим памятникам. Автор знает о раскопках в Афинах, Спарте, Коринфе, Дельфах и Олимпии (стр. 53 сл.), спорадически ссылается на археологический материал (стр. 107)¹, однако не дает его систематического обследования, тогда как при решении вопроса о запустении городов Эллады в эпоху империи привлечение археологического материала имеет важнейшее значение. В частности, следовало обратить внимание на интенсивность чеканки монеты в разные исторические эпохи. Так, за 35 лет раскопок в Коринфе было обнаружено 309 коринфских монет, относящихся к периоду независимости города (550—146 г. до н. э.), и 443 коринфские монеты периода римского владычества (146 г. до н. э. — 212 г. н. э.); сюда следует еще прибавить находку 94 римских монет этого же времени².

О. В. Кудрявцев признает возможность использования «Метаморфоз» Апулея для характеристики Фессалии и некоторых областей Ахайи (стр. 57)³, однако оставляет в стороне интереснейший материал этого памятника, касающийся рабского труда, земельной аренды, антагонизма мелких и крупных собственников, религиозных чаяний и т. п. Не меньше давних можно было почерпнуть и из сочинений Лукиана, которые используются в рецензируемой работе крайне редко и не всегда достаточно убедительно. Известно, например, что Лукиан о ростовщичестве говорит постоянно (в «Тимоне», «Переизрае», «Петухе» и др.). О. В. Кудрявцев ссылается только на «Корабль». На стр. 303, ссылаясь на «Икароменипп», 24, он доказывает, что в «период империи оракул Додоны утратил прежнюю славу». Думаю, что эта ссылка на Лукиана является неправомерной: «Икароменипп» принадлежит к числу тех менипповых диалогов, в которых политические намеки на «современность» не выходят за пределы начала III в. до н. э. В частности, в том же 24-м параграфе «Икаромениппа» говорится, что афинский храм Зевса Олимпийца еще не достроен — на самом же деле во времена

¹ Впрочем, этот материал уже был использован А. Б. Р а н о в и ч е м. Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949, стр. 231, прим. 1.

² К. М. E d w a r d s, Corinth, VI, 1933.

³ На стр. 108 автор, однако, высказывает сомнение в возможности привлекать этот памятник ввиду влияния на Апулея его «африканского окружения» (прим. 3).

Лукиана он был уже завершён. Кроме того, слова «Икаромениппа» об оракуле в Додоне вряд ли могут служить основанием для такого вывода, ибо Лукиан ставит Додону на один уровень с Олимпией. А что Олимпия играла крупную роль, не отрицает и О. В. Кудрявцев (стр. 206 сл.).

Недостаточно полно привлечены и некоторые другие авторы. О. В. Кудрявцев не использует слов Элия Аристиды о подъеме Коринфа, рассказа Страбона об экономической активности Патр, известия Плутарха, свидетельствующие, что Коринф, Патры и Афины были крупными торгово-денежными центрами¹.

Совершенно не использованы в книге памятники раннехристианской литературы, в том числе и такие, которые имеют непосредственное отношение к Ахайе. Например, в Первом послании Климента, адресованном коринфянам, содержится интересная, хотя и довольно риторическая, картина социальных противоречий в христианской общине Коринфа, что, несомненно, отражало социальные противоречия в самом городе.

Разумеется, трудно ожидать, что использование этих литературных памятников может привести к каким-то принципиально новым выводам, однако при крайней скудности источников ими не следовало пренебрегать. Вызывает сомнения вопрос о феодальных элементах. Автор несколько раз подчеркивает, что «элементы феодального строя в недрах рабовладельческого общества Средиземноморья» появляются чуть ли не в I в. до н. э. (стр. 17—18), что в условиях ранней империи формируются элементы феодальных отношений (стр. 20), что «экстерриториальное поместье было эмбриональной формой феодальной собственности» (стр. 26). Вопрос о вызревании феодальных отношений в недрах рабовладельческой системы до сих пор еще недостаточно ясен, и вряд ли стоило так решительно выдвигать это положение в данной работе, где оно не только не подкреплено фактическим материалом, но и прямо ему противоречит: О. В. Кудрявцев не видит в Ахайе элементов феодальных отношений (стр. 26, 33, 67, 101). Таким образом, постулируя (но не доказывая) тезис о том, что все Средиземноморье шло по пути формирования элементов феодальных отношений, видя, с другой стороны, что в Ахайе элементов феодальных отношений нет, автор вполне последовательно приходит к выводу, что в Элладе рабовладельческий способ производства «гнил на корню» (стр. 68, 347). Однако в этой цепи рассуждений выпадает важное звено — доказательство созревания элементов феодализма в Средиземноморье II века н. э.²

Самый факт кризиса в Элладе II века н. э. доказан, на мой взгляд, недостаточно строго. Центральный момент доказательства кризиса рабовладельческого строя в Элладе — это наличие дельфийских манумиссий (стр. 17, 66)³. Но ведь отпуск на волю рождается одновременно с рабством и сам по себе факт вольноотпущенничества ничего не говорит о кризисе рабовладельческой системы. О. В. Кудрявцев прекрасно знает, что отпуск на волю имел место и во фракийских землях (стр. 304, прим. 2), где вряд ли можно говорить о кризисе рабовладельческой системы.

При этом статистическая обработка дельфийских манумиссий приводит к данным, которые плохо вяжутся с представлением о нарастании кризиса рабовладельческой системы производства в Элладе: в I—II вв. н. э. относительно уменьшается число рожденных в доме рабов и относительно увеличивается количество купленных⁴. К со-

¹ См., например, J. A. O. Larsen, ESAR IV, 471 слл.

² Нельзя сбрасывать со счета особенности периода III—V вв., отмеченные недавно С. И. Ковалевым (ВДИ, 1954, № 3, стр. 42 сл.): отсутствие класса-гегемона и наличие длительного периода после падения Римской империи, когда формировались феодальные отношения. Поэтому более правильно принять вместе с С. И. Ковалевым, что в недрах рабовладельческого общества зарождаются лишь предпосылки феодального способа производства. Отмечу, что и О. В. Кудрявцев иногда говорит о предпосылках феодального строя. Но он не отличает их от элементов феодализма.

³ В других местах (стр. 103—104) О. В. Кудрявцев ссылается, но уже в иной связи, на манумиссии из других мест.

⁴ В. Вестерман, Рабство в Римской империи, в кн. А. Валлон, История рабства в античном мире, ОГИЗ, 1941, стр. 590.

жалению, О. В. Кудрявцев не объясняет этого факта. Однако в свете этих данных трудно принять вывод относительно «уменьшения численности рабов» (стр. 105). Напомню, что А. Б. Ранович считал, что вывод относительно уменьшения роли рабов в хозяйстве можно сделать только априорно¹.

О. В. Кудрявцев говорит также о глубоком кризисе земельных отношений (стр. 93). Однако при современном состоянии источников вряд ли на этом можно настаивать так решительно. Для суждения об этом, помимо довольно риторических заявлений Страбона, Плутарха и Диона Хрисостома, может быть привлечена надпись IG, II—III² 2776, содержащая список 89 земельных владений². Надпись эта недостаточно ясна, но, как бы то ни было, она позволяет ставить вопрос об имущественной дифференциации в Аттике. Самый крупный земельный собственник Флавий Метро (...) обладает 12 участками общей стоимостью в 15 750 условных единиц (на стр. 85 ошибочно указано 15 700); самый маленький участок оценен в 208 единиц. При этом только шесть владений в 10 и более раз превосходят самый маленький участок. Вряд ли все это может быть истолковано как признак глубокого кризиса.

При этом для решения вопроса о судьбах мелкой земельной собственности следовало бы привлечь также «Метаморфозы» Апулея, где постоянно упоминаются огородники, садовники, мельники и пр.

Очень интересны факты, которые отмечает О. В. Кудрявцев, говоря о широкой политике эвергесий (стр. 114), об отсутствии стремления уклониться от магистратур (стр. 135), — но все эти факты плохо вяжутся с представлением о кризисе земельных отношений.

Вот почему мне кажется, что недостаточно аргументирован и вытекающий из этих рассуждений тезис автора: «подлинная история древней Эллады завершается III веком н. э.» (стр. 352). Археологический материал свидетельствует, что и в IV—VI вв. Эллада, точнее говоря — эллинические провинции Балкан, оставалась городской страной, росли и отстраивались не только такие города, как Коринф и Афины, но и второстепенные центры: Стобы, Новый Анхиал, Филиппы и др. Обилие монетных находок свидетельствует, что товарное производство было здесь развитым по меньшей мере до конца VI в. Как показал А. А. Васильев, еще в VII в. на Афины смотрели как на культурный центр.

Позволю себе высказать также некоторые замечания, касающиеся истории идеологической жизни Эллады. Крайне бегло на стр. 285 затрагивает О. В. Кудрявцев такой вопрос, как распространение христианства; он ограничивается только упоминанием апологетов Аристида и Атенатора, живших в Афинах. Вряд ли есть необходимость отвергать традиционную дату самосожжения Перегрина, приводимую Евсевием (165 г.), и относить его смерть к 167 г. (стр. 285). Противоречиво дается характеристика кинизма: с одной стороны, кинизм рассматривается как философская система, «пользующаяся особенным влиянием среди низших слоев городского населения» (стр. 277), как оппозиционная идеология, — и в то же время идеолог рабовладельцев, призывающий к насильственному выселению бедноты из городов, Дион, оказывается носителем «кинических идеалов» (стр. 99). Повидимому, следовало выделить различные направления, объединявшиеся под флагом кинизма.

В работе имеются повторения, некоторые мелкие погрешности редакционного и структурного порядка.

Встречаются неточные формулировки. Если на стр. 29 Эпир и Македония «целиком» отнесены к эллинистическим провинциям, то на стр. 33 сл. они характеризуются как провинции «переходного типа». Бегство афинских рабов к Декелею вряд ли могло содействовать разорению аттического крестьянства (стр. 37) — бежали рабы-ремесленники. Допущение, что Лемнос, Имброс и Пепарет освободились от афинского господства в связи с восстанием в Афинах в правление Августа (стр. 172), не кажется убедительным: ведь восстание, по Евсевию, произошло в последний год Августа (по

¹ А. Б. Ранович, ук. соч., стр. 234.

² Там же, стр. 231—233; О. В. Кудрявцев, реценз. соч., стр. 81 слл.

Сивкеллу — в 13 г. н. э.); вряд ли можно думать, что на Лемносе и на других островах после этого, но еще до смерти Августа, была организована чеканка монеты.

Все эти пожелания, сомнения и незначительные замечания не снимают высокой оценки рецензируемой книги. Всякий, кто в дальнейшем станет работать над историей Эллады в эпоху империи, кто будет исследовать общие закономерности развития Римской империи, обязательно должен изучить исследование О. В. Кудрявцева.

А. Каждан

В. Д. БЛАВАТСКИЙ, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, «Причерноморье в античную эпоху» (под редакцией проф. В. Н. Дьякова), VII, М., Изд-во АН СССР, 1954, 161 стр., цена 7 руб.

Рецензируемая работа посвящена истории военного дела античных государств Северного Понта. Проблема эта изучена советской исторической наукой еще совершенно недостаточно. Ей было уделено внимание в нескольких небольших статьях, принадлежащих перу В. Д. Блаватского; общие работы и монографии об отдельных государствах Северного Понта затрагивают данную проблему довольно бегло и бессистемно. Интересы ученых к тому же сосредоточиваются почти исключительно на вооружении и фортификационных сооружениях¹, что не дает возможности получить сколько-нибудь полное представление о военном искусстве античных государств Северного Причерноморья. Между тем изучение истории военного искусства народов и государств, находившихся в древности на территории нашей родины, является одной из важных задач советских историков. Поэтому появление в печати первой сводной работы о военном деле античных государств Северного Понта представляет несомненно большой научный интерес. Преподаватели вузов и школ найдут здесь ценный материал для уроков и лекций, богатую библиографию по вопросам военного искусства древнего мира.

В настоящей работе В. Д. Блаватский ставит перед собой задачи — дать краткий очерк истории военного дела Боспора, Херсонеса и Ольвии, вскрыть основные линии развития и своеобразие военного искусства этих причерноморских государств. Автор подвергает анализу вопросы организации вооружения, стратегии и тактики государств Северного Понта. Он тщательно исследует процесс взаимовлияния военного искусства местных племен и народов Средиземноморья вообще.

Этим последним фактором и объясняется то обстоятельство, что содержание книги значительно шире ее названия: примерно половина работы посвящена военному делу сарматов, греков и римлян.

Естественно, что в главах работы, освещающих греко-римское военное искусство, автор не мог ставить себе специальные исследовательские цели. Тем не менее они написаны на основе источников и обширной литературы. В. Д. Блаватский с большим знанием дела излагает здесь основные положения о развитии военного искусства у греков и римлян, уделяя серьезное внимание военной деятельности римлян в Причерноморье в I — III вв. н. э. Несомненный самостоятельный интерес представляют приводимые им сведения о дислокации римских войск в Северном Понте и фортификационных работах римлян на Ай-Тодорском холме (стр. 133 сл.). Главы монографии, посвященные греческому и римскому военному искусству, не могут вызвать каких-либо серьезных возражений, но нам кажется целесообразным сделать некоторые замечания по вопросам частного порядка. Так, в разделе, посвященном развитию военной тактики гре-

¹ См. напр., соответствующие разделы в книге Г. Д. Белова, Херсонес Таврический, Л., 1948.

ков, ничего не сказано о косом строе фиванского полководца Эпаминонда¹, представлявшем большое достижение в истории военного искусства. Напротив, несколько неоправданным кажется слишком детальное описание метательных машин, тем более что почти полное отсутствие сведений о метательных машинах Северного Причерноморья не дает автору возможности привести в соответствующей главе какие-либо сравнения.

В. Д. Блаватский прослеживает те изменения, которые претерпела римская армия в ходе ее многовекового развития. Он подчеркивает, что в период кризиса рабовладельческих отношений снизилась боеспособность римской армии, изменилась ее структура, в частности усилилась роль кавалерии и легковооруженной пехоты. Но необходимо заметить, что изменения в организации и тактике римской армии в позднеантичный период вызывались также и теми военными задачами, с которыми столкнулось римское государство в III—IV вв. н. э. Почти непрерывные вторжения варваров, растущие восстания рабов и колонов внутри страны заставили стремиться к созданию больших мобильных формирований, каковыми в те времена могли быть лишь соединения кавалерии. Большое значение кавалерии у варваров, преобладание у них легковооруженной пехоты также сыграли свою роль в изменении вооружения и тактики римской армии. Усиление военной опасности повело и к огромным оборонительным работам, причем укреплялись не только пограничные районы, но и города, лежащие в глубине страны.

Разделы книги В. Д. Блаватского, посвященные скифскому и сарматскому военному искусству, представляют значительный научный интерес. Особого внимания заслуживают положения, высказанные автором о тактике скифских и сарматских конников. Путем соответствующего анализа источников автор показывает, что скифы не пользовались лаву главным образом в борьбе с легковооруженной пехотой, против же вражеской конницы ими применялся конный кулак, направленный в центр боевой линии противника (стр. 23 сл.). Справедливо и утверждение автора о том, что натиск тяжелой сарматской конницы, всецело рассчитанный на рукопашный бой, был несравненно более сокрушительным, чем конный кулак скифов, сочетавший ближний бой с дальним. В. Д. Блаватский уделяет должное внимание описанию сарматского клинообразного строя, имевшего большое значение для последующего развития военного искусства.

При анализе состояния военного дела прикубанских племен автор справедливо отмечает наличие многих черт сходства между военным делом скифов, с одной стороны, и военным делом племен Прикубанья — с другой. Представляется обоснованным и то предположение В. Д. Блаватского, что в ряде областей военного дела племена Прикубанья опережали приднепровских скифов (стр. 29).

Однако отдельные положения автора нам кажутся несколько недоработанными. Так, при описании скифской тактики следовало полнее использовать сведения Геродота о борьбе скифов с войсками Дария I, ибо подвижность скифских военных сил, их способность к маневру и взаимодействию находят себе яркое подтверждение именно в истории этой войны. Автор не высказывает своего мнения о причинах оживленной фортификационной деятельности скифов во II в. до н. э. Между тем представляется возможным объяснить этот факт происходившим в это время у скифов процессом сложения классового общества и зарождения государства, а также и осложнением военной обстановки, в частности натиском сарматских племен на области, занятые скифами. В связи с этим целесообразно было отметить также, что поздний период истории военного дела у сарматских племен отличается определенными своеобразными чертами. Сарматские или родственные им племена, несомненно, составляли значительную часть племенных коалиций, нападавших на Рим в III в. н. э., поэтому следовало возможно более тщательно остановиться на военном деле у сарматов этого периода, когда достижения их военного искусства сочетались с элементами военного искусства других пле-

¹ Хотя в дальнейшем изложении автор и ссылается на пример битвы под Девктрами.

мен, и в том числе славянских. В этом плане интересна характеристика, данная Дексиппом коалиционному войску причерноморских племен, у которых имелись «многочисленная конница, многочисленная тяжело- и легковооруженная пехота, которые страшны своей опытностью в военном деле»¹. Как можно заключить из указаний Дексиппа и других авторов, это войско было способно к довольно сложным маневрам, применяло иногда в бою позшелонное построение (Zosim., I, 23, 3).

Центральное место в монографии В. Д. Блаватского занимает исследование истории военного дела античных государств Северного Причерноморья. Эту историю он разделяет на два этапа: с VI века по I век до н. э. и с I века до н. э. до IV века н. э. При анализе военного искусства Северного Причерноморья В. Д. Блаватский исходит из той правильной предпосылки, что греки-переселенцы принесли с собой и военное дело, характерное для метрополии. Однако, вступив в тесные отношения с многочисленными племенами нашего юга, резко отличавшимися от греков как по хозяйственному укладу, так и по культуре и, конечно, военному искусству, греческие колонисты не могли не испытать в различных областях жизни влияния, исходившего от местных племен, так же, как и местное население, в свою очередь, подвергалось влиянию со стороны греческих колонистов. Вполне поэтому закономерно, что местные племена сыграли существенную роль и в развитии военного дела античных государств Северного Причерноморья.

Это воздействие, как то доказал автор, «сказалось в применении наступательного оружия, в частности стрелкового, и, по всей видимости, в значительной роли легковооруженных лучников и конницы, в некоторой мере в тактике и, возможно, в организации обозов и лагерей» (стр. 110).

Предпосылки и характер тех изменений, которые происходили в основных сферах военного дела причерноморских государств, автор рассматривает в тесной связи с социально-экономическими отношениями. Значительный интерес представляет вывод автора о широком применении лучников в вооруженных силах Северного Понта; убедительно и его предположение о том, что скифская, меотская и боспорская конные дружины IV века до н. э. вряд ли существенным образом отличались друг от друга по вооружению, строю или военному искусству (стр. 81).

Анализируя проблемы позднеантичного военного искусства причерноморских государств, автор показывает, что в сарматскую эпоху усиливается роль тяжеловооруженной конницы и легковооруженной пехоты. Вместе с тем усиление военной угрозы вызвало в Боспоре и других государствах Причерноморья очень оживленную фортификационную деятельность.

В позднеантичное время военное искусство северопонтийских государств, как то с основанием утверждает В. Д. Блаватский, было во многом близко военному искусству Римской империи, что он объясняет прежде всего сходством социально-экономических процессов, происходивших в Причерноморье и Риме. Однако сильным было и сарматское влияние на военное дело Боспора: боспорская конница по посадке, характеру снаряжения и способу применения оружия во многом напоминала сарматскую (стр. 141 сл.).

Исследуя военное дело причерноморских государств, автор основное внимание уделяет Боспору. Однако, при всей ограниченности источников, следовало более тщательно анализу подвергнуть также и историю военного искусства Херсонеса и Ольвии. Так, читателю остается непонятным — чем именно объясняется незначительная роль кавалерии в системе вооруженных сил этих государств, почему наемничество не получило здесь такого распространения, как в Боспоре. Не останавливается автор и на возможном влиянии на военное дело античных государств Северного Причерноморья гето-фракийских племен, в особенности по отношению к Ольвии. Является упущением и то, что автор не касается вопроса о комплектовании позднебоспорского войска. Между тем в советской исторической науке отмечается, что основной костяк его в это время составляли граждане Боспора, так как в сложившейся военной обстановке

¹ Dexippus, фр. 19, FHG, т. III.

новке Боспор не мог верить оборону государства наемным или союзным контингентам¹.

Весьма не определена оценка автором исторических событий на Боспоре в период I—IV вв. н. э. В. Д. Блаватский неоднократно упоминает о «неспокойной истории», «неспокойной эпохе» (стр. 138 сл.), «частых нападениях» и пр. Однако применительно к III—IV векам следует определенно уже говорить как о великом переселении народов, так и о тех социальных потрясениях, которые испытывали в III в. многие античные центры. В самом боспорском государстве, например, в это время, повидимому, имели место какие-то социальные движения, в результате которых, как свидетельствуют источники (Zosim., I, 31, 1—2), власть на Боспоре перешла к «негодным и неблагополучным людям». Этот факт в истории Боспора получил известное отражение в работах В. Н. Дьякова, А. Н. Зографа, В. Ф. Гайдукевича².

Термин «готы», который автор использует в этой главе при описании войн III века, точно отражает племенной состав нападавших в этот период на Рим варварских коалиций. Наконец, при чтении этой заключительной главы читатель вправе спросить — какова же была историческая судьба государств Северного Причерноморья в позднеантичную эпоху? Автор, однако, не дает на это четкого ответа.

Указанные в рецензии недостатки ни в коей степени не умаляют того большого значения, которое имеет монография В. Д. Блаватского: давая впервые широкую картину развития военного дела в причерноморских государствах античной эпохи, она восполняет в этом отношении существенный пробел в советской историографии.

В процессе развития военного искусства Северного Причерноморья автор сумел проследить конкретное взаимодействие разнообразных элементов. Он не только систематизировал имевшиеся уже положения о военном искусстве античных государств Северного Понта, но внес много нового в решение важных вопросов военного дела Боспора, Херсонеса и Ольвии (организация, тактика, эволюция вооружения). Основной вывод автора о творческом сочетании военного искусства греческих государств Северного Понта с достижениями и военными приемами местного населения Северного Причерноморья (стр. 159) логически вытекает из всего исследования. Работа написана на основе тщательного анализа широкого круга дошедших до нас источников, как литературных, так и эпиграфических. Автор широко привлекает также малоизвестные археологические материалы. Монография богато иллюстрирована репродукциями с археологических памятников, схемами и планами укреплений, к ней приложено несколько карт. Ее с интересом прочтет также всякий, интересующийся историей военного искусства.

А. М. Ременников

В. ЯРХО, Аристофан, М., ГИХЛ, 1954, 134 стр., тираж 20000 экз., цена 2 р. 70 к.

Историки и филологи, занимающиеся изучением древнего мира, в долгу перед советским читателем: у нас почти нет ни монографических исследований, ни научно-популярных очерков о крупнейших деятелях античной культуры. В этом отношении интересно появление работы В. Н. Ярхо, посвященной творчеству Аристофана, 2400-летний юбилей со дня рождения которого отметило недавно все прогрессивное человечество.

В сравнительно небольшом научно-популярном очерке автор рассматривает творчество Аристофана в связи с социально-политической жизнью Аттики последней четверти V — начала IV в. до н. э. Очерк состоит из краткого введения и шести глав. Во введении автор останавливается на значении творчества Аристофана, поэта-гражда-

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 386 сл.

² См., напр., В. Н. Д я к о в, Таврика в эпоху римской оккупации, УЗ МГПИ им. Ленина, т. XXVIII, вып. 1, стр. 22; А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, М.—Л., 1951, стр. 209; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 452 сл.

пина и патриота, мастера злободневной политической сатиры. Первая глава посвящена социально-историческому обзору древней Атики, а также характеристике истоков драмы и ее развития на протяжении V века до н. э. Во второй главе рассматриваются комедии «Ахарнясы», «Мир», «Всадники», «Осы». В третьей главе анализируются «Птицы» и «Лисистрата». В четвертой главе идет речь о пьесах «Облака», «Фесмофоризаусы», «Лягушки». Пятая глава освещает поздние произведения поэта — «Экклезиазусы» и «Плутос». Небольшая заключительная глава излагает отношение к Аристофану крупнейших деятелей культуры Запада и России от эпохи Возрождения до наших дней. В. Н. Ярхо широко привлекает высказывания русских революционеров-демократов о древней комедии. Анализ комедий Аристофана автор производит по идейно-тематическому признаку, что дает большую возможность правильного осмысления идейной направленности театра Аристофана в его развитии. В книге четко изложены экономические условия, в которых складывался и развивался афинский полис. Впервые переведенный на русский язык 63-й фрагмент Гермиппа иллюстрирует мысль автора об Афинах как о центре архэ, торговом городе мирового значения.

Характеризуя Аристофана как идеолога трудового аттического крестьянства, В. Н. Ярхо не упрощает мировоззрения поэта. Сложность настроений сельского населения полиса состояла в том, что, будучи рабовладельцем, аттический крестьянин защищал его, как «естественно возникшую форму ассоциации»¹, защищал свои права на долю государственных доходов, получаемых от эксплуатации рабов и союзников. Вместе с тем, будучи одновременно и тружеником, он не мог мириться с паразитизмом и эгоистическими устремлениями тех слоев, которые были связаны с торговлей, ростовщичеством и, противопоставляя свои интересы интересам полисного единства, являлись сторонниками экспансии Афин. В. Н. Ярхо отмечает неоднородность демоса и противоречивость афинской демократии, особенно наглядно проявившиеся в связи с событиями Пелопоннесской войны.

На протяжении всей книги автор обращает внимание на типичность (выраженную в своеобразной форме древней комедии) изображаемых Аристофаном явлений, его народность и оптимизм, беспощадное разоблачение хищничества, паразитизма, демагогии врагов мира. В. Н. Ярхо подчеркивает, что великий художник близок нам сознательным стремлением при помощи искусства защитить интересы народа, его права на мирную жизнь.

Вместе с тем В. Н. Ярхо следовало подчеркнуть, что мысль поэта о том, что народам следует решать свои судьбы самостоятельно, была в то время столь же нереальна, сколь утопичны были его надежды на возвращение времен марафономаров.

Переходя к анализу комедий Аристофана, посвященных вопросам гражданской этики и литературной критики, В. Н. Ярхо останавливается на воззрениях софистов, подрывавших своими взглядами устой полиса, чем объясняется враждебность всех древних комедиографов к учителям мудрости, к Сократу, в котором они видели проповедника гибкой морали, и к Еврипиду.

Поздним комедиям Аристофана В. Н. Ярхо уделяет сравнительно мало места (стр. 114—126). Он говорит, что кризис афинского полиса после распада архэ привел к окончательному разорению массы крестьян и городских низов. В среде деклассированных люмпен-пролетариев получили хождение проекты паразитической потребительской уравнительности. Этим стремлениям, резко их обличая, Аристофан в «Экклезиазусах» и «Плутосе» противопоставил идеал мелкого собственника, мечтающего о независимости, чуждого паразитизму деклассированных элементов. В «Плутосе», оставаясь на позициях несуществимой веры в возможность возрождения аттического крестьянства, поэт попрежнему обличает паразитизм богачей. Подводя итоги анализу творений поэта, автор правильно отмечает, что и театр Аристофана, беря на себя пропаганду идеалов крестьянства, не мог вырваться из круга иллюзорных идеалов; однако, если до сицилийского краха эти идеалы еще имели под собой основания, то после 413 года они были совершенно беспочвенны.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12.

Достоинством книги В. Н. Ярхо является то, что идейный анализ наследия Аристофана он сочетает с художественным. Автор рассматривает эволюцию жанра древней комедии и показывает, как традиционная ее структура со временем претерпела серьезные изменения. В книге уделено много места приемам типизации образа, характеру фантастики. От этапа к этапу творческого пути поэта менялись приемы образного отражения действительности: «классическая» комедия с ее инвективами и сатирической заостренностью образа, с ее постоянными компонентами по мере усиления кризисных явлений в полсе обогащается новыми приемами показа человека и общественных явлений.

Книга написана просто и доступно и привлечет внимание студентов, преподавателей школы, массового читателя.

Работа В. Н. Ярхо не лишена отдельных недостатков. Не все дошедшие до нас комедии получили в книге достаточно четкое освещение. Если «Ахарняне», «Всадники», «Осы» и другие произведения рассмотрены сравнительно подробно и с идейной и с художественной стороны, то комедии «Мир» и «Фесмофориазусы» проанализированы бегло, вскользь.

Анализу «Мира» уделено в книге полторы страницы (стр. 41—42). Между тем это произведение, поставленное на афинской сцене в канун заключения Никсиа мира, интересно своими панэллинскими настроениями, что придавало ему особое политическое значение. Впервые у Аристофана в этой комедии прозвучал призыв ко всем грекам, а не к одним лишь афинянам, объединиться против сил войны (стихи 302, 551). Комедия вместе с тем в значительно меньшей степени, чем «Всадники» и «Осы», направлена против определенных политических деятелей; она указывает на появление в творчестве поэта новых тенденций: он все больше и больше отходит от персональных инвектив, затрагивая общие широкие вопросы современной жизни. В этом смысле «Мир» является для эволюции творчества Аристофана этапным произведением.

Мало говорит автор также о таком значительном произведении, как «Фесмофориазусы» (стр. 103, 109—110), из анализа которого видно, что во время правления «олигархии 400» Аристофан не прекратил сатирической деятельности политического поэта. В комедии, хотя и лишенной многочисленных политических выпадов, не угасла критическая мысль (стихи 327, 329, 341 сл.; 540, 809). «Фесмофориазусы» важны не только для понимания эстетических воззрений Аристофана (литературная полемика с Еврипидом, нашедшая продолжение в «Лягушках»); в них показан упадок патриархальной семьи, женской нравственности, в чем, с точки зрения поэта, также повинны софисты и Еврипид. Как и «Лягушки», эта комедия свидетельствует о том, что принципы софистов, против которых столь настойчиво выступал Аристофан, оказали известное воздействие на творчество поэта. Религиозное вольнодумство, отношение к традиционной религии у Аристофана и у софистов имеет бесспорные точки соприкосновения. Достаточно вспомнить, как Аристофан изображает олимпийцев в комедиях «Мир» (стихи 193 сл.), «Птицы» (стихи 551—569; 1565—1693), «Плутос» (стихи 122 сл.), «Экклесиазусы» (стихи 779—784), чтобы убедиться в этом. Так, Гермес изображается взяточником, Гелиос назван мошенником (*καυοβροχς*) («Мир», стих 406). В «Птицах» весь Олимп показан в пародийном плане: птицы более священные, чем боги, — они ближе к людям. Небожители спускаются на землю лишь для любовных утех. Хремпил в комедии «Плутос» заявляет, что владычеству Зевса и всем его молниям — грош цена. Таким образом, от паивной веры в богов поэт решительно отказывается.

Правда, В. Н. Ярхо отмечает мифологическую пародийность в «Птицах», говорит о влиянии еврипидовского психологизма на Аристофана, на его манеру характеристики образа (стр. 111), но этого недостаточно. Сводить влияние рационализма только к приемам мастерства, как это делает автор книги, неправомерно. Поэт глубоко переживал «кризис» общественного сознания, он уповал на перемены к лучшему, но сам подвергся некоторому влиянию просветительства. Не случайно Кратия выразился о нем, что он «аристофанствует по-еврипидовски»¹.

¹ Atticorum comicorum fragmenta, т. I, стр. 59.

Рассчитывая на массового читателя, автор старается объяснить терминологию, доступную лишь специалисту, но не всегда этот принцип выдерживается; остались нераскрытыми такие понятия, как дем (стр. 30), старшие и младшие софисты (стр. 99, 102). Несколько односторонне утверждение, что общественное значение афинского театра возросло в годы Пелопоннесской войны (стр. 21). Драма, как известно, играла большую роль в идейной жизни полиса на всем протяжении V века до н. э., и вряд ли «Персы» или «Орестей» Эсхила в свое время имели меньший резонанс в Афинах, чем комедии Аристофана в период Пелопоннесской войны. Правильнее, нам думается, было бы сказать о возрастании значения комедийного театра, а не афинского театра в целом.

Приходится сожалеть, что автор, видимо из-за недостатка места, совсем не коснулся, хотя бы в общих чертах, насколько это уместно в научно-популярном очерке, критики буржуазного аристофановедения, грубо извращающего идейный смысл наследия комедиографа. Другие работы В. Н. Ярхо показывают, насколько актуальна такая критика в наше время¹.

Говоря о мировом значении Аристофана, следовало сказать о нем, как о блестящем мастере слова. Этот вопрос, — правда, весьма сложный для освещения в небольшой монографии, — совершенно выпал из поля зрения автора. В. Н. Ярхо ограничился несколькими общими эпитетами, которые не могут дать читателю даже приблизительного представления о народности и богатстве языка одного из самых блестящих мастеров слова в мировой поэзии.

Отмеченные недостатки и упущения не умаляют интереса книги В. Н. Ярхо. Хочется пожелать, чтобы вслед за ней появились работы о других выдающихся деятелях античной культуры.

И. Духин

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ВОРОНКОВИДНЫХ СОСУДОВ В ПОЛЬШЕ

Z. PODKOWIŃSKA, *Osada neolityczna na górze Gawroniec w Ćmielowie, pow. Opatów*, «Wiadomości archeologiczne», XVII (1950—1951), Warszawa, т. 2—3, стр. 95—147.

Z. PODKOWIŃSKA, *Prace wykopaliskowe na stanowisku «Gawroniec — Pałyga» w Ćmielowie w pow. Opatowskim, 1950*, «Wiadomości archeologiczne», XVIII (1951—1952), Warszawa, т. 3—4, стр. 201—242.

L. GAJEWSKI, *Kultura czas leżowatych między Wisłą a Bugiem*, «Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska», Sectio F., Nauki filozoficzne i humanistyczne, IV (1952—53), Lublin, стр. 1—194.

К числу немногих культур неолитического времени, памятники которых распространены как на территории нашей родины, так и на территории соседних стран Запада, относится большая группа памятников, которым посвящены рецензируемые работы польских археологов.

Эти памятники известны в зарубежной археологической литературе под разными наименованиями. В польской довоенной археологической литературе они были известны под наименованием «нордической», «мегалитической», «великопольской», «малопольской» культур, а также культуры «воронковидных бокалов», «воронковидных кубков» или «воронковидных чаш». Не останавливаясь на том, какое из указанных наименований наиболее правильное, впредь будем именовать их памятниками культуры воронковидных сосудов.

¹ В. Ярхо, Социальная утопия в комедиях Аристофана, МГУ, 1947; о н же, О характере древнеаттической комедии, МГУ, 1948.

Памятники культуры воронковидных сосудов распространены на значительной территории центральной и северо-западной Европы. Они известны в Польше, Чехословакии, Германии, Дании, Голландии и частично Швеции. На территории нашей родины памятники указанного типа известны в пределах УССР, главным образом в западной ее части, в бассейне реки Западный Буг. В пределах этой обширной территории памятники культуры воронковидных сосудов образуют ряд локальных групп.

Памятники интересующего нас типа исследованы и изучены на всей территории их распространения далеко не равномерно. Пожалуй, наименее изучены памятники юго-восточной, окраинной группы, которые распространены в верховьях Вислы и Западного Буга. Систематическому исследованию эти памятники здесь не подвергались. Вследствие этого многие важные вопросы, касающиеся происхождения, истории, хозяйства и быта населения культуры воронковидных сосудов на данной территории, не получили до сих пор соответствующего освещения в археологической литературе, в частности в довоенных обобщающих трудах польских археологов. Не получили они должного освещения также и в специальной монографии К. Яжджевского, посвященной памятникам данной культуры, главным образом на территории западной и средней Польши¹.

Значительно активизировались исследования указанных памятников в верховьях Вислы и Западного Буга в условиях народно-демократической Польши. Об этом свидетельствует выход в свет рецензируемых работ польских исследователей проф. д-ра С. Подковинской и Л. Гаевского.

Две работы С. Подковинской, опубликованные в варшавском археологическом журнале «Wiadomości archeologiczne», представляют собой подробную публикацию разнообразного материала и данных раскопок интересного поселения культуры воронковидных сосудов около Цмелева, Опатовского уезда, исследовавшегося автором в течение ряда лет, начиная с 1947 г. Уже сам факт осуществления систематических раскопок поселения данной культуры является очень важным. Дело в том, что поселения культуры воронковидных сосудов почти не исследовались. Исследовались главным образом могильники. Материалы последних, как известно, недостаточны для полной характеристики изучаемой культуры. Вот почему исследования в Цмелеве являются по существу первыми систематическими раскопками поселения культуры воронковидных сосудов в верховьях Вислы.

Следует отметить также удачный выбор памятника для раскопок. Большой интерес поселения в Цмелеве объясняется тем, что оно расположено недалеко от древнейших копей по добыче кремня, около Кшеменок, с которыми поселение связано.

Благодаря успешному применению С. Подковинской методики раскопок большими площадями, а также тщательной фиксации обнаруженных раскопками объектов данная публикация материалов дает всестороннее документальное освещение результатов раскопок. Раскопками была исследована площадь более 3000 м². На этой площади была открыта 171 яма, частично соединенные между собой и образующие единый жилой или хозяйственный комплекс. Кроме жилищ-землянок, состоявших из соединенных между собой ям, на поселении открыты также одноямные землянки. В жилых ямах были обнаружены остатки глиняных печей в виде скопления кусков обожженной глины с отпечатками прутьев, а также кострищ. Разрушенные глиняные печи и кострища были обнаружены и вне пределов ям.

На поселении обнаружены мастерские по обработке кремня с громадным количеством кремневых полуфабрикатов и отбросов производства.

В публикации дано подробное описание и характеристика добытого в результате раскопок вещественного материала: кремневых, костяных, каменных, глиняных и других изделий. В работе имеются многочисленные планы и разрезы жилищ и других обнаруженных объектов, их описание и устройство. Рисунки, фото и таблицы с рисун-

¹ К. J a ż d ź e w s k i, Kultura puhańców lejkowatych w Polsce zachodniej i środkowej, Poznań, 1936.

ками предметов, обнаруженных на поселении, вместе с их описанием и обозначением на планах, дают полное представление о найденных во время раскопок предметах.

Большое значение материалов из раскопок в Цмелеве состоит в том, что археологическая наука получила в свое распоряжение единый комплекс находок, что позволяет наиболее полно выяснить характер культуры, представленной материалами данного поселения, а также и ее локальные особенности.

На основании анализа разнообразных находок С. Подковинская приходит к выводу, что жители поселения занимались земледелием, скотоводством и, как выражается автор, промыслом — изготовлением кремневых орудий для обмена. Большой интерес представляет утверждение автора об использовании крупного рогатого скота в качестве тягловой силы для обработки земли. В данном случае автор опирается на заключение проф. К. Крисяка, установившего наличие на изученных им фрагментах черепов крупного рогатого скота, найденных на поселении, роговых отростков, указывающих на кастрацию самцов¹. Практика кастрирования крупного рогатого скота, как указывает автор, была вызвана потребностями в тягловой силе. Наблюдения проф. Крисяка представляют большой научный интерес. Излишне говорить о том, какое громадное значение имеет возможность определения костей волов. Будем надеяться, что советские палеозоологи заинтересуются работами проф. Крисяка и выскажутся специально по их поводу. Опираясь, с одной стороны, на наличие на поселении костей волов, а с другой — почти полное отсутствие мотыг, С. Подковинская делает заключение об обработке земли при помощи тягловой силы. Известным подтверждением этому служит находка глиняной фигурки пары волов, запряженных в ярмо, найденной на поселении культуры воронковидных сосудов в Кренжице Ярой.

Вместе с тем автор в первой публикации коснулся также ряда вопросов социально-экономического характера. Сам факт постановки этих вопросов и, что особенно важно, попытки их освещения с позиций марксизма-ленинизма заслуживает того, чтобы быть отмеченным как положительное явление в успешно развивающейся археологической науке демократической Польши. Задача советских археологов, советской археологической печати всесторонне поддерживать и оказывать помощь этим стремлениям археологов стран народных демократий и, в частности, помочь им избежать ошибок, в свое время допущенных советскими археологами. Не избежала повторения этих ошибок и С. Подковинская, когда она следует за работами Е. Ю. Кричевского, написанными еще в 30-х годах, где буржуазная теория миграций критиковалась с вульгаризаторских позиций.

Оценивая работы С. Подковинской в целом, необходимо подчеркнуть их большое научное значение. Теперь мы располагаем полноценным источником, позволяющим наиболее полно представить себе жизнь и деятельность племен данной культуры в указанном районе; последнее важно как в плане изучения культуры местных племен, так и в плане изучения истории населения культуры воронковидных сосудов в целом.

В известной мере иное направление в исследовании культуры воронковидных сосудов на интересующей нас территории представляет монография Л. Гаевского. Как указывает автор, его работа является попыткой монографического исследования культуры воронковидных сосудов на территории между Вислой и Бугом. Работа состоит из введения и двух частей. Первая часть посвящена анализу материалов и характеристике культуры воронковидных сосудов между Вислой и Бугом. Во второй части дано описание материалов из местонахождений данной культуры. Монография иллюстрирована рисунками, фото, чертежами. К работе приложена карта памятников культуры воронковидных сосудов между Вислой и Бугом.

Справедливо указание автора, что памятники культуры воронковидных сосудов на территории между Вислой и Западным Бугом являются наименее изученными.

¹ K. K r y s i a k, Szczałki zwierzęce z osady neolitycznej w Cmielowie, «Wiadomości archeologiczne», XVII (1950—1951), Warszawa, стр. 165—228; XVIII (1951—1952), стр. 243—250.

Поэтому их изучение чрезвычайно актуально и необходимо. При определении территориальных границ своего исследования автор правильно предпочел естественные границы административным. Тем не менее сделанный автором выбор естественных границ (территории, ограниченной течением рек Вислы и Западного Буга) является, в свою очередь, также весьма условным.

При взгляде на приложенную карту создается впечатление о сравнительно неплохой археологической изученности памятников культуры воронковидных сосудов на данной территории. На карте обозначено 68 местонахождений поселений и могильников. Однако около половины таких «поселений» определено на основании находок одного, двух или нескольких фрагментов керамики, главным образом на дюнах. Можно ли на основании находок нескольких фрагментов керамики определять эти местонахождения как поселения? Повидимому, нельзя. Несколько фрагментов керамики равным образом могли происходить и из разрушенных погребений, а также могли быть найдены на поселениях, относящихся к другим культурам. В нескольких случаях автор к числу поселений относит также отдельные находки каменных топоров или целых сосудов, которые более вероятно происходят из разрушенных погребений. Сами по себе они еще не определяют тип памятника, к которому относятся.

Таким образом, более половины всех пунктов обозначено на карте без достаточных к тому оснований. Нужно ли учитывать аналогичные отмеченным выше местонахождения? Безусловно нужно. Но их правильное обозначать на карте как местонахождения отдельных находок (керамики или других предметов) данной культуры. Каждому, кто будет пользоваться такой картой, всегда будет ясно, о каких материалах идет речь.

Не лучше обстоит дело и с теми местонахождениями (более десяти), на которых найдено несколько десятков фрагментов керамики. Очевидно, что большее число находок фрагментов керамики указывает на нахождение здесь поселений. Однако такой материал более чем фрагментарен, по своему составу случаен и поэтому не может служить достаточным основанием для характеристики даже одного лишь керамического комплекса данного поселения.

Как видим, материалы учтенных автором местонахождений далеко не равноценны и, что самое главное, они ни в одном случае не являются полноценными в научном отношении.

В свете сказанного важное значение приобретают материалы из раскопок. Поэтому особое внимание заслуживают публикуемые автором материалы из новых послевоенных раскопок поселения в Крежнице Ярой и могильника в Лесс Стоцком. Поселение в Крежнице Ярой было открыто в 1947 г. Расположено оно на дюне. Здесь было собрано большое количество разнообразного археологического материала. В 1949—1950 гг. были произведены раскопки, в результате которых собран значительный вещественный материал: фрагменты керамики, кремневые изделия, пластины и отщепы, обломки каменных орудий, куски костей животных и т. п. В работе даны рисунки некоторых находок.

Из числа отдельных находок следует отметить оригинальную находку глиняной фигурки в виде пары животных в яме, которая правдоподобно изображает волв в упряжке. Новые данные о наличии волв и использовании их в качестве тягловой силы в повом свете выясняют характер хозяйственной деятельности населения культуры воронковидных сосудов в верховьях Вислы и Западного Буга, в частности возможность использования им тягловой силы в земледелии.

Несмотря на значительный интерес отдельных находок, автор, ограничив свою публикацию описанием вещественного материала, тем самым оставил невыясненными ряд существеннейших вопросов, касающихся исследованного памятника. Читателю не ясно, каков объем проведенных работ на поселении, его сохранность, условия залегания культурного слоя и т. п. Отсутствуют также чертежи и планы раскопок, за исключением единственного разреза кострища, обнаруженного в 1947 г. Между тем на поселении во время раскопок был обнаружен еще один очаг, сложенный из камней и обмазанный глиной. Неясно, где были обнаружены очаги, их взаимное расположе-

ние, как располагались по отношению к ним находки, а также, как располагались находки в пределах исследованной раскопками площади.

Автор не дал анализа и характеристики как отдельных категорий вещественного материала, так и всего комплекса находок поселения в целом. Между тем только при этом условии можно было получить полное представление о поселении и уже на этом основании отнести его к определенной локальной группе памятников данной культуры.

Вместо этого автор дал анализ и характеристику отдельных категорий инвентаря — суммарно для всех местонахождений данной территории, без предварительного анализа материалов каждого местонахождения в отдельности. Объединив, таким образом, без достаточных оснований памятники на территории междуречья Вислы и Буга в одну локальную группу, автор пытался сделать ряд выводов и заключений о происхождении и характерных чертах культуры выделенной им группы памятников.

Автор, например, утверждает, что памятники данного района характеризуются тем, что здесь амфоры чаще встречаются на могильниках, чем на поселениях. Не правильное ли будет объяснить это только разной степенью исследованности поселений и могильников, плохой изученностью поселений и относительно лучшей изученностью могильников?

Выделив памятники культуры воронковидных сосудов указанной территории в самостоятельную группу, Л. Гаевский отмечает, что лишь за редкими исключениями удастся проследить связи между этой группой памятников и аналогичными памятниками соседних территорий, в частности Сандомирщины. Между тем к группе памятников Сандомирщины относится поселение в Цмелеве. На поселении в Цмелеве кремневые изделия изготавливались из двух сортов кремня. Из местного, кшеменковского кремня, в силу его технических свойств и качеств, можно было изготавливать только топоры. Для изготовления основной массы кремневых изделий он не подходил. Поэтому для их изготовления жители поселения пользовались привозным кремнем, месторождение которого известно в районе Рахова (Красницкий повет), на правом берегу Вислы, т. е. уже на территории междуречья Вислы и Буга. Из раховского кремня изготовлена основная масса кремневых орудий поселения в Цмелеве. Это служит одним из указаний на то, что население Сандомирщины находилось в тесных и постоянных связях с населением междуречья Вислы и Буга. В свою очередь, жители поселения в Кренице Ярой, естественно, основную массу кремневых орудий изготавливали из местного, раховского кремня. Вполне естественно также, что на этом поселении в небольшом количестве встречались орудия, изготовленные из других сортов кремня: кшеменковского и надбужанского (месторождение на Вольни), так как в них не было потребности. Нельзя поэтому согласиться с выводом Л. Гаевского о том, что малое количество находок кремневых изделий из кшеменковского и надбужанского кремня на поселениях между Вислой и Бугом является свидетельством слабых связей между населением этой территории и населением Сандомирщины и Вольни.

Важные данные для характеристики культуры воронковидных сосудов на соседней, с востока, территории Вольни дают материалы из раскопок ранее известного в археологической литературе поселения в с. Зимно, Владимир-Вольнского района, Вольнской области. Исследованиями в с. Зимно (1951—1952 гг.) были открыты остатки углубленных частей жилищ с очагами, грушевидные и цилиндрические по форме имы с обмазанными глиной и обожженными стенами, очевидно, служившие для хранения зерна. Культурный слой поселения оказался весьма насыщенным разнообразными находками: керамическими, кремневыми, костяными, каменными и другими изделиями. Много найдено также костей домашних и диких животных. Сопоставляя весь комплекс данных исследованных поселений в Цмелеве и Зимно, приходим к заключению об их полной аналогии. Поселения настолько близки, что это сказывается уже в деталях. Так, например, на основании материалов обоих поселений установлен факт реставрации посуды путем склейки ее каким-то смолистым веществом.

Изучение данных раскопок этих поселений свидетельствует о несомненной их принадлежности к одной локальной группе памятников культуры воронковидных сосудов.

Это указывает на общность населения районов Сандомирщины и Волыни. В свете данных раскопок в Цмелеве и Зимно нельзя рассматривать вопрос о характере культуры воронковидных сосудов на территории между Вислой и Бугом изолированно от памятников Сандомирщины и Волыни. Л. Гаевский правильно обратил внимание на физико-географические особенности северного и южного районов этой территории. Правильно поступил также автор, когда подчеркнул это, обозначив на карте примерную границу между этими районами. Заслуживает серьезного внимания предположение автора о том, что особенности каждого района могли отразиться и сказаться на различии в хозяйственной деятельности их населения. Жаль, что это нельзя подтвердить в настоящее время соответствующим археологическим материалом. До сих пор мы не располагаем полными комплексами данных для поселений севера и юга, и поэтому конкретное решение этого вопроса не представляется сейчас возможным.

Если учесть физико-географические условия южного района данной территории, следует отметить, что он тесно связан с лессовыми породами и урожайными почвами Сандомирщины и Волыни и что поэтому правильнее рассматривать все эти районы вместе.

Как видим, имеется ряд веских данных и наблюдений, которые не подтверждают вывод автора о том, что памятники культуры воронковидных сосудов на территории между Вислой и Бугом образуют отдельную локальную группу памятников, отличающуюся от памятников данного типа на соседних территориях. Поэтому попрежнему первоочередной задачей изучения культуры воронковидных сосудов на указанной территории является проведение широких разведочных работ по выявлению поселений как на севере, так и на юге в этом районе, которые могли бы стать объектом широких стационарных раскопок. Успешные работы польских археологов, проведенные в последние годы в этом районе, свидетельствуют об больших возможностях и перспективах изучения интересующих нас памятников. Примером глубокого и правильного понимания пути дальнейшего исследования памятников культуры воронковидных сосудов являются образцовые полевые работы и публикации материалов раскопок поселения в Цмелеве проф. д-ра Софии Подковинской.

Только идя путем увеличения количества исследованных таким образом памятников, археологическая наука получит в свое распоряжение археологический материал, на основании которого можно будет решить сложные и важные проблемы культуры воронковидных сосудов в целом и ее отдельных локальных групп.

Ю. Н. Захарук

А. Ф. ЛОСЕВ, Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии — УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, т. LXXII, М., 1953, стр. 3—239.

История религии и мифологии принадлежит к труднейшим разделам исторической науки, и это объясняется как неясностью многих частных предметов, так и недостаточностью или полным отсутствием документальных свидетельств, особенно о ее начальных периодах. Однако перед советской наукой в этой области оказывается наибольший простор, так как она обладает наиболее совершенным марксистско-ленинским методом исследования, который позволяет охватывать предмет в историческом развитии. С этой точки зрения и следует подходить к рассмотрению работы А. Ф. Лосева.

Определяя задачу своего исследования, автор говорит в предисловии (стр. 9—14) о необходимости заново пересмотреть все наследство буржуазной науки под углом зрения марксистско-ленинской методологии, и, если не найти новое решение, то во всяком случае наметить к этому пути. «Олимпийские боги должны быть не просто предметом исторического изучения, но это историческое изучение должно здесь показать всю материально-жизненную обоснованность этой мифологии; оно должно быть историей борьбы человека за его реальное существование» (стр. 19). А. Ф. Лосев неоднократно показывает ограниченность понимания мифотворческого процесса буржу-

азными учеными. Вся работа проникнута критическим отношением к наследию буржуазной науки.

Работа состоит из шести разделов. В первом автор подводит итоги достижениям прежних ученых, определяет свой исследовательский путь и намечает основные этапы истории греческой мифологии в соответствии со всем ходом развития культуры, особенно останавливаясь на периоде матриархата и патриархата. В истории греческой мифологии автор различает дофессалийскую основу, фессалийскую, на которой останавливается наиболее подробно, малоазиатское развитие, ионийское и аттическое завершение. Подробной характеристике этих четырех периодов посвящаются четыре основных раздела изложения. В последнем, шестом разделе автор дает резюме всего предыдущего изложения и в качестве заключения рассматривает данные о роли горы Олимпа в греческой мифологии.

Полагая, что значительная часть образов греческой религии и мифологии возникла еще в догреческую пору, до того, как в Фессалии утвердились первые греческие племена, А. Ф. Лосев уделяет много внимания этому периоду. Он характеризует его как время матриархата, время самых грубых, даже чудовищных, и фетишистских представлений. Поскольку главное значение в этот период имеет почитание Матери-Земли (χθών), автор именует эту систему верований «хтонизмом». К этому же времени он относит и начало анимистических представлений. Принципом этой ступени мифологии он считает обобщенность понятий — «первобытную стихийно-множественную семантику мифа»: «все во всем» (стр. 198 сл.). К фессалийскому периоду он относит образование главных олимпийских божеств — Зевса, Геры, Афины, Деметры, Гермеса, Гестии и Посейдона. Это — период перехода от матриархата к патриархату и затем полного развития его, бронзовый век, время ранней эолийской колонизации, время господства общинно-родовой аристократии, строгий героический век, время утверждения антропоморфных образов. Главное внимание автор сосредотачивает на образах Зевса, Афины и Посейдона. Во всех главах А. Ф. Лосев старается показать, как вслед за общественными изменениями наступало новое миропонимание и на основе древнего хтонизма возникали новые черты, которые преобразовали прежних чудовищ в человекообразные существа и придавали им художественные формы. Этот процесс автор относит к первой половине II тысячелетия до н. э.

В следующем разделе А. Ф. Лосев показывает, как в результате ранней эолийской колонизации в Малой Азии греческие поселенцы столкнулись с местным населением, по преимуществу карийским и от него восприняли много новых черт в свою религию. По мнению А. Ф. Лосева, состав олимпийских богов пополнился азиатскими, теми самыми, которые в поэмах Гомера представлены как воюющие на стороне троянцев — Афродита, Арес, Гефест и Аполлон. Последнему уделяется особенно много внимания. Во всех этих образах автор старается показать постепенное развитие их от первоначальной хтонической основы до высокой художественной полноты, что сделало возможным включение их в круг олимпийцев. Образец диалектической противоречивости автор находит в Аполлоне, который одновременно является и целителем и губителем. Малоазиатский период автор относит ко второй половине II и началу I тысячелетия до нашей эры.

Завершение процесса развития греческой мифологии А. Ф. Лосев видит в ионийской и аттической ступени, которая лучшее выражение получила в поэмах Гомера. Эта поэзия, по мнению автора, окончательно сформировалась в Аттике в конце V в. до н. э. Этим периодом автор заканчивает свое исследование, поскольку далее, по его мнению, на смену мифологии является уже натурфилософия. «Поэтому, — заявляет он, — при исследовании олимпийской мифологии и позволительно остановиться на границе между общинно-родовой и рабовладельческой формациями» (стр. 206).

Таково в общих чертах содержание этой большой и сложной работы, явившейся результатом долгого и кропотливого изучения первоисточников и научного наследства буржуазных и советских ученых. Попытка дать систему греческой мифологии по принципам марксистско-ленинской методологии безусловно заслуживает внимания. Правильно говорит автор, что «почти каждый миф есть целая система вековых напластований, свидетельствующих о вековой или даже тысячелетней органической исто-

рии мифа» (стр. 34). Вполне закономерным надо считать также стремление автора найти древнейшую основу мифа и отделить в нем позднейшие черты, обусловленные изменениями в общественной жизни. Однако вследствие того, что наши знания об этом периоде весьма неопределенны, всякая неточность, натяжка, необоснованная или плохо обоснованная догадка может привести здесь к самым неверным и даже фантастическим заключениям. А. Ф. Лосев в своих построениях исходит порой из чисто абстрактных положений, что составляет слабую сторону его книги. Поэтому многие утверждения его являются спорными.

Весьма существенным недостатком исследования А. Ф. Лосева является отсутствие точного определения предмета изучения — как понимает автор сущность мифологии. О том же, что автор понимает под олимпийской мифологией, говорится только в конце книги (стр. 186, стр. 22). Так как автор не склонен признать, что мифология представляет особый вид народного творчества, относящийся к области фольклора, то он не приводит и различия в пользовании своими литературными источниками: являются ли они простой записью устного народного предания, художественной обработкой поэта или притчей философа. В то время как мифология, которая стала почвой греческого искусства, была созданием народа, она же потом сделалась уже арсеналом этого искусства¹ и поэтическим средством, которым стали свободно пользоваться писатели. Так, в некоторых сценах у Гомера (о любовном приключении Афродиты и Ареса—«Од.», VIII, 266—366; о ранении Афродиты и Ареса Диомедом—«Ил.», V, 330—354, 370—480, 855—898) А. Ф. Лосев видит бурлеск (стр. 142), однако не делает вывода, что эти моменты представляют уже не мифологию, а литературные создания. Равным образом упоминание Гомера об огромной тяжести Афины, вступившей на колесницу Диомеда («Ил.», V, 838 сл.), А. Ф. Лосев толкует в том смысле, что «это тянет к стадии гигантизма и циклопизма, т. е. к матриархату» (стр. 83). Между тем нетрудно понять, что это только пример эпической гиперболизации. Также он видит бурлеск в траговке Афины в сцене спора богинь перед судом Париса (стр. 84 и 150). Автор чувствует затруднительность своих объяснений «разностороннего содержания этого образа у Гомера» и откладывает решение до специального исследования (стр. 111). Тем более ему приходится сказать это про Нонна (стр. 126). Чудесный рассказ о шествии Посейдона («Ил.», XIII, 23—31) автору представляется бессмысленным и позднейшей вставкой (стр. 134). К такому выводу автор приходит вследствие нежелания понять поэтическое значение этой сцены.

Такое безразличие А. Ф. Лосева к характеру источников приводит к тому, что он ставит в один ряд образы Зевса как у Гомера, так и в сочинениях Юлиана, пытающегося уже в духе своего времени реставрировать религию Зевса, или у Лукриана, при его «сатирическом нигилизме» (стр. 98). Автор считает возможным делать заключения о мифологическом характере Зевса на основе орфических гимнов (стр. 50). Так, у пифагорейцев, по его мнению, «Афина соединялась с определенными геометрическими представлениями», у Демокрита она считается разумностью, у Платона — «умом бога» (стр. 91, стр. 93) и т. д. Таким образом, мифический образ автор уводит в дебри философской мистики, весьма далекой от народного мифотворчества. В результате такого толкования Зевс оказывается не только демоном грома и молнии, но также, в духе орфиков — огнем, эфиром и т. д. (стр. 49), а Афина — эфиром, солнечной силой, громом и молнией, облаками и тучей, ветром, воздухом, водой, землей, соевой, ласточкой, ястребом — всем космосом, и, наконец, самой судьбой (стр. 68). Автор посвящает целый параграф «Афине античного декаданса» (стр. 94 сл.).

Несомненно, у античных писателей последующих эпох можно встретить упоминания о чертах глубочайшей древности, но первейшей обязанностью исследователя являлось строгое выделение их из позднейших поэтических обработок и философских домыслов, чего не сделал А. Ф. Лосев.

Упущением автора следует считать и то, что он совершенно не привлек к исследованию культи. Между тем в них с исключительным консерватизмом живут нередко

¹ См. К. Маркс, К критике политической экономии, 1949, стр. 224.

черты глубочайшей древности. Почти совершенно не пользовался он и данными археологии, пластического искусства и эпиграфики, где можно найти много весьма важных сведений по разным вопросам религии и мифологии, например в додонских прорисовках, могильных заклитиях, (defixiones) и т. п. Наконец он не показал отличия олимпийской религии от дельфийской, которая играла также значительную роль в греческой жизни.

В своем изложении истории мифологических представлений А. Ф. Лосев сосредотачивает внимание на периоде матриархата, перехода от матриархата к патриархату и самого патриархата, причем для каждого из этих периодов он находит соответствующую экономическую базу. Однако определения А. Ф. Лосева весьма шатки. Так автор решительно утверждает, что «собирабельско-охотничьему способу производства соответствует в мифологии фетишизм с точки зрения предметных материалов, на которых строится миф, и хтонизм с точки зрения способа построения мифологического образа, производящему же периоду хозяйства соответствует анимизм в одном отношении и героизм в другом отношении» (стр. 32). Такое определение весьма произвольно и крайне суживает как материальную основу каждого периода, так и его идеологическую надстройку.

Наибольшее внимание автор уделяет матриархату с типичным для него почитанием Матери-Земли. Казалось бы, что в этой связи автором будет указан миф об амазонках, как несомненный отклик этого периода. Но А. Ф. Лосев сослался только на миф об Оресте-матреубийце в толковании Энгельса и почему-то совершенно обошел миф о Мелеagre, также отмеченный Энгельсом. Совершенно обойдены явления тотемизма, хотя они явно имеются в образах и Зевса, и Геры, и Афины, и Артемиды и др. Никак нельзя согласиться с пониманием образа Матери-Земли. Автор включает его в круг стихийных и чудовищных образов времени матриархата и рисует его как «грозный, суровый и страшный лик древней Матери» (стр. 141). Однако он упускает из виду, что у всех народов Мать-Земля мыслится в качестве доброго, благотворного божества¹. Не менее ошибочно приписывать «вольнодумцу» Овидию «целую энциклопедию превращений и браков» (стр. 77). Еще Гесиоду принадлежали «Перечни женщин», а Мак-Леннан и Лафарг справедливо указывали, что в перечисляемых тут женщинах надо видеть родоначальниц материнских родов, от которых затем происходят отцовские роды².

Автор вовсе не уделил внимания другому виду хтонизма — представлению о героях и божествах, обитающих в недрах земли, как Амфиарай, Трофоний, Эдип и т. п.³ Кроме того, ко времени матриархата А. Ф. Лосев отнес почти весь период крито-микенской культуры, приняв точку зрения Б. Л. Богаевского (стр. 43), которая давно уже отвергнута советскими исследователями⁴, а в настоящее время, после прочтения ливийского письма В, является совершенным историографическим анахронизмом⁵. В отдельных положениях автора чувствуются отклики ошибочных положений Леви-Брюля и Н. Я. Марра — например, будто «олимпийская мифология выростала из бесформенного и дологического, магического мифомышления» (стр. 42, ср. 199). Далекой стариной отзывается объяснение первобытных мифологических образов из символов (стр. 59, 83, 168 и др.). Ведь символы есть пережиточная ступень подлинных представлений.

Не выдерживает критики теория А. Ф. Лосева о «стихийно-множественной семантике мифа в недрах первобытного общества» (стр. 26 сл., 182, 199). Она противоречит

¹ См., напр., А. Dieterich, Mutter Erde, Lpz, 1925.

² П. Лафарг, «Матриархат» в сб. «Очерки по истории культуры», М — Л., 1926, стр. 30.

³ Эти вопросы нашли подробное освещение в трудах Фюстель де Куланжа, Э. Роде, Фукара и др.

⁴ В. В. Струве, Общественный строй древнего Крита, ВДИ, 1950, № 4, стр. 43.

⁵ См. статья Я. А. Ленцмана, С. Я. Лурье, А. И. Тюменева, опубликованные в ВДИ за 1954 и 1955 гг.

естественному представлению о простоте и ограниченности первобытной мысли. Убедительное представление об этом дают римские *di certi*, обладающие только каким-либо одним свойством, как и наши домовый, леший, водяной. А. Ф. Лосев упускает из виду, что ^с многозначность отдельных образов получилась в результате продолжительного процесса накопления и вбирания разных черт, особенно при передвижении племен. Без этого совершенно непонятно (и автор не счел нужным на этом остановиться) наличие многих мифических двойников-ипостасей, как Зевс-Агамемнон, Зевс-Эол, Артемида-Ифигения, Артемида-Геката, Артемида-Феба и т. д.

Так как автор совершенно игнорировал данные языкознания и особенно греческой диалектологии, продвижение образов мифологии представляется ему очень односторонне: из Фессалии в Малую Азию и обратно. А между тем по языку надписей видно, что волны переселенцев с восточного берега Фессалии шли частью на восток через Лемнос и Лесбос в Малую Азию, частью на юг через Беотию и Пелопоннес и дальше на юго-восток, на Кипр и в Памфилию. Недаром как раз на этих путях в шести местах встречаются горы под названием Олимпа. Носителем религиозных воззрений является народ, а не страна, и с этой точки зрения надо признать неудачным обозначение периодов как фессалийский или дофессалийский.

В концепции А. Ф. Лосева совершенно выпадает вопрос о том, как, когда и почему олимпийская религия получила общегреческое значение. Объяснение же того, как азиатские божества — Аполлон, Артемида, Афродита и др. — вошли в круг олимпийцев, явно неудовлетворительно (стр. 184).

В своем исследовании А. Ф. Лосеву приходится часто обращаться к данным гомеровской поэзии, и он признает, что в ней греческая мифология нашла наиболее полное выражение (стр. 22 и 182). Однако его представления об этой поэзии весьма противоречивы. То он как будто признает ее созданием единого поэта — «перед нами здесь художник со своим собственным, вполне определенным мировоззрением и со своим собственным вполне определенным стилем» (стр. 196), — то склонен допустить в поэмах «откровенную поэтическую выдумку и анахронистическое украшение» (стр. 140). Окончательное завершение поэмы автор относит в Аттику. В этом случае он ссылается на «Ил.», II, 546 слл., где будто бы сказано, что Афина ввела Эрехфея в свой дом в Афинах, и делает из этого вывод, что под этим «домом» надо разумеать афинский Эрехфейон, воздвигнутый в 432 г. Но Эрехфейон построен в 408—407 гг., а у Гомера здесь говорится только о людях, которые «жили в Афинах, стране Эрехфея (ἔρημον ἑρεχθίδος), которого воспитала Афина, а породила плодородная земля». В «Од.», VII, 80 действительно упоминается «дом Эрехфея», но нет никакого основания видеть в нем Эрехфейон конца V в., тем более, что, как видно из слов Геродота (VIII, 55), в Афинах с древнейших времен был храм Эрехфея, сожженный персами в 480 году.

Книга А. Ф. Лосева содержит много натяжек, неточностей, странных заключений и т. п. Например, ссылаясь на версию Варрона (явно этимологическую), будто название Афин дано городу в честь Афины большинством одного голоса женщин, автор видит в этом торжество упорядоченного, т. е. патриархального, начала, в противоположность стихийному, хтоническому Посейдону, представителю матриархата (стр. 78 сл.). Ослабление царской власти в «Илиаде» объясняется следующим образом: «один из его (Агамемнона — С. Р.) военачальников из-за какой-то любовной истории, самовольно выходит из строя и объявляет бойкот всему греческому войску» (стр. 192). Разве это не вульгаризация? Таково же и утверждение, будто в Спарте мужчины всегда равнялись на Париса (стр. 144) — суровые войны на трусливого женолюбца.

Странно видеть в научном сочинении использование весьма неточных переводов, вносящих в текст посторонний или даже чуждый смысл. Таковы, например, цитаты из «Эмвенид» Эсхила (стр. 111) в переводе Вячеслава Иванова, где с трудом можно уловить даже общий смысл подлинника, или из «Одиссеи», XVIII, 187 слл. (стр. 90), в переводе В. А. Жуковского, где не только есть слова, но и целые стихи, внесенные «от себя». Понятно, что в этом случае эпитет Афины ὑλαχθής можно понимать как угодно: голубоглазая, светлоокая, синеокая и совокая (стр. 63)! А ведь этим определяется и понимание сущности самой богини. Характеризуя Аполлона как бога ликийского,

т. е. происходящего из Ликии (стр. 183), автор цитирует стихи Эсхила («Семеро...», 145 сл.), но к словам: «стань ликийским» прибавляет: «волком», чем предпрещается то-темистическое толкование эпитета. Примеров такой произвольности можно привести много. В довершение всего некоторые переводы поражают своей нелепостью, как, например, «дудолобивые музы» (стр. 40), «дождь брюхатит землю» (стр. 142), «извивные ресницы» (стр. 143), «восклицательницы менады» (стр. 147) и т. д. Транскрипция имен страдает невыдержанностью.

К сказанному необходимо прибавить что изложение крайне запутанно и мало-понятно. Чего, например, стоят такие фразы: «Полный и абсолютный разрыв умственного и физического труда есть не что иное, как рабовладение» (стр. 24), «Первобытное мышление... является своего рода логическим или смысловым оборотничеством» (стр. 27) и т. п. Все это усугубляется странными и непонятными выражениями, вроде многократно повторяемых: «размытый», «размытость первобытного мышления», «размытые образы» (стр. 27, 48, 69, 74, 131, 137, 138, 141) и т. п.

Ясно, что при таких своих качествах данная работа не может претендовать на широкое распространение и, вопреки заявлению автора (стр. 11), очень походит на «завую диссертацию». Автор явно не справился со своей задачей.

Проф. С. И. Радице

C. HIGNETT, A History of the Athenian Constitution to the 'End of the Fifth Century B. C., Oxford, 1952.

В своем исследовании автор, по его словам, стремился дать исследование государственного строя Афин в его историческом развитии, и такая цель обуславливалась статичностью наших представлений, отражающих почти исключительно политический строй афинской демократии IV века. Ввиду такого утверждения автора следует сказать, что обширнейшая специальная литература, появившаяся в 90-х годах прошлого века в связи с открытием «Афинской политики», трактовала главным образом историческую часть «Афинской политики» и давала, вследствие этого, именно историю государственного строя Афин до конца V в.; особенно это относится к скептическому направлению этой литературы (Якоби, Де Санктис, Кейль и др.). Исследование Хинета примыкает к этому скептическому направлению, в известной мере его развивая.

Книга начинается со сравнительно краткого (1—32 стр.) источниковедческого введения, в котором прослеживается «литературная традиция», начиная с элегий Солона и до «Афинской политики», причем этой последней уделено всего 2½ страницы. Эту последнюю автор характеризует как анонимный документ, в основном дающий олигархическую интерпретацию афинской истории, в частности отражающий историко-политический трактат неизвестного олигарха времени переворота 411 г. Наряду с этим Хинет справедливо находит в «Афинской политике» и отражение демократических построений истории Афин.

Признавая эти указания автора на отражение политической борьбы в исторических построениях в Греции V—IV веков ценными, не могу не согласиться с автором в характеристике персяи о Солоне как создателе всех государственных учреждений Афин, как версии демократической; эта версия, как указывает сам автор, содержит представление о *pátrios politeía*. По Хинету, понятие *pátrios politeía* выдвигалось как олигархами, так и демократами, причем содержание этого понятия было соответственно различным. Однако следует подчеркнуть, что по крайней мере в V в. *pátrios politeía* была лозунгом олигархов; да и в IV в. мы не встречаем этого лозунга в политической литературе демократии, тогда как у Исократы и, что важнее, у Аристотеля представления о *pátrios politeía* носят антидемократический характер. Хинет указывает и на другой след социально-политического мировоззрения «радикальной» демократии «Афинской политики», именно — на положительную оценку того, что Солон якобы провел кассацию долгов. Но такое безоговорочное приписывание эллинской демократии, пусть даже «радикальной», идеологии

γῆς ἀναδασμός καὶ χρῆσιν ἀποκοπῆς; при настоящем состоянии наших знаний по меньшей мере не обосновано. Подлинно научному изучению этот лозунг и его связь с развитием социальной идеологии рабовладельческой демократии не подвергались (я полагаю, что здесь нет необходимости останавливаться на работе Пельмапа и ей подобных).

Сам Хинет заявляет, — и это весьма ценное заявление, — что если происхождение олигархической версии достаточно ясно, то версия демократическая и ее идеологические связи в данное, по крайней мере, время окутаны тайной. Это утверждение и указания на борьбу олигархической и демократической идеологии в V в. являются ценнейшей чертой рассматриваемой книги, несмотря на всю спорность общих выводов автора.

Обоснованной и правильной следует признать высокую оценку автором Геродота как источника для внутривосточной истории Афин, особенно для периода 510—480 гг., и прежде всего для истории реформы Клисфена. Любопытно в связи с этим отметить, что Хинет отрицает ценность как раз тех сообщений «Афинской политики», которые признавались в литературе 90-х годов прошлого века наибольшим вкладом в наше знание истории Афин. Весьма правильно автор сосредоточивает внимание на следах афинского законодательного кодекса, созданного между 410 и 401 гг. В результате углубленного исследования традиции о законах Солона автор приходит к интересному выводу, что кодекс 410—401 гг. рассматривался в IV в. как законы Солона, под которыми понимали только кодекс гражданского права. Однако автор находится под определяющим влиянием «Политики» Аристотеля и поэтому стремится находить в этом кодексе, как и вообще в политическом строе Афин, аристотелевы категории, более или менее законченную «политику» как положительную кульминацию этого строя. Согласно с Аристотелем, автор сосредоточивает внимание, например, на порядке замещения государственных должностей — по жребию или по выбору, или частично по жребию, частично по выбору; автор не замечает, что этим он начинает смотреть на афинскую демократию через призму олигархической теории.

Глава вторая книги характеризует древнейшее прошлое Атики. В этом прошлом подчеркивается ее политическая раздробленность, окончательно преодолеть которую удалось, по мнению автора, только Писистрату. Однако наряду с этим автор традиционным образом изображает сильную власть афинских царей, частично подчиняющих себе местных династов. Еще Энгельс указывал на то, что вряд ли афинских басилеев можно наделять монархической властью. Подчеркиваемая Хинетом раздробленность Атики, которую следует связывать с процессом разложения родового строя, отсутствие археологических данных о резиденциях монархов и ряд других соображений заставляют решительно отвергнуть традиционное утверждение о царской власти, подчинявшей себе древнейшую Атику. Да и у самого Хинета довольно непоследовательно эти «монархи» без всякой борьбы устраняются аристократией, причем о народной массе автор не упоминает; и вообще ничего не говорит о структуре аттического общества.

В главе третьей — «Аристократическое государство» автор трактует вопрос, который следовало бы выдвинуть в первой главе, — вопрос о структуре аттического общества в древнейший отраженный в литературных источниках период. Проблему происхождения аттических фил, фратрий, родов, фиасов автор пытается решить тем же путем, что и подавляющее большинство историков прошлого века, т. е. прагматизируя материал преданий и мифов. Однако автор отказывается решить вопрос о происхождении фил, склоняясь вместе с тем к пониманию их как чисто территориальных организаций. Более решительно трактуются фратрии — как добровольные объединения друзей по оружию у Гомера: в мирное время это были объединения соседей для взаимопомощи в защите жизни и имущества; позднее эти объединения стали наследственными и стали называться фратриями. Роды, по Хинету, возникли еще позднее, как объединения знатных семей. Но все эти построения не опираются, конечно, на данные первоисточников; гомеровские ἐτάρχοι сопоставляются с ἐταίροι Гортинской надписи, а отсюда ἐταίροι делаются основателями фратрий. Не говоря уже о некоторой произвольности сопоставления социальной терминологии у Гомера с терминологией

Гортинской падисии, Хинет не пытается показать, каким образом позднее фратрии делается объединением родов, как она характеризуется в «Афинской политике».

Таким образом, в социальную характеристику древнейшей Аттики Хинет не вносит ничего нового, не пытается интерпретировать скудные данные источников при помощи общих законов развития человеческого общества, что пытался, однако, в свое время делать еще Бахофен. Это тем досаднее, что в данной главе имеются интересные наблюдения о крупной роли фратрии в общественно-политической жизни Аттики классического периода, тогда как роды почти совсем незаметны, что в значительной степени относится и к гомеровскому обществу. Основным методологическим пороком автора является полная неопределенность у него понятия государства вообще, государства в античной Греции в частности. Непизбежным следствием этого и является трактовка автором развития афинского государства как результата деятельности отдельных законодателей, при полном почти игнорировании народных масс. Пережитки догосударственных отношений трактуются так же, как и проявления развития классового общества и государства. Поэтому навкратрии, например, рассматриваются автором как локальные объединения плательщиков налогов и вместе с тем являются для него исконным, древнейшим учреждением Аттики. Однако Хинет чувствует противоречивость такой трактовки и в заключение заявляет, что вопрос о навкратриях остается для него не решенным.

Глава четвертая посвящена Солону, который рассматривается как представитель эпохи ранней тирании, наступившей в Аттике с запозданием. Реформа Солона трактуется как результат выступления «обезземленных крестьян», с одной стороны, не находящейся у власти части знати — с другой. Власть была в руках олигархической кучки эвпатридов, отнюдь не обнимавшей, по Хинету, всех знатных родов Аттики; при этом опять-таки подчеркивается политическая расчлененность Аттики, наличие многих местных династий, враждебных аттическим эвпатридам. Власть эвпатридов автор квалифицирует по Аристотелю понятием *δυναστεία*; реформа Солона характеризуется как весьма умеренная, не произведшая никаких радикальных изменений в общественно-политических отношениях. С одной стороны, в Аттике сохранилась значительная часть не обезземленных «свободных держателей» (*free holders*), на которых опирался Солон; с другой стороны, его поддерживала часть знати и богатых людей; гектеморам и проданным за долги в рабство Хинет не уделяет почти никакого внимания, упоминая вскользь, что они требовали передела земли и кассации долгов как до реформы, так и после нее. Таким образом, Солон, по Хинету, устранил «двунастейю», уточнил функции существовавших государственных органов, главным образом ареопага и эклиесии, не вводя никаких новых. Но при этом, вскользь добавляет автор, Солон изменил их состав, «заменив права рождения правами богатства». Реформа Солона, утверждает Хинет, имела в виду прежде всего урегулирование положения земельных собственников, в первую очередь, знати в целом; что касается представителей движимого богатства в торгово-ремесленном слое, то в начале VI в. в Аттике таковых еще почти не существовало. Хинет подчеркивает, что представление о Солоне, как основателе позднейшей демократии, было тенденциозно сконструировано в политической литературе IV века. В этом стремлении автора лишить выступление Солона его действительного значения, как некоторого исторического рубежа, бросаются в глаза внутренние противоречия; автор делает Солона представителем раннегреческой тирании, которую сам автор правильно связывает с развитием торгово-ремесленного элемента; однако, с другой стороны, приписывает гектеморам лозунги городских низов Греции IV—III веков (передел земли и кассация долгов), что противоречит его утверждению об отсутствии во времена Солона представителей городского богатства. Еще более противоречат это самой критике Хинетом традиции в «Афинской политике» о Солоне; если образ Солона — основателя демократии создан политической литературой IV века, что, впрочем, вряд ли можно утверждать безоговорочно, то тем более несомненен анахронизм перенесения, вслед за Аристотелем, лозунга передела земли и кассации долгов во времена Солона. Это тем более неправомерно, что автор считает положение

земледельческой массы не столь тяжелым, как это принято изображать на основании «Афинской политики». Автор приводит блестящие доказательства того, что в традицию о Солоне включен ряд позднейших вымыслов, а также совершенно правильно указывает, что Солоп не издавал никакой специальной «конституции». Затуманивая введение Солоном цензового строя, автор вместе с тем придает этому строю исключительно важное значение в дальнейшем социальном и политическом развитии Атики. Для автора этот цензовый строй является здоровой основой развития рабовладельческой демократии не только в VI, но и в течение всего V века. Между тем с этим утверждением, широко распространенным в историографии, совершенно невозможно связать политическое мировоззрение рабовладельческой демократии, основой которого является представление об абсолютном политическом равенстве свободных граждан. Наконец, Хинет тщательно затуманивает «сисахфию», но вместе с тем он хочет изменить датировку реформы, относя ее к концу 70-х годов VI века. Таким образом, он отвергает последовательность событий в «Афинской политике», хотя сами события признает достоверными, т. е. реформе, по Хинету, предшествовала острейшая социально-политическая борьба. На каком же основании тогда автор замалчивает столь важные сообщения о сисахфии, подтверждаемые элегиями Солона? Стараясь критически подойти к традиции о Солоне, автор вместе с тем не делает должных выводов из своего главного положения о том, что традиция в сильнейшей степени отражает политическую литературу конца V века.

Глава пятая — «От Солона до Клисфена» посвящена афинской тирании, которой автор совершенно правильно придает очень большое значение, трактуя ее интересно и оригинально. Во-первых, Писистрат является для Хинета прежде всего подлинным объединителем Атики. Далее, Писистрата поддерживала часть знати (фплаиды) и связанные с ней «гиперакрии», которых автор трактует как население восточной Атики (Браврон) и к которым примкнуло недовольное реформами Солона беднейшее сельское население, лишенное гражданских прав. Писистрат заставил династов подчиниться общеаттической административно-судебной системе демов, которую он создал. Только Писистрат предоставил полностью гражданские права фетам, не обладавшим земельной собственностью, распределил их по фратриям и создал предпосылки для перехода от аристократического государства к демократии. Весьма интересна догадка Хинета, что прообразом Тезея в «Умоляющих» Эврипида является Писистрат.

В изображении реформы Клисфена (гл. VI) автор резко критикует «Афинскую политику», пытаясь главным образом опереться на Геродота. Хинет указывает, что в политической литературе IV века отсутствует традиция об этой реформе. Оценивая реорганизацию фил, Хинет лишь вскользь замечает, что эта реорганизация подрывала значение знати, подчеркивая в то же время сохранность ранее существовавших общественных отношений. Реформа изображается Хинетом как идеал умеренных олигархов конца V века, и в этом отношении клисфенова конституция для автора является идентичной (identical) солоновской, т. е. она также обеспечивала интересы землевладельческой знати. Сам автор, впрочем, правильно подчеркивает, что ни Солоп, ни Клисфен никакой «конституции», в смысле единовременного письменного акта, устанавливающего основы государственного строя, не издавали. Хинет даже несколько склонен сомневаться в том, что демократический совет пятисот был создан Клисфеном. При Клисфене этот совет носил скорее консервативный характер, так как избирался якобы на основе солоновского ценза, имущественного и земельного и, в известной мере, ограничивал права еклесии. В остальном старые государственные органы, особенно ареопаг, как это подчеркивает Хинет, продолжали сохранять свой авторитет. Что касается коллегии стратегов и остракизма, то эти учреждения возникли только в реформах 487—486 г., которым автор соответственно и придает очень большое значение.

Таким образом, реформы Клисфена не были, по Хинету, ни в какой мере разрывом с прошлым; новый строй десяти фил не внес никаких коренных изменений в политический строй. Так же, как в реформе Солона, Хинет и в реформе Клисфена отказывается видеть победу в борьбе за новую политическую надстройку, рубеж в развитии атичского рабовладельческого государства. Между тем Геродот, глав-

ный источник Хинета, излагает выступление Клисфена именно как несомненный исторический рубеж; автору следовало бы гораздо глубже проанализировать источники «Афинской политики», а не ограничиваться неопределенным указанием на отсутствие традиции о Клисфене в литературе IV века.

В седьмой главе, самой большой в книге, характеризуется период «от Клисфена до Эфиальта», как время наивысшего развития политической роли афинской знати и вместе с тем как «зени́т славы Афин».

В эти десятилетия господства «демократии голплитов» конституция Клисфена получила дальнейшее развитие и укрепление в реформах 501/500 и 487/86 гг. Наивысшей точки политическое развитие данного периода достигло в реформах 487/86 г., когда, согласно «Афинской политике», архонтство стало доступно «всадникам», эти должности стали замещаться через *κλῆροσς ἐκ προκρίτων* и был введен ostracism. Автор изображает острую политическую борьбу представителей знатных родов вокруг про- и антиперсидской ориентации, с одной стороны, с другой — за замещение руководящих политических должностей. Но для автора эта борьба почти лишена социального и политического содержания; это не борьба олигархов и демократов — этих партий, как таковых. Для автора еще нет. Характерна в связи с этим та малая доля внимания, которая уделена автором деятельности Фемистокла в целом. Огромное историческое значение создания военного флота не отрицается, однако Хинет подчеркивает, что появление «корабельной черни», являвшееся неизбежным последствием создания флота, привело позднее афинскую государственность к разложению.

Чрезвычайно характерно это отодвигание автором Фемистокла на второй план, вопреки всем данным традиции и вопреки собственному, весьма интересному, основанному на сообщении Лисия, наблюдению автора, что в конце V в. было широко распространено представление о Солоне, Фемистокле и Перikle, как о наиболее крупных законодателях прошлого (стр. 305). Хинет не замечает основной политической проблемы в этой борьбе — проблемы формирования морской державы, взаимодействия этого процесса с внутривидовыми отношениями в Афинах. Ложен поэтому тот признак, по которому автор устанавливает границы данного периода. Если «конституцию» Клисфена с большими оговорками можно назвать «демократией голплитов», то греко-персидские войны являются рубежом, за которым социальное и политическое развитие вступает в новый период. Началом этого периода можно считать именно деятельность Фемистокла, типичного представителя и вождя развивавшегося демоса. Хинет же усматривает, как мы видели, основное содержание конструируемого им периода в некоторых изменениях в органах управления, достоверность и смысл которых частью весьма сомнительны; его мысль работает в категориях «Политики» Аристотеля.

Глава восьмая называется «Революция 462 года». Реформы Эфиальта автор квалифицирует как «ниспровержение» конституции Клисфена, причем сама реформа, как указывает автор, характеризуется в источниках весьма смутно. Однако при таком критическом подходе к основному источнику, автор некритически повторяет, вслед за всеми своими предшественниками, сообщение «Афинской политики» о лишении ареопага власти, как об основной черте реформы. Станным образом автор считает сообщение «Афинской политики» о том, что ареопаг был лишен только узурпированных им прав, искажающей историческую действительность демократической версии, ибо Эфиальт якобы выступает в этом сообщении как восстановитель *πάτριος πολιτεία*. Но почему в таком случае, спросим у автора, Эфиальт изображен в «Афинской политике» в карикатурном виде? Понятие *πάτριος πολιτεία* сложилось в V в. как формула политической теории олигархов. Мы не встречаем этой формулы в политической литературе демократии не только V, но и IV века, ибо демократическая мысль IV века твердо стояла на позициях перикловой демократии. В этой весьма серьезной ошибке Хинета ясно сказывается отсутствие в буржуазной науке постановки самого вопроса о политической идеологии античной демократии. Критицизм Хинета не направлен, к сожалению, на выяснение самой сущности событий 462 г. Хинет еще более заостряет традиционную точку зрения на ареопаг, как на главного стража существовавшей конституции, широкие полномочия которого были переданы

Эфиальтом совету пятисот и далее. При этом сам же Хинет совершенно правильно рассматривает ареопаг как сакральный судебный орган. Не говоря о том, что в самих этих утверждениях заключаются противоречие, — почему в таком случае ни Геродот, ни Фукидид, ни даже Феопомп ничего не говорят о политической роли ареопага в истории Афин VI и V веков, в частности после греко-персидских войн? Хинет усматривает указание на широкие права по общему надзору за управлением государством и за финансами, якобы принадлежавшие ареопагу до 462 г., в известных нам ограничениях в данном отношении компетенции совета пятисот. Признавая все остроумие этого исследовательского приема, так же как и ряда других, применяемых автором при рассмотрении вопроса о правах ареопага, мы должны тем не менее напомнить автору о той идеализации ареопага, которая была характерна для государственной теории олигархов, и тем еще раз поставить с головы на ноги рассмотренный им выше тезис о *πάτριος πολιτεία*. Правда, в IV в., в частности у Демосфена, мы встречаемся с возвышением ареопага, но именно только как древнейшего олицетворения судебной функции государства. Никакой конституционной реформы, и тем паче революции, в 462 г. не произошло: если изменение в компетенции ареопага называть революцией, то какое же диктаторское положение должен был занимать этот судебный орган! Но ведь даже «Афинская полития» ничего о подобном политическом положении ареопага не сообщает.

Имела место острая вспышка политической борьбы, знаменовавшая окончательную победу рабовладельческой демократии в ее борьбе за укрепление и расширение морской державы. Эта победа была связана с дальнейшим развитием государственных органов, которые сложились, как известно, ранее.

Таким образом, никакого «ниспровержения» конституции Клисфена в 462 г. не произошло; возникший при Клисфене политический строй оставался важнейшим звеном в развитии афинского рабовладельческого государства.

В следующей главе (IX) характеризуется период расцвета «радикальной демократии», причем во введении даются все признаки этой демократии, заимствованные из «Политики» Аристотеля. Со смертью Перикла начинается период «упадка и падения Афинской империи» (гл. X). В характеристике «радикальной демократии» автор мало оригинален. Следуя за политической теорией Аристотеля, автор сосредоточивает внимание на порядке замещения государственных должностей, рассматривая соотносительную роль выборности и жребия. Автор стремится подчеркнуть зависимость демократии от предшествовавшего аристократического государства; эта зависимость проявляется в выборности, в очередности занятия должностей, в том, что ответственные должности, требовавшие общей и специальной подготовленности, и в период правления радикальной демократии всегда замещались представителями богатства и знатности. В частности автор полагает, что стратеги не только фактически должны были быть богатыми, но якобы и формально для занятия этой должности требовалось владение землей в Аттике. Однако это весьма важное положение автор ссылками на источник не доказывает.

Весьма содержательно трактуются экклесия и буле. Наиболее интересным в этом разделе является постановка вопроса о границах компетенции экклесии, в частности — в какой мере она была связана постановлениями буле. Хотя Хинет не рассматривает роль экклесии с точки зрения ее оценок в древнегреческой политической литературе, но его внимание к вопросу о политической роли экклесии представляется весьма ценным. Вопрос о суверенности экклесии был весьма острым для идеологов афинской демократии; об этом говорят труд Фукидида, речи Демосфена. У этого последнего мы встречаем даже противопоставление авторитета дикастерия, опирающегося на присягу, безответственности экклесии, участники которой никакой присягой не связаны.

Характерно, что в этой главе ничего не говорится о роли демагогов. «Разрушительный характер правления демагогов» рассматривается в следующей главе — «Упадок и падение афинской империи». В этом сильно сказывается влияние на автора аристотелевых характеристик «крайней» (*τελευταία*) демократии. Перикл для Хинета не демагог, а скорее организатор своего рода принципата. Всем демагогам времени Пело-

пониесской войны автор отказывает в качествах, необходимых для афинского стратега; он говорит о том, что наступил разрыв между политическим влиянием и политической ответственностью, что было одной из главных причин упадка Афин. Автор не замечает, что, повторяя эту, типичную для буржуазной исторической литературы, характеристику, он повторяет вместе с тем одну из основных установок политической теории древнегреческой олигархии. Для объективно-научного понимания существа и исторической роли древнегреческой демократии необходимо прежде всего противопоставить этим, ставшим почти общепринятыми, олигархическим установкам установки политической теории древнегреческой демократии. Идя таким путем, мы можем указать автору, что никакого упадка афинская и общегреческая демократия в V в. во всяком случае не испытала. Как показывает сам Хинет, демократия эта обнаружила совершенно исключительную устойчивость и как раз в период наибольшего обострения внутренних противоречий максимально развернула свое государственное строительство. В рассматриваемой главе автор посвятил интересный раздел «радикальной демократии после первого восстановления», т. е. в 410—404 гг., в котором широко использованы ценные сообщения Лисия. И после свержения тирании Тридцати Хинет, заключая книгу, характеризует восстановленную и внутренне укрепленную радикальную демократию как наиболее прочную и приемлемую форму правления, которая была сокрушена только чужеземным завоевателем. В чем же проявился в таком случае упадок демократии?

Автор почти совсем не связывает развитие афинской демократической государственности с афинской морской державой и не останавливается на том, как отразилось и отразилось ли вообще «падение империи» на политическом строе афинской демократии. В защиту автора надо сказать, впрочем, что вопрос о том, в какой мере можно связывать политическое единство афинской демократии с афинской морской державой, в буржуазной исторической науке по существу совсем не ставился. Следует отметить, что и Аристотель в «Политике» проблему имманентной связанности морской державы и крайней (τελευταῖα) демократии, как известно, трактует весьма четко и развернуто. Совершенно очевидно, что это указание Аристотеля заслуживает при изучении политической истории Афин самого пристального внимания. Я указывал выше на необходимость критического подхода к сообщению «Афинской политики» о реформе Эфиальта с точки зрения борьбы за державу; тогда борьба Перикла и Фукидида, сына Мелесия, станет звеном в цепи одновременных событий политической истории Афин. С точки зрения роли державы необходимо рассматривать и события 411/410 и 404/403 гг., особенно эти последние, тиранию Тридцати. Следует отметить, что Хинет довольно подробно останавливается на функциях буле, связанных с управлением державой. «Но в период империи, — пишет Хинет, — наиболее важные и напряженные из обязанностей буле в этой сфере были те, которые проистекали из отношений между Афинами и подвластными им государствами». Он приводит интересный пример о специальном добавлении к присяге булевтов в связи с введением общей монеты, мер и весов в державе. Однако этот интересный материал совершенно не используется в качестве характеристики роли державы в политическом строе Афин. К приводимым автором данным следовало бы добавить соответственный анализ функций дикастериев и экклесий.

К основному тексту книги автор дает 14 «приложений», углубленных исследовательских экскурсов по отдельным проблемам, трактованным в основной части книги: экскурс «Пересмотр законов» в Афинах, где рассматривается во многом еще не ясный вопрос о законодательной процедуре в V в. и вопрос о пересмотре кодекса Солона в V в.; в экскурсе собран большой материал, но к определенному решению автор не приходит. Приложения II, III и IV касаются деятельности Солона: «Проблемы досолоновского государства и его организации» (стр. 305—316), «Дата законодательства Солона» (стр. 316—321) и «Способ выдвижения в архонтство и на другие магистратуры в VI в.» (стр. 321—326). Автор, с одной стороны, подчеркивает существование в досолоновской Аттике законодательного кодекса Драконта, заключавшего не только законы об убийствах, но по недостаточно убедительным соображениям решительно не допускает возможности существования в IV в. подлинного текста законов Драконта. Да-

лее несомненный интерес представляет экскурс о существовании в Аттике отдельного рода, носившего название «эвпатриды». Но Wade-Gery относит название «эвпатриды» в тексте фрагмента ко всему сословию знати и приходит к выводу, что другой упоминающийся в фрагменте род — гезихидов включал в себя и неэвпатридов. Совершенно очевидно, сколь существенное значение имеет эта контроверза для социальной истории Аттики.

В приложении IV автор стремится доказать, что законодательство Солона относится к концу 70-х годов VI в., и переносит в связи с этим описываемую в «Афинской политике» социальную борьбу между Солоном и Писистратом ко времени, предшествующему выступлению Солона. Однако аргументы автора не достаточно убедительны. Отрицание достоверности сообщения Плутарха о связи законодательной деятельности Солона с его архонством не сопровождается никакими доказательствами и является совершенно недостаточным аргументом против текста «Афинской политики». Другой аргумент, что состав коллегии десяти 580—579 гг. из пяти эвпатридов, трех агройков и двух демиургов несовместим с цензовой «конституцией» Солона, также совершенно неубедителен — хотя бы потому, что восставшие массы ни в какой мере не должны были связывать себя солоновой «конституцией». В целом рассматриваемый исследовательский этюд надо признать неубедительным.

Писистратидам посвящен пятый экскурс — он носит просопографический характер и устанавливает на конкретных данных связь Писистрата со многими эвпатридскими родами, в частности с филандами. В экскурсе VI о дате реформы Клисфена (стр. 331—336) подробно анализируется та острая и сложная борьба, которая сопровождала реформы Клисфена. Следует заметить, что автор не уделяет должного внимания отношениям Клисфена к спартавскому царю Клеомену. Остаются неясными обстоятельства появления Клисфена в Аттике и начало его политического выступления; конечно, источники крайне скудны, но представляется необходимым точнее определить позицию и роль Исагора. Ценный материал собран в экскурсе «Закон о гражданстве 451/450г.» (стр. 343—347); автор указывает на наличие распространенной категории полуграждан *ομόροι*, которые были лишены прав наследования недвижимости, но политическими правами, повидимому, пользовались; вообще Хинет подчеркивает отсутствие ригоризма в применении этого закона. Он связывает такое положение вещей с развитием пролетариата в Афинах. Между тем важнее было обратить внимание на заключающуюся в этой проблеме регулирование гражданских прав классовую характеристику афинского демократического государства. В экскурсе XI «Стратегия: некоторые проблемы» рассматривается главным образом спорный вопрос о первом стратеге и его компетенции. Экскурс XII — «Революция 411 года» представляет целое исследование в крайне сжатой форме (стр. 356—378). Автор отдает полное предпочтение Фукидиду, отвергает все делавшиеся попытки согласования «Афинской политики» с текстом Фукидида, заявляя, что всякое разумное восстановление событий приводит к противоречию с «Афинской политикой». Однако, стремясь к установлению фактов и их последовательности, Хинет совершенно забывает о сущности этих фактов; это приводит его к непоследовательности и противоречиям. Так, с одной стороны, он убедительно доказывает, что конституция 5000 в «Афинской политике» являлась «мертворожденным детищем», «утопией» и даже «произведением теоретика» (на стр. 377 он подвергает острой критике попытку Белоха рационализировать сообщение «Афинской политики»), с другой стороны — считает эту конституцию опубликованной и даже, в качестве политического маневра, вступившей в действие (стр. 375). Вместе с тем автор совершенно не исследует конституционный проект в «Афинской политике» с точки зрения его связей с теоретико-политической литературой; между тем такое исследование дало бы гораздо больше, чем вся та масса труда, которая вложена Хинетом в рассматриваемый экскурс. Экскурсы XIII и XIV посвящены «установлению власти Тридцати» (стр. 178—383) и «порядку событий во время правления Тридцати» (стр. 384—389).

НОВЫЕ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ПОЗДНЕЕГИПЕТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

С самого начала изучения древнеегипетского языка ученые столкнулись с так называемым демотическим письмом, представляющим значительные трудности для понимания вследствие беглости начертания знаков. Поэтому далеко не все египтологи принимались за самостоятельное изучение документов, написанных этим письмом. В тех же случаях, когда в прошлом веке выходили издания демотических рукописей, переводы их были мало надежны. Только в начале нынешнего столетия, после фундаментальных изданий демотических папирусов Грифица и Шпигельберга, а особенно, после появления демотической грамматики Шпигельберга¹, изучение демотики было поставлено на прочную основу. Однако и тогда овладение демотическим письмом было сопряжено со значительными трудностями, так как не существовало никаких пособий для изучения палеографии демотических рукописей. Этот существовавший в науке пробел был частично ликвидирован В. Эриксоном, который в 1937—1940 гг. выпустил свои хрестоматии литературных и деловых папирусов птолемеевского времени².

В последние десятилетия изучению демотических и так называемых позднеиератических текстов уделяется все большее внимание. Неудивительно поэтому, что, помимо довольно многочисленных статей, недавно появилось и несколько отдельных работ различных ученых, представляющих несомненный интерес. Прежде всего необходимо отметить пособие В. Эриксона, предназначенное для изучающих демотическую письменность³. Работа охватывает раннедемотические деловые рукописи и состоит из трех выпусков: хрестоматии, транскрипция и словаря, палеографии.

Во введении, предпосланном хрестоматии, автор поясняет, что под раннедемотическими папирусами он имеет в виду рукописи, написанные скорописью, возникшей, видимо, в Нижнем или Среднем Египте: наиболее ранние документы, написанные такой скорописью, восходят к 21 г. Псамметиха I (644 г. до н. э.), наиболее поздние — ко времени, непосредственно предшествовавшему завоеванию Египта Александром Македонским. Автор отграничивает эту скоропись от так называемого курсивного или позднеиератического письма, представляющего особую, фиванскую разновидность иератки, применявшуюся во времена от Тахарки до Амазиса (начало VII — середина VI в. до н. э.). Во введении же автор дает сжатую, но достаточно исчерпывающую библиографию раннедемотических папирусов.

В хрестоматию включены только деловые документы, в своем большинстве уже изданные ранее, однако два папируса — контракт, касающийся скота (папирус Берлинского музея № 13571 от 5 г. Псамметиха II) и часть брачного контракта (папирус Берлинского музея № 13614) воспроизведены здесь впервые. В хрестоматии собраны разнообразные документы. Здесь воспроизведены папирусы № 1 и 2 собрания Райланда от 21 г. Псамметиха I. Первый из них содержит контракт о продаже должности жреца, а также доли доходов с должности заместителя (начальника жрецов³) и писца; второй — фиксирует передачу участка храмовой земли от одной группы жрецов другой. Оба папируса происходят из Эль Гибэ. Ряд документов касается семейных отношений: это брачные контракты и документы о разделе имущества времени Амазиса и персидского владычества, происходящие из Элефантины, Сиута, и др.; три луврских папируса времени Амазиса, происходящие из Фив, содержат арендные договоры на землю, сообщающие весьма любопытные данные о земельных отношениях. Кабальная запись пред-

¹ В настоящее время в семи томах вышла фундаментальная грамматика, составленная крупнейшим чешским ученым проф. Лекса: F. L e x a, Grammaire démotique, I—VII, Praha, 1947—1951.

² W. E r i c h s e n, Demotische Lesestücke, I. Literarische Texte [три выпуска], Lpz, 1937; II. Urkunden der Ptolemäerzeit [два выпуска], Lpz, 1939—1940.

³ W. E r i c h s e n, Auswahl frühdemotischer Texte zum Gebrauch im akademischen Unterricht sowie zum Selbststudium zusammengestellt, 1. Texte, 2. Umschrift und Glossar, 3. Schriftliste, Kopenhagen, 1950.

ставлена только одним папирусом из Эль Гибэ времени Амазиса. Помещен здесь также ряд отрывков из большого папируса собрания Райланда, касающихся жалобы, поданной во времена Дария I жрецом Петесе, требующим возврата жреческой должности, принадлежавшей еще его деду, и связанных с ней доходов. Воспроизведены также купчие на дом и скот, квитанции и другие документы.

Таким образом, в хрестоматии представлены все основные типы раннедемотических деловых документов на образцах как фиванского происхождения, так и из иных центров (Эль Гибэ, Элефантины, Гобелена и т. д.). Вместе с тем в ней даны образцы письма разных периодов: особенно хорошо представлены документы саисского времени и Дария I.

Все помещенные в хрестоматии документы воспроизведены с максимальной палеографической точностью — этим рецензируемая хрестоматия отличается от выпущенных Эриксеном ранее, ибо в этих последних большинство литературных и примерно половина деловых папирусов были переданы в «условном» демотическом письме, гораздо более легком для чтения, но, по выражению самого Эриксена, стоящем «к оригиналу в таком же отношении, как те иероглифы, которые мы пишем от руки, стоят к своим древнеегипетским образцам». Палеографическая точность, конечно, усложняет чтение документов, помещенных в рецензируемой хрестоматии, но зато сильно облегчит дальнейшую самостоятельную работу того, кто пожелает изучать демотическое письмо. Поэтому отказ Эриксена от применения «условного» демотического письма следует только приветствовать.

Все демотические тексты, помещенные в этой хрестоматии, снабжены транскрипцией: частично она дана тут же, под строкой демотического текста, частью же она помещена во втором выпуске. Последнее педагогически вполне оправдано, так как транскрипция нужна для проверки правильности избранного чтения, а не для того, чтобы его подсказывать. Автор правильно поступил, приняв так называемую историческую транскрипцию Зете, исходящую из норм древнеегипетского языка, как более понятную египтологам, отказавшись от, может быть, и более правильной транскрипции Грифица и Томпсона, исходящей из коптского языка.

Второй выпуск содержит транскрипцию части рукописей, помещенных в хрестоматии (стр. 1—30); остальная часть — демотически-немецкий словарь, составленный по типу Большого словаря древнеегипетского языка. В словаре даются ссылки на страницы хрестоматии, на которых данное слово встречается, и тут же указывается, если оно известно, его коптское соответствие.

Третий выпуск содержит демотическую палеографию, в которой знаки расположены в той последовательности, в какой они обычно следуют в таблице иероглифов: изображения мужчин, женщин, части человеческого тела, животные, части тела животных и т. д.; однако алфавитные знаки выделены из общей таблицы иероглифов и помещены в начале палеографии (стр. 1—44). Каждый знак иллюстрируется многими примерами, число которых в некоторых случаях превышает пятьдесят: они показывают написание знаков в начале, середине и конце слов. Широко рассматривается слитное написание различных знаков с другими. Ссылок на то, откуда взято слово, приведенное в качестве примера, не дано, равно как не дается его транскрипция: словам сопутствуют лишь их переводы, при помощи которых в немецко-демотическом словаре, помещенном в конце выпуска, можно найти их транскрипцию. Палеография приводит и такие знаки, которых нет в документах, помещенных в хрестоматии, но засвидетельствованные иными папирусами; тем самым палеография выходит за рамки учебного пособия и становится справочником, могущим быть очень полезным при изучении любого нерасшифрованного демотического текста доптолемеевского времени. Однако отсутствие ссылок на то, откуда взяты примеры, на мой взгляд, является серьезным дефектом палеографии, так как это лишает пользующегося ею возможности судить о времени употребления того или иного начертания знака.

Из сказанного видно, что палеография раннедемотических текстов по своей композиции приближается к иератической палеографии Мёллера. Иначе была составлена палеография литературных текстов птолемеевского времени, изданная Эриксе-

ном в 1937 г. Здесь в основу расположения палеографии была положена схема построения демотического знака, а не смысловая таблица иероглифов. Таким образом, здесь были последовательно размещены знаки, имеющие в общем вертикальное положение, затем косое, затем горизонтальное и, наконец, причудливое. Каждый знак был иллюстрирован несколькими примерами. В конце выпуска помещена схема палеографии, облегчающая поиски нужного знака. Конечно, такое расположение знаков оказалось возможным потому, что все они даны в «условном» написании: сохранить такое построение палеографии при точной передаче знаков исключительно трудно. Однако можно было, сохранив точность передачи знаков и принятую здесь систему их расположения, дать ключ к ней в виде схемы в «условном» написании знаков по принципам, принятым в палеографии литературных текстов птолемеевского времени, что очень помогло бы в расшифровке знаков.

Тем не менее, несмотря на наличие отмеченных дефектов, и в своем настоящем виде палеография и вся хрестоматия в целом окажут большую пользу всем изучающим демотику.

Несколько позднее работы Эриксона появилось интересное исследование Р. Хьюза¹, посвященное демотическим земельным арендам, заслуживающим особого рассмотрения. В настоящее время должно быть отмечено появление двух новых серьезных работ в области позднеегипетской письменности — книг М. Маливина и С. Вонгстедта.

М. Маливин в этой работе изучает 19 документов, из числа которых восемь написаны так называемой курсивной иератикой (автор ее называет «ненормальной иератикой»), а остальные — ранним демотическим письмом². В законченном виде разбираемая работа будет состоять из двух частей, причем вторая — подготовленная автором, но не изданная — должна содержать историческое и палеографическое исследование издаваемых текстов и их иероглифическую транскрипцию. Отсутствие второй части труда, имеющей особое значение для всех ученых, интересующихся этими весьма трудными видами древнеегипетской письменности позднего времени, не дает возможности говорить о значении всего труда в целом и, в первую очередь, о его значении для изучения палеографии. В настоящей заметке приходится поэтому ограничиться кратким разбором первой части труда М. Маливина. Ей предпослано введение, в котором дана характеристика изучаемых документов, и краткий, но весьма содержательный разбор происхождения курсивно-иератического и раннедемотического письма. Автор приходит к интересным и, как мне кажется, правильным выводам. Он полагает, что «ненормальная иератика» представляет конечную стадию развития беглого письма Нового царства, которое было выработано и употреблялось в южной части Египта, особенно в Фивах, и постепенное развитие которого может быть теперь почти без перерывов прослежено начиная с XVIII династии вплоть до последнего царствования Саусской династии» (стр. XIV). Что же касается до ранней или архаической демотики, то она «является курсивным египетским письмом времени XXVI—XXX династий, предназначенным для административных целей. Она возникла естественным образом, без разрывов и переделок из самостоятельной ветви курсивной иератики, которая постепенно формировалась в одном из центров Нижнего Египта» (стр. XVI).

Основную часть опубликованной работы составляет транслитерация (выполненная по «исторической», а не «фонетической» системе, что облегчает понимание текстов тем египтологам, которые специально не работают по языку позднего времени), перевод и филологический комментарий издаваемых текстов, большая часть которых ранее не изучалась. Среди публикуемых папирусов имеется пять судебных документов, по три контракта о продаже земли, рабов, о земельных арендах и о продаже или разделе доходов со жреческих должностей и два акта дарения земли храмам. Таким образом, в свою работу автор включил не все виды известных ныне юридических документов —

¹ R. Hughes, *Saite Demotic Land Leases*, Chicago, 1952.

² M. Malinine, *Choix des textes juridiques en hiératique «anormale» et en démotique*, Première partie, XXVI + 150 стр. (Bibliothèque de l'école des Hautes Études, Sciences historiques et philologiques, t. 300, P., 1953.

здесь нет, например, брачных контрактов, сделок, касающихся продажи и покупки скота, и др. Впрочем, автор к такой полноте и не стремился, равно как не стремился он дать и полную подборку текстов такого рода — критерием отбора был тот интерес, который те или иные документы юридического характера имеют для изучения палеографии.

Однако опубликованные в данной работе документы по своему содержанию очень интересны и сообщают ряд весьма существенных данных для понимания времени, к которому они относятся. Этот период охватывает примерно 200 лет, начиная с 13 г., по видимому, Шабаки и кончая 35 г. Дария I (от самого конца VIII в. до н. э. до самого начала V в. до н. э.)¹.

Наиболее интересной обещает быть вторая часть, но и в вышедшей части, помимо тщательно выполненной транслитерации и хорошего перевода, очень существенны обширные филологические комментарии, в которых собраны наблюдения, важные не только для понимания документов, опубликованных в разбираемой книге, или же других того же времени, но и для иератических юридических папирусов. Указатели титулов, профессий и собственных имен, имеющих в опубликованных документах, равно как египетских слов, рассмотренных в комментариях, очень облегчают пользование работой М. Малинина.

Работа Вонгстедта касается более позднего периода истории Египта². Автор издал 81 демотический остракон, содержащий 80 текстов, относящихся в основном к I в. до н. э. и I в. н. э. Ядро издания составляют остраконы хозяйственного содержания музея Виктории в Упсале (65 остраконов), к которым добавлено 16 сходных остраконов из собрания Берлинского музея. Все издаваемые остраконы сгруппированы автором по их содержанию — это преимущественно податные квитанции. Среди документов об уплате денежного налога имеются записи об уплате податей: подушной, плотинной, с дома, с бани, с тягла, пива и др., а среди квитанций об уплате натурального налога — подати с жатвы, с вина, за аренду земли и т. д. Автор дает характеристику каждого из 22 видов денежных и натуральных налогов, квитанции об уплате которых им изданы. В ряде случаев он указывает, как данный вид налога называется в греческих документах Египта того же времени; обычно их наименования являются простым переводом соответствующего египетского термина. В своих характеристиках налогов автор приводит не только уже известные данные, но устанавливает и новые факты, касающиеся порядка взимания той или иной подати. Так, например, он устанавливает, что подушная (буквально «поголовная») подать взыскивалась и с умерших в данном податном году, но в половинном размере.

К сожалению, автор не делает попыток обобщения собранных им данных, однако широкое использование аналогичных памятников иных музеев делает его работу весьма полезной для исследователей, изучающих экономику и историю Птолемеевского и Римского Египта.

Следующий раздел работы Вонгстедта составляет публикация текстов: здесь дается транслитерация надписей, их перевод и краткий филологический комментарий.

Переводам и характеристикам текстов предпослано краткое введение, содержащее обзор иных демотических документов, а также главы, в которых устанавливаются происхождение и датировка издаваемых остраконов. Сообщаемые автором признаки, по которым устанавливается датировка остраконов, сведения о методах, примененных при съемке полувыцветших надписей, хотя очень многое из этого было известно уже раньше, будут полезны другим ученым, которые возьмутся за нелегкое дело издания неопубликованных остраконов иных музеев.

¹ При пересчете дат царствования Дария I, указанных на папирусах, на современную хронологию автор допустил ошибку: 24 г. Дария I он считает 499 г. до н. э., а 35 г. того же царя — 498 г. до н. э.

² Sten V. Wangstedt, *Ausgewählte Demotische Ostraca*, Uppsala, 1954, XII + 248 литогр. стр.

Заключительную часть работы составляют словарь, перечень названий месяцев и дней, цифр, титулов и профессий, географических названий, имен богов, царей и лиц и списки непрочтенных имен. Все древнеегипетские понятия переданы в указателях не только в транслитерации, но и в палеографически точном написании демотических знаков. К работе приложено 15 таблиц, на которых воспроизведены все тексты, большинство фотомеханически, и лишь 17 автографированы.

Проф. И. М. Лурье

РУКОПИСИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ МЕРТВОГО МОРЯ¹

Несмотря на богатое историческими событиями прошлое, Палестина до наших дней считалась сравнительно мало плодородной почвой в отношении находок письменных памятников. После открытия архива крепости Лахис (остраки VI в. до н. э.), обнаруженного и опубликованного в 30-х годах нашего века², следующее десятилетие не дало ничего существенного. В 1947 г. положение изменилось средним образом.

История находки. В конце весны 1947 г. в районе Иудейской пустыни, на западном берегу Мертвого моря; бедуйи по имени Мухаммед Диб из племени Таампре, разыскивая потерянную овцу, обнаружил в одной из пещер древние кожаные свитки, вложенные в большие глиняные сосуды. Пещера находится в 12 км от Иерихона и в 2 км от берега Мертвого моря и расположена на высоте 300 м над уровнем озера в гряде известковых скал, окаймляющих побережье. В 4 км к югу протекает источник Айн Фешха, от которого пещера получила свое название Айн Фешха I. Еще ближе к пещере, в 1 км к югу, лежит овраг с террасой, с развалинами древнего поселения, известного как Хирбет Кумран («Развалины Кумрана»), и с древним кладбищем возле развалин. Пещера Айн Фешха имеет два входных отверстия, образующих как бы окно и дверь, но вход настолько низок, что проникнуть в пещеру можно только ползком. Внутри пещера похожа на коридор неправильной формы, длиной в 8 м, шириной в 2 м и высотой от 2,5 до 3 м. Прямо на полу были обнаружены большие сосуды типа пифосов, целые и в обломках, и внутри них кожаные свитки, обернутые в льняную ткань. Обрывки истлевшей ткани и мелкая монета римских времен впоследствии также были найдены непосредственно на полу пещеры. Характерна дальнейшая судьба свитков. От бедуйнов они попали к торговцу древностями в Вифлееме. Четыре свитка были куплены сирийским митрополитом Афанасием из монастыря св. Марка в Иерусалиме. Консультанты, к которым обратился митрополит, вначале не сумели оценить рукописи по достоинству, но постепенно известие о находке распространилось. Оставшиеся свитки и их фрагменты вместе с двумя целыми кувшинами приобрел у торговцев покойный израильский археолог проф. Сукеник, который первый из ученых выявил их научную ценность и позаботился о том, чтобы они стали достоянием науки. Однако то обстоятельство, что никто из специалистов не видел своими глазами рукописей *in situ*, определяло излишний скептицизм, с которым часть исследователей отнеслась к новооткрытым памятникам, предполагая возможность фальсификации. В начале 1948 г. монахи монастыря св. Марка сообщили о находке, якобы открытой в библиотеке самого монастыря, американскому ученому Джону С. Треверу (John S. Trever). Воспользовавшись политическими осложнениями в Палестине в тот период, американцы перевезли рукописи

¹ Автор выражает признательность профессорам П. Кале, А. Дюпон-Соммеру и А. М. Хаберманну за присланные ими по просьбе автора их труды о рукописях Мертвого моря.

² H. T o r c z u n e r, Lachish I (Tell ed Duweir), the Lachish Letters, L., 1938 (the Wellcome Archaeological Research Expedition to the Near East, I).

в США, где приобретение монастыря св. Марка находилось до февраля 1955 г.¹ Правительство Израиля купило теперь эти рукописи и передало их Еврейскому

¹ Изучение рукописей из Иудейской пустыни, в сущности, создало новую отрасль науки. Литература, посвященная ей, к настоящему времени насчитывает свыше 1000 произведений. Многочисленность статей и заметок, опубликованных по этой теме в Западной Европе, Америке и в Израиле, вызвала появление в печати специальных библиографических списков и обзоров. Большинство работ — это сравнительно небольшие статьи, рассеянные в различных периодических изданиях. Систематический их перечень здесь будет излишним; для лучшей ориентации читателя следует указать краткий список монографий и, в виде исключения, статей, преимущественно издания текста, обзоры материала или специальные исследования по узловым вопросам. Монографии, недоступные составителю очерка, сведения о которых получены из библиографии, отмечены звездочкой.

Издания текста. *E. L. S u k e n i k, Mëgillôt gënîzôt, seqirâ rišônâ, seqira sënîjjâ («Укрытые рукописи», обзор I, обзор II), Jerusalem, 1948, 1950 (далее в сокращении: E. L. S u k e n i k, M. G.). — «The Dead Sea Scrolls of St. Mark's Monastery», *т. I: The Isaiah Manuscript and the Habakkuk Commentary; т. II, вып. 2: Plates and Transcription of the Manual of Discipline, edited for the Trustees by Millar Burrows with the assistance of John C. Trever and William H. Brownlee, published by the American Schools of Oriental Research, New Haven, 1950, 1951—A. M. H a b e r m a n n, 'Edah we- 'Eduth, Three Scrolls from the Judæan Desert, the Legacy of a Community, Jerusalem, 1952 (далее в сокращении: A. M. H a b e r m a n n, SJD).—*«Ošar ha-mëgillôt hagînzôt (Thesaurus of Hidden Scrolls)», with a preface by E. L. S u k e n i k, prepared for publication by N. A v i g a d, Bialik Institution, Jerusalem, 1954. *Серия: «Discoveries in the Judæan Desert», edited by D. B a r t h e l e m y and J. T. M i l i k, Oxford University Press, L. (т. I—1954—1955) (объединенное издание Ecole archéologique Française и Archaeological Museum of Palestine; предполагается полное издание всех текстов, найденных в районе Иудейской пустыни). *Издания и переводы так называемого «садокидского», или «дамасского», документа.* S. S c h e c h t e r, Documents of Jewish Sectaries, т. I. Fragments of a Zadokite Work, Cambridge, 1910 (далее в сокращении: S. S c h e c h t e r, DJS). — *R. H. C h a r l e s, The Apocrypha and the Pseudepigrapha of the Old Testament, т. II, L., 1913, стр. 785—834. *L. R o s t, Die Damaskusschrift, B., 1933. — Israel L e v i, Un écrit sadducéen antérieur à la destruction du Temple, «Revue des études juives», т. LXI (1911), № 121, стр. 161—205 (исследование и французский перевод). *Обзоры и исследования.* Frank M. C r o s s, The Manuscripts of the Dead Sea Caves, «The Biblical Archaeologist» т. XVII (1954), № 1, стр. 2—21. — A. D u p o n t - S o m m e r, Aperçus préliminaires sur les manuscrits de la Mer Morte, «L'Orient ancien illustré», № 4, P., 1950, стр. 11—23 (далее в сокращении: D u p o n t - S o m m e r, AP). — Он же, Nouveaux aperçus sur les manuscrits de la Mer Morte, «L'Orient ancien illustré», № 5, P., 1951 (далее в сокращении: D u p o n t - S o m m e r, NA). — Paul K a h l e, Die hebräischen Handschriften aus der Höhle (Franz Delitsch-Vorlesungen), Stuttgart, 1951 (библиографию см. стр. 82—90; далее в сокращении: P. K a h l e, III). — *H. H. R o w l e y, The Zadokite Fragments and the Dead Sea Scrolls, Oxford, 1952 (Библиография стр. 88—125; далее в сокращении: H. H. R o w l e y, ZFaDSS). — *B. R e i c k e, Handskriftern fra Qumran (Symbolae Biblicae Upsalienses, № 14), Uppsala, 1952. — *G. V e r m e s, Les manuscrits du Désert de Juda, P., 1953 (с переводом ряда текстов). — H. B a r d t k e, Die Handschriftenfunde am Toten Meer,² B., 1953. *Раскопки Хирбет-Кумрана.* Roland De V a u x, Suite aux manuscrits de la Mer Morte, AIBL (1952), IV—VI, стр. 173—176 (далее в сокращении: R. de V a u x, SMMM). — Он же, La seconde saison de fouilles à Khirbet Qumran, AIBL, (1953), VII—X, стр. 310—320. *Палеография.* S. A. B i r n b a u m, The Qumran (Dead Sea) Scrolls and Palaeography, BASOR, Supplementary Studies, № 13—14, New Haven, 1952 (далее в сокращении A. B i r n b a u m, QSP; там же указана

университету в Иерусалиме, в археологическом музее которого хранятся остальные свитки¹.

Содержание свитков. И Сукеник и Тревер сразу определили среди найденных рукописей текст библейской «Книги Исаяи», который найден в двух экземплярах. Кроме него был открыт комментарий к библейской книге «пророка» Аввакума (Хабаккук), история «борьбы сынов света с сынами тьмы», «Устав общины Нового завета», собрание благодарственных гимнов и так называемый «Апокалипсис Ламеха». Кроме последнего, все тексты на древнееврейском языке. Из простого перечня названий видно, что подбор произведений не случаен. Как видно из дальнейшего, это остатки обширной библиотеки культовой литературы определенной религиозной общины. Однако ошибочно было бы думать, что новые источники интересны лишь историку религии. С ними связан ряд других крупных вопросов. В первую очередь, важен документ, вошедший в науку под названием «Руководство к дисциплине» («Manual of discipline», или «The Rule of the New Covenant» — по-англ., «Le manuel de discipline» — по-франц.; по-русски к нему лучше всего подходит выражение «устав»²). Рукопись сохранилась в двух фрагментах, составляющих вместе свиток длиной в 1 м 86 см и шириной в 24 см, на котором видно 11 столбцов текста по 26 строк в каждом столбце. Начало текстов сохранилось в отрывке, который попал в Палестинский археологический музей в Иерусалиме и издан совсем недавно. «Устав» образует сводку текстов, регламентирующих жизнь общины. Правила и поучения повторяются иногда по несколько раз. Как видно из содержания, сочинение назначалось для наставления новообращенных. Оно дает им надлежащие идеологические установки, определяет их права и обязанности, описывает обряды, в которых они должны принимать участие. Перечисляются также проступки против норм общежития и следующие за ними дисциплинарные взыскания. Текст кончается благодарственным гимном. Этот материал дает достаточное представление о том обществе, которому принадлежали найденные документы. Перед нами религиозная община, в некоторых отношениях схожая с ранними средневековыми монашескими общинами. Здесь строго соблюдается принцип общности имущества, частная собственность сохраняется, может быть, лишь на мелкие предметы личного обихода. Вступающий в общину отдает ей все свое имущество и весь свой заработок, его деятельность имеет в виду общую пользу. По составу община делится на две части: духовенство, т. е. жрецы и левиты, и, повидимому, большая часть, — руководимые ими и

литература по этому вопросу). *О датировке рукописей.* Millar Burgows, The Dating of the Dead Sea Scrolls, BASOR, № 122 (1951), стр. 4—6. — O. R. Sellers, Radiocarbon dating of cloth from the Ain Feshkha Cave, BASOR, № 123 (1951), стр. 24—26. — Carl H. Kraeling, A Dead Sea Scrolls Jar at the Oriental Institute, BASOR, № 125 (1952), стр. 5—7. *Находки рукописей* в средние века. *Otto Eissfeldt, Der Anlass zur Entdeckung der Höhle und ihr ähnliche Vorgänge aus älterer Zeit, «Theologische Literaturzeitung», 1949, № 10, стр. 595—600. — *Henri Grégoire, Les gens de la Caverne, les Qaraites et les Khazares, «Le Flambeau», Bruxelles, 1952, № 5, стр. 477—485. — Stanislav Segert, Ein alter Bericht über den Fund hebräischer Handschriften in einer Höhle, ArOr, т. XXI (1953), № 2-3, стр. 263—269.

Материалы и исследования по рукописям Мертвого моря систематически публикуются в ряде периодических изданий, особенно важны издания: «Biblical Archaeologist», «Bibliotheca Orientalis», «Bulletin of the American Schools of Oriental Research», «Jewish Quarterly Review», «Journal of Biblical Literature», «Journal of the Palestine Oriental Society», «Palestine Exploration Quarterly», «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology», «Quarterly Statement of Palestine Exploration Fund», «Archiv orientální», «Revue biblique», «Revue des études juives», «Revue de l'histoire des religions», «Syria», «Semitica».

¹ См. заметку News and Books в «Biblical Archaeologist», т. XVIII (1955), № 2, стр. 45.

² Перевод часто встречающегося в тексте выражения serek «устав, распорядок»; полностью: serek ha-ja'ad «устав общины».

подчиненные им светские собратья. Жречество составляет сословную категорию: в нее вступают по праву рождения. Жрецы называют себя «сынами Садока»¹. Все вопросы, касающиеся интересов общины, обсуждаются общим собранием ее членов, тем не менее руководящая роль принадлежит жрецам. Они же ведают обрядами и церемониями, которые занимают большое место в жизни общины. Все члены организации вносятся в списки в иерархическом порядке, каждый занимает в списке место, определенное его значением в жизни общины. Списки членов проверяются и изменяются в зависимости от их поведения ежегодно.

Все члены общины носят постоянно белую одежду. Они живут совместно в общежитии, но, вероятно, многие новообращенные и ищущие вступления в секту проживали не в центральном общежитии Хирбет Кумран, а в окрестных пещерах, а то и просто в палатках. Среди членов общины были семейные. Начальная часть рукописи обсуждает отношение к женщине и содержит наставления юношеству. Члены и кандидаты общины вели трудовую жизнь, отягощенную подробным регламентом обязательной обрядности. День начинался с рассветом ритуальным омовением и следующими за ним общими молитвами. Затем, после совместной трапезы, расходились на дневные работы, которые оканчивались только к закату. Снова следовали омовение, общая молитва и трапеза, после чего часть ночи проводилась в чтении и толковании бытовавшей в этой сределитературы. Отступление от распорядка влекло за собой для его нарушителя лишение части пищи на известный срок. Более крупные проступки карались отлучением от общины на срок от нескольких дней до двух лет. Самое тяжелое наказание состояло в окончательном изгнании из общины, его навлекало предательство интересов общины, выдача посторонним ее секретов, которые член организации обязан был хранить даже под страхом пытки и смертной казни. Отлучение от общины при обязательном требовании ритуальной чистоты пищи с ее сложными условиями ставило убежденного сектанта под угрозу голодной смерти. Члены общины называли себя терминами: jahad «соединение, община», qahal «собрание, сход», 'eša «совет, сход для совета», 'eda «совещание, собрание для совета, для свидетельства». В дошедших до нас сочинениях этого круга преобладает то один, то другой термин.

Текст «Устава» дополняет комментарий к книге «пророка» Аввакума (Хабаккука). Подлинное название этого сочинения, так же как и предыдущего, в рукописи не сохранилось. Свиток комментария достигает 1 м 60 см в длину и 13 см в ширину. В нем 13 столбцов текста, первые два из них сильно повреждены, в остальных отсутствуют две три конечные строки; таким образом, по подсчету А. Дюпон-Соммера (АР, стр. 35), не хватает около $\frac{1}{5}$ текста. Вновь найденный комментарий включает в себя две первые главы библейской книги Аввакума, опуская последнюю третью — псалом, который по стилю и содержанию отходит от первых двух. Это обстоятельство подтверждает мнение тех критиков Библии, которые считали, что третья глава не входила в первоначальный текст произведения и добавлена к нему позднее. Неизвестный комментатор применяет речи Аввакума к собственной эпохе, стараясь найти в них объяснение современным событиям и обстоятельствам. Последние он излагает туманным образом, избегая называть собственные имена людей, стран и народов и чуждаясь подробностей реальной истории. Основные сведения, сообщаемые комментарием, таковы: притеснения, о которых говорит Аввакум, это притеснения «нечестивого жреца», который ненавидит и преследует Новый союз и его вождя «праведного учителя» (Mōgē Şedeq). В результате преследования «праведный учитель» погибает смертью мученика, но вновь появляется перед гонителями в торжественный «день очищения» (традиционный иудейский праздник), который, таким образом, становится роковым для «нечестивого жреца» и его приверженцев. Халдеев времени Аввакума неизвестный автор сопоставляет с народом киттим своего времени². Народ

¹ Садок (Şādōq), по историческому библейскому преданию — один из сподвижников Давида (XI—X вв. до н. э.), первосвященник иерусалимского храма (см. Sam. II, 8, ст. 15; Reg. I, 1). Название «сыны Садока» иногда применяется к общине в целом.

² См. A. Dupont-Sommer, NA, стр. 33—61.

этот отличается быстротой передвижения, смелостью и жестокостью на войне. Ужас перед ним распространился среди всех других народов. «Киттим» еще до открытия военных действий хитростью и коварством навязывают свою власть другим странам. Они пришли издалека, из-за моря, и покоряют других при помощи коней и животных *bēhēmā* (буквально: «крупный скот», под которыми здесь следует разуметь боевых слонов). Их вожди издеваются над чужими укреплениями, захватывают их с помощью многочисленного войска и превращают в развалины. Они грабят чужие богатства, совершают жертвоприношения своим знаменам¹ и поклоняются своему оружию. Победенных они уличают за без различия пола и возраста, не щадят и нерожденных младенцев в утробе матери. Их вожди и властители исчезают один за другим, уничтожая при этом народы. По мнению Дюпон-Соммера и многих других исследователей, под «киттим» комментария к Аввакуму следует разуметь римлян и римское войско. Помимо указанных признаков, т. е. быстроты, смелости и свирепости, которые характерны для римского завоевания, решающее доказательство лежит, повидимому, в том факте, что войско Помпея в 63 г. до н. э. заняло Иерусалим действительно в «день покаяния», как указано в комментарии. Во всяком случае комментарий написан после этой даты. Раз это так, под «нечестивым жрецом» скорее всего скрывается Аристобул II, воцарившийся в 67 г. до н. э. Он казнил главу общины Нового завета незадолго до 63 г. Далее в комментарии упоминается другой «нечестивый жрец», который опять восстановил разрушенные стены Иерусалима. Это восстановление, как известно, было выполнено при Гиркане II (63—40 гг.), брате Аристобула II. По своим идеям текст комментария близок к «Уставу общины» и так называемому «дамасскому документу». Его особый стиль, применяющий иносказательные наименования действующих лиц и самих событий, целиком смыкается с библейской «Книгой Даниила» и с апокрифами эллинистического периода типа «Книги юбилеев», «Завещания двенадцати патриархов», «Книги Еноха», «Успения Моисея» и др., которые и формой и идейным содержанием близки тем кругам, из чьей среды вышли найденные в Кумране свитки. События, несмотря на аллегорическую условность, своими намеками и иносказаниями легко достигали понимания подготовленных читателей-современников. Та же манера изложения лишает возможности в наше время точно определить описанные таким образом события. Мнения ученых разошлись в определении их времени на тысячу с лишним лет; высказывались мнения, что здесь описываются события: 1) дохасмонейского времени (действующие лица: Ясон, Менелай, Алким; народ «киттим» — македонцы, сирийцы); 2) времени Александра Явная; 3) позднихасмонейского времени (завоевание Иерусалима Помпеем: «праведный учитель» — Ония, народ «киттим» — римляне, нечестивый жрец — воплощение личностей Аристобула II и Гиркана II); 4) времени раннего христианства («праведный учитель» — Христос, лжепророк — Павел (или: «праведный учитель» — Иоанн Креститель, лжепророк — Менахем); 5) эпохи крестовых походов (тексты фальсифицируют эпоху Второго храма); последнее мнение в настоящее время защищает главным образом американский ученый Соломон Цейтлин; несостоятельность его доказана новыми находками и ведущимися археологическими работами².

Во всяком случае, как справедливо отмечали многие исследователи, исторический фон этого загадочного текста больше всего напоминает эпоху Маккавейской (Хасмонейской) династии с ее войнами против иноземных завоевателей и за расширение собственной территории за счет соседей, с борьбой внутри класса свободных, принимающей форму религиозного движения, и с непрерывными междоусобицами среди членов правящей династии. Протест против постоянного угнетения, ограблений и насилий светской и духовной власти, представляемой Хасмонейми, вызвал к жизни организацию общины Нового завета (союза), усвоившую принципы примитивного коммунизма

¹ *ō t o t* букв. «знаки» (*signae*). Вряд ли можно согласиться с толкованием А. М. Навермана, SJD, стр. 48, который в этом слове видит намек на языческих богов.

² См. W. Brownlee, *The Historical Allusions of the Dead Sea Habakkuk Midrash*, BASOR, № 126 (1952), стр. 10—20, где указаны представители каждого мнения и дана библиография вопроса. Одновременно автор излагает и свою точку зрения.

в религиозной оболочке. Эта организация, если не тождественна, то во всяком случае родственна организации ессеев, как последняя описана в сочинениях Флавия Иосифа (VI, II, 8).

В этой же среде возник, повидимому, и «дамасский документ», который входит в ту же литературную сферу, хотя был известен в науке задолго до открытия пещеры Айн Фешха. В 1896 г. он был обнаружен Соломоном Шехтером в гецизе караимской синагоги Старого Каира. В 1910 г. сочинение, состоявшее из двух фрагментов, один в восемь листов, другой — в один лист, было опубликовано тем же Шехтером. Вскоре появился в печати английский и французский переводы¹. Текст документа свидетельствует, что он возник среди «сынов Садока» или же членов «Нового завета в Дамасской земле». С момента опубликования текст привлекал к себе усиленное внимание специалистов и вызвал ряд предположений относительно времени и обстоятельств своего происхождения. Его относили и к средним векам, называя период от VII до X в. Однако большинство исследователей считало сочинение гораздо более древним, возникшим до разрушения Второго храма, между 128 г. до н. э. и 70 г. н. э. Некоторые отодвигали дату еще глубже назад, доводя ее до 200 г. до н. э.² В свете кумранских рукописей среда и эпоха возникновения памятника определяется теперь вполне правдоподобно.

В новонайденных текстах встречаются те же термины «сыны Садока», «Новый завет», не говоря уже о сходстве стили, языка и мысли. Дамасские фрагменты упоминают «Книгу юбилеев», вводя и ее, таким образом, в тот же круг идей. Текст обращается к выходцам из Иудеи — «сынам Садока», «избранныкам Израиля», которые, будучи преследуемы у себя на родине, нашли убежище в Дамаске, где основали общину под названием «Новый завет в Дамасской земле», давая таким способом понять, что они заключили с богом новый союз, после того как старый, постоянно упоминаемый в Библии, нарушен массой их соплеменников. Нечестивые преданы мечу, так как бог наслал на них мстителя за смерть «праведного учителя» в лице «вождя царей Йавана». А. Дюпон-Соммер (АР, гл. V) полагает, что этим прозвищем здесь назван Помпей, воплощавший в тот момент главенство Рима над царями эллинизированного Востока (Йаван). Этот же исследователь усматривает в тексте ясные указания на некоторые события времени Гиркана II (отстройка стен Иерусалима); под «лжепророком», упоминаемым в документе, следует считать того же Гиркана II. Если эти соображения верны, то «дамасский документ» возник не позже 40 г. до н. э., когда Гиркан II был взят в плен царфянами. Община, выслывшаяся в Дамаск, благодаря этому не пострадала от военных действий при взятии Иерусалима Помпеем. В быту своем она организована как военный лагерь «хамакане» — термин, который часто встречается в произведении. Ее члены делятся на тысячи, сотни, полусотни и десятки во главе с общим вождем, непременно из жреческого сословия, не моложе 30 и не старше 60 лет. Если среди членов общины нет подходящего жреца, в начальники «лагеря» должен быть избран левит. «Лагерю» следует насчитывать не менее десяти членов, все они занесены в списки по разрядам, в определенном порядке: жрецы, левиты, сыны Израиля и прозелиты. Глава «лагеря» — его надзиратель (mebaqqer) — в своем лагере представляет высший авторитет: он разрешает прием новых членов, наблюдает за поведением общинников, принимает взносы и производит необходимые расходы. Ему принадлежит также роль идейного руководителя: он обучает сознательному выполнению обязанностей и наставляет своих подчиненных в чудесной истории общины, поэтому он сам должен хорошо знать книгу «Хегу»³. Повидимому, существовал также верховный надзиратель (инспектор) для всех лагерей. О нем в тексте документа говорится: «Инспектор, который над всеми лагерями, должен иметь от 30 до 50 лет и быть опытным во всех советах людей и во всех языках»⁴. Организация имела свои судебные трибуналы в составе до 10 человек, которые выбирались членами общества, четверо из колен Леви и Аарона (т. е. из жрече-

¹ См. выше в списке литературы.

² A. Dupont-Sommer, АР, стр. 68.

³ Ив. Значение названия неясно.

⁴ См. S. Schuchter, DJS, стр. 14 евр. текста.

ского сословия) и шестеро из Израиля (т. е. рядовые общинники-евреи), все образованные в законах книги «Хегу» и в уставе союза и в возрасте от 25 до 60 лет. Другие статьи касаются вопроса о свидетелях и приговорах виновным. Последние подлежат заключению, изгнанию из общины и смертной казни. То обстоятельство, что члены общины постоянно называют себя «сынами Садока», неизбежно наводит на мысль, что первично эта организация возникла в саддукейской среде, среди, вероятнее всего, обедневшей части иудейской аристократии, связанной с кругами свободных землевладельцев. В этом плане «дамасский документ», так же как «Устав» и «Комментарий на книгу Аввакума», сообщает об одном из эпизодов социальной борьбы внутри общества Иудей в период, предшествующий окончательному падению иудейского государства. Религиозные представления того времени выразились здесь в ожидании воскресения «праведного учителя». Он должен появиться снова, и тогда состоится высший суд, который вознаградит праведных и покарает грешных. Для настроения этого произведения характерно представление о том, что эта развязка очень близка, она должна свершиться на протяжении поколения со дня смерти «праведного учителя»¹.

Это настроение чувствуется также в открытом в Айн Фешха сборнике культовой лирики той же общины, сохранившем группу благодарственных псалмов, единых по форме и содержанию. Псалмы сохранились в виде четырех фрагментов кожного свитка, шириной в 30 см, на каждом куске четыре столбца текста, каждый в среднем по 35 строк. Псалмы по форме близки к библейским образцам, но выражают настроения новой секты иуданзма. Как кажется, нет надобности автором этих произведений считать полупоупендарного «праведного учителя»². Все то специфическое, что указывает на борьбу с враждебной господствующей средой, на труды и опасности, понесенные в этой борьбе, на изгнание, разлуку с семьей и на конечное торжество истины и справедливости, выразившееся в чудесном спасении членов «Нового союза», — все это достаточно характерно и в устах любого рядового деятеля этой организации, наделенного поэтическим даром и хорошо знакомого с библейской культовой лирикой. Постоянно употребляемое в псалмах местоимение «я» скорее всего выражает эти чувства собирательно. Целый ряд примеров лексики, образов, намеков и упоминаний в благодарственных гимнах показывает на их тесную связь с перечисленными выше произведениями.

Следующая рукопись также входит в состав «эссеиских» памятников. Она сохранила свое подлинное название — «Война сынов света с сынами тьмы». Свиток достигает в длину 2 м 90 см и в ширину 16 см. В нем 19 столбцов текста по 16—18 строк. Содержание его повествует о борьбе «сынов Левия, сынов Иуды и сынов Вениамина» против «войска Велиала». Как поясняет сама рукопись, под последним надлежит разуметь эдомитян, моавитян, аммонитян, филистимлян и «ассирийских (т. е. сирийских) кпттиев». Можно согласиться с А. Дюпон-Соммером в том, что этот текст отражает реальную политическую борьбу Иудей с соседними народами и государствами в столетие Маккавейской династии (164—63 гг. до н. э.). Но отклик этот весьма своеобразен. Вместо рассказа об эпизоде или ряде эпизодов вооруженной борьбы мы видим здесь военный регламент, предлагающий определенный, точно описанный порядок ведения битвы. Приготовления к битве воспринимаются как торжественный ритуал благочестивого обряда, совершаемого под руководством жрецов («сыны Левия»). Четырехчленное деление армии и указание возраста каждой группы напоминают «дамасский документ». Войско также делится на тысячи, сотни, полусотни и дюжины (там — десятки). Оно состоит из пехоты (воины от 25 до 30 лет), кавалерии (от 30 до 40 лет), интендантства (от 40 до 50 лет) и начальствующего состава (от 50 до 60 лет). Битва начинается по сигналу трубного звука, подаваемого жрецами. Под этот звук пращники семь раз подряд мечут камни. Затем, опять по сигналу жрецов, из ворот укрепления выходят три полка с колесницами на флангах. Каждое передвижение войска отмечается трубными сигналами. Действия настолько точно регламентированы,

¹ По библейским представлениям одно поколение — это период в сорок лет.

² Такое предположение высказывает А. Дюпон-Соммер, АР, стр. 86. Более вероятно его первое предположение (там же), что авторов несколько.

что это невозможно в настоящем сражении. Более детальное изучение текста должно открыть в нем подробности, которые помогут точнее определить назначение текста и исторические условия его возникновения.

Последний небиблейский текст из первой партии рукописей пещеры Айн Фешха, на основании немногого, в нем прочтенного, названный «Апокалипсисом Ламеха», находится исключительно плохой сохранности. Для того чтобы развернуть и прочесть его, ведется сложная и кропотливая лабораторная работа. Повидимому, текст примыкает к ветхозаветным апокрифам.

Остальные два свитка — это два списка «Книги Исая». Факт находки в небольшой первоначально партии рукописей двух экземпляров этой книги свидетельствует об очевидном интересе сектантов к той части Библии, в которой вопросы социальной справедливости и реорганизации общественных начал ставятся особенно остро (так называемая «пророческая» литература). «Книга Исая» цитируется в «дамасском документе».

Новые списки «Книги Исая» интересны для исследователей по многим причинам. Следует особо отметить появившуюся благодаря им и «Комментарию на Аввакума» возможность проверить на практике теоретические основы библейской критики, созданной наукой XIX—XX вв. До сих пор старейшие датированные рукописи Библии на древнееврейском языке восходили к началу X в. Теперь письменная традиция этого текста спускается ниже на целое тысячелетие. Помимо новых палеографических данных, обнаружались архаические формы в самой структуре языка и в ее письменном выражении, исчезнувшие ко времени закрепления «масоретской» версии Библии. Оба списка Исая несколько отличаются друг от друга. В первом списке текст также не единообразен, что, по мнению специалистов, объясняется тем, что писец не имел полной копии текста и, копируя, пользовался двумя, не совсем однородными списками. Его текст в некоторых местах явно отходит от масоретской традиции, не приближаясь в то же время к тексту оригинала Септуагинты. П. Кале объясняет это тем, что список Мертвого моря выполнен еще до разрушения Второго храма, но позднее, чем текст Септуагинты¹. Второй список Исая² замечателен тем, что подтверждает достоверность древних масоретских форм «кѣтѣб»³. Второй список также зачастую отклоняется от масоретского текста, иногда оба списка совпадают, иногда расходятся там, где первый список следует масоретскому тексту. Оба списка восходят к тому времени, когда единого канонизированного текста Библии еще не существовало.

Язык и письмо рукописей. Как было отмечено, шесть из семи первых рукописей пещеры Айн Фешха I написаны на древнееврейском языке. По своей лексике и грамматическим формам он образует среднее звено между позднебиблейским языком и языком мпшваидского периода (эпоха эллинизма — раннее средневековье). В оценке его мнения гебраистов разошлись. Бельгийский ученый Ван дер Плуг считает, что язык новонайденных памятников неуклюж и малограмотен и отличается тяжелыми синтаксическими оборотами. Против этого решительно возражает А. Дюпон-Соммер (NA, стр. 89). По его мнению, тексты созданы вполне образованными и начитанными в родной литературе людьми. Встречающееся в отдельных местах громоздкое построение предложений вызывается сложностью содержания. Неясность некоторых мест скорее всего объясняется нашим недостаточным знанием литературы этого направления. Если лексика имеет особые черты, то это естественно при специфичности интересов секты: новое идейное содержание должно было выразиться в создании новых форм в языке.

Мы видим древнееврейский язык на более ранней ступени развития, чем та, которую сохранила для нас масоретская запись. В качестве примеров можно привести бо-

¹ P. Kahle, НН, стр. 76.

² Этот список поступил в собственность археологического музея при еврейском университете в Иерусалиме.

³ Т. е. начертание слова одними согласными без помощи гласных значков, поставленных позднее масоретами и не совпадающих с написанием «кѣтѣб» (= вариант чтения «кѣри»).

лее древние формы обособленных местоимений и местоименных суффиксов, формы kh (kā) вместо k (ka) масоретов (2-е л. м. р. ед. ч.); вместо форм km, hm (kem, hem) видим формы kmh, hmh (kemā, hemā, 2 л. м. р. мн. ч. и 3 л. м. р. мн. ч.)¹. Характерно сохранение алефа там, где в масоретском тексте он совершенно исчез². Эти написания выказывают более древнее произношение, сохраняющее так называемые «слабые» согласные, которые позднее были утрачены.

В такой же степени интересна палеография рукописей, но при изучении ее сразу дало себя чувствовать отсутствие достаточного количества сравнительного материала. Рукописей старше X в. н. э. в распоряжении исследователя слишком мало. Самая важная из них — так называемый «папирус Наш» (предположительно I в. до н. э. — II в. н. э.)³. Беда лишь в том, что сам этот документ не имеет твердой датировки, именно вследствие недостаточной разработки еврейской палеографии. Во всяком случае в грубом определении рукописи Мертвого моря восходят к той же эпохе, что и «папирус Наш». В палеографическом отношении рукописи не однородны: две из них («Устав» и один из списков Исаяи) не применяют или применяют нерегулярно форму согласных k, m, n, p, q, характерную для конца слова. Кроме того, в «Комментарии на книгу Аввакума» тетраграмма, передающая имя бога «Яхве», всюду пишется старым ханаанским шрифтом, вместо обычно принятой в этих рукописях разновидности квадратного «арамейского» письма. Это показывает, по видимому, что свитки старше «папируса Наш», который не имеет этих особенностей.

Археологическое обследование пещеры, дальнейшие открытия. Вследствие известных политических событий в Палестине археологическое обследование места находки состоялось только в начале 1949 г. При этом выяснилось, что уже в 1948 г. в пещере были произведены тайные раскопки в поисках сокровищ. Поиски не принесли кладовщикам ничего существенного, но основательно изменили археологические наслоения, перемешав находившийся в них материал. В феврале — начале марта 1949 г. археологи Л. Хардинг (L. Harding), директор службы древностей Иордании, и Р. де Во (R. de Vaux), ученый директор французской археологической школы в Иерусалиме, провели здесь трехнедельные раскопки. При обследовании пещеры были обнаружены льняные ткани, в которые для большей сохранности были завернуты свитки. К тканям пристали смолистые вещества, которыми они пропитывались в тех же целях. В пещере нашли также большое количество фрагментов керамики позднелллинистической и римской эпох. Из них составили две лампы и около 50 высоких кувшинов, прикрытых вместо крышек плоскими сосудами. Археологи обнаружили дополнительно около 600 фрагментов рукописей на коже и папирусе. По большей части это были мелкие кусочки, сохранявшие иногда лишь несколько букв, но многие среди них были и более крупных размеров. Выяснилось, что некоторые фрагменты отпали от больших свитков, найденных ранее бедуинами. Этот факт чрезвычайно важен, как бесспорное доказательство подлинности находки 1947 г. В числе новых материалов был найден отрывок из апокрифической «Книги юбилеев», которая, таким образом, несомненно входит в круг «ессейской» литературы. Фрагмент в 10 строк содержал отрывок из неизвестного сочинения апокалиптического характера. Для датировки рукописей важны найденные здесь фрагменты греческого папируса, так как данные тщательно разработанной в науке греческой палеографии дают возможность датировать текст с точностью до 50 лет. Интересны также кусочки кожного свитка книги Левит (гл. XIX—XXII), написанные староханаанской разновидностью еврейского

¹ St. Segert, Zur Habakuk-Rolle aus dem Funde vom Toten Meer I, ArOr, XXI (1953), № 2-3, стр. 263—269.

² ki²vm. ki «что, потому что»; mi² вместо m² «кто тот, кто»; hirbi² вместо hirbā «умножал» и др. См. там же.

³ Назван по имени владельца, который передал его в библиотеку кембриджского университета (Ms. or 233). По содержанию — отрывок богослужебного текста со включением десяти заповедей и начальные слова так называемого «Шема» (Deut. VI, 4). О его палеографии см. S. Vignbaur, QSP.

письма. Почерк этих фрагментов, по свидетельству специалистов, сходен с почерком острак архива крепости Лахш. В то же время он напоминает почерк самаританских рукописей, с их шрифтом, которым они пишутся до настоящего времени¹. Во всяком случае свиток Левит не самаританского происхождения, так как текст его не совпадает с самаританским изводом Пятикнижия.

С открытием пещеры Айн Фешха вся эта местность стала ареной энергичных розысков, как бедуинов, так и идущих по их следам археологов. В настоящее время район охраняется конной полицией с целью помешать расхищению археологических ценностей, но скалистая пустыня юга Иудеи слишком обширна и безлюдна, чтобы контроль мог быть действенным. Бедуины лучше всех знают местность, располагают временем для поисков и слишком бедны, чтобы не дорожить материальной ценностью возможных находок. Провести среди них разъяснительную деятельность администрации и культурным силам Израиля и Иордании, повидимому, даже не приходится в голову. Поэтому почти каждое новое открытие доходит до археологов через посредство скупщиков.

В марте 1952 г. объединенная экспедиция Французской археологической школы и Службы древностей Иордании под руководством тех же Р. де Во и Л. Хардингга осмотрела местность в районе Кумрана от Хаджджар ал-Асба на севере до Рас Фешха на юге (8—9 км в длину). Всего обследовали и раскопали 39 пещер. В 25 из них были найдены целые и битые керамические изделия. Пещера Айн Фешха II, расположенная ближе чем в 150 м к югу от пещеры I, дала около ста фрагментов рукописей. Между ними отрывки библейских книг «Исход», «Левит», «Чисел», «Второзакония», «Иеремии», «Руфи», «Псалмов». Многочисленны тексты небиблейского содержания, между которыми следует отметить фрагмент «Книги юбилеев». Встречаются литургические тексты на арамейском языке. В пещере III, приблизительно на 1½ км к северу от Хирбет Кумрана также нашлись фрагменты рукописей. Все они крайне повреждены сыростью, крысами и личинками. Тем не менее среди них смогли различить начало комментария на «Книгу Исая» и текст псевдоэпиграфа с упоминанием «Ангела лица». Здесь же найдены три тонких листа оксидированной меди, свернутых в трубку, как свиток. Каждый из них по 30 см ширины и 80 см длины, так что вместе они составляют металлический лист в 2 м 40 см длины. На свитке выгравирован квадратным шрифтом текст на древнееврейском языке. Развернуть и прочесть свиток без предварительной лабораторной обработки невозможно, но по немногим разобранным словам видно, что это список установлений или тариф. Размер букв показывает, что он предназначался к чтению с близкого расстояния. Можно думать, что этот лист когда-то висел в развернутом виде в одной из зал кумранского общежития и был спрятан в тайник при бегстве оттуда.

Осенью 1952 г. бедуины открыли там же пещеры, обозначенные номерами IV и V. Пещера IV — это искусственный тайник, вырытый в гряде мергеля, повышающейся на 10 м над уровнем равнины. На том же мергельном залежании выстроен Хирбет Кумран, рядом с которым находится пещера IV, где оказались тысячи фрагментов рукописей. Рядом с тайником IV было помещение тайника V, откуда также были извлечены фрагменты рукописей, правда, в очень плохой сохранности. В складе над мергельной грядой бедуины разрыли нору (пещера VI), где также находились отрывки рукописей и в числе их кусочек из дамасского документа, так что принадлежность последнего к литературе Кумрана должна быть признана доказанной. В числе прочих рукописей в пещерах IV—VI найдены отрывки греческого перевода Библии и еврейская и арамейская версии «Книги Товита», а также парафразы и комментарии к текстам Библии. Здесь встречаются снова некоторые тексты из открытых в 1947 г., таковы «Устав» и «Борьба сынов света». Кроме того, там же нашли филактерии. По определению Р. де Во, значение новых открытий превышает значение находки Айн Фешха I.

Еще ранее, в феврале того же 1952 г., бедуины обнаружили новые материалы в районе Вади Мурабаат, на расстоянии 18 км по прямой к югу от Кумрана и в 25 км

¹ См. P. Kahle, НН, стр. 61—63.

я юго-востоку от Иерусалима. Вади Мураббаат называется овраг глубиной в 200 м с узкой горловиной при впадине в Мертвое море. Поверхность его настолько изрыта, что археологи с трудом поставили лагерь. Работы длились шесть месяцев, но результаты их вознаградили исследователей за повесенные труды. На полпути вверх по оврагу от Мертвого моря в обрывистой стене открываются четыре пещеры; три рядом, четвертая выше, в нескольких сотнях метров к западу. Обособленная пещера образует несколько отделений в виде анфилады. Археологическое обследование вскрыло стратиграфическое залегание от энеолита до арабского средневековья. Лучше всего представлен римский период I—II вв. н. э.: керамика, каменные и деревянные сосуды, куски ткани, орудия и гробни. Монеты были найдены в небольшом количестве, от периода со времени римских прокураторов до второго иудейского восстания (132—135 гг. н. э.). Последний период заселения (XIII в. н. э.) оставил черепки, одну монету и небольшое количество фрагментов арабских рукописей. Письменные памятники оказались в пещерах I и II. В первой из них они состояли из немногих еврейских острак и исписанных полосок кожи и папируса. Зато пещера II подарила большое собрание греческих, еврейских и арамейских текстов. Важнее всего то, что здесь впервые обнаружены датированные документы. К ним относятся семейные архивы на греческом языке. Особенно интересен брачный контракт, датированный седьмым годом правления императора Адриана (123 г. н. э.), и долговая расписка. Библийские тексты показали отрывки из Пятикнижия, сообразно масоретской редакции. Здесь же нашли около дюжины еврейских острак и образцы курсивного письма по-еврейски и по-арамейски. Для еврейской палеографии ценен папирус-палимпсест, исписанный старохаваанским шрифтом, к сожалению сильно попорченный. По определению Р. де Во, папирус старше, чем свиток «Книги Левит» из пещеры Айн Фешха I. Особенно важны по значению документы второго иудейского восстания. Среди них обнаружено подлинное письмо самого вождя восстания Симона Бар Кохбы, или Бар Козибы, к своему военачальнику по имени Иешуа бен Галгола и два письма к тому же лицу от его подчиненных, сообщающие о движении противника. Данные говорят за то, что пещера служила штаб-квартирой партизанским отрядам Бар Кохбы. Дальнейшее изучение материала должно принести еще много интересного.

Новый материал бедуины нашли также в не указанном ими пункте той же Иудейской пустыни. В августе 1952 г. они извлекли из трех пещер, оставшихся неизвестными, значительное собрание рукописей, в числе которых опять оказались отрывки из древнееврейской Библии, пергамент с греческим текстом раздела «Малых пророков», деловые документы на арамейском языке, датированные третьим годом «освобождения Израэля» и снабженные именем Симона бен Козибы, и письмо по-древнееврейски к самому Бар Кохбе. Здесь были также греческие и арамейские документы с датами «эры провинции Аравии» (позднее 106 г. н. э.) и порядочное количество набатейских папирусов.

На месяц раньше, в июле 1952 г., бедуины же разыскали развалины Кастеллионского монастыря (монастырь св. Саввы), основанного в 492 г., ныне руины Хирбет Мирд. Здесь найдены отрывки новозаветных сочинений по-гречески, а также библийские и новозаветные тексты на христианско-палестинском арамейском диалекте, памятники которого теперь впервые обнаружены на территории самой Палестины. Кроме них, в Хирбет Мирд сохранились арабские папирусы II—III вв. хиджры (VIII—IX вв. н. э.), в большинстве частные письма. Весной 1953 г. бельгийская археологическая экспедиция собрала здесь новые материалы такого же характера. Между ними оказался греческий отрывок из «Андромахи» Еврипида. Обилие и разнообразие памятников и многочисленность пунктов, по которым они разбросаны, заставили археологов изменить оценку археологического богатства Палестины. По словам одного из первых и наиболее энергичных исследователей новых материалов, Иудея отныне должна считаться «вторым Египтом»¹.

¹ A. Dupont-Sommer. NA. стр. 217.

Археологическое обследование и раскопки Хирбет Кумран. Развалины Хирбет Кумрапа привлекли внимание специалистов уже при первой археологической экспедиции к пещере. Раскопки их заняли три рабочих сезона: ноябрь — декабрь 1951 г., февраль — апрель 1953 г. и один сезон 1954 г., отчет о котором до нас пока не дошел. Работы вели вначале названные две организации, позднее Службу древностей Иордании сменили американские школы востоковедения (The American Schools of Oriental Research).

Развалины Хирбет Кумрана лежат на террасе, которую с севера ограничивает обрыв Вади Кумран, а на западе и на юге овраги. К востоку спускается склон, но отчетливо прослеживается древний подъездной путь. На восток же тянется большое кладбище, отделенное от развалин свободным пространством. Центральное сооружение образует прямоугольник размером 30 × 37 м; с северо-востока, запада и юга к нему примыкали подсобные постройки. Цистерны внутри и вне здания снабжались водой из акведука, связанного с водосемами Вади Кумрана. Техника и план постройки не позволяют считать ее римским укреплением, как предполагалось сначала. Стены главного здания сложены из крупных блоков грубо намеченной квадратной формы и покрыты толстым слоем штукатурки. Кровлю образовали стволы пальм и камыш, обмазанный мергелем. Здание имело два этажа. Северо-западную часть занимала массивная двухэтажная башня, низ которой заполняли кладовые (узкие комнаты без окон, куда воздух и свет поступали через две узкие бойницы). Узкий проход под открытым небом и маленький дворик соединили башню с юго-западной частью здания, где находились три помещения. Из дворика по лестнице поднимались на террасу и в комнаты верхнего этажа этой части здания. В центре открывался двор, к северной стороне которого примыкало большое помещение, предположительно — кухня. За ней, в северо-восточном углу постройки, расположена группа комнат. В южной части здания сосредоточились места общего пользования: здесь находилось маленькое помещение с бассейном, где был найден кувшин с намалеванным охрой именем владельца. Здесь же, в юго-восточном углу помещались уборные, умывальня с бассейном и стоком и две цистерны или купальни: одна маленькая, другая длинная и глубокая с 14 отделениями. Подобная, но большая размером цистерна была также снаружи, против южной стены здания. Помещение было снабжено канализацией. Внутри самой большой комнаты вокруг стен проходит низкая скамейка, в толщу стен вделаны шкафы-ниши. Над обеденной, предположительно, залой (против кухни) открыто помещение с обломками большого стола, сложенного из кирпичей, покрытых штукатуркой. Стол имел длину 5 м и высоту 0,5 м; кроме него в комнате были еще два стола помельше. Здесь же найдены куски двух чернильниц с остатками высохших чернил. Эта находка наводит на мысль, что комната служила скрипторием, где работали писцы. Раскопки обнаружили также современную постройкам керамику. В углу одной комнаты нашли кувшин, похожий на обнаруженные в пещере. Вместо крышки ему служил известняковый кафель, пропитанный асфальтом. Основной комплекс керамики восходит к позднееллиническому — римскому периодам, но имелись гончарные изделия III в. н. э. и еще более поздние — арабские IX—X вв. н. э., оставленные проезжими во время случайных посещений развалин. При первой кампании нашли с дюжину монет от периода между 6—7 и 70 гг. н. э.; при второй — около 200 монет, начиная от времени Александра Янная (105—76 гг. до н. э.); лишь несколько монет относятся к более раннему времени. Время последних Хасмонеев и Ирода Великого представлено слабо. Много монет римских прокураторов до начала первого иудейского восстания. Затем, после хронологического перерыва отмечаются монеты 132—135 гг. н. э. (время восстания Бар Кохбы).

По данным археологического исследования можно установить три периода в жизни общества, населявшего Хирбет Кумран. Здание было заложено в маккавейский период и просуществовало без крупных изменений до сильного землетрясения, положившего конец первому периоду. Землетрясение разрушило северо-западную башню, вызвало осыпь плитуса и потолка, уничтожило целиком одно помещение. Трещина расколола внутреннюю бассейн и затронула внешнюю бассейн. Однако обитатели и после землетрясения продолжали прежний образ жизни, произведя необходимые ре-

монтные работы. Вместо поврежденных цистерн соорудили большой бассейн, подальше к югу от здания. Все изменения и переделки при ремонте имели целью, видимо, увеличить изоляцию и укрепление здания. Помещения сохранили прежнее назначение. Грунт первого и второго периода углублен одинаково. Второму периоду конец положил пожар и внезапное бегство обитателей жилища. На это указывает слой черного порошка, следы обугливания. Посуда в шкафах и на полках, разбросанные монеты и остатки утвари показывают, что помещение было покинуто внезапно. Пожар разрушил жилые комнаты юго-западного и северо-восточного блоков, их стены и потолки обвалились. Башня сохранилась лучше. Здание было снова занято непродолжительное время третьего периода. Новые поселенцы удовлетворились уборкой мусора, а неравный уровень различных помещений связали посредством лестниц. Большие залы они поделили перегородками на комнатки, чтобы облегчить настилку крыши. На внутреннем дворике первого — второго периодов вывели большую печь. Водопроводом и канализацией новые жильцы не пользовались. Воду собирали с крыш в маленькие бассейны. По всей очевидности, здание изменило назначение и перестало служить общежитием сплоченной организации. Группа людей, живших в нем теперь, пользовалась главным образом печью и помещениями прежних кладовых. Керамика этого периода бедна, монет мало, письменные документы отсутствуют. Затем здание опять было покинуто, возможно — после нового разрушения. С тех пор его посещали одни случайные проезжие, искавшие в развалинах временного приюта.

Еще в начале нашего столетия обширное кладбище возле развалин заинтересовало известного семитолога-эпиграфиста Ш. Клермон-Ганно (Ch. Clermont-Ganneau). Он раскопал выборочно несколько могил и обнаружил типичное, как ему казалось, еврейское погребение без следов жертвоприношений и заупокойных даров, после чего оставил это место без дальнейших разысканий. Новое обследование состоялось в 1949 г. Кладбище насчитывает около 1100 могил. Они расположены симметричными ровными рядами. Могилы ориентированы с севера на юг. Как правило, могилы отмечены овальной грудой камней, под которой открывается узкая яма глубиной приблизительно в 2 м. Тело покойника погребалось в нише, вырытой в одной из стенок ямы. Углубление закрыто каменными плитами или стенкой из сырцового кирпича. Тело клали на спину, головой к югу. Ни украшений, ни погребальных жертв умершему не полагалось. Фрагменты керамики редки и встречаются только в земле, наполняющей могилы. Извлеченные кости очень хрупки. Экспедиция передала образцы черепов и тазовых костей на анализ и исследование специалистам-антропологам. Среди захоронений есть и женские. Три могилы из вскрытых в продолжение второй кампании несколько отличаются от остальных. Внутри круга из камней находится прямоугольная яма, в глубине которой в деревянном гробу покоится тело, обращенное головой к югу. Несомненное огромное кладбище размерам Хирбет Кумрана, население которого явно не было многочисленным, наводит на мысль, что этот населенный пункт в основной период своего существования служил административным центром разбросанной общины и располагал кладбищем, к которому съезжались ее члены для погребения своих мертвых.

Датировка рукописей. Археологические данные подтвердили выводы, сделанные палеографами и критиками текста, но в общем, с той же долей приближенности. Образцы тканей из пещеры исследовала Луиза Беллинджер, сотрудник текстильного музея в Вашингтоне. Она смогла установить их туземное палестинское происхождение и отнесла их к периоду античности, без дальнейшего уточнения¹. Затем, в декабре 1950 — январе 1951 г., археологи К. Крелинг и В. Либби (K. Kraeeling, W. Libby) исследовали ткань новооткрытым радиоуглеродным методом при Институте изучения атомного ядра в Чикагском университете. Исследование дало дату $1917 \pm 200 = 33$ г. н. э. ± 200 лет, т. е. период между 168 г. до н. э. и 233 г. н. э., подтверждая свидетельство палеографии с той же долей приближенности. Кувшины — вместилища ру-

¹ См. O. R. Sellers, Radiocarbon Dating of Cloth from the 'Ain Feshkha Cave, BASOR, № 123 (1951), стр. 24—26.

копией — археологи отнесли сперва к доимперскому периоду, тогда как обломки котелка, кувшинчика и ламп из пещеры Р. де Во датировал I веком н. э., считая их современными найденным возле них монетам времени прокураторов. Впоследствии, после дальнейших исследований, Р. де Во пришел к выводу, что техника изготовления гончарных изделий в Палестине менялась настолько медленно, в особенности в подобной замкнутой среде, что нет надобности считать, что римское завоевание произвело здесь существенное изменение, а потому все сосуды из пещеры одинаково можно датировать I веком н. э. По назначению сосуды принадлежат к обычной домашней утвари, употребляемой в быту для хранения жидкостей и сыпучих тел. Не следует упускать из виду, что время происхождения сосудов нельзя целиком отождествлять с временем происхождения рукописей. Последние могли существовать несколько столетий, прежде чем попали внутрь новых сравнительно с ними кувшинов. Точно так же свежескопированные рукописи могли быть вложены в старинные сосуды, хранящиеся в доме, быть может, десятилетиями. В конечном счете возраст памятников следует определять по комплексу признаков на основе глубокого и многостороннего изучения их содержания, с учетом и палеографических и археологических показателей. Надежду внушает то обстоятельство, что первые специалисты, определившие рукописи, т. е. Олбрайт и Сукеник, независимо друг от друга отнесли их к одной и той же эпохе. Во всяком случае предположение о средневековом происхождении свитков не имеет под собой твердой почвы.

Происхождение рукописей. Письмо книг, найденных в пещерах, и письмо острак, обнаруженных в главном здании Хирбет Кумрана, однотипны. Монеты, собранные там и здесь, указывают на один и тот же исторический период. Это заставляет думать, что здание было центром управления для населения, жившего рядом в пещерах, хижинах или просто в палатках. С самого начала знакомства с рукописями Кумрана и их содержанием возникло предположение, что этими жителями были ессеи. К этому склоняются изучившие местность Р. де Во и М. Хардинг и многие другие издатели и исследователи текста во главе с А. Дюпон-Соммером. Географически положение Вади Кумрана и пещер Айн Фешха как нельзя лучше соответствует указаниям Флавия Иосифа и Плиния Старшего (V, 17). Строгий тип погребения без заупокойных жертв и даров определяет местопребывание иудейской, во всяком случае, общины. Об этом же говорят языки и содержание текстов. Описание жизни ессеев у древних авторов ни в чем не противоречит наблюдениям археологов, вынесенным при раскопках Хирбет Кумрана: подробности их быта подтверждает устройство здания. О роли омовения свидетельствуют акведуки, цистерны и бассейны. Расположение кухни и столовой указывает на совместную еду. Чернильницы и столы для письма, свитки и их фрагменты, так же как обработанная для письма кожа, найденная в одной из пещер, определяют основное или одно из основных занятий общины. Община, несомненно, имела одинаковую с ессеями общность имущества. Об этом можно судить на основе важного археологического наблюдения, отмеченного в отчете Р. де Во¹. Раскопки главного здания, как было сказано, дали большое количество монет, тогда как в 25 соседних пещерах, сохранявших следы связи с центром, не обнаружено ни одной монеты, хотя в них жили такие же люди и в то же самое время. Этот поразительный факт вернее всего свидетельствует о том, что денежные средства были сосредоточены в руках руководства, которое помещалось в главном здании. Рядовые общинники и готовящиеся стать ими прозелиты, обитавшие в пещерах, деньгами, как правило, не располагали и при себе их не имели.

Высказывались сомнения в ессеинском происхождении общины Хирбет Кумран. В остатках найденной литературы усматривали достояние всего тогдашнего иудейского общества без деления на секты². Вопрос слишком сложен для обсуждения его в обзорной статье, однако можно заметить, что содержание «Устава» невозможно

¹ R. de Vaux, SMMM, стр. 173—176.

² P. Kahle, НН, стр. 61; Н. Е. Del Medico, Les Esséniens dans l'oeuvre de Flavius Josephé, «Byzantinoslavica», XIII (1952), 1, стр. 1—46.

применять ко всему иудейству в целом. Как бы то ни было, цельные семь рукописей первой партии находок — лишь незначительный остаток некогда богатого собрания; об этом свидетельствуют сотни и тысячи найденных здесь позднее фрагментов рукописей и размер вмещавших их сосудов (в каждом из них могло скрываться в среднем по три рукописи такого же размера, как найденные). А так как найденная керамика дает материал для восстановления по крайней мере 50 подобных сосудов, можно заключить, что и свитков было не менее 150.

Пробывание рукописей в пещере объясняли тем, что пещера играла роль генизы для населения Вади Кумрана¹. Известно, что в генизах книги долго сохраняются и при переполнении хранилища торжественно погребаются в земле. Трудно все же думать, чтобы рукописи, вышедшие из употребления и предназначенные к уничтожению, так заботливо хранились в тайнике. Против этого свидетельствуют их обертка из просмоленной льняной ткани, крышки на кувшинах и сами кувшины, служившие футлярами. Пещеры имели отношение к переноске новых рукописей, иначе в них не нашли бы выделанную кожу. А. Дюпон-Соммер считает, что рукописи положены в пещеру на сохранение во время иудейско-римской войны². События этого времени правдоподобнее всего объясняют их судьбу, хотя в настоящее время вопрос об этом не разрешен.

Исторические сведения о находке древних еврейских рукописей. Хранение рукописей в глиняных сосудах соответствует древним обычаям евреев. Согласно апокрифической повести «Успение Моисея», его преемник Иисус Навин должен сохранить завещание Моисея в горшке, обмакнутом в кедровое масло. Вавилонский Талмуд предписывает класть в могилу законов да экземпляр Пятикнижия в глиняном сосуде. Во время правления Каракаллы (211—217 гг.) в области Иерихона, т. е. в той же части Иудеи, где находится и Вади Кумран, в глиняном кувшине, содержавшем еврейские и греческие рукописи, был найден тот список греческой Библии, который образовал шестую колонку Гексаплы Оригена, — по свидетельству самого Оригена. Позднее несторианский патриарх в Багдаде Тимофей I (780—823 гг.) упоминает в письме о находке многочисленных еврейских рукописей в пещере в окрестностях Иерихона. При этом обстоятельства находки чрезвычайно схожи с открытием пещеры Айн Фешха. Найденные рукописи стали достоянием караимской общины³. Подобный же факт сообщает караимский писатель Якуб ал-Киркисани в своем сочинении «Китаб ал-анвар ва ал-маракиб» («Книга маяков и сторожевых вышек», 937 г.), повидимому, на основе более древних известий⁴. Однако ал-Киркисани не обозначает места находки, поэтому ее труднее поставить в связь с книгохранилищами Вади Кумрана. Третье упоминание о хранении еврейских рукописей в пещере на юге Иудеи встречается в так называемой «еврейско-хазарской переписке». В письме Хасдаи Ибн Шафрута (X в.), врача и советника кордовского халифа Абдаррахмана III, говорится о древней традиции сокрытия рукописей в пещерах окрестностей Мертвого моря, куда приходят благочестивые потомки спрятавших рукописи молиться и читать старинные свитки. Книги скрыты здесь из страха перед врагами-халдеями⁵. Подлинное или иносказательное, это наименование врага указывает во всяком случае на очень древнюю традицию предания. На основе средневековых свидетельств можно думать, что основной фонд рукописей пещеры Айн Фешха I был изъят из нее еще в средние века.

¹ E. L. Sukenik, MG; P. Kahle, HN, стр. 4.

² П. Кале, исходя из палеографических соображений, относит время помещения рукописей в сосуды к III веку н. э.

³ Об обстоятельствах введения этого факта в науку последнего времени см. P. Kahle, Die Gemeinde des Neuen Bundes und die hebräischen Handschriften aus der Höhle, WZML, II (1952/53), вып. 3, стр. 147—148.

⁴ Указано Д. Бартеlemi (D. Barthelemy), сообщение которого опубликовано P. de Vo. См. St. Segert, Ein alter Bericht über den Fund hebräischer Handschriften in einer Höhle, ArOr, XXI (1953), ч. 2-3, стр. 263—269.

⁵ См. St. Segert, там же.

Проблемы исследования рукописей. Значение материалов, содержащихся в рукописях Мертвого моря, вряд ли можно переоценить. Подробный обзор проблем, иногда весьма сложных и переплетающихся друг с другом, сам по себе мог бы стать темой специальной статьи. Поэтому следует ограничиться перечнем основных вопросов, возникающих в этой связи перед семитологом, в первую очередь перед гебраистом. Исторiku предстоит отождествить события, всплывающие из неясных указаний новонайденных произведений, с известными до сих пор эпизодами господства в Палестине дома Хасмонеев, династии Ирода и римской империи, с тем, чтобы на новом материале уточнить и углубить знакомство с событиями этой эпохи. Архив Вади Мураббаат должен лучше ознакомить историка с ходом второго иудейского восстания («восстания Бар-Кохбы»). Деловые документы увеличивают сведения о социальных отношениях богатого событиями периода. Борьба за независимость страны от Рима, переплетающаяся с социальной борьбой в Иудее, быть может, получит яркие иллюстрации в свете новых открытий. Идеология некоторых кругов Иудеи и сопредельных ей областей на рубеже новой эры получает небывалую наглядность. Связь иудейства с христианством и с религиями Переднего Востока, в том числе с зороастризмом и позднейшим манихейством, выступает теперь гораздо яснее. Особую проблему составляет выяснение линии преемственной связи между древней культурой «еврейского» круга и мировоззрением средневекового караимства.

С вопросами идеологии тесно связаны проблемы критики Библии, для которых сотни фрагментов библейских сочинений предоставляют огромный материал. В первую очередь, встает вопрос об отношении вновь открытых версий и вариантов к масоретскому тексту Библии, к тексту Септуагинты и к другим ранним переводам еврейского оригинала Библии. История «масоры», история канонизации, история традиционного комментирования и интерпретации библейского текста получает новые, вполне определенные факты. «Теория Вельгаузена», быть может, получит окончательную оценку в критической проверке новыми данными. Апокрифы и псевдоэпиграфы библейского круга в своей истории обрели твердую материальную основу: для некоторых произведений, известных только по переводам, отыскались оригиналы.

Как памятники древнееврейского языка, новые рукописи расширяют наши сведения об его лексике и грамматическом строе в период постепенного угасания его живой речи. Обогащается также изучение арамейских наречий. Новый толчок к развитию получила еврейская палеография, в которой заполнилась часть лакуны протяжением в тысячелетия. Частные вопросы, группирующиеся вокруг основных, поистине неисчислимы.

К. Б. Старкова

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ДРЕВНЕ-АТТИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ НАУКЕ

Зарождение и расцвет древнеаттической комедии, главным представителем которой является Аристофан, тесно связаны с судьбами афинской демократии. Творцы ее не мыслили своего искусства в отрыве от кипевшей вокруг общественной жизни, их слово было непосредственно обращено к массам, в каждой строке их поэзии — живая жизнь Афин V века до н. э.; создатели древнеаттической комедии сами считали себя, в первую очередь, учителями жизни.

Тонко заостренное жало политической сатиры — главное в древнеаттической комедии, без него она мертва. Между тем основные усилия многих представителей новейшего буржуазного антиковедения направлены на то, чтобы свести на нет значение ее общественно-политической сатиры и, оперируя теорией неизменности комедийных форм (сюжетных схем), поставить ее в один ряд со всеми другими видами бытового фарса, ли-

шенного глубокого идейного содержания, представляемого только на потеху. Это достигается двумя основными путями: 1) Аристофан изображается жрецом «чистого» искусства, которому нельзя приписывать серьезных политических воззрений; вместе с тем отрицается серьезное значение хора в древнеаттической комедии, в котором с наибольшей непосредственностью выступает ее сатирическая направленность (многие хоровые партии непосредственно обращены к зрителю, в них обсуждаются актуальные политические вопросы и дается персонально направленная политическая сатира); хор объявляется препятствием на пути жанрового оформления греческой комедийной драмы; 2) истоки древнеаттической комедии ищут в религиозном культе, в культовых обрядах античности и изображают литературную аттическую комедию V века до н. э. как застывшую сюжетную копию какого-либо религиозного ритуала, утратившего в ней свое первоначальное ритуальное содержание.

Первое направление уходит своими корнями еще в идеалистическую эстетику начала прошлого века, именно — в учение представителя реакционной романтической школы Авг. Шлегеля, оказавшее решающее влияние на господствовавшие в XIX в. теории драмы. Шлегель рассматривает композицию древнеаттической комедии в свете своей теории драмы, как идеальной иллюзии, уводящей человека от однообразия и скуки повседневной жизни, и кладет начало взгляду на паразиты — главные хоровые партии пьес Аристофана, для которых характерно непосредственное обращение к зрителю — как на неорганическую часть комедии, присутствие которой нарушает основной закон драмы.

Другим, более новым источником, питавшим реакционные теории происхождения и значения древнеаттической комедии, были сочинения родоначальника философско-эстетического декаданса Фр. Ницше и представителя новейшего интуитивизма Анри Бергсона. Ницше рассматривает искусство как иррациональное средство полного ухода от действительности, средство метафизической «победы» над нею. Основой рождения античной трагедии и комедии является, по Ницше, религиозная «дионисийская музыкальная первостихия», возвышающаяся над всеми и всякими общественными отношениями; с этим связано у него и реакционное метафизическое понимание народности искусства: народное — это «здоровая» первобытная сила, народное — это «вечное». В эклектической эстетике Бергсона комедия предстает механическим сцеплением случайных фактов, не отражающих реальной действительности и представленных на потеху, для развлечения.

В конце XIX в. и начале XX в. получила распространение теория происхождения комедии из дорийского (целопоннесского) фарса, полностью лишенного хорового элемента и ведущего свое начало от «демонических» спутников Диониса, т. е. из религиозного культового обихода этого бога. Начало этой теории положили исследования вазовой живописи некоторых немецких археологов, и особенно работа А. Кёрте¹.

Теории эти поддерживают излюбленную догму новейшего реакционного буржуазного антиковедения, согласно которой греческая аттическая культура всеми своими достижениями, в частности созданием замечательной трагедии и комедии, обязана дорийцам, наиболее «чистым» из всех греческих племен представителям «северной германской расы». Так «чистая эстетика» выступает здесь рука об руку с реакционной расистской социологией.

В вышедшей в 1911 г. книге В. Зюсса дано изложение гипотезы дорийского происхождения древнеаттической комедии на основе теории вечных жанрово-«технических» форм².

Мистическое представление реакционного романтизма о «народной душе», как вечном архаическом источнике поэзии, слетено в философии Зюсса с вульгарным биологизмом. Зюсс не останавливается даже перед тем, чтобы творческое вдохновение поэта совершенно серьезно сравнить с «чириканьем, щебетанием, кваканьем и рычанием его лесных, полевых и водных собратьев» (стр. 200).

¹ A. K ö r t e, Archäologische Studien zur alten Komödie, JDAI, VIII (1893).

² W. S ü s s, Aristophanes und die Nachwelt, B., 1911.

Теория неизменяемости комедийных жанровых форм не позволяет Зюссу анализировать социальную сущность творчества Аристофана, т. к., если верить ему, содержание комедии «по существу во все времена одинаково».

Давая очерк влияния Аристофана на комедийное творчество и эстетику нового времени, Зюсс считает наиболее удачливыми его наследниками немецких реакционных романтиков (братьев Шлегель, Тика и др.). Очерк этот полон у него выпадов с позиций «чистой эстетики» против политических тенденций в комедии, против прогрессивных литературных и философских течений и для полноты картины — против социал-демократии.

Теория чужеродности хора комедийной драме и происхождения аристофановской комедии из пелопоннесского фарса развивается также в работах немецких филологов Зикмана, Радермахера и др.¹ В том же направлении шли усилия корифеев французской классической филологии — Дени, Круазе, Мазона, Наварра, Вайля.

Зачатки древнеаттической комедии Дени и Круазе ищут в религиозном культе. Несмотря на попытки социального анализа, Круазе полностью отрицает общественно значимую сатирическую направленность древнеаттической комедии на ранней стадии², чему вполне соответствует его оценка идейной сущности древнеаттической комедии в пору ее литературной жизни: главной движущей силой остается в ней, по Круазе, изменчивость настроения поэта³. «Рассудительной» греческая комедия стала только постепенно, утверждает Круазе, «и ей понадобилось два столетия, чтобы стать ею вполне». Здесь Круазе имеет в виду лишенную хора и политической сатиры комедию Менандра. Дени, автор специального двухтомного труда по истории греческой комедии, приносимого им на алтарь народного просвещения (см. посвящение в начале книги), также оценивает древнеаттическую комедию с позиций «чистой» эстетики. Он считает, что «нет более враждебной атмосферы для искусства, чем яростные раздоры» (имея в виду революционные битвы, в которых рождалась мегарская демократия); счастье древнеаттической комедии состоит, считает Дени, в том, что она развивалась в «мягких условиях демократии Клисфена»⁴. Как истый эстет, он тоскует по «чистому искусству» — чистому, в первую очередь, от «грубых» примесей классовой борьбы.

Во всех без исключения работах французских филологов отрицается значение хора для формирования древнеаттической комедии; наоборот, он считается препятствием на пути ее становления. Парабаза окончателно «выносится за скобки» комедии и рассматривается как антракт.

Новейшее направление разработке проблемы происхождения древнеаттической комедии представляется в западной буржуазной филологии работы английских и отчасти американских ученых.

Английские и американские филологи и историки религии ищут в греческой классической драме пережиточные черты древних религиозных обрядов магического характера. Таковы работы Фарнелла, Гаррисон, Мэрри, Кука, Ф. М. Корнфорда, Фликкингера и многих других. Автор наиболее яркой из новых западных работ по истории происхождения древнеаттической комедии, Ф. М. Корнфорд, рассматривает эту комедию как остов одного из дионисийских ритуалов, раз навсегда застывший в неподвижных чертах постоянной сюжетной схемы. Отношение к хору и парабазе комедии у Ф. М. Корнфорда ничем не отличается от того, которое характерно для немецких и французских работ XX века: в его драматическом ритуале хор играет второстепенную, подсобную роль.

Как понимают современные английские и американские филологи религиозные истоки древнеаттической комедии, разъясняет ученый ассистент Орегонского универ-

¹ H. Si e c k m a n n, De comoediae atticae primordiis, Gottingae, 1906; R a d e r m a c h e r, Aristophanes Frösche, SBAWW, Phil.-bist. Kl., т. 198 (1922), № 4.

² См. A. et M. C r o i s e t, Histoire de la littérature grecque, т. III, P., 1899, стр. 425, 427.

³ Там же и в кн. C r o i s e t, Aristophanes et les parties aux Athènes, P., 1906, стр. 30.

⁴ J. D e n i s, La comédie grecque, т. I. P., 1886, стр. 37—38.

ситета Г. Белькнап. В своей статье¹, выдаваемой автором за последнее слово социологического анализа античных религиозных явлений, Белькнап прочно стоит на позициях английской школы филологов и «антропологов» (как называют себя в Англии и Америке исследователи различных областей духовной жизни человеческого общества — этнологи, фольклористы и т. д.), утверждающей происхождение древнеаттической комедии из магического ритуала дионисийского культа. Хотя названная статья начинается заявлением, что взгляд ученых, усматривающих все значение дионисийского культа в магии плодородия, односторонен, полемика Белькнапа сводится в конце концов к указанию на преобладание магического элемента в зимних обрядах Диониса, в то время как весенние обряды были, по его утверждению, «проявлением, а не вызовом весны» (стр. 59). Стремление дать выход «силам весны» — вот, по мнению Белькнапа, основное значение дионисийского ритуала, из которого будто бы родилась древнеаттическая комедия.

«Человек составляет органическое единство с природой и участвует в грандиозной драме смены периодов ее жизни, — пишет Белькнап. — Величайшей силой различия человеческой цивилизации было стремление человека освободиться от участия в этой драме. Но, несмотря на внушающие самомнение успехи, особенно в последнее столетие, в направлении стабилизации физических условий жизни на протяжении сменяющихся периодов жизни природы, в действительности достижения эти были поверхностны. Более грубые факторы окружающей среды, сопутствующие смене сезонов и предшествующие единообразию человеческой жизни, до некоторой степени подверглись регулированию и контролю. Но тонкое физиологическое и психологическое созвучие человеческого организма ритму живой вселенной в целом мало было затронуто стабилизирующими силами культуры. Сезонная изменчивость человеческого животного, слишком тонкая, чтобы ее можно было нейтрализовать при помощи искусственного контроля над окружающей средой, является реальной социальной проблемой даже для высокоцивилизованных народов. Особенно опасным является возрождение весны... Оно неминуемо влечет к нарушению норм поведения, на которых основана групповая жизнь. Одним из основных корней культа Диониса и является стремление припадать самому этому нарушению социальную форму, дать силам весны на определенный период социальную и религиозную санкцию. Распущенные празднования наступления весны отвечали реальной потребности первобытной жизни. Эта потребность оставалась реальной, хотя может быть несколько менее настоятельной, в цивилизованной Греции, и весенние празднества продолжали выполнять эту социальную функцию...» (стр. 45—46). Я позволила себе такую длинную цитату ввиду ее сугубой выразительности. Автор выкладывает перед нами весь идейный арсенал новейшей американской биопсихологической «социологии». Белькнап грубо искажает историю человеческого общества, подменяет основу его прогресса причинами чисто биологического и психологического характера. Таково «последнее слово» американских исследователей в области анализа социального значения религиозного ритуала, из которого они выводят древнеаттическую комедию.

П. В. Харш, автор новейшей американской монографии по истории древнегреческой драмы, выступает под защитой стремления к «здоровым толкованиям» и «проверенным фактам» с откровенно формалистическим анализом древнеаттической комедии².

Ставя перед собой задачу дать отвечающую современности литературно-критическую оценку греческой драмы, он, подобно Зюссу, выдвигает на первое место вопросы «драматической техники». Что касается содержания древнеаттической комедии, то ничто не было ей так присуще, по мнению Харша, как непристойные личные оскорбления (стр. 265). Именно это, утверждает он, дало древнеаттической комедии существенное влияние на современную жизнь. Однако ошибочно, думает Харш, считать

¹ G. Belknap, The social value of dionysiac ritual (C. Smercenko, G. Belknap, Studies in greek religion, Eugene, 1935).

² P. W. Harsch, The Handbook of Greek drama, Stanford, 1948.

Аристофана сторонником какой-либо партии. Харш признает, правда, как единственную политическую направленность Аристофана — его борьбу за мир. С точки зрения развития жанра древнеаттической комедии и ее значения для мировой литературы Харш приветствует «изгнание» хора из последних комедий Аристофана: он считает это высшей заслугой поэта, давшего возможность древнеаттической комедии продолжать жить как живой литературной форме.

Для характеристики социальной позиции Харша, о которой почти ничего нельзя узнать по его книге, любопытна одна небольшая деталь. В библиографическом списке к названию книги Дж. Томсона «Aeschylus and Athens», вышедшей тремя изданиями в Англии (в 1941, 1946 и 1950 гг.) и получившей высокую оценку в нашей исторической науке, Харш дает аннотацию, гласящую, что «этой работой можно пренебречь: она явно написана для декларации собственных социальных и политических взглядов автора и больше затемняет, чем объясняет Эсхила» (стр. 502).

Отношение к древнеаттической комедии как к «чисто шуточному» созданию, сосредоточение всего внимания на анализе формы, средств комизма и почти полное пренебрежение к выяснению ее социальной сущности характерны, как уже было сказано выше, почти для всех новейших буржуазных работ. Именно таким образом оценивает комедию Аристофана профессор Колумбийского университета М. Хэдес¹. Хэдес считает, что комедия Аристофана «задевает поверхность, а не глубокие недра» (стр. 100). А между тем в предисловии к своей книге Хэдес не устает говорить о социальном и гуманистическом значении греческой литературы. Характерными чертами древнеаттической комедии были, по Хэдесу, «сексуальная шутка», «иступленный смех», имеющие целью позабавить. Это отношение к комедии Аристофана как к пустой забаве спокойно уживается у него с утверждением, что комедия являлась «частью религиозного ритуала» (там же, стр. 99). Как ни полезен Аристофан в качестве исторического источника, говорит в заключении своего очерка о древнеаттической комедии Хэдес, «главное стремление Аристофана состоит в том, чтобы быть гением захлестывающей шутки». Но почему же забывает Хэдес, что Аристофан требовал от драматических поэтов, чтобы они были учителями жизни, и как он любил, чтобы таким учителем считали его самого?

Последним трудом в зарубежной классической филологии, претендующим на энциклопедический охват истории греческой литературы, является многотомное издание Шмида — Штелина². Большие разделы этого издания посвящены древнеаттической комедии (в т. II — глава о началах комедии; в т. IV — характеристика литературной комедии). В послевоенном, IV томе авторы отдали богатую дань реакционнейшим идеям ницшеанско-зюссовского толка. В подразделе главы I, озаглавленном «Сущность и развитие древнеаттической комедии», мы читаем следующие строки: «Высшей целью в с а к о й комедии была, есть и будет *ὑελοτολῶα* — возбуждение смеха, т. е. облегчение, временная разгрузка людей от душевного гнета, в состоянии которого они находятся вследствие определенного предрасположения, печального опыта, мгновенного расстройства или усталости, путем иллюзорного уничтожения трудностей, которые в действительной жизни противостоят исполнению бесчисленных мечтаний об улучшении положения, об установлении идеальной ситуации. Смех принадлежит у греков к терапии душ...» (т. IV, стр. 4).

Выразительность этого рассуждения делает комментарии излишними.

Шмид признает хор единственным самобытным элементом древнеаттической комедии (все «драматическое», т. е. вся нехоровая, диалогическая часть комедии, пришло, по его мнению, от дорян, стр. 8). Он пытается даже взять под сомнение самое существование на ранних стадиях развития комедий парабазы (стр. 9). Политическую сатиру литературной комедии он расценивает как клеветнические выходки; афин-

¹ M. H a d a s, A history of greek literature, 1950; AJPh., т. XXII, 1951, № 1, стр. 79.

² W. S c h m i d — O. S t ä l i n, Geschichte der griechischen Literatur, т. II, München, 1934 и т. IV, München, 1946.

ские комедиографы уподобляются, по его мнению, сикофантам, мстительным и завистливым. От аттических комиков нечего было ждать объективности, сетует он далее, они не были государственным людьми, хотя известная политическая направленность все же была им присуща: они ругают Перикла и его радикальных последователей и защищают Никия, Архептолема, Никострата, Лахета. Иными словами, уточняет Шмид, хотя партийности им приписывать ни в коем случае нельзя, они склоняются к олигархическому направлению, ярким выразителем которого явился автор псевдоксенофоновой «Афинской политики».

На протяжении всего указанного раздела Шмид не устает подчеркивать, что «важнее, чем исправление людей, важнее, чем *σπουδαῖα* и *χρηστά λέγειν*, было для комиков возбуждение смеха, любой ценой, даже ценой приличия и правды...» (стр. 23).

На тех же реакционных, идеалистических позициях стоит В. Кранц, которому принадлежит ряд исследований в области происхождения и формы древнеаттической комедии. Следуя Ницше, Кранц усматривает начало аттической комедии в дионисийском религиозном экстазе, «выходе человека из своего „я“ и превращении его в звероподобного демона плодородия»¹. Комедия Аристофана, по мнению Кранца, смеется «надо всем и всяким», независимо от его социальной принадлежности, человеческих качеств и т. д. Это — продолжение линии Зюсса.

Греческую литературу в целом и аттическую комедию в частности Кранц воспринимает как «царство формы». Это «царство» создавали «люди германского племени»; влияние «северных арийских племен», особенно дорийских, на историю человеческого духа, по мнению Кранца, трудно переоценить.

Подобная оценка древнеаттической комедии в современной реакционной буржуазной науке не способствовала, как легко понять, интересу к осмыслению ее социальной сущности. Единственным за последнее десятилетие трудом, пытающимся рассматривать комедию Аристофана в плане ее социальной проблематики, является книга В. Эренберга «The People of Aristophanes», вышедшая первым изданием в 1943 г. и переизданная с незначительными изменениями в 1951 г.

Обращение к исследованию социальных и культурных идей комедии Аристофана в годы второй мировой войны и после ее окончания явилось закономерной реакцией на всю ту мистическую путаницу, которой оплели творчество великого представителя драматического искусства древних демократических Афин фашиствующие ницшеанцы, мракобесы и формалисты, старавшиеся затемнить в нем все светлое и прогрессивное, все то, что действительно принадлежит высоким человеческим стремлениям: истинный патриотизм аристофановской комедии, борьбу за лучшие идеалы афинской демократии V века до н. э., неустанную борьбу за мир, против войны, которая, по мнению Аристофана, стояла на пути осуществления этих идеалов.

Основной задачей Эренберга является, как он указывает, «выяснение атмосферы», созданной социальными и экономическими условиями жизни (Аттики V века до н. э. — С. III.-Т.), и характеристика народа, жившего в этой атмосфере, во всем его разнообразии и единстве (стр. 7).

Комедия Аристофана является для Эренберга источником, а не целью исследования. Эренберг, давая общую характеристику древнеаттической комедии, материалом которой он собирается пользоваться, не придает почти никакого значения политической позиции Аристофана: «Я не рассматриваю комедийного поэта как выражителя определенных политических взглядов», говорит Эренберг во введении к книге и присоединяется к весьма распространенному в либерально-объективистских работах конца XIX начала XX в. взгляду, согласно которому комедийный поэт в силу «самых особенностей своего жанра вынужден стоять в оппозиции к правительству,

¹ W. K r a n z, Die Urform der attischen Komödie und Tragödie, Neue Jahrb. f. d. klass. Altertum, 1919, т. 43, стр. 116; он же, Geschichte der griechischen Literatur, Lpz., 1949, стр. 194—196.

что бы оно собой ни представляло. Эренбергу присущ идеалистический подход к истории: «Вопросы истории,— пишет он,— поскольку они касаются человеческого поведения, являются главным образом вопросами психологическими: этот аспект приобретает особо важное значение, когда мы пытаемся истолковать факты, известные нам только из скудной и фрагментарной традиции» (там же, стр. 6).

Поскольку комедия Аристофана служит для Эренберга историческим источником, он защищает ее право быть таковым и отвергает позицию «чистых» эстетов, например Гомма, считающего, что Аристофан был «не политиком, а драматургом, художником, в намерения которого входило давать образы..., а не проводить какую-либо политику»¹. Но, по мнению Эренберга, для исследователя социальных проблем аристофановской комедии не столь важен вопрос о том, насколько она была «серьезной» (т. е. в какой мере ей можно приписывать определенное мировоззрение, политическую платформу), как то, насколько она была реалистична.

Вопрос об адекватности отражения в комедии современной исторической действительности — один из первостепенных. Однако будет ли полно наше представление о реализме аристофановских образов, если мы не сможем отделить в них отражение объективной реальности от субъективного момента, вносимого автором, в данном конкретном случае — от его политических воззрений, влияние которых не могло не отразиться на его художественном методе? Особенно это важно, когда речь идет об авторе, которого из всей мировой литературы Энгельс выбрал как самый яркий образец (наряду с Эсхилом) тенденциозной, в хорошем смысле, поэзии.

Эренберг пытается занять промежуточную позицию между «чистыми» эстетами и теми, кто приписывает комедии дидактические цели, стремление быть политическим рупором своего времени; этот последний взгляд он считает по меньшей мере «диким преувеличением» (стр. 8); в действительности, он гораздо ближе, чем думает, стоит к защитникам «чистого искусства». По его мнению, Аристофан был только «провинциальным и любопытным наблюдателем жизни», но не боевым участником ее, имевшим какую-нибудь определенную политическую или «экономическую» точку зрения (стр. 11).

Исторический идеализм Эренберга ясно сказывается в том, что решающим фактором для определения эпохи последней четверти V — начала IV в. до н. э., отраженной в древнеаттической комедии, он считает гибель аттической трагедии и зарождение аттической философии. Это — гегелевская концепция истории развития поэзии и мысли, согласно которой на смену классическим формам искусства, для которых характерна адекватность идеи и чувственной формы, постепенно приходит искусство с сильно выраженным рациональным началом и рациональный же подход к нему.

Придерживаясь этой идеалистической схемы, не учитываяшей конкретных исторических периодов развития искусства, Эренберг не только делает ошибку в методе исторического исследования, но и искажает действительный ход развития античной мысли, так как древнегреческая философия начинается вовсе не с IV века до н. э. (правда, это век расцвета философии Аристотеля и Платона), но гораздо раньше, с начала VI века до н. э., давшего замечательные, хоть и дошедшие до нас в отрывках, творения философов-материалистов (Фалеса, Гераклита, Анаксимандра, Анаксимена), а также философскую систему Пифагора.

Небрежное отношение Эренберга к политическим проблемам аристофановской комедии — не случайно: Эренберг принципиально отделяет «политическое» от «социального», рассматривает афинскую политику V—IV веков до н. э. не как форму и проявление социально-экономических отношений, а как самодовлеющий фактор. Насколько аполитизм Эренберга может исказить правильную оценку древнеаттической комедии как исторического источника, выразительно свидетельствует то, что преимуществом новой аттической комедии в качестве источника для восстановления современ-

¹ A. W. G o m m e, *Aristophanes and Politics*, CR, LII (1938), стр. 97 сл.; о н же, *Athenian Studies presented to W. S. Ferguson*, «Harvard Studies», Suppl., 1940, стр. 212.

ной ей социальной жизни он считает наличие в ней «обобщенных, совершенно неполи- тических характеров» (стр. 41).

Анализируя социальную жизнь Атики V века до н. э. по комедиям Аристофана, Эренберг приходит к выводу, что основным конфликтом этой эпохи был конфликт между старшим и младшим поколениями, между тем значением, которое раньше и позже придавалось деньгам и собственности, а также между старыми и новыми методами обучения и воспитания. Рабство, по мнению Эренберга, не вносило существенных изменений в экономическое положение граждан, так как за исключением доли труда, выполняемой домашними рабами, оно не отнимало у свободных граждан слишком большой части работы (стр. 361); впрочем, государство и граждане, как выясняется далее (стр. 367), извлекали много выгоды из труда неграждан.

Что касается господствующего духа древнеаттической комедии, то это был, по мнению Эренберга, в ногу со временем, дух демагогии; Аристофана Эренберг, вместе со Шлегелем, определяет как величайшего демагога, «обольстителя» по преимуществу. Именно дух демагогии, вылившийся в тиранию, погубил, считает он, афинскую демократию V в. до н. э.

Афинская демократия V века до н. э. — это, по Эренбергу, власть «народа мелких должностных лиц и хитрых нищих», отличающихся экономическим эгоизмом, узостью взглядов и добродушной любовью к удовольствиям. Эти массы «мелких буржуа» не способны, считает он, создать ничего истинного и вечного как в политике, так и в области духовной жизни. Неудивительно, что такой народ легко впадал в фанатическое подчинение и злоупотреблял насилием. Крестьяне и ремесленники, торговцы и рабочие, пишет Эренберг, не могли поддерживать и продолжать традиции великого прошлого. Это дано только славному «творческому меньшинству», аристократии духа, высшему классу, имеющему превосходство в уровне жизни и интеллектуальном и моральном воспитании. «Никакая демократия, — заканчивает модернизаторским выводом свой труд Эренберг, — и никакое государство, что бы оно собой ни представляло, не может существовать, если правящий класс состоит из мелких буржуа, особенно, если этими людьми руководят при помощи обманчивой и демагогической пропаганды. Это так же верно для времени две тысячи лет назад, как и для наших дней».

С точки зрения такого скептического отношения к афинской демократии V века до н. э. и к ее глашатаю — Аристофану Эренберг расценивает и борьбу поэта за мир: по его мнению, главным в этой борьбе было стремление к удовлетворению мещанских идеалов спокойствия, восстановления рыночной торговли и иностранных податей. Эти стремления слишком материалистичны, недостаточно идеальны. «Только редко... мир рисуется в тонах божественного совершенства, — пишет Эренберг, — и то в этих случаях — как недостижимый». Цитируя эти рассуждения Эренберга, Бен Левин, автор юбилейной статьи об Аристофане, помещенной в американской рабочей газете «Worker» (21 марта 1954 г.), справедливо замечает, что взгляд Аристофана на мир представляется идеалисту Эренбергу чрезмерно «материалистичным».

Следует добавить, что напрасно путает Эренберг специфические средства аристофановского комедийного жанра — нарочитый «бытовизм», отталкивание от обыденного, «низменного» — с идейной сущностью комедии и идеалами ее автора. Тем меньше он имеет права на это смешение, что часто аристофановские сцены и хоровые партии, посвященные миру, исполнены истинного пафоса и лиризма. Аристофан прославляет мир не только как средство сытой жизни и наслаждений, но, в первую очередь, — как путь возврата к мирному земледельческому труду, к возделыванию пашни и виноградников.

Одним из немногочисленных современных авторов, защищающих, подобно Эренбергу, право аристофановской комедии на то, чтобы служить историческим источником, является Вернер Егер, которому принадлежит фундаментальный очерк развития древнегреческой культуры¹. Книга эта, вышедшая на немецком языке, дважды переведывалась в английском переводе (первое английское издание — в 1939 г.). В аннотации

¹ W. J a e g e r. Paideia. The ideals of greek Culture, тт. I—III, N. Y., 1943—1945.

на суперобложке рассматриваемого издания обращается внимание читателя на созвучие описываемого Егером упадка старых политических форм в Греции IV века до н. э. современному положению вещей.

Комедию Аристофана Егер рассматривает не только как полноценный исторический источник, но, и главным образом, как серьезный воспитательный фактор.

Однако значение комедии он расценивает с чисто идеалистических позиций. Подобно Эренбергу, он считает решающим фактором истории развитие культуры и идей.

Древнеаттическую комедию Егер выводит из «дионисийского пыла». Облагородилась она и стала мощным культурным фактором только под пером Аристофана и под влиянием трагедии. Древнеаттическая комедия, пишет Егер, приобрела настоящее значение, лишь выйдя на широкую политическую арену, но она была создана демократией как противостояние демократической свободе (!), в качестве общественного цензора (стр. 363—365), контролирующего воспитание, философию, поэзию и музыку. Возникает только вопрос — не слишком ли много официальных обязанностей, к тому же очень сложных, приняла бы на себя, таким образом, комедия?

Причину преследования Аристофаном Клеона Егер определяет совершенно в духе своей «культурнической» концепции: оказывается, комедиографов более всего возмущала вульгарность, «варваризм» Клеона, особенно чувствительные после благородства и интеллигентности Перикла (стр. 366). Именно этот «варваризм», эта «грубость» явились, по мнению Егера, для Аристофана знаменем упадка Афин и сделали его принципиальным противником Клеона. Аристофан вряд ли имел намерение поддерживать какую бы то ни было политическую партию, но он мог уничтожить напряженность и нейтрализовать невыносимое засилье грубых врагов интеллекта (стр. 367).

Так же как и у Эренберга, мы встречаем у Егера модернизаторскую концовку — интерес к творчеству Аристофана в Германии в последние десятилетия обусловлен, по его мнению, сходством политических проблем, выдвигаемых этими десятилетиями, с политическими противоречиями аристофановских Афин: полярная противоположность между индивидуумом и обществом, толпой и носителями интеллекта, бедными и богатыми, свободой и насилием, традицией и прогрессом. Эти противоречия, по мнению Егера, — вечные (стр. 369).

Намек на то, что комедия Аристофана может служить историческим источником, мы встречаем в книге Аткинса¹. Аткинс указывает, что Аристофан не был просто путешником: его литературная критика являлась частью более обширной критики современной ему жизни (стр. 23, 32). Но этим кратким указанием он и ограничивается.

В одной из последних вышедших на Западе общих работ по истории греческой литературы, в книге профессора Кейптаунского университета Болдри², предназначенной для широкого круга читателей, отмечается, что древнеаттическая комедия зародилась в народных низах, главным образом крестьянских (стр. 199). Только Афины V века до н. э. могли создать условия, в которых это молодое растение — народная комедия — могло развиваться и процветать. Представления комедий в V в. до н. э. знаменовали собой, по мнению Болдри, полное единство актеров и зрителей, единство афинского гражданства: комедиографам и актерам не нужно было ломать никаких барьеров (стр. 201). Здесь Болдри, следующий в этом за Эренбергом, впадает в противоречие: в самом деле, как совместить это с его утверждением, что «симпатии Аристофана, подобно Софоклу, принадлежат старой аристократии..., консерватизм которой противопоставляется эксцессам демократии и ее вождям после смерти Перикла. У Аристофана... восхищение прошлым идет об руку с осуждением современных „демагогов“; его симпатия к древним благородным фамилиям близка к поддержке новой олигархии с ее квазиаристократическими претензиями» (стр. 205). Говения, которым подвергалась комедия Аристофана, Болдри объясняет как результат страха народа перед олигархическим переворотом.

Последние годы за рубежом чрезвычайно бедны исследованиями о древне-аттиче-

¹ I. W. H. A t k i n s, The literary criticism in antiquity², Methuen, 1952.

² H. C. B a l d r y, Greek literature for the modern reader, Cambridge, 1951..

ской комедии. Из специальных работ, вышедших за последнее десятилетие, следует назвать еще книгу Гертера, освещающую вопросы происхождения аттической комедии¹. Гертер попрежнему тесно связывает ее истоки с религиозным культом, правда не дорийским, а местным, аттическим, как это еще до него было сделано Ф. М. Корнфордом.

В 1954 году в связи с аристофановским юбилеем в зарубежной периодической литературе появилось несколько статей, освещающих частные вопросы истории древнеаттической комедии и творчества Аристофана. Некоторые из них носят чисто филологический характер — таковы две небольшие статьи по критике отдельных мест текста аристофановских комедий² и статья Ж. Моро³, восстанавливающая содержание комедии Аристофана «τῶρα», известной лишь по фрагментам. Другие вращаются в круге прежних идеалистических взглядов: доказывается зависимость комедийной «техники» Аристофана от дорийской комедии⁴; проблема образа Сократа, на протяжении веков привлекавшая внимание исследователей как с точки зрения исторической правды, так и с точки зрения художественного метода аристофановской комедии, решается у Г. Эрбсе⁵ в плане теории «чистого искусства»: не только вопрос об исторической достоверности образа играет, по мнению автора, «вполне подчиненную роль», но и вопрос о трактовке образа у Аристофана сводится к общим рассуждениям о «творческой поэтической силе», как некоем таинственном «медиауме», стоящем между исторической правдой и созданием поэта. Типичный образчик лишнего историзма разбора поэтического произведения представляет собою статья Е. М. Блэклока⁶. Автор проводит аналогию между настроением афинян в 414 г. до н. э., перед сицилийской экспедицией, и настроением англичан осенью 1940 года. Сущность этих настроений он определяет как извечно присущее сознательному индивидууму стремление к бегству от цивилизации, от общества, в заоблачные «птичьи» выси. Аристофан предстает в этой интерпретации как поборник антиурбанистических тенденций, предшественник всевозможных «эскапад». Типично декадентская по своему настроению статья эта выразительно свидетельствует о том тупике, в который зашло буржуазное литературоведение.

Отрадно, однако, что можно указать статьи, в которых делаются попытки выйти совсем на иной путь. Поль Моро пишет, что социальными причинами появления утопических планов переустройства государственного управления в Афинах конца V — начала IV вв. до н. э. явилось стремление руководящих государственных кругов затемнить сознание нищих и голодающих масс радужными обманчивыми картинами благополучного будущего⁷. Аристофан, по мнению Моро, выступает в качестве критика и борца против этих заблуждений. В статье В. Беера дана полемика с теми чересчур рьяными сторонниками теории происхождения древнеаттической комедии из магического ритуала плодородия, которые утверждают, что непременным атрибутом костюмов актеров аристофановской комедии был фалл⁸. Основная мысль Беера, правда,

¹ H. Herter, Vom dionysischen Tanz zum komischen Spiel, Iserlohn, 1947.

² C. Prato, Revisioni sul testo di Aristophane, «La parola del passato», № 35 (1954); R. G. Usher, On Aristophanes Frogs, 954 ff., «Hermathena», № 85 (1955).

³ J. Moreau, Sur les «Saisons» d'Aristophane, «La Nouvelle Clio», т. VI, № 5—6, 1954.

⁴ A. Plebe, L'impiego comico della *δῆλονα* nella *Lysistrata* e nelle *Ecclesiazuse* e le sue origine nella commedia dorica, «Dioniso», т. XVII (1954), ч. 1—2.

⁵ H. Erbsе, Sokrates im Schatten der aristophanischen Wolken, «Hermes», т. 83, № 4.

⁶ E. M. Blacklock, Walking away from the news. An autobiographical interpretation of Aristophanes Birds, «Greece and Rome», т. I, № 3, 1954.

⁷ Paul Moraux, Trois vers d'Aristophane. Assemblée des Femmes, 201—203, Annuaire de l'inst. de philol. et d'hist. orient. et slaves, XII, 1952.

⁸ W. Veer, The costume of the actors in Aristophanic comedy, «Classical quarterly», XVIII, № 1—2.

не нова, так как подобная же полемика с успехом была проведена еще в конце прошлого века, у самой колыбели «демонических теорий», русским ученым Ф. Ф. Зелинским (см. «Quaestiones comicae», ЖМНП, 1886, кн. 11—12, стр. 80—86). Особенно следует отметить статью прогрессивного ученого-антиковеда Андре Боннара¹. Боннар указывает, что пафосом творчества Аристофана была любовь к мирному сельскому труду и ненависть к войне: «ненависть к разрушительной войне, страстная любовь к мирному крестьянскому быту — вот весь Аристофан или, по крайней мере, душа и сердце его поэзии».

С. Я. Шейнман-Гопштейн

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ ГРЕЦИИ И РИМА

Большой интерес представляет издание Мерля памятников (иногда иллюстрируемых в тексте) и надписей, относящихся к культу Юпитера Долихена²; в отдельных случаях в комментарии автор дает свои наблюдения и соображения по истории культов в Римской империи вообще. Это издание является своего рода корпусом по истории культа Юпитера Долихена.

На основании изучения атрибутов Юпитера Долихена автор устанавливает отличительные и характерные черты этого культа.

Памятники сгруппированы по следующим рубрикам: памятники известного и установленного происхождения, затем распределенные согласно тем провинциям, где они были найдены; памятники неизвестного происхождения; памятники, относящиеся к культу Юпитера Долихена лишь предположительно; наконец памятники, ранее ошибочно относимые к рассматриваемому культу. В приложении приведены изображения памятников, которые стали автору доступны уже после подготовки его книги к печати; также включены памятники, хотя и не относящиеся непосредственно к культу Юпитера Долихена, но содействующие, по мнению автора, пониманию его развития; имеется также интересная карта распространения в Римской империи этого культа и 40 таблиц с изображением самих памятников. Книга содержит большой материал для изучения процесса проникновения в Римскую империю восточных культов и их синкретизма с греко-римскими.

Важным историческим источником по экономической и социальной истории Северной Африки вавдальской эпохи (конец V в. н. э.) являются открытые в 1928 г. в Тунисе «Таблички Альбертини»³. Они представляют собой 34 документа, написанных чернилами при помощи *salmas* на дереве. Интересные в палеографическом и лингвистическом отношении, эти таблички чрезвычайно важны по своему содержанию. Тексту табличек предшествует обширное введение, в котором сообщаются сведения об открытии и характере документов, об их палеографии и языке (гл. I и II). Глава III введения посвящена проблемам права этого времени. Наконец, в последней главе введения (гл. IV) «Люди и вещи» на основании данных табличек рассматриваются вопросы социально-экономической жизни Африки V века н. э. Отмечены также некоторые политические события, имевшие место в африканских провинциях этой эпохи.

¹ André B o n n a r d, Aristophane et la paix («Europe», № 104—105).

² P. M e r l a t, Répertoire des inscriptions et monuments figurés du culte de Jupiter Dolichenus, Rennes, 1951.

³ Tablettes Albertini, Actes privés de l'époque vandale (fin du V siècle) édités et commentés par Ch. C o u r t o i s, L. L e c h i, Ch. P e r r a t, Ch. S a u m a g n e, P., 1952.

Таблички Альбертини — ценнейший памятник аграрной истории, отражающий судьбы мелкого землевладения в Африке V в., процессы разорения *cultores* и образования крупных земельных владений.

Вышла первая часть III тома собрания греческих и латинских надписей Сирии, (т. I — № 1 — 256; т. II — № 257 — 698)¹. Первая часть III тома содержит надписи, найденные на западном склоне Амана (№ 699—734), на восточном склоне Амана (№ 735 — 749), в Антиохии на Оронте (№ 750—875), и надписи, которые относятся к Антиохии или ее окрестностям, но происхождение которых не удается определить, а также эпитафия (№ 886—988). Надписи снабжены комментариями. Особенно интересен комментарий к известной надписи из Rhosos (№ 718) с подробной библиографией, в которой, однако, отсутствуют работы на русском языке (например, Н. А. М а ш к и н, Из истории римского гражданства, ИАН СССР, СИФ, 1945, № 5; о н ж е, Принципат Августа, М.—Л., 1949, стр. 284 сл.).

Исследованию интересного памятника риторики II века н. э. — речи Элия Аристида «Εἰς Ρώμην» посвящена работа Ф. Оливера². Автор дает текст речи, перевод и комментарий. Ф. Оливер видит в этом произведении своего рода «противоядие» Тациту с его пессимистической оценкой принципата. Речь Аристида — драгоценный документ II века, и именно того периода, от которого дошли до нас сравнительно скудные литературные свидетельства (от вступления на престол Адриана до смерти Марка Аврелия). Она знакомит нас со взглядами на империю представителя образованной части населения греческих городов.

Автор ставит вопрос о литературных связях Аристида. Не отвергая высказанных в науке соображений относительно влияния на Аристида Исократ и Демосфена, он в особенности настаивает на зависимости автора «Εἰς Ρώμην» от Платона (диалог «Тимей» и другие сочинения), а также на влиянии на Аристида эллинистической традиции. Речь Аристида, по его мнению, представляет собой не обычную похвальную речь городу, не историческое произведение, но своего рода космологический и похвальный гимн в честь идеального государства, каким ему представлялась Римская империя II века н. э. Любопытны соображения Оливера относительно взгляда Аристида на Рим и уподобления Рима Эросу в связи с «тайным» имением города (Roma — Αμορ). Несколько упрощенно автор исследует вопрос о том, что может быть использовано в речи (стр. 887 сл.) и чему не приходится доверять (стр. 889 сл.).

Не лишена исторического интереса довольно узкая по содержанию работа Г. Смита³. Работа посвящена изучению загадочного, по признанию самого автора, и, возможно, фальшивого «денария Цинны» (Cinna Denarius) из коллекции проф. Н. Moise. Эта монета принадлежит эпохе Августа (?); на аверсе она имеет изображение головы с орлиным носом и свирепым выражением лица, с легендой «L. Cinna IIII cos.»; на реверсе изображен храм Марса Мстителя с легендой Marti Ultori.

Тщательно сопоставляя литературные данные, автор связывает, казалось бы, очень специальный вопрос о подлинности этой монеты с интересными историческими и нумизматическими вопросами, а именно с известиями Сенеки (De Clementia, I,9) и Дрона Кассия (LV, 14—22) об измене Цинны, впрочем помилованного Августом, а также с вопросами чеканки монет вообще в период правления Августа. Г. Смит критикует при этом распространенную теорию о якобы установившейся с 11 г. н. э. монетной монополии Лугудуна.

¹ Institut Français d'Archéologie de Beyrouth, Bibliothèque archéologique et historique, т. XLVI: L. J a l a b e r t et R. M o u t e r d e, Inscriptions grecques et latines de la Syrie, т. III, ч. 1, Région de l'Amanus, Antioche, № 699—988. P., 1950.

² F. O l i v e r, The ruling power, a study of the Roman Empire in the 2 century through the Roman oration of Aelius Aristids, Philadelphia, 1953.

³ H. S m i t h, Problem historical and numismatic in the reign of Augustus (University of California. Publications in Classical archaeology, II, № 4, стр. 133—230)

В источниковедческом исследовании о времени возникновения НА¹ Г. Стерн подверг сомнению принятое большинством исследователей положение, что биография Септимия Севера в НА (*Vita Sev.*, 17, 5 — 19,4) непосредственно зависит от «*De Caesaribus*» Аврелия Виктора (*De Caes.*, XX, 1 — 31). Сходство между обоими произведениями должно быть объяснено, по мнению Стерна, тем, что они оба восходят к одному общему источнику, поэтому 360 — 361 гг. еще не определяют грани, ранее которой не могла появиться НА.

Следуя Н. Бейнсу², Стерн также утверждает, что НА вовсе не историческое, но риторическое и пропагандистское сочинение. Историческая форма была для авторов (Стерн склонен признать нескольких авторов, хотя среди них один, может быть, Вописк, играл руководящую роль) лишь средством без риска высказать свои мысли. По его мнению, поскольку НА содержит панегирик династии Константина, она не могла появиться после конца правления этой династии, т. е. НА могла быть написана в период от 337 до 361 г. На основании ряда соображений Стерн полагает, что НА была написана между 352 и 354 гг. для императора Констанция II после его победы над Магненцием. Ее авторы стремились убедить императора в необходимости более мягкого обращения с римской аристократией — сторонниками узурпатора, для чего они и изложили экономические и политические чаяния сенаторской партии. Стерн считает даже возможным полагать, что НА в известной мере определила политику Констанция II после 353 г. Характер и цель НА объясняет и другие особенности этого произведения: идеал «добротого» правителя, просенаторскую и религиозную («языческую») тенденцию. Работа содержит много интересных наблюдений, хотя автор, увлеченный своей идеей, несколько односторонне освещает материал.

Этой же проблеме посвящено небольшое исследование Е. Холья³. Работа состоит из двух небольших глав: I — общей части и II, посвященной специальному вопросу о том, может ли быть использована как исторический источник *Vita Aelii*. На ряде убедительных примеров автор показывает, как осторожно следует подходить к известиям НА, которая, по его мнению, — как бы ни решать вопрос об авторах (был ли один автор или несколько), — является мистификацией. Е. Холья приводит яркие образцы вымыслов (начиная с имен отца и матери императора Максимиана), исторических фикций («Тридцать тиранов»), псевдодокументов, ссылок на вымышленных авторов (*Cordus*, *Theocleus* и др.) и пр. Приводимые им примеры, как считает Е. Холья, лишь немногие образцы «творчества» составителей НА. Автор прав, высказывая пожелание относительно появления подробного систематического комментария к этому произведению. Во второй части Холья, в связи с мнением Каркопино о существовании династической преемственности в Римской империи II века н. э.⁴, рассматривает вопрос о достоверности *Vita Aelii* и приходит к выводу, что это жизнеописание принадлежит к наихудшим частям НА и не заслуживает никакого доверия.

Следует отметить также сборник статей М. Олло, известного французского эпиграфиста и историка по вопросам политики Рима на эллинистическом Востоке и истории эллинистических государств в конце III в. до н. э.⁵ В сборник включены следующие статьи: «Дата первой войны римлян с Иллирией», «Римская политика в Греции и на

¹ H. Stern, *Date et destinataire de l'Histoire Auguste*, P., 1953 (Collection d'études latines publiée par la Société des études latines sous la direction de J. Marouzeau, série scientifique, XXVII), 108 стр.

² N. Baines, *The Historia Augusta, its date and its purpose*, L., 1926.

³ E. Hohl, *Über die Glaubwürdigkeit der Historia Augusta*, B., 1953 (Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Gesellschaftswissenschaften, 1953, № 2).

⁴ Carcopino, *L'hérédité dynastique chez les Antonins*, «Revue des Études anciennes», LI (1949).

⁵ M. Holleaux, *Études d'épigraphie et d'histoire grecques*, т. IV. Rome, la Macédoine et l'Orient grec, ч. 1, P., 1952, 348 стр.

эллинистическом Востоке», «Ответ Th. Walek», «Римляне в Иллирии», «Два Персея», «Экспедиция Дикеарха на Киклады и в Геллеспонт», «Три декрета Родоса», «О „критской войне“» (Κρητικός πόλεμος), «Заметки о декретах городов Крита, относящихся к ἀσυλία Теоса», «Заметки о декретах, найденных в святилище Зевса Панамароса», «Экспедиция Филиппа V в Азию», «Избрание в консулы П. Сульпиция».

В этих работах обосновываются, развиваются или дополняются основные положения М. Олло о политике Рима на эллинистическом Востоке, высказанные им в его труде «Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques», Р., 1921. Интересно отметить не издававшееся до сих пор, хотя и написанное ранее, «Заключение» к статье «Экспедиция Филиппа V в Азию». В этом «Заключении» автор доказывает, что общепринятое мнение о завоевании Филиппом греческих городов в Малой Азии, находившихся под властью Египта, является неправильным. Согласно М. Олло, Филипп шадил египетские владения в Малой Азии и, хотя он временно занимал некоторые из городов, не присоединял их к своим владениям. Хотя общие взгляды М. Олло на римскую политику непримемлемы, статья сборника представляют научный интерес, как образцы глубокого и всестороннего анализа литературных и эпиграфических источников.

Интересно исследование Е. Демужо, посвященное позднему периоду Римской империи — времени ее разделения на Западную и Восточную¹. В отличие от исследований Тильмона, Э. Гиббона, О. Зеека, Е. Штейна, Демужо ставит своей задачей проследить детально переход от «единства к разделению». По его мнению, *partitio imperii* 395 г. являлось фиктивным. Лишь в 410 г. это разделение стало действительным. Автор и пытается ответить на вопрос о том, как произошло это разделение на Восток и Запад и каковы были его причины.

Книга делится на три неравные части: I — «Имперское единство в 395 г.», II — самая обширная (стр. 91—489) — «События и люди между 395 и 410 гг.» и III — заключительная — «Главные аспекты раздела империи после 410 г.». Демужо полагает, что в 395 г. дифференциация обеих частей империи — Запада и Востока, несмотря на тревожное социальное положение, была еще завуалирована общим благосостоянием (*prosperité*). Империя располагала огромными ресурсами; даже крестьяне еще пользовались благополучием. В религиозной области кризис уже принял определенные очертания, и императоры уже с 395 г. должны были проводить различную религиозную политику на Западе и Востоке. Все же в 395 г. угроза единству империи была скорее в потенции, чем в действительности.

Вторая часть работы представляет собой подробную политическую историю периода со смерти Феодосия I (гл. I) до 410 г. Автор подробно излагает начало борьбы между Востоком и Западом (гл. II), политику Стихихона (гл. III), вторжения варваров в западные области (гл. IV), наконец падение Рима (гл. V). Экономическая и социальная история Империи как в этом разделе, так и в других затрагивается очень бегло (ср., например, упоминание о «социальных силах» на стр. 219 и пр.). Из истории идеологии рассматриваются лишь «религиозные распри на Востоке» (ч. 2, гл. II, 4).

В третьей части речь идет об ослаблении имперского правительства на Западе и упадке Западной империи. Вторжения варваров, по мнению автора, были не причиной, а лишь поводом крушения Западной римской империи, но в силу того, что в основном он ограничивается историей политического развития, сделать это положение вполне убедительным Демужо не удалось.

М. К. Трофимова

¹ E. De mougeot, De l'unité à la division de l'Empire Romain 395—410, essai sur le gouvernement impérial, Р., 1951.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

B. H. WARMINGTON, The North African Provinces from Diocletian to the Vandal Conquest, Cambridge University Press, 1954. C. COURTOIS, Les Vandales et l'Afrique, Arts et métiers graphiques, Paris, 1955

Книга Уормингтона «Провинции Северной Африки от Диоклетиана до вандалского завоевания» посвящена мало изученному периоду в истории Римской Африки. Насколько мне известно, работа английского историка является первой попыткой монографического исследования политической и социально-экономической истории африканских провинций поздней Римской империи. Уже одно это обстоятельство предопределяет ее интерес для исследователя римского общества этого времени.

Уормингтон не только уделяет значительное внимание фактам военно-политической истории, но и пытается воссоздать картину общественных отношений африканских провинций. Это выгодно отличает его книгу от многих буржуазных исследований по истории Римской Африки. Значительный интерес в книге представляет раздел, посвященный истории африканских городов. В специальной литературе утвердилось представление о полном упадке городской жизни в Римской Африке в период поздней империи. Детальное исследование африканской эпиграфики, проведенное Уормингтоном, позволило ему отказаться от этого вывода. Автор показывает, что в IV в. в городах в значительных размерах осуществлялось строительство общественных зданий, воздвигалось много посвященных надписей. Уормингтон правильно, на мой взгляд, связывает известный подъем городской жизни в Африке после кризиса III в. с политикой позднеримского государства, направленной на сохранение сословия куриалов и городской организации. Представляет интерес наблюдение автора, что рост числа городских надписей в период правления Юлиана и Валентиниана I объясняется мерами, предпринятыми этими императорами по восстановлению городам части их доходов (стр. 52 сл.). Уормингтон опровергает распространенное мнение об упадке городов в IV—V вв. вследствие якобы губительной для них политики императорской власти в период поздней империи¹. Вместе с тем, не учитывая заинтересованности римского государства в сохранении городской организации как эффективного средства взимания налогов, автор оказывается не в состоянии дать объяснение благоприятным для куриалов мероприятиям римских императоров. Политику Валентиниана он склонен объяснить, например, личными качествами этого императора, подчеркивая в заключении своей работы, что подтверждение величия Валентиниана является окончательным выводом всей его книги (стр. 113).

Обстоятельное исследование положения африканских городов в IV—V вв., фактически впервые проведенное Уормингтоном, составляет бесспорное достоинство его работы. Однако автор не избег поверхностного подхода к изучению истории римских городов. Уормингтон подвергает анализу лишь внешние признаки подъема или упадка городской жизни (критерием здесь часто служит количество посвященных и строительных надписей, происходящих из североафриканских городов), почти не останавливаясь на анализе внутренних социальных отношений в городах. Между тем покровительственные мероприятия римского правительства оказывали благоприятное влияние лишь на положение привилегированной городской верхушки, основная же масса куриалов разорялась под бременем чрезвычайно раздутых налогов поздней империи. В этом отношении показателен декрет 337 г. (СГй, XII, 5, 2), который, кстати, автор не учитывает, о предоставлении верхушке городской знати освобождения от анноны, в то время как рядовые куриалы были ответственны за поставку анноны. Уормингтон почти оставляет без внимания также те источники средств, из которых оплачивалось строительство в городах, хотя рассмотрение этого вопроса позволило бы автору

¹ «An economic survey of Ancient Rome», ed. by T. Frank, Baltimore, 1938, т. IV, стр. 119.

дать более четкую картину резкой имущественной и социальной дифференциации в среде самих куриалов поздней Римской Африки. Вызывает удивление то обстоятельство, что автор совершенно не использовал данных триполитанских надписей, которые дают ценный материал именно для характеристики внутренней жизни в городах в IV веке.

Всестороннее освещение положения городов в поздней Римской Африке, так же как и в любой другой провинции, возможно лишь в результате анализа тех процессов социально-экономического развития, которые обрекали на гибель муниципальный строй и городское землевладение, чем автор совершенно пренебрег и что значительно снижает ценность его исследования по истории африканских городов.

В главе, посвященной аграрным отношениям, Уормингтон характеризует Африку как страну крупных частновладельческих имений, кратко останавливается на распространении колоната и росте влияния могущественных земельных магнатов. Значительно больший интерес представляет глава, посвященная донатизму — массовому религиозному движению в Африке IV—V вв. Заслугой Уормингтона является попытка выяснить социальный состав донатистов, определить место донатизма в общественной жизни Северной Африки. Уормингтон вполне правильно считает что основную социальную базу донатизма составляли колонны частных и императорских имений. Автор отмечает участие в донатистском движении некоторой части господствующего класса. Эксплуатируемые слои населения привлекала к донатизму его враждебность связанной с римским государством католической церкви. Из данных, приводимых Уормингтоном, следует, что к донатизму примыкали наиболее оппозиционные римской власти слои населения. Однако, в противоречие с собственным анализом социального состава донатистов, Уормингтон отрицает какую-либо социально-политическую направленность этого движения (стр. 91 сл.). Он не учитывает также политической позиции донатистской церкви, поддержки ею сепаратистских движений Фирма и Гильдона, ее борьбы против вмешательства государства в церковные дела. Не понимая природы религиозной ереси как опосредствованной формы выражения определенных классовых интересов, Уормингтон вместе с тем вообще отрицает факт борьбы широких масс африканского населения против римского государства. По его мнению, «не было сколько-нибудь глубоких антиримских настроений среди туземного населения», «доказательства доброжелательства к варварским вторжениям со стороны крестьянства вообще отсутствуют в Африке» (стр. 99—101). Последнее утверждение не обосновано. Можно сослаться на прямое указание Сальвиана Марсельского (*De губ. Dei*, VII, 21) о жестокости варварского вторжения для низов африканского населения, а также на данные Аммиана Марцеллина о восстании Фирма (XXIX, 5).

В противоречии с данными источников характеризует Уормингтон массовые движения под руководством секты агонистиков. По его словам, в произведениях Августина мы находим данные только о насилиях агонистиков над католическим духовенством (стр. 86). Это заключение выглядит по меньшей мере удивительным. Вряд ли Уормингтон может не знать о двух письмах Августина (108 и 185), где имеются сведения относительно социальных и аграрных мероприятий агонистиков.

В оценке деятельности агонистиков автор находится под большим влиянием концепции Сомая, хотя имя этого историка ни разу не упоминается в его работе. В полном согласии с Соманем и в противоречии с данными источников Уормингтон отрицает связи агонистиков с колонатами и рабами и характеризует их как особый класс населения — свободных сельскохозяйственных рабочих (стр. 87). В свое время Н. А. Машкин убедительно показал ненаучный, чисто спекулятивный характер выводов Сомая¹.

Не видит Уормингтон и противоречий в среде господствующего класса. Он крайне поверхностно характеризует антиимперские движения IV—V вв., даже не пытаясь скрыть их социальную сущность. Так, восстания Фирма и Гильдона он оценивает

¹ Н. А. М а ш к и н, Агонистики, или циркумцелионы в кодексе Феодосия, ВДИ, 1938, № 1, стр. 82 слл.

только как «национальные» выступления берберов, не учитывая роли в этих восстаниях римских и романизированных слоев населения (стр. 10—11). Чисто фактографически, без какой-либо оценки дается описание восстания Бонифация (стр. 13—14).

Все это не позволяет автору дать самостоятельное решение важного исторического вопроса о причинах ослабления римской власти в Африке, подготовивших ее легкое завоевание вандалами. Уормингтон пишет о «неодолимы трудностях», с которыми столкнулись в Африке римские императоры конца IV — начала V в. (ст. 113), но не пытается дать сколько-нибудь обстоятельный анализ этих трудностей. К числу недостатков рецензируемой работы следует отнести также недостаточное внимание автора к истории берберийских племен, населявших периферию африканских провинций. Уормингтон характеризует эти племена лишь как пассивный объект римской цивилизации, отказываясь от изучения их внутреннего социально-экономического развития (стр. 74—75).

Подводя итог разбору работы Уормингтона, следует еще раз подчеркнуть, что она содержит немало интересных наблюдений по отдельным конкретным вопросам (кроме указанных выше моментов, это относится к разделам, посвященным военной организации и границам африканских провинций). Достоинства рецензируемой книги во многом объясняются большим интересом автора к проблемам социально-экономической истории, чем это обычно имеет место в буржуазной историографии. В то же время недостаточное внимание к объективным процессам общественного развития помешало автору дать правильное освещение основных вопросов истории поздней Римской Африки.

Книга Христиана Куртуа «Вандалы и Африка», охватывающая период завоевания Северной Африки вандалами и берберийскими племенами, может рассматриваться как непосредственное продолжение работы Уормингтона. Работа известного французского историка представляет собой более полное и фундаментальное исследование истории Африки этого периода по сравнению с ранее изданными монографиями Мартруа и Шмидта. В ней использованы новейшие эпиграфические и археологические данные, в специальном приложении собраны африканские надписи, относящиеся к вандальскому времени. Книга Куртуа вызывает также интерес своей проблематикой. По словам автора, он ставил своей целью понять, «в какой мере германское вторжение могло изменить ритм африканской истории» (стр. 7—8). Таким образом, Куртуа видит задачу своей работы в изучении того влияния, которое оказало вандальское завоевание на историю Северной Африки. Насколько нам известно, эта интересная проблема до сих пор не ставилась в буржуазной историографии.

Достоинством работы Куртуа является также большое внимание, уделяемое автором роли коренного населения Северной Африки — берберийских племен. В отличие от Мартруа и Шмидта, рассматривавших историю Африки после вандальского завоевания только как историю Вандальского королевства, Куртуа придает большое значение процессу активизации берберов и завоеванию ими ряда районов бывшей Римской Африки. В этой связи он исследует мало изученный вопрос о территориях, захваченных берберами в результате завоевания, и приходит к выводу, что с середины V в. берберы занимали значительно большую область, чем считалось до настоящего времени (стр. 180 сл.). В целом заключение Куртуа о том, что берберийские племена захватили в V в. всю Мавретанию и большую часть Нумидии, представляется верным, однако является спорным его утверждение, что уже при первом вандальском короле Гейзерихе — в 455 г. они завладели всей этой территорией. Последний вывод трудно совместить с наличием вандальских гарнизонов в Мавретании, а также с тем фактом, что в правление Гейзериха не было войн между вандалами и берберами.

Куртуа собрал и подверг тщательному анализу разрозненные данные источников по истории берберийских государств V—VI веков. Значительный интерес представляют его выводы о географическом размещении и времени существования этих государств (стр. 333 сл.). Расширение берберийской экспансии на бывшую римскую территорию Куртуа считает важнейшим последствием вандальского завоевания.

Наряду с этим в книге собран интересный материал, характеризующий один из существенных социально-экономических результатов вандалского завоевания — упадок римских городов. При этом автор справедливо отмечает, что завоевание лишь ускорило и облегчило те процессы, которые были характерны уже для поздней Римской империи (стр. 313 сл.). Общим итогом вторжения вандалов и падения власти Римской империи явилась, по Куртуа, «дероманизация» Африки.

Учитывая характер проблематики работы, сформулированный самим автором во вступительной части, читатель вправе ожидать всестороннего раскрытия автором этого процесса, исследования тех изменений в социально-экономическом и политическом строе африканских провинций, которые были связаны с разрушением римских политических и общественных институтов. Однако «римскую традицию» Куртуа сводит, главным образом, к явлениям историко-культурного порядка, таким, как городская жизнь, латынь и христианство. Суть «дероманизации» заключалась, по его мнению, в вытеснении римской цивилизации «племенными традициями» берберов и связанной с ними «дикостью» (стр. 326 и 359). Результаты берберийского завоевания Римской Африки Куртуа сравнивает с захватом дикой природой территории, оставленной людьми, и оценивает его как «драму Африки». Спасти римскую цивилизацию от берберов можно было, по Куртуа, только путем слияния «римского и германского миров». Такой союз римлян и вандалов оказался невозможным из-за враждебного отношения католической церкви к еретикам-вандалам (стр. 351—352).

Таким образом, научный анализ процессов общественного развития, связанных с варварским завоеванием, Куртуа подменяет примитивными рассуждениями о борьбе «цивилизации» и «дикости». Не пытаясь выяснить черты общественного развития берберийских племен, Куртуа считает, что они сохраняли неизменные «племенные традиции». Между тем в V в. берберийские племена переживали разложение родоплеменного строя, у многих из них к этому времени выделилась могущественная земельная аристократия.

Раздел работы, посвященный внутренней истории Вандалского королевства, не вносит ничего нового в изучение общественного развития Северной Африки. Подобно другим буржуазным исследователям, автор не видит сколько-нибудь существенных различий между общественными отношениями поздней Римской империи и социально-экономическим строем варварского государства. Хотя Куртуа признает, что вандалское завоевание внесло некоторые улучшения в положение сельского населения, общие условия в деревне оставались, по его мнению, теми же, что во времена Римской империи (стр. 312, 313). В этой связи вызывает возражение то толкование, которое дает Куртуа недавно опубликованным аграрным документам конца V в. — так называемым «Таблицам Альбертини»¹. Вместо детального разбора данных этих таблиц, свидетельствующих о развитии прежних колонских держаний в свободное крестьянское землевладение, Куртуа ограничивается указанием на архаический характер фиксируемых в них актов продажи земли. Неизменность юридической формы этих актов доказывает, по мысли Куртуа, неизменность аграрных отношений в африканской деревне. Последнее заключение явно противоречит конкретному содержанию «Таблиц», в которых в качестве продавцов земли выступают прежние римские колонны. Укрепление мелкого крестьянского землевладения явилось одним из важнейших последствий вандалского завоевания — такой вывод напрашивается при сравнении отношений, отраженных в документах Альбертини, с римским колонатом. К этому выводу Куртуа мешает прийти его схематичный, формально-юридический подход к источнику.

Подобно Соманю и Уормингтону, Куртуа пытается принизить значение классовых выступлений эксплуатируемых слоев населения. По его мнению, низы городского и сельского населения Африки не могли создать революционную силу, поскольку ее существование в тот момент истории было невозможным (стр. 145).

Ссылаясь на одну из статей Н. А. Машкина по этому вопросу², Куртуа отмечает,

¹ *Tablettes Albertini, actes privés de l'époque vandale*, P., 1952.

² «К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке», ВДИ, 1949, № 4.

что не знаком с ней, но тем не менее считает возможным утверждать, что уже само заглавие статьи свидетельствует о несоответствии выводов автора фактам. Подобные приемы полемики не нуждаются в комментариях. В этом случае следует отметить, что классовая борьба в Северной Африке является одним из наиболее фальсифицированных в современной буржуазной историографии моментов римской истории. Это ставит перед советскими исследователями задачу дальнейшей разработки вопросов, связанных с движением агонистиков.

В целом книга Куртуа может служить полезным пособием при изучении фактической стороны истории Северной Африки в V веке.

Г. Г. Диллигенский

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

САКИ ПАМИРА

Археологические памятники Памира еще очень слабо изучены. Наиболее полные сводки данных письменных источников принадлежат русским ученым — И. Минаеву¹ и Н. Аристову². Археологические обследования Памира О. Олуфсена³ и А. Стайна⁴ познакомили науку с отдельными крепостями Западного Памира, преимущественно по Вахану (Ка'ахка, Замр-аташ-и-параст и др.). На Восточном Памире и даже в Алае А. Стайн не усмотрел памятников древности и поспешил сделать заключение о необитаемости этой территории в далеком прошлом. Крайне противоположной точки зрения придерживался Э. Герцфельд, который на карте к одной из своих работ отнес «страну Давань», т. е. древнюю Фергану, с ее субтропическим климатом и флорой, чуть ли не в район горного узла Гармо⁵.

Археологические обследования Памира мы начали в 1946 г. и с перерывами продолжали до 1952 г.⁶

В результате скромных по масштабу работ удалось выявить некоторый археологический материал, позволяющий дать характеристику древнейших обитателей Восточного Памира. В настоящей статье мы касаемся одной группы памятников — сакской⁷.

Восточный Памир представляет собой высокогорную пустыню с моренным ландшафтом. Относительно ровные долины окаймлены многочисленными хребтами и прорезаны многоводными реками. По берегам этих рек низкорослая, но обильная и весьма питательная растительность, являющаяся превосходным кормом для скота. В пустынных местах растет терескен, служащий отличным топливом. Леса на Восточном Памире

¹ И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879.

² Н. Аристов, Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям, «Русский антропологический журнал», 1900, вып. 3; 1901, вып. 2, 3-4; 1902, вып. 1, 2, 3; 1903, вып. 1; 1904, вып. 1, 2, 3-4.

³ O. O l u f s e n, Through the Unknown Pamirs, The second Danish Pamir Expedition, 1898—99, L., 1904; ср. о н ж е, The Empire of Bokhara and his Country, Copenhagen, 1911.

⁴ A. S t e i n, Innermost Asia, Oxf., 1928, т. II, гл. XXV; т. III, тб. 45—49; о н ж е, Serindia, Oxf., 1921, т. I, разделы I и II; ср. о н ж е, An ancient Central Asian Track, L., 1933; о н ж е Ancient Khotan, L., 1907, т. I.

⁵ E. H e r z f e l d, Sakastan, AMJ, т. IV, вып. 1-2, В., 1931, стр. 21 сл.

⁶ См. наши предварительные информации: ВЛУ, 1947, № 12; 1948, № 11; КСИИМК, XXVII, XXVIII; ВДИ, 1949, № 3; «Эпиграфика Востока», вып. III и др.

⁷ О памятниках более позднего времени см. А. Б е р н ш т а м, Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая, МИА, 26, особенно III часть. Сакские памятники Памира VI—IV вв. до н. э.—древнейшие их тех, которые пока здесь открыты.

сейчас почти нет, хотя, как предполагают исследователи, граница леса (арча, облепиха) в древности была несравненно выше, чем сейчас, и доходила до высоты 3600—4000 м над уровнем моря.

Маршрутами 1946—1948 и 1952 гг. нам удалось охватить все основные урочища Восточного Памира. Общий вывод, который был сделан на основании уже первого ознакомления с местностью, подтвержденный впоследствии, заключался в том, что северная часть Восточного Памира, от перевала Кызарт до истоков р. Акбайтала, была в древности необитаема. Трудно полагать, чтобы этот район в меридиональном направлении мог быть использован как постоянная трасса торговых путей и перекочевок со стадами.

«Центр» жизни Восточного Памира был южнее, и его северной границей была р. Пшарт (правый приток Акбайтала). Но и здесь долина Пшарта, берега Аксу-Мургаба были сравнительно слабо обжиты, о чем говорят только единичные курганы.

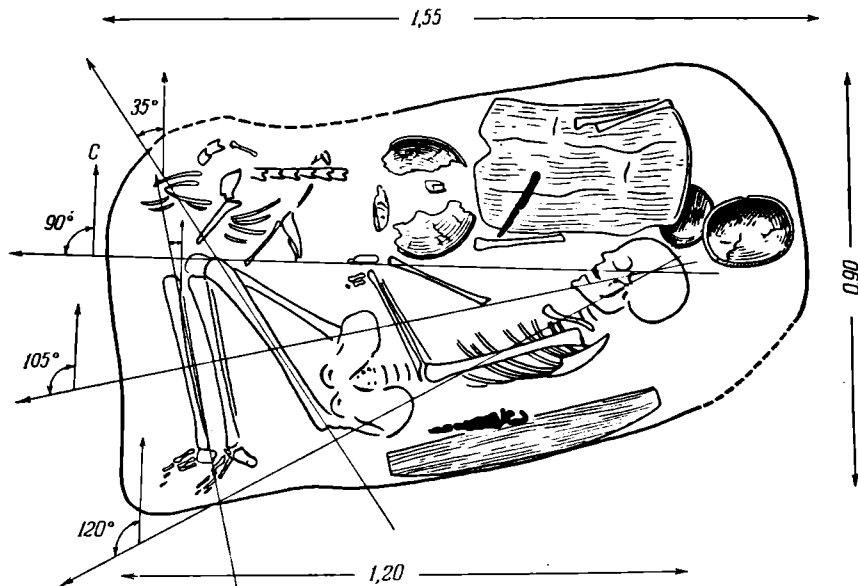

Рис. 1. Тип Тамдынского погребения

В этих районах преобладали сезонные кочевки пастухов-скотоводов. Резко меняется картина в еще более южных районах, северная граница которых проходит примерно в районе урочища Тохтамыш, при впадении р. Истыка в р. Аксу. Здесь увеличивается количество курганов, которые в южной части Восточного Памира составляют группы в несколько десятков курганов в каждой. Таковы могильник Тамды на правом берегу р. Памира, целиком нами раскопанный (18 курганов), или, особенно, могильник Акбейт на правом берегу р. Аксу в урочище Кызыл-Рават, где удалось зарегистрировать свыше 60 курганов и девять из них раскопать. Отдельные курганы интересующего нас времени были раскопаны и в других местах — в Тугурак-Бамане (Аксу), Пшарте, Харгуше (р. Памир).

Как правило, курганы — неограбленные, и поэтому они дали весьма важный материал для предварительной постановки некоторых проблем древней истории Восточного Памира. Наземные сооружения, могил интересующего нас времени сделаны из камня, среди них различается несколько типов. Это 1) сплошные каменные насыпи с диаметром кургана от 3—4 до 10 м, при высоте от 0,1 до 0,8 м, в которых часто прослеживаются внешний и внутренний кромлехи; 2) круглые или овальные кольца, обычно с диаметром до 3 м; 3) прямоугольные выкладки размером 2 × 5 м, иногда с менгирами, и

наконец, 4) относимые нами к этому времени дольменообразные сооружения с диаметром до 1 м при высоте до 0,8 м. В первых трех типах были обнаружены труположения, в четвертом типе были вскрыты только следы кострища.

Несмотря на значительное сходство насыпей первого и второго типов погребений в разных местах Памира, могильники Тамды и Харгуш значительно отличаются по

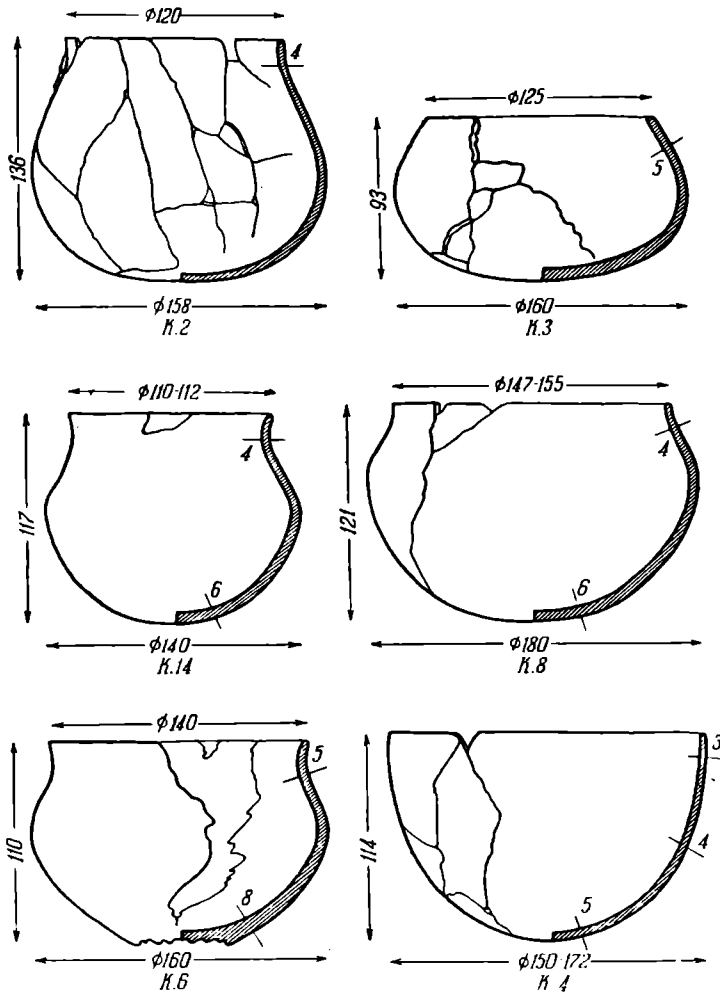

Рис. 2. Керамика из могильника Тамды

погребальному ритуалу и комплексам инвентаря от могильника Акбейт. Кроме того, в Тамды и Харгуше, да и в других местах, мы не встречали третьего типа захоронений (прямоугольные выкладки), который представлен только в Акбейте.

Приведем суммарные характеристики погребений по Тамды и Акбейту.

В Тамдынской группе под каменными насыпями и кольцами оказались труположения покойников в скорченном положении, головой на восток или запад, но лицом, как правило, к реке (р. Памир; рис. 1). Под насыпями оказались мужские, под кольцами—женские и детские погребения. Могильная яма—прямоугольная, неглубокая (до 1, чаще до 0,8 м), выбита в гравийно-галечном грунте и перекрыта поперек тонкими плашками из арчи. При женских костяках бедный и однообразный инвентарь: глиняная посуда в виде котелков с полусферическим дном, следами затирки — лощения темно-коричневого цвета, без орнамента, иногда со слегка отогнутой и утончающейся закрай-

ной (рис. 2), бусы из сверленного алмазом сердолика (очевидно, индийского происхождения), пасты, стеатита, оникса, ляпис-лазури, бронзы и т. д., преимущественно цилиндрических форм, и железные витые браслеты на руках.

Значительно разнообразнее инвентарь в мужских погребениях. Здесь были обнаружены следующие предметы вооружения: колчан со стрелами с разнообразными

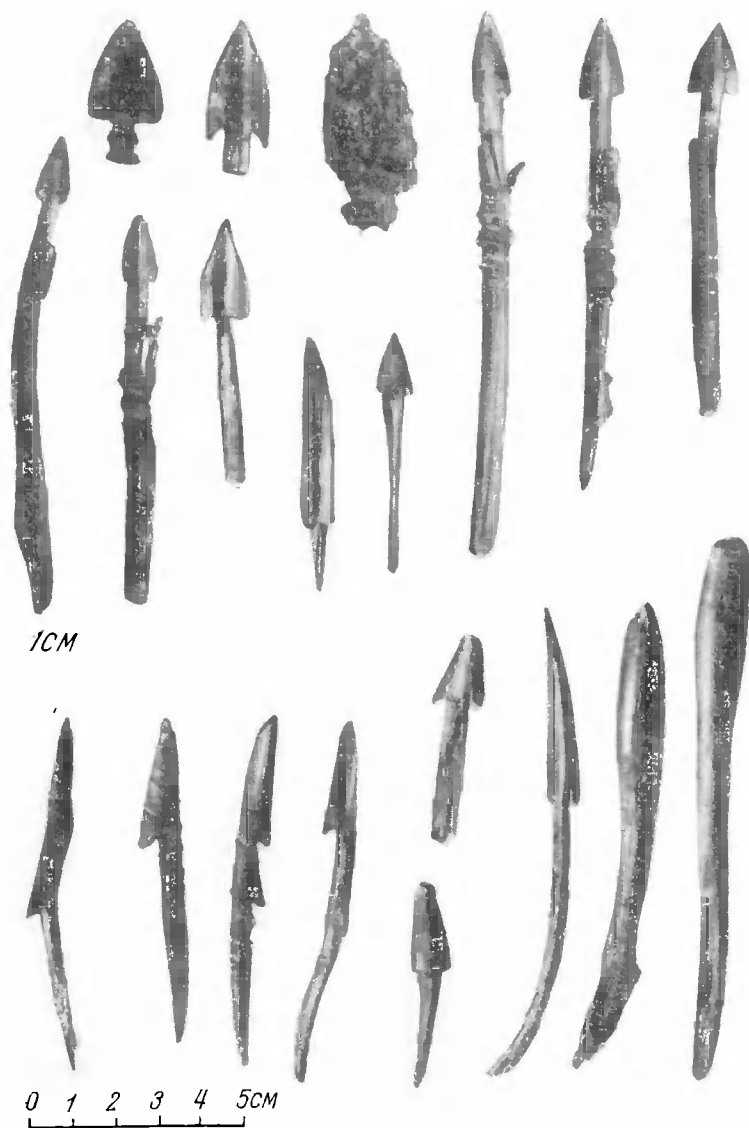

Рис. 3. Типы наконечников стрел из могильника Тамды из одного колчана

наконечниками — деревянными (из гималайского кедра), бронзовыми, костяными и железными (рис. 3). Разнообразны акинаны и ножи, причем акинаны найдены только железные, а ножи — бронзовые и железные (рис. 4). Многочисленны бронзовые украшения, различных геометрических очертаний (рис. 5). Из других предметов отметим полусферическую бронзовую чашу, деревянную посуду, обрывки шерстяной ткани, изделия

в виде лукошка из лыка. В одной могиле около покойника были обнаружены 72 альчика ¹.

В расовом отношении вся группа однообразна и относится к передневосточному, средиземноморскому типу ².

Весь комплекс находок в могильнике Тамды позволяет отнести открытые памятники к V—IV вв. до н. э. Могильник Харгуш мы относим к более позднему времени — III—II вв. до н. э. ³

Вероятно близким по времени, но своеобразным по погребальному ритуалу и инвентарю является комплекс Акбейт на надпойменной террасе правого берега р. Аксу. В неглубокой, обширной, скорей подквадратной, яме одиночные или парные

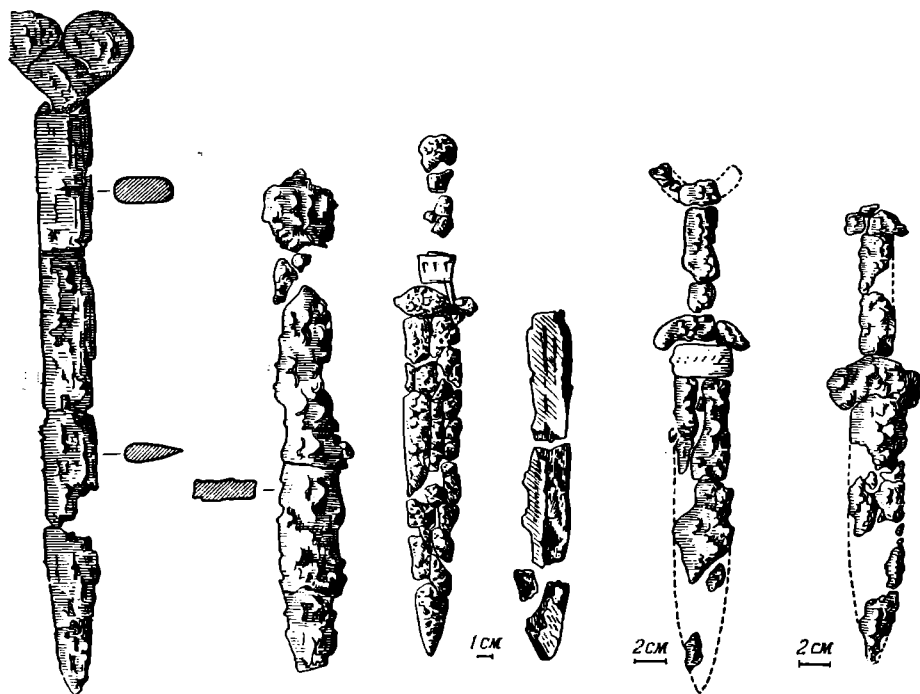

Рис. 4. Акинаки и ножи из могильника Тамды. Железо

захоронения (в Тамды только одиночные), и не только в скорченном, но и в сидячем положении. Некоторые погребения перекрыты тонкими плашками из арчи, в других случаях боевым щитом (рис. 6). Чрезвычайно характерно, что поверх перекрытия часто клалось оружие: клевец, меч, нож, острием направленный от покойника (рис 7). Покойники лежат на левом или правом боку, головой на восток, лицом на север или юг, но не на реку. Перед лицом покойника, как правило, стояли бронзовая плоскодонная чаша (часть из них с омфалом)(рис. 7; внизу справа) и деревянная чаша-тарелка

¹ Коллекции хранятся в Государственном Эрмитаже. См. путеводитель по выставке «Культура и искусство народов Средней Азии VI в. до н. э. — середины XIX в.», М, 1952, стр. 6—8.

² Все антропологические определения принадлежат В. В. Гинзбургу, который систематически обрабатывает наши сборы антропологического материала; см. его статью в КСИЭ, вып. XI, стр. 83 сл.

³ Развернутую аргументацию датировок и описания найденных коллекций см. МНА, 26, ч. III, стр. 275 сл.

В области пояса были обнаружены подвески, тоже ажурные с головками драконов и птиц. Одна пряжка представляла собой изображение лягушки, другая бегущего оленя, голова которого далеко запрокинута назад (рис. 8).

Особый интерес представляет рукоять одного акинака. Рукоять бронзовая, литая, состоит из трех частей. Перекрестие из двух полулуниц, подобно перекрестиям аки-

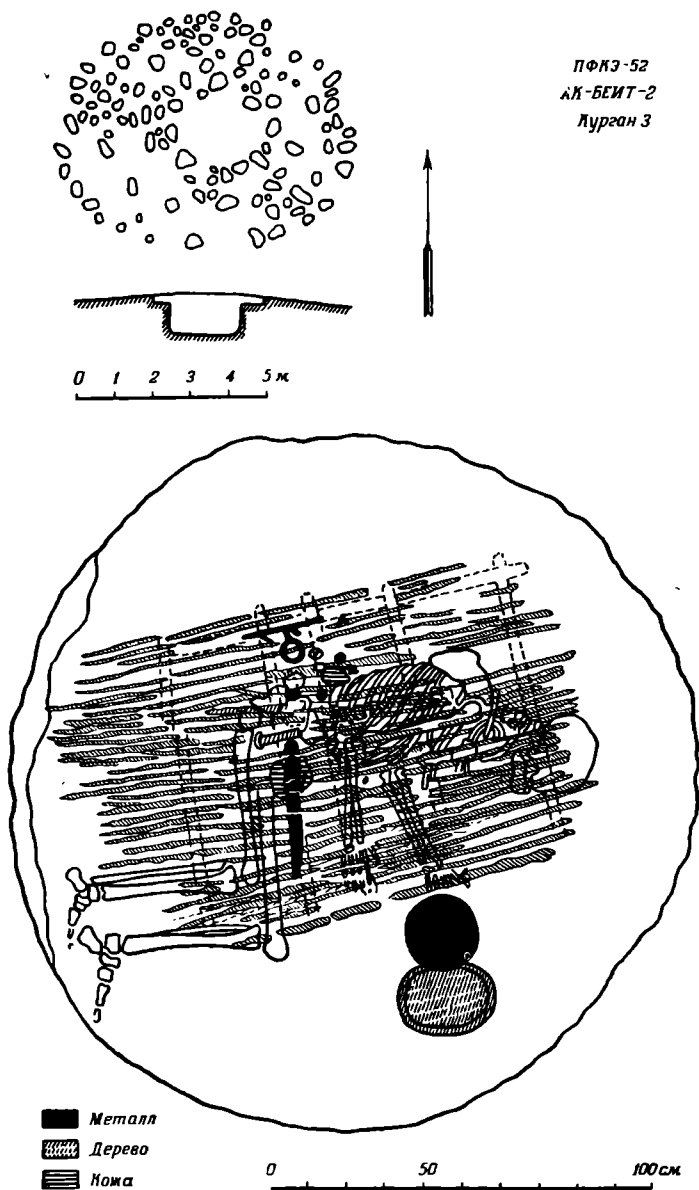

Рис. 6. Тип захоронения в могильнике Акбейт

наков из Мельгуновского клада или Чертомлыка. Рукоять украшена двумя рядами голов горного козла, расположенных по три в ряду, симметрично по обеим сторонам рукояти, и разделенных двумя параллельными рядами зерна. Морды козлов трактуются крупными штрихами, глаза даны в виде глубокой круглой впадины, рога ребристые. Венчает рукоять изображение бегущего козла с запрокинутыми назад рогами. Эти три части довольно грубо собраны, особенно отчетливо это видно в нижней части,

где морды козлов наполовину прикрыты перекрестием, сделанным весьма примитивно (рис. 9).

Находки в Акбенте своеобразны, многим вещам трудно найти прямые аналогии, особенно ажурным подвескам. Композиционно они напоминают «эксцентричные» украшения, подобные украшениям в позднелуристанской бронзе, стилистически от

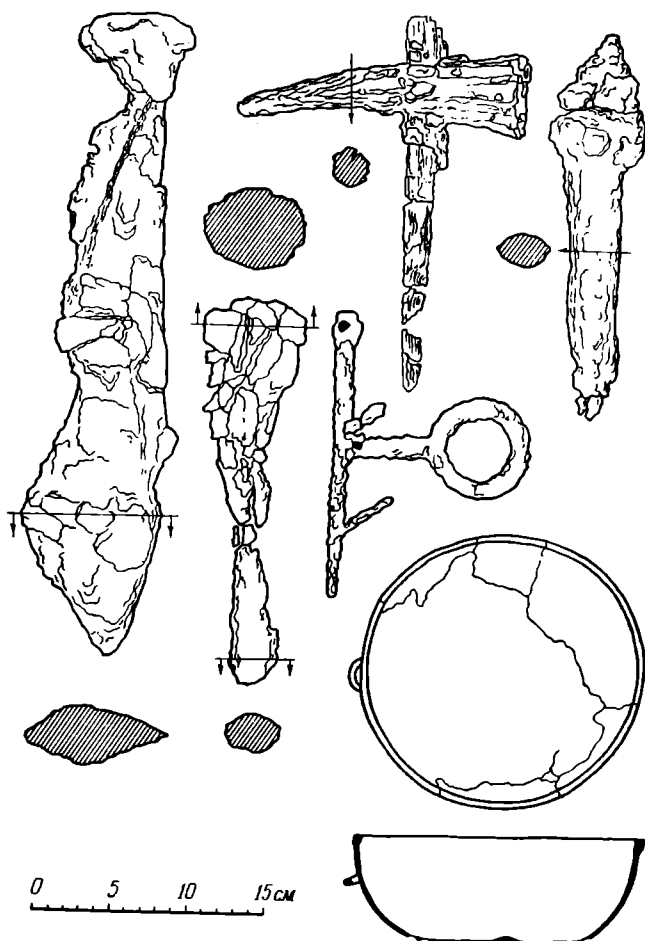

Рис. 7. Вооружение и другие находки из могильника Акбент. Оружие из железа. Чаши — бронза

них отличаются. Относительно больше аналогий в ордосской бронзе. Некоторые аналогии ажурным подвескам и особенно мордам козлов можно найти в публикациях находок из Ордоса. Китайскому влиянию, быть может, обязано появление среди украшений изображения лягушки.

В целом, однако, комплекс из Акбента весьма своеобразен и восходит к какому-то центру, лежащему за пределами и Переднего Востока и Ордоса. Вместе с тем трудно полагать, что племена, оставившие нам эти вещи, извечно обитали на Памире и здесь только сложилась эта культура. Мы полагаем, что основные районы этих племен лежали за пределами Памира, в областях, тяготеющих к Тянь-Шаню и отрогам хребтов, окаймляющих с севера, запада и юга Восточный Туркестан. К сожалению, это только предположение, так как в Восточном Туркестане памятники древних кочевников совершенно не изучены.

Однако именно в этих районах обитали племена, сакские по своему происхождению и тесно связанные с тибетскими. Это указывает на возможность вести поиски их куль-

турного центра на юго-востоке от Памира. Но сначала остановимся на датировке акбеитского комплекса в сопоставлении его с другим памирским могильником — Тамды.

Могильник Тамды (1949 г.) представил, как мы указали, весьма однообразную систему кладки насыпей и закономерную систему ориентировки. При анализе находок в могильнике Тамды основные аналогии и даже идентичные параллели в подавляющем большинстве показали тесные связи «тамдинцев» с культурой тяньшанских и южносибирских племен.

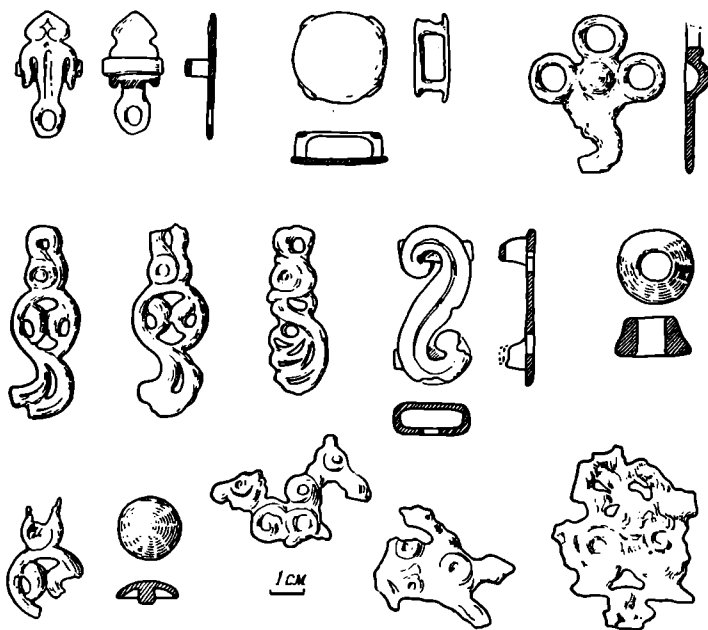

Рис. 8. Бронзовые украшения из могильника Акбеит

Иную картину дает могильник Акбеит.

В основном работами 1952 г. удалось установить, что собственно сакские могилы как правило, перекрыты на поверхности кромлехной выкладкой. В тех случаях, когда кромлех забит камнем и насыпь выступает как сплошной каменный панцирь, следует ожидать впускное погребение, обычно тюркского времени. Сходна ориентировка в обоих могильниках, и, пожалуй, только в этом их сходство, во всем остальном очень много различий. Даже в ориентировке при общем положении головой на восток — в Тамды покойники обращены на юг, к реке, тогда как в Акбеите поворот на юг не значит смотреть на реку.

Своеобразно трупоположение в могильнике Акбеит в сидячем положении в отличие от Тамды, где в основном покойники лежат в «утробном» положении.

В Акбеите почти нет бус. Преобладают различные типы орудий из железа. Характерно наличие деревянных и бронзовых чаш у лица захороненного и малое количество керамики по сравнению с Тамды. Самым главным отличием являются стилистические и тематические особенности украшений.

Акбеитские украшения очень своеобразны. Им нет прямых аналогий на Тянь-Шане или в Южной Сибири. Наибольшее количество возможных аналогий, как мы указали, влекут прежде всего либо в Ордос, в крайнем случае в ордосо-забайкальский круг древностей, либо в Луристан. В последнем случае мы имеем в виду подвески из кургана № 4, на которых около центрального кольца располагаются изображения птиц (?) и головы дракона (см. рис. 8). Впрочем луристанская бронза более эксцентрична. Этот же тип подвесок известен из Ордоса, в памятниках которого можно найти прежде

всего аналогии в трактовке морд козлов, а особенно их рогов, изображенных на рукояти акинака из кургана № 3 (см. рис. 9). Подвески из кургана № 4 в условиях «скифского» искусства Причерноморья рассматриваются как начало «сарматизации», или, по выражению Минза, «дегенерации» скифского искусства¹. Однако этой «де-

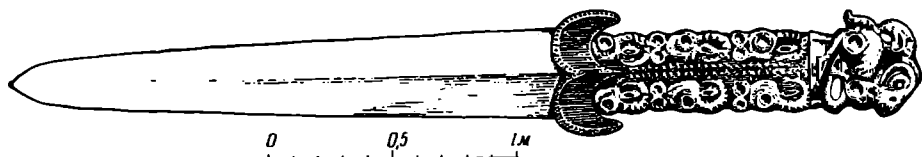

Рис. 9. Акинак из могильника Акбеит. Рукоять—бронза, клинок—железо.
Общая длина 35 см.

генерации» явно противоречит изображение козла в навершии акинака из кургана № 3, выполненного в традициях расцвета звериных изображений сакского времени.

Вообще акинак из третьего кургана в Акбеите—весьма противоречивое явление. В целом мотивы этой рукояти, ее общая композиция весьма сближают нашу находку с такими архаическими аналогиями, как акинаки Келермеса и Литой могилы VI в. до н. э. В качестве близкой аналогии можно указать на акинак из Острой могилы около Днепропетровска, того же времени. В конечном счете общие мотивы могут быть обнаружены и при сравнении с акинаком из Чертомлыцкого кургана, датируемым IV веком до н. э. Конструкция рукояти и размещение украшений, перекрестие в виде лунниц колеблется от VI до IV в. до н. э.

Одной из особенностей стилистических приемов отделки украшений Акбеита является «кольчатый» орнамент и волуэты. Почему-то повелось первый прием считать приметой относительно поздней датировки. Думаю, что это неправильно. Достаточно вспомнить трактовку лап пантеры из золота в комплексе находок из Келермеса. Эти же элементы могут быть отмечены и в других памятниках.

Аналогии отдельных сюжетов на памятниках, обнаруженных в Акбеите, восходят к более позднему времени, чем VI в. до н. э., и скорей оправдывают IV в., особенно учитывая широкое употребление железа. Однако и здесь некоторые аналогии восходят к древним образцам: так, например, клевец-топор из кургана № 3 идентичен находке в комплексе Мельгуновского кладя.

Нет среди кинжалов и акинаков Акбеита типичных скифо-сарматских наверший в виде полулунния или «антенovidных» по терминологии Гинтерса².

Подвески из четвертого кургана весьма характерны. Здесь явно проявляется вырождение реалистичности изображений, появляется ажурность в украшениях. Все это опять приближает нас к истокам «сарматского» направления в искусстве, т. е. опять сближает скорей с датой IV, а не VI в. до н. э.

Материала с Памира слишком еще мало для окончательных суждений, совершенно отсутствуют аналогии из ближайших сопредельных территорий, чтобы стать на почву строгих и категорических выводов. Поэтому мы и выдвигаем весьма широкую датировку — VI—IV вв. до н. э., надеясь со временем ее уточнить.

Привлекаемые нами аналогии для находок из Акбеита весьма широкого охвата: Ордос и Луристан. В этих аналогиях нет полных совпадений, за исключением деталей, а не целых комплексов. Все это, с учетом расового типа погребенных (средиземноморский, длинноголовый, как в Тамды), указывает, что очаг этой культуры, в отличие от могильника Тамды, лежал не в Южной Сибири или Средней Азии, а в других местах. Я полагаю, что центр акбеитских саков лежал на юго-востоке, т. е. в районе предгорий Восточного Туркестана и Тибета, вплоть до Северного Китая, т. е. Ордоса.

¹ E. M i n n s, The Art of the Northern Nomads, L., 1942, стр. 31.

² W. G i n t e r s, Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, B., 1928.

Могильник Акбеит многим отличается от остальных памирских. Среди этих отличий отмечу положение покойника, голова которого всегда выше ног, покрытие покойника шитом, положение оружия сверх покрытия острием от покойного.

Юго-восточные и западные явления в культуре и расовом типе погребенных в Акбейте говорят о том, что памятники на этом участке Памира оставлены племенами другого, чем тамдынцы, происхождения.

*

Наступит время, когда археологи произведут раскопки на Памире в таком объеме, что можно будет во всеоружии пересмотреть концепцию талантливого русского ученого Н. Аристова об этнических отношениях на Памире. Но и сейчас выявленные материалы дают возможность предложить вниманию научной общественности сведения, характеризующие разные хронологически и отличные в этническом отношении группы племен, которые в древности заселяли Памир.

Древнейшими памятниками Памира являются могильники Тамды и Акбеит. Первый мы датировали V—IV веками, второй VI—IV веками. Но дело не в малом различии дат. Дело в том, как мы указали выше, что эти два могильника ясно отражают две этнические волны, шедшие на Памир, в первом случае с северо-востока (Тамды), во втором — с юго-востока (Акбеит). И в том и другом случае нельзя отрицать передневносточных влияний, о чем говорит ярко выраженный средиземноморский расовый тип, явно пришедший с запада. Если учесть сердоликовые бусы, сверленные алмазом (Тамды), бронзовые чаши с омфалом, имеющие полные аналогии в Ашуре, то не останется сомнения в том, что юго-западные тенденции, т. е. то, что мы называем передневносточными влияниями, также (в качестве третьего компонента) имели место на Памире. Так намечаются уже три пути в сложении этнического облика Памира.

Об этом говорит и инвентарь и отчасти намогильные сооружения, среди которых выделяются северо-восточные влияния (семиреченско-тяньшанский кромлех со всеми вариантами) и юго-восточные (прямоугольные с вариантами выкладки), явно идущие с Памира.

Античные авторы, плохо знавшие этот район и останавливающие свои информации на склонах горного хребта Имаус (Заалайский хребет), не знали подлинного Памира. Не знали его и ахемениды, однако, очевидно, правильно передав имя его обитателей, крайних восточных саков, именем сака-хаомоварга. Думаю, прав А. Германн¹, который считал, что в этом имени скрыто название «мург» — «птица», отмечающее недоступность восточных саков, как птиц гнездящихся в горах. Очевидно, как вслед за Г. Григорьевым предполагали исследователи, термин «мург», особенно в топонимике — «мургаб», в какой-то мере отражает районы продвижения саков-амюргиев.

Проникновение саков с Тянь-Шаня на Памир при возвышении племен усуней — факт широко известный. Напоминаю китайский текст: «Первоначально сия страна (т. е. страна усунь.— *А. Б.*) принадлежала народу сэ (саков.— *А. Б.*). Большой Юечжи на западе разбил и выгнал сэского владетеля (Сай-ван.— *А. Б.*). Сэский владетель перешел на юг за Висячий переход; Большой Юечжи удалился на запад и покорил Дахи (Бактрию.— *А. Б.*); усуньский Гуньмо остался на его землях (т. е. саков.— *А. Б.*); посему-то между усуньцами находятся отрасли (чжун.— *А. Б.*) племен сэского и юечжыского»².

Этот текст весьма важен. Он свидетельствует о совместном расселении саков (сэ) и массагетов (даюечжи) на Тянь-Шане и преемственности усуней от саков.

В одной из своих работ мы пытались показать, что на Тянь-Шане сохранились следы сакских и массагетских племен³. Там же мы указывали на продвижение сакских

¹ А. Германн, *Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike*, Lpz, 1939.

² Н. Я. Бичурин. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, М., 1950, ч. III, стр. 190 сл.

³ МИА, 26.

племен на юго-запад в Алай и, очевидно, через Сарыкол на Памир (Тамды). «Висячий переход» мы отождествляли с Лянгарским спуском (= перевалом?). Теперь мы ставим другой вопрос: чем объяснить своеобразие могильника Акбсит, столь отличного от Тамды, и можно ли видеть здесь следы юго-восточных влияний? Есть ли для этого основания в письменных источниках?

В Цяньханьшу сказано, что племена сийе (или юльэрек), жившие в районе восточного Притибетья, недалеко от Хотана, не принадлежат к племенам ху, «но ближе подходят к кянам (тибетцы) и ди (протоуйгуры) и составляют кочевое владение. Переходят со скотом с места на место, смотря по приволью в воде и траве»¹. С ними смежно владение пули, или сэрлык, т. е. племена, находившиеся в соседстве с Яркентом, откуда они получали хлеб. Можно полагать, что соседи пули, племена сийе, находились даже к северу от Хотана. Следующие к северу племена инай (или ингасар) — уже соседи оазисов Кашгара и Яркента, т. е. расположены у восточных границ Памира, однако этнографически сходны с племенами цзыхэ, очевидно тибетского круга племен.

Еще более повышается интерес к следующим племенам — улэй (или арачул). Их владение «на юге смежно с Уто (Гиндукуш? — А. Б.), на севере с гуаньду (кумедами Алая! — А. Б.), на западе с Большим Юечжи (т. е. в области Дася — Бактрии! — А. Б.). Одеяние походит на усуньское (т. е. племен Тянь-Шаня — А. Б.), а обыкновения сходны с юльэрекскими (т. е. притибетских племен. — А. Б.)»².

Справедливо Н. Аристов считал, что арачул можно сравнить с топонимом долины и реки Аличур Памира, а вышеприведенные данные о локализации племен (на юге — Гиндукуш, на западе — Бактрия, на севере — Алай) также позволяют племена арачул-улэй помещать на Памире.

Повидимому, памирские племена улэй (арачул) входили в конфедерацию тибетских племен цзыхэ. Напомню, как говорит источник, что племена пули, инай, улэй одного племени с сийесами, а инай «смежно» и одинаково в обычаях с цзыхэ³. Отсюда можно заключить, что памирские племена улэй тибетского происхождения. И здесь исследователь переходит в район племен другого этнического происхождения. Во-первых, об этом ясно говорит сообщение о Кашмире (Гибинь). Здесь прямо говорится: «Когда хунны разбили Большого Юечжи (во II в. до н. э. — А. Б.), то Большой Юечжи занял на западе государство Дахя (Бактрию. — А. Б.), а сакский владетель занял на юге государство Гибинь (Кашмир. — А. Б.). Сакские племена рассеянно живут, и более под зависимостью других (со II в. до н. э. — А. Б.). От Кашгара на северо-западе Хюсюнь [Хюсюнь] (Восточная Фергана. — А. Б.) и Гуаньду (кумеды Алая. — А. Б.) — суть потомки древних сасцев»⁴.

Мы видели выше, что в районе Кашгара, который связан с Памиром через Ташкурган, был стык племен тибетского происхождения (племен инай) и сакского (хюсюнь и гуаньду). Вот здесь и скрещивались племена различного этнического происхождения, со времени саков заселявших Восточный Памир единой конфедерацией.

Притибетское происхождение племен сийе, пули, инай, улэй прямо указано письменными источниками. Для западных авторов они были, очевидно, составной частью саков хаомоварга.

Население Кашмира также сакского происхождения, т. е. тяньшанского и восточнотуркестанского. Эти племена не могли попасть с Тянь-Шаня в Кашмир, минуя восточные предгорья Припамирья. Но кроме них, в тесной связи с притибетскими племенами находились еще племена хюсюнь и гуаньду, т. е. фергано-алайские племена. Что же о них говорят источники? О хюсюнь сказано, что «обыкновения и одеяния сходны с усуньскими, хюсюньцы перекечывают со своим скотом с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Они составляют отрасль древних сасцев» (саков)⁵.

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 178.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 178.

³ Там же.

⁴ Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 179.

⁵ Там же, стр. 188.

Аналогично описание племен гуаньду. Они на севере смежны с усунями. «Одеяния жителей походят на усуньские. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде; держатся около Луковых гор (Памира.— А. Б.). Составляют отрасль сэсцев»¹.

Несколько раньше сказано, что хюсюнь находятся к западу от Цунлина (т. е. к северо-западу.— А. Б.), но, очевидно, недалеко, так как одновременно они близки и к району Кашгара. Следовательно, эти два племени, хюсюнь и гуаньду, в отличие от саков Кашмира, были расселены к северу от Памира. Сакские племена Тянь-Шаня (из области Усунь) частично перемешались во время своей миграции в районе Прикашгарья с тибетскими племенами, а частично остались самобытными. Вот этот процесс и породил две ветви, две этнические группы равнин насельников Памира, что археологически выражено в могильниках Тамды и Акбеит: с одной стороны, саки Тянь-Шаня, которые донесли на Памир южносибирские и семиреченско-тяньшаньские мотивы в культуре, сохранившиеся среди племен усунь, хюсюнь и гуаньду (Тамды), и с другой стороны — племена саков, культура которых смешивалась с культурой тибетско-китайских племен, представленная прежде всего могильником Акбеит. Помимо этих двух этнически весьма сложных групп, на Памире были отмечены поздние памятники тюрко-карлукского периода (Акбеит, Восточный Пшарт — тюркского времени — V—VIII вв.) и Тамды (явно карлукского периода — VIII—X вв. н. э.).

В могильниках Харгущ и Тамды мы выделили памятники III—I вв. до н. э., связанные с потомками племен древних саков, вроде племен хюсюнь, гуаньду или племен уш из долины Юйту². В характере этих памятников прослеживается этнографическое сходство с культурой племен усунь и отчетливо выявляется генеалогическое родство с саками.

Помимо этих основных типов памятников, которые увязываются с данными письменных источников, следует отметить те виды археологических памятников, раскопки которых не дают твердой опоры ни для дат, ни для этнической атрибуции. Однако на данном этапе наших знаний всего вероятнее предположить, что пустые выкладки, дольмены и прочие жертвенные места и кенотафы, имеющие абсолютно точные архитектурные аналогии в Тибете³, есть памятники именно тибетских племен, тем более, что расселение последних за пределами Тибета скорее всего локализуется на западе (по предгорьям) Восточного Туркестана и на Памире. Северней, т. е. на Тянь-Шане и в Алае, этому расселению мешал плотный массив племен саков.

Нам уже довелось отмечать своеобразие исторической топографии Восточного Памира. Несомненно, что наиболее обжитыми местами был юг Восточного Памира — долины рек Памира, Истыка, Аксу. Чем дальше к северу (уже от района Тохтамыша), тем более скуден инвентарь в могилах. Это были районы сезонного кочевания пастухов-скотоводов, и археолог здесь найдет бедные кладбища этих пастухов, притом рассеянные и немногочисленные.

Но и на юге ни могильник Тамды, ни более крупный (и самый крупный на Памире) Акбеит не убедит нас в том, что это памятники местной древней культуры. Это явно п р и ш е л ь ц ы, одни из тех, кто первым при помощи вьючного скота (лошадь, yak?) осмелился прийти в этот суровый и пустынный край.

Великолепные памятники искусства и культуры, характер сырья, центры добычи которого находились за пределами Памира (железо, глина, сердолик, гималайский кедр, северная граница которого — южные склоны Гиндукуша, бронза, морена), высокое совершенство изделий заставляет полагать, что наряду с семиреченско-тяньшаньским центром был еще более крупный — юго-восточный, царские кладбища которого следует искать от Кашгара до Хотана, с учетом областей Алтынтага, и от Лобнора до Ордоса.

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 188 сл.

² Там же, стр. 190.

³ См. Р е р и х, Звериный стиль кочевников Тибета, Прага, 1930.

Этот вопрос не разрешают раскопки в Акбейте, но со всей определенностью его ставят.

И могильник Тамды и Акбейт говорят о том, что еще в пору VI—IV вв. до н. э., не говоря о III—I вв. до н. э., не утрачивались связи с Передним Востоком, во всяком случае в той его части, откуда расовый тип попал, с одной стороны, в Анау, с другой (позднее?) — на Памир.

В одной из своих последних работ об искусстве кочевников Северной Азии Минз писал, что южной границей общих элементов звериного стиля кочевников является линия, идущая от Ордоса через Тянь-Шань на запад.

Вспомнив Тянь-Шань, Минз ни слова не сказал о Памире. В вину ему это ставить нельзя. Это был 1942 г. Только с 1948 г. советские исследователи дали те объективные и неумолимые факты, которые ясно показали, что если Восточный Памир и не был очагом высокой былой культуры сакских племен, то во всяком случае был ее бережным хранителем. Могильники Тамды и Акбейт важны не только в этом плане, они важны и потому, что регистрируют реальные связи весьма удаленных областей и отмечают реальные передвижения в глубокой древности племен пастухов-скотоводов, для которых даже Памир не был преградой.

А. Н. Бернштам

СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВАВИЛОНСКИХ КЛИНОПИСНЫХ ТАБЛЕТОК

Клинописные таблечки в древнем Вавилоне играли ту же роль, какую сейчас выполняет бумага. Изготовление таблечек, несомненно, имело большое значение в хозяйственной и культурной жизни Вавилонии. Поэтому изучение вопроса о способах изготовления клинописных таблечек заслуживает такого же внимания исторической науки, как и изучение техники какой-либо другой отрасли ремесленного производства.

Кроме того, изучение способа изготовления таблечек имеет большое значение и для палеографического исследования клинописных текстов.

Для разрешения вопроса о способе изготовления обожженных клинописных таблечек автор настоящей статьи предпринял попытку на основании анализа формы и внешнего вида таблечек воспроизвести предположительный древний технологический процесс опытным путем, изготавливая таблечки, максимально схожие с подлинными по их внешнему виду.

В первую очередь следовало определять, какую исходную форму могла иметь таблечка и как ей придавалась та окончательная форма, в которой она дошла до нас как в обожженном, так и необожженном виде.

Все клинописные таблечки в основном имеют две формы: более ранние — квадратную с закругленными углами, более поздние — форму параллелограмма. Это объясняется тем, что первоначально знаки наносились на таблечку в вертикальном направлении, а читались в горизонтальном, для чего таблечку необходимо было поворачивать на 90°. Следовательно, таблечка должна была иметь такую форму, которая была бы удобна для держания ее в руке как при чтении, так и при нанесении на нее текста. Такой формой является круг или квадрат с закругленными краями, т. е. именно та форма, которую имеют таблечки более раннего периода. В дальнейшем знаки стали наносить и читать их в горизонтальном направлении, вследствие чего квадратная форма таблечки с закругленными краями оказалась уже неудобной и таблечкам стали придавать удлиненную форму параллелограмма. Такая таблечка до некоторой степени напоминает лист из блокнота, тем более, что при письме и чтении таблечку поворачивают, как лист блокнота.

При изучении формы таблеток первого типа, относящихся к III и II тысячелетиям до н. э., можно установить, что у них обычно одна сторона имеет явно выраженную овальную поверхность — левую, в то время как другая — правая или лицевая — более плоская, с овальными краями. Ввиду того, что такая конфигурация сторон таблеток этой группы является не исключением, а обычным явлением, можно предположить, что исходная форма этих таблеток, т. е. форма их заготовок, тоже имела одну выпуклую сторону и плоскую другую. Изготовив из глины такие заготовки и экспериментируя с ними, мы установили, что при складывании двух заготовок получается подобие сплюснутого шара. Это обстоятельство привело к мысли, что исходной формой заготовок таблеток является полушарие.

Следовательно, можно предположить, что брался глиняный шар, из которого разрезом по оси получали сразу две заготовки таблеток, равных по величине. Кроме характерной формы таблеток этой группы, бросается в глаза еще наличие нескольких стандартных величин, причем в каждой группе одного размера таблетки поражают равенством своих размеров. Получить практически такую точность нетрудно, для этого достаточно брать шары одной величины, а следовательно, одного веса. Поэтому при изготовлении таблеток должно было быть столько размеров шаров, сколько было размеров таблеток.

Различие в конфигурации поверхностей лицевой и оборотной сторон, обусловленное первоначальной формой таблетки, имело и практическое значение: такая форма таблетки обеспечивала ее прочность. Дело в том, что при нанесении знаков на влажную мягкую таблетку в полусогнутой теплой ладони руки возникает несомненная опасность деформации и прогиба таблеток. Делать толстую таблетку невыгодно во всех отношениях, тонкая таблетка удобна для обжига, но зато практически непригодна. Удачным компромиссом является таблетка с утолщенной серединой, она удобна и практична во всех отношениях, как в процессе изготовления, хранения и транспортировки, так и при нанесении на нее знаков текста. Такую таблетку удобно и держать в согнутой ладони руки.

Подтверждением того, что первоначальной формой таблетки является полушарие, могут наглядно служить так называемые школьные таблетки, имеющие явную чечевицеобразную форму, характерную для всей этой группы таблеток. А такую чечевицеобразную форму таблетки проще всего получить сплющиванием полушария.

Более поздние таблетки, имеющие форму параллелограмма, образуют другую, чрезвычайно многочисленную группу. Таблетки этого типа имеются в большом количестве в храмовых архивах из Лагаша, Уммы, Ларсы, что дает возможность произвести наблюдение над многими однородными объектами одного времени. Даже беглое знакомство с этими архивами приводит к убеждению, что размер таблеток и форма их были не произвольные, а стандартизованные. Стандартность таблеток, кроме большого количества монотипных таблеток, подтверждается еще тем, что у большого числа таблеток одна сторона, обычно левая, не заполнена полностью текстом, что напоминает нам письмо, написанное на форматной почтовой бумаге и не заполненное целиком текстом.

Как правило, и в этой группе таблетки имеют одну сторону выпуклую, другую (лицевую) — плоскую. Если у таблеток первой группы овальная сторона имела характер сплюснутой шаровой поверхности, то у таблеток рассматриваемой группы овальная сторона безусловно имеет характер сплюснутой цилиндрической поверхности. Опытным путем, посредством складывания двух заготовок, а затем двух подлинных таблеток, было установлено, что исходной формой для этой группы таблеток служил полуцилиндр, и технологический процесс производства представляется следующим образом.

Прежде всего производилась тщательная обработка глины, с целью обеспечить однородность всей массы посредством тщательного отмучивания, промешивания и удаления посторонних предметов. Подготовка освобождает глину от излишка влаги, от воздуха, присутствие которого в глине при обжиге может создать пустоты, понижающие прочность таблетки, и привести к расслаиванию. Если глина не будет

промешана в достаточной степени, то после обжига в изломе будут ясно видны слои глины, отвечающие направлению изгибов, образовавшихся при промешивании. Глина должна быть не очень влажной, но и не сухой: в первом случае она не будет удерживать приданную ей форму и нанесенные клинописные знаки будут расплываться; во втором случае ее трудно будет формовать, и знаки будут получаться тупые. Лучшей консистенцией глины оказалась такая, при которой глина, будучи мягкой, перестает приставать к рукам. Из хорошо подготовленной влажной глины изготовлялся шар определенного веса, который раскатывался в цилиндр требуемого диаметра. Затем этот цилиндр нарезывался на цилиндрики, высота которых равнялась длине будущей

Рис. 1. Шар из глины

Рис. 2. Полушар из глины

таблетки. Если такой цилиндр разрезать пополам вдоль оси, то в одном процессе получается два полуцилиндра, являющихся заготовками двух таблеток, имеющих одну цилиндрическую сторону и одну плоскую. Лучший срез получается при разрезании как шаров, так и цилиндриков проволокой, ниткой или струной. Полученная заготовка отличается от таблетки своими тупыми концами.

Скошенную форму концов таблетки на обратной цилиндрической стороне можно объяснить стремлением придать форму, удобную для держания таблетки в руке, а также экономией как в весе таблетки, как и в расходе глины без ущерба для прочности таблетки. Вес таблетки несомненно имел значение как при транспортировке таблеток, так и при их массовом изготовлении. Кроме того, более тонкие края имели значение при дальнейшей термической обработке, так как чем тоньше предмет, тем легче и быстрее его можно обжечь. Скашивание концов таблетки не вызывало никаких затруднений: для этого достаточно было срезать оба края и обработать их поверхность.

Таким образом, весь процесс изготовления таблеток прост и не требует никакой особой квалификации. Изготовленные впрок таблетки разного формата могли храниться в сыром месте, покрытые влажной тканью, и расходоваться по мере надобности, как это делают скульпторы с глиной при перерыве в своей работе.

Суммируя все вышеизложенное, можно предположить, что исходной формой таблеток, как квадратных, так и параллелограммообразных, был глиняный шар определенного веса, который видоизменялся в рабочем процессе следующим образом.

Первый тип таблеток: 1) шар, 2) полушарие, 3) сплющенное полушарие, 4) сплющенное полушарие со срезанными, закругленными краями.

Второй тип таблеток: 1) шар, 2) цилиндр, 3) цилиндрик, 4) полуцилиндр, 5) полуцилиндр со скошенными, закругленными краями и концами на цилиндрической поверхности. В первом случае формат таблетки обуславливается диаметром шара, во

втором — диаметром и высотой малых цилиндров. Последней операцией в обоих случаях является окончательная обработка поверхности таблетки: сглаживание, замазка образовавшихся трещин, закругление и т. п.

Рис. 3. Цилиндр из глины

Н. П. Тихонов в своей работе «Реставрация вавилонских клинописных таблеток»¹ высказывает мнение, что писец, приступая к письму, должен был сам изгото-

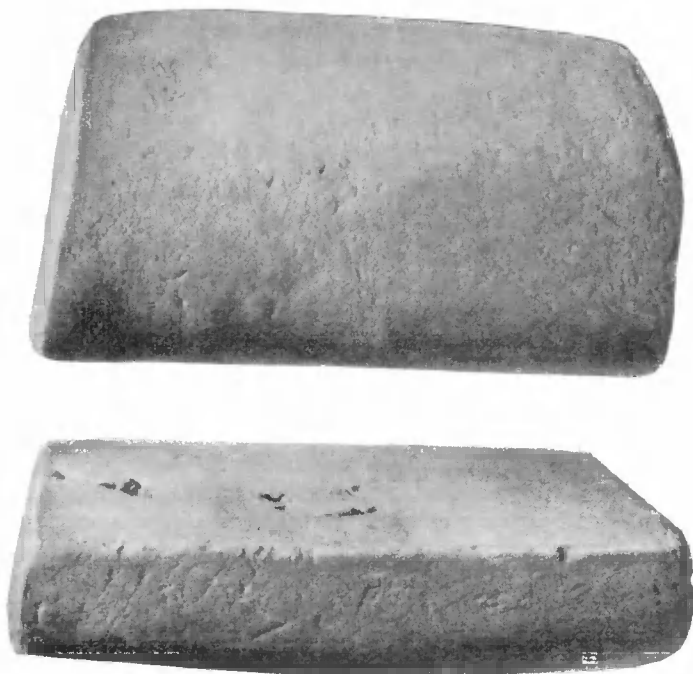

Рис. 4. Полуцилиндр из глины

вить таблетку и что заблаговременно готовить такие таблетки было невозможно. Но это предположение вызывает сомнение по следующим соображениям. Писцы, лица

---

¹ Сборник статей по вспомогательным историческим дисциплинам, Институт истории АН СССР, М.—Л., 1932.

высокой квалификации, наверное, не занимались такой малоквалифицированной работой, как изготовление таблеток, и пользовались уже готовыми таблетками, имея всегда под руками достаточный запас таблеток разного формата и разного качества, и в зависимости от важности и величины наносимого текста выбирали таблетки, изготовленные из лучших или низких сортов глины, большего или меньшего формата. Кроме того, первые этапы процесса изготовления таблеток, подготовка глины, являются весьма грязной работой; руки у работающего бывают густо облеплены глиной, а писец наверняка должен был иметь чистые руки. Наконец, какой смысл был для писца тратить 20—25 минут на изготовление таблетки, когда за это же время он мог нанести текст на таблетку средней величины? Кроме того, могли быть срочные письма, и для писца, конечно, было удобнее иметь под руками запас таблеток.

То же самое можно предположить и в отношении обжига, который, наверное, производился не писцом, а специальным мастером-обжигальщиком, но несомненно, что писец должен был знать весь процесс обжига и причины возможного брака.

Итак, следует считать, что таблетки изготавливали не писцы, а специальные мастера. Монотипность и форматность таблеток говорят о том, что они изготавливались не из случайно взятой глины и произвольно сплюснутого руками шара, а должны были пройти стройный производственный цикл. Громадное количество таблеток,

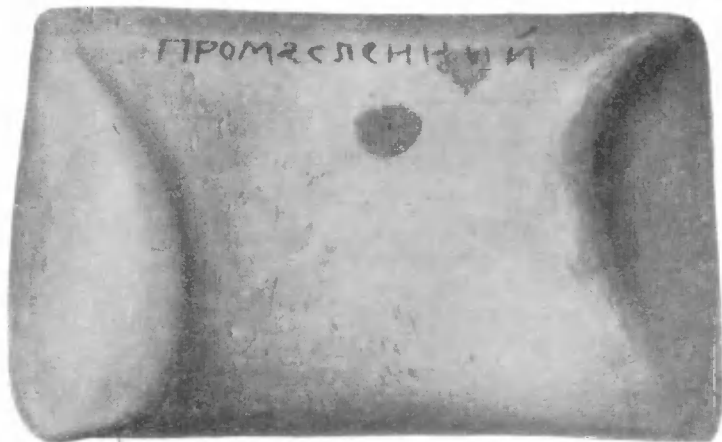

Рис. 5. Заготовка таблетки

дошедших до нас, и, наверное, еще большее число погибших говорит о том, что мы действительно имеем дело с массовым изготовлением таблеток, которое, несомненно, требовало стройного, продуманного и рационального процесса производства, причем была возможна и специализация работников, участвующих в их производстве.

Следующим производственным этапом изготовления таблетки является обжиг ее, от правильного режима которого зависит в большой степени долговечность таблетки. Целью обжига является фиксация формы таблетки и нанесенного на нее текста и предохранение глины таблетки от размягчения в случае соприкосновения с влагой. После обжига глина становится водостойкой, а текст неудаляемым без видимого повреждения поверхности таблетки.

Обжиг таблеток сам по себе не представил бы какого-либо интереса, по сути дела мало отличаясь от обжига других предметов, например, хотя бы черепицы, если бы вам не пришлось столкнуться с фактом исключительного интереса.

Как известно, процесс изготовления обожженного глиняного предмета складывается из следующих основных этапов: подготовки глины, формовки, сушки, обжига, окончательной отделки. Если первые два этапа не требуют особой затраты времени и квалификации работника, то сушка и обжиг требуют и того и друго-

го, причем затрата времени исчисляется несколькими сутками. Мнение о том, что сырые таблетки с только что нанесенным на них текстом не могли быть и не могут быть обжигаемы без предварительной сушки, высказывалось такими специалистами, как профессора-реставраторы Н. П. Тихонов и М. В. Фармаковский¹, так и специалистами-технологами. Таким образом, с одной стороны, для изготовления обожженной клинописной таблетки как будто требовалась затрата нескольких дней, с другой стороны, мы имеем большое количество обожженных таблеток с текстом самого срочного порядка. Вследствие этого возникает вопрос: каким образом изготовлялись такие таблетки, как сопроводительные документы, срочные письма, распоряжения и т. п., т. е. таблетки, требующие немедленной отправки по нанесению на них текста? Это обстоятельство наводит на мысль, что при изготовлении таких таблеток, применялся какой-то ускоренный способ, с затратой времени, исчисляемой не сутками, а часами. Только в этом случае таблетки могли оправдать свое назначение.

В связи с этим возникла следующая задача: найти способ, наиболее простой и общедоступный, при помощи которого можно изготовить обожженные глиняные таблетки, максимально схожие с подлинными, при минимальной затрате времени. В основном работа сводилась к изысканию самого простого и быстрого сушильно-термического процесса, доступного и для технологов древних времен.

Основным препятствием для сокращения времени обжига керамических изделий является разрыв сырых глиняных предметов при быстрой сушке. Опытным путем было установлено, что таблетки, подвергавшиеся естественной сушке от одного до пяти дней, при обжиге рвались. Обжиг удавался только после более продолжительной сушки. Причины разрывов заключаются в том, что на поверхности влажного глиняного предмета влага испаряется быстро, а внутренняя влага не поступает в нужном количестве, в результате чего на поверхности образуется корка сухой глины, которая стремится сократиться в своем объеме. Но такой усадке препятствуют внутренние слои глины, сохраняющие свои прежние размеры; вследствие этого корка сухой глины трескается и трещины углубляются во внутренние слои по мере высыхания их, что и приводит в итоге к разрыву предмета. Следовательно, самым правильным режимом сушки влажной глины является такой, при котором скорость испарения влаги с поверхности равна скорости проникновения влаги изнутри на поверхность.

Итак, для решения поставленной задачи необходимо было найти способ замедлить процесс испарения влаги с поверхности глины, без прекращения самого процесса сушки и замедления нарастания температуры. Это привело к мысли нанести на поверхность глины защитный слой, замедляющий процесс испарения влаги с поверхности. Этот защитный слой, помимо вязкости, необходимой для хорошего обволакивания поверхности, должен был еще обладать свойством самостоятельно сходиться с поверхности глины по миновании надобности в нем, без дополнительных процессов.

Для осуществления поставленных выше условий необходимо было найти какой-либо густой жидкий слой, точка кипения которого была бы выше точки кипения воды. Из общедоступных жидких тел свойствами, удовлетворяющими этим условиям, обладает растительное масло, точка кипения которого равняется 300—350°C и которое сгорает при более высокой температуре без следа. Произведенные опыты с растительным маслом подтвердили предположения: масло задерживало быстрое испарение влаги с поверхности глины, без нарушения самого процесса сушки, что и позволило производить первичную сушку непосредственно в первой стадии обжига. В дальнейшем масло сгорало без остатка.

Практически это осуществлялось следующим образом: влажная глиняная таблетка с нанесенными знаками обмазывалась маслом и клалась для обжига в муфель.

¹ М. В. Фармаковский, Керамика, ее техника и сохранение, в кн. «Материал по методологии археологической технологии», вып. VI, 1926.

В другом случае знаки наносились на таблетку, а затем ее целиком окунали в масло и, дав стечь излишку, клали для обжига в муфельную печь. Во всех случаях обжиг протекал одинаково удачно.

Таким образом был найден способ быстрой термической обработки таблеток. В качестве материала бралась обычная печная (зеленая) глина, из нее изготовлялась таблетка и обмазывалась обычной олифой.

Первые опыты по обжигу производились следующим образом. Было изготовлено несколько таблеток, во влажном состоянии они были покрыты маслом и положены в муфельную печь. Обжиг продолжался 4 часа при постепенном нарастании температуры до 650—800°C, которая необходима для того, чтобы просушенное изделие, потерявшее гигроскопическую воду, утратило и химически связанную воду, вследствие чего оно сжимается в объеме до окончательного предела — усадки обжига — и происходит желаемая фиксация изделия.

После 4 часов обжиг прекращался, а через 2—1 1/2 часа таблетки вынимались хорошо обожженными, имея такую температуру, что их почти нельзя было держать в руке, и они остывали на открытом воздухе на деревянной подкладке. При обжиге таблетки клались выпуклой стороной вниз, по следующим соображениям. Средняя часть таблетки является наиболее толстой и потому при всех равных условиях требует интенсивного нагрева. Скошенные края, как более тонкие, обжигаются легче; испарение влаги происходит с верхней поверхности таблетки, в данном случае плоской, благодаря чему масло не стекает при обжиге, а держится все время на горизонтальной поверхности лицевой стороны таблетки, выполняя тем самым свое назначение до своего сгорания. Кроме того, у многих подлинных таблеток именно на выпуклой стороне можно заметить черные пятна — следы непосредственного соприкосновения таблетки с нагревающей поверхностью.

При наблюдении за промасленными таблетками во время обжига можно было заметить, что в начале обжига при повышении температуры на поверхности таблетки появлялись пузыри, начиналось как бы кипение масла. Вероятно, это вызывалось пузырями паров влаги, прорывавшимися сквозь защитный слой. Затем масло начинало обугливаться, и таблетка, имевшая до обжига зеленый цвет, становилась черной. При дальнейшем обжиге цвет таблетки начинал светлеть, становился серым, затем розоватым и мог быть доведен до кирпично-красного цвета, который обычно появляется у глины при температурах порядка 800—1000°C. Таким образом, по цвету обожженной таблетки можно примерно определить температуру обжига.

Обугливание поверхности таблетки начинается примерно через 20—40 минут от начала нарастания температуры, посередине — через один-полтора часа, а в дальнейшем появляется кремово-розовый цвет. Очень светлый тон цвета таблеток появляется после доведения глины таблетки до светловишневого накала (около 900°).

Для образования защитного слоя бралось касторовое масло, олифа, машинное масло и т. п. Несомненно для этой цели годится и кунжутное масло, которое имело такое широкое распространение в Вавилоне и могло применяться при обжиге таблеток. В отношении обжигательных печей создалось впечатление, что они должны были быть небольшими, может быть даже переносными (керамические переносные муфели). Небольшие печи были экономны, в них можно было быстро получить требуемую сравнительно высокую температуру (600—700°), необходимую для обжига таблеток, и они быстро остывали.

Подтверждением того, что температура обжига таблеток в древности равнялась примерно 600—700°, может служить тот факт, что у большинства таблеток более или менее хорошо обожжен наружный слой, а внутри глина имеет другой тон и даже иногда размягчается от воды. Что обжиг был быстрым, подтверждает факт частого расщепления таблетки, так как при медленном обжиге и при температуре 800—900° эти слои не образовались бы, а уплотнились бы и спеклись, образуя монолитную массу.

Конечно, в расслоении глины при обжиге играет значительную роль и плохая подготовка глины, о чем уже говорилось.

При опытах продолжительность обжига таблеток колебалась от 4 до 6 часов. Возможно, что обжиг можно довести и до 3 часов. Если ко времени, необходимому для обжига, прибавить время, необходимое для нанесения текста на таблетку среднего размера, на что требуется, как показали опыты, произведенные в Гос. Эрмитаже И. М. Дьяконовым, примерно 30—40 минут, то общая затрата времени на изготовление таблетки средней величины выразится цифрой от 4 до 6 часов.

Сложнее обстоит дело с изготовлением конвертов. Опыты по изготовлению конвертов сразу же показали, что следует брать хорошую, пластичную глину, в то время как таблетку можно изготовить из худшей. При формовке конверта из тощей глины все время получаются трещины в местах сгиба пласта глины. При испытании различных приемов изготовления конверта простейшим оказался следующий: хорошо подготовленная глина раскатывалась в тонкий пласт; из пласта вырезывалась лента шириной раза полтора больше длины таблетки, для которой конверт изготовлялся, и длиной, достаточной для того, чтобы можно было таблетку обернуть два раза. На эту развернутую глиняную ленту клалась таблетка, смазанная маслом, и закатывалась в ленту. После этого заделывался продольный шов, а открытые концы скатанной ленты заделывались примерно так, как это делают хозяйки при изготовлении пирожков. Таким образом конверт запечатывался. После заделки швов конверта поверхность его обрабатывали дощечкой, хлопьявая конверт со всех сторон и сглаживая края. После этой обработки поверхность конверта становилась гладкой, удобной для нанесения знаков, а сам конверт несколько раздавался.

Последнее обстоятельство необходимо для того, чтобы при обжиге у конверта имелся запас объема для усадки, ибо в противном случае конверт может разорваться, так как в нем находится таблетка. После запечатания конверта и обработки его поверхности на него наносился текст письма или документа и по швам прокатывалась печать. Заготовленный таким образом конверт обмазывался маслом и обжигался.

Мной было сделано несколько опытов по обжигу конвертов как с обожженной уже таблеткой, так и с необожженной. Во втором случае хорошо промасленная таблетка была заделана в конверт, в верхней крышке которого было сделано булавкой несколько отверстий для выхода испаряющейся влаги из таблетки. Опыты показали, что можно обжигать одновременно и таблетку и конверт, что, конечно, ускоряет процесс изготовления его. После обжига конверты разбивались для определения степени обжига влажных таблеток, причем оказалось, что таблетки обжигались хорошо и в конверте.

Для определения способа нанесения печати было взято несколько подлинных печатей, цилиндрических и плоских. Печатание цилиндрической печатью оказалось наиболее удобным простой прокаткой по глине сухой печатью, наличие ручки значительно облегчало печатание. При печатании плоской печатью чистый отпечаток получался в том случае, если печать вдавливалась сразу не всей плоскостью, а последовательно, начиная с одного края («перекатом»). Глина также должна была быть не очень влажной, иначе получались расплывчатые отпечатки.

Исследование подлинных таблеток показало, что обычно печати ставились уже после написания текста, хотя у многих таблеток печати были поставлены ранее нанесения текста. В первом случае ясно видно, что печати перекрывают знаки, во втором случае знаки перекрывают печати, в обоих случаях не искажая ни знаков, ни рисунка печатей.

Таблетки с нанесенными заранее печатями можно приравнять к бумаге с водяными знаками или гербовой, где текст также наносился на водяные знаки или гербы.

Опыты показали, что на изготовление чечевицеобразной таблетки размером $6,0 \times 6,0$ см требуется 4—5 часов, полуцилиндрической таблетки размером $6,0 \times 4,5$ см — 4—6 часов, на изготовление конвертов 4,5—7 часов. Полученные цифры в 4—6 часов можно считать небольшими, если учесть вообще темпы жизни древнего времени, да вполне возможно, что древние мастера-керамисты могли это время еще несколько сократить своим высоким искусством и опытом в работе.

В заключение следует упомянуть о таблетках, не подвергавшихся обжигу. Обычно это корреспонденция или документы, содержание которых не представляло особой ценности и имело лишь временный интерес. На изготовление этих таблеток бралась низкосортная, тощая глина. Такие таблетки подвергались естественной сушке. Необожженную таблетку можно было использовать для письма многократно, для чего поверхность таблетки увлажнялась, например, наложением мокрой тряпки. С влажной поверхности текст легко удалялся, и вместо него можно было нанести новый, например, ответный, если это было письмо. В этом случае отпадала необходимость в изготовлении новой таблетки, а сама таблетка уподоблялась грифельной доске, где текст можно стереть мокрой тряпкой и нанести новый.

При рассматривании необожженных таблеток следует обратить внимание на то, что у большинства таких таблеток поверхность блестящая, как бы воцеленая, что можно объяснить следующим образом. Необожженная глина, а следовательно, и изготовленные из нее таблетки весьма гигроскопичны, легко царапаются и осыпаются. Если такую необожженную таблетку покрыть слоем какого-либо воскообразного вещества, то поверхность ее станет водостойкой и прочной, как бы полированной; кроме того, восковой слой будет предохранять глину от осыпания. Наконец, по отзыву И. М. Дьяконова, чтение текста на таблетке с полированной поверхностью легче, чем на таблетках с неполированной, так как на блестящей поверхности ясно выступают матовые клинописные знаки.

И. Н. Семенович

ПУБЛИКАЦИИ

МОЗАИКА ИЗ ГАРНИ

Продолжавшиеся в 1953 г. раскопки древнеармянской крепости Гарни ознаменовались открытием трех новых архитектурных памятников античного времени.

Почти рядом с языческим храмом были открыты остатки обширного зала, прослеженного пока что в длину на 13, в ширину на 10 м. Расчистка помещения затруднена скопленными на этом участке обломками языческого храма. По центральной оси зала шли пилоны или колонны, от коих сохранились лишь нижние плиты. В VII в. это сооружение уже лежало в развалинах, так как над его восточной стеной был заложен фундамент четырехабсидной церкви.

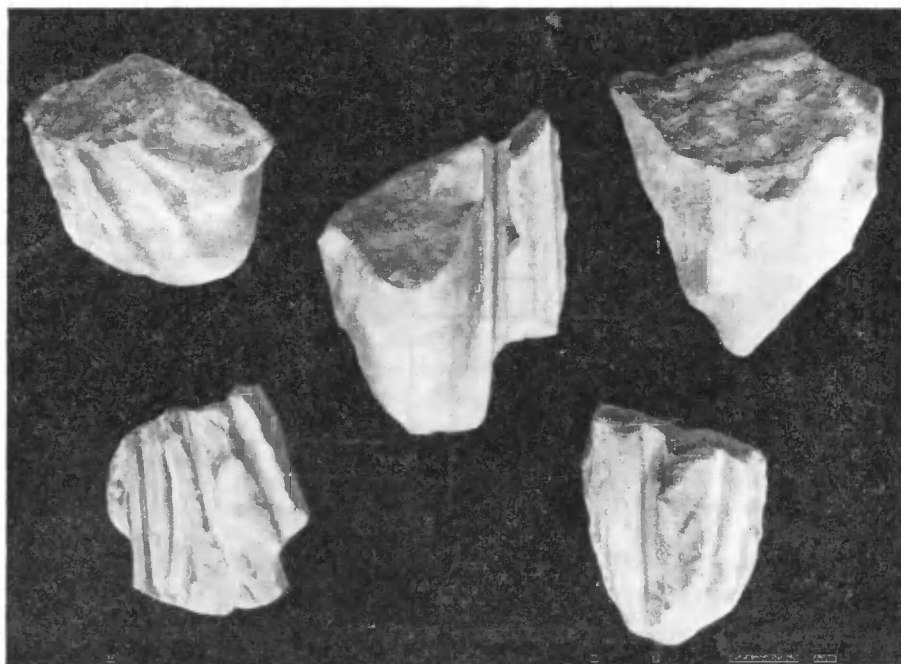

Рис. 1. Обломки мраморных статуй и барельефов

Развалины другого здания обнаружены у южного конца восточной стены крепости, где открыты незначительные остатки стены и две базы деревянных колонн. На полу помещения лежало несколько мраморных обломков статуй и барельефов (рис. 1), разбитых и выброшенных, очевидно, при принятии христианства, в начале IV в. н. э.

Судя по сохранившимся фрагментам, одна из статуй была размерами немного больше половины человеческого роста.

Остатки третьего античного сооружения были обнаружены в 50 м к северо-западу от языческого храма. В 1953 г. была открыта только небольшая угловая комната этого сооружения, имевшая мозаичный пол¹. Позднее время года заставило отложить

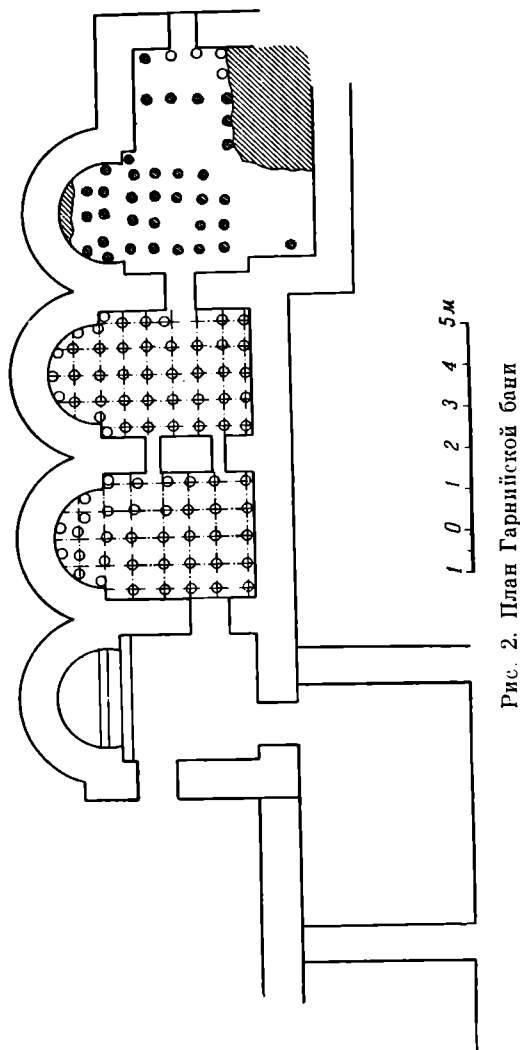

Рис. 2. План Гарнийской бани

доследование всего здания на следующее лето, когда была произведена расчистка других помещений.

Раскопками 1954 г. подтвердилось предположение Г. А. Тирацяна, что открываемое сооружение является баней.

В результате двухлетних раскопок бани выявлено пять комнат; имеются пристройки, которые открыты еще не полностью (рис. 2). Первая комната, на юго-западном

¹ Несмотря на непогоду (мозаика была открыта 29 октября 1953 г.), бригада художников в составе Г. Ханагяна, Г. Карегезян и К. Г. Овумян, под руководством заслуженного деятеля искусств Арм. ССР Л. А. Дурновой, сделала цветную копию мозаики в натуральную величину.

конце здания, имеет прямоугольную форму. Она, вероятно, была предназначена для топки; сохранился узкий проем топки (шириной 0,60 м) в стене, с остатками свода над ним. В северо-западной половине комнаты участок пола размерами 3,00 × 1,80 м выше остальной части пола на 0,10 м. Трудно сказать, помещалась ли здесь цистерна для холодной воды или, может быть, бассейн для теплой воды. Все остальные четыре

Рис. 3. Юго-восточная стена бани. Справа — навес над помещением с мозаикой

комнаты слегка продолговаты и с юго-восточной стороны имеют полуциркульные абсиды (exedra), вследствие чего эта стена всей бани не прямая, а состоит из четырех примыкающих друг к другу дуг (рис. 3). Есть основание полагать, что бани имела сводчатое перекрытие, так как найден один фрагмент свода.

Как первая комната (за исключением бассейна), так и следующие три помещения бани имеют, в отличие от помещения с мозаикой, двойной пол. Нижний пол лежит на песчаном, хорошо утрамбованном грунте и залит известковым раствором. На нижнем полу расположены стойки-опоры для поддержания верхнего пола бани. Они сложены из круглых обожженных кирпичей, диаметром от 0,19 до 0,25 м, на известковом растворе. В первой и второй комнатах верхний пол был разрушен и стойки были сняты еще в древности; в третьей комнате было 44 стойки, из коих сохранились 43; в четвертой комнате из 39 стоек на месте оказались 37. Высота стоек в третьей комнате составляет 0,82 м, а в четвертой комнате немного меньше, так как нижний пол этой комнаты повышается примерно на 0,20 м. Таким образом, высота пространства между полами достигала 0,60—0,80 м. Поддерживавшийся стойками верхний пол бани разрушен и в этих комнатах, но при помощи лежавших в беспорядке между стойками обломков вполне возможно восстановить его первоначальный вид. На стойках лежал настил из обожженных кирпичей, положенных так, что каждый кирпич опирался своими углами на четыре стойки, а на каждой стойке оказывались углы четырех кирпичей, которые были скреплены со стойками и друг с другом известковым раствором. Расположение стоек (рис. 4) позволяет вывести размеры кирпичей, которые совпадают с размерами одного восстановленного полностью кирпича (0,64 × 0,66 × 0,06 м) (рис. 5). Кирпичный настил был залит известковым раствором толщиной в 2 см, поверх которого шел второй слой таких же больших, но более тонких (толщина 4 см) кирпичей.

Над верхним слоем кирпичей лежал водонепроницаемый слой известкового раствора толщиной в 7 см, с полированной поверхностью. Таким образом, толщина второго пола достигала 0,19 м.

В пространство между нижним и верхним полами из топки проходил теплый воздух с дымом и, подогревая баню, выходил из четвертой комнаты. Для прохождения

Рис. 4. Стойки на нижнем полу бани

теплого воздуха из второй комнаты в третью в стене под верхним полом было сделано широкое отверстие, а из третьей комнаты под пол четвертой вели два более узких отверстия. Таким образом, гарнийская баня имела топку (*praefurnium*) с бассейном или цистерной, три теплые комнаты (*caldarium*), а комната с мозаичным полом служила предбанником (*apodyterium*). В ее полуциркулярной нише (*exedrium*), отделенной от комнаты невысокой стеной, находился маленький бассейн, вероятно для холодной воды.

Способ отопления помещений путем подогревания пола теплым воздухом (система гипocaust) применялся в античных банях с древнейших времен. Бани с гипocaustом во II—III вв. встречаются в Сирии и Малой Азии. Таковы бани, открытые раскопками в Дуре-Европосе¹, Антиохии², Джераше³ и в других местах. Бани с подобной системой подогревания были открыты также в Болгарии — в Пловдиве⁴ и в Хисарской низине Карловской околии у села Хавуз. Последняя датируется позднеримским временем. Стойки гипocaustа в ней состоят из цельных гончарных труб с овальным отвер-

¹ «The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Sixth Season of Work, October 1932—March 1933», 1936, стр. 59 — 62, 103—104.

² «Antioch on-the-Orontes, I. The Excavations of 1932», edited by G. W. E l d e r k i n, Princeton, 1934, стр. 5, 21, 24—25, 28—29 (статьи о банях написаны К. Фишер).

³ «Gerasa city of the Decapolis...», New-Haven, Connecticut, 1938, стр. 23, план I.

⁴ Дмитър Ц о н ч е в, Римска баня в източната част на Пловдив «Годишник на Народния археологически музей», кн. II, стр. 144.

стием на боку¹. Точно такие же гончарные трубы были обнаружены в Гарни возле тех двух комнат бани, в которых гипокауст был разрушен еще в древности. О применении этих гончарных труб в качестве стоек гипокауста позволяет говорить то обстоятельство, что их полости залиты известковым раствором².

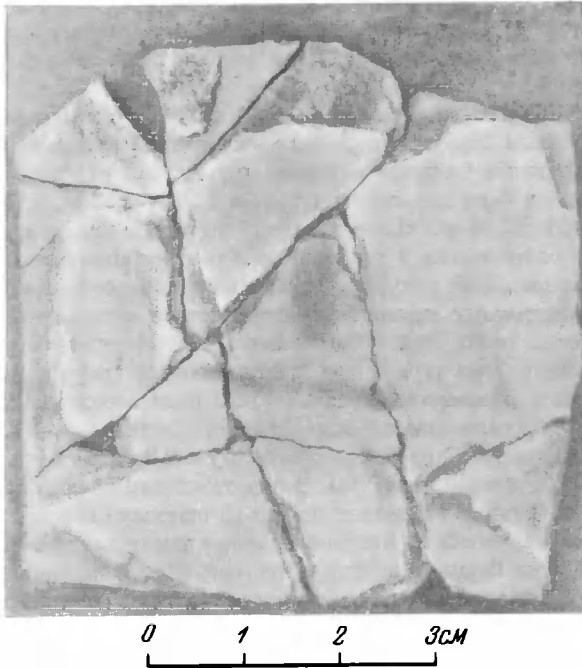

Рис. 5. Кирпич из настила для верхнего пола

Гарнийская баня сходна с подобными сооружениями Малой Азии и Сирии!³ В Дурра-Европосе, например, открыты бани первой четверти II в. н. э., с которыми гарнийская баня имеет ясно выраженные общие черты³. Еще большее сходство гарнийская баня имеет с банями II—IV вв., открытыми в Мцхете⁴ и Антиохии на Оронте⁵. Так, например, маленькие комнаты аподитерия и калидария с полуциркульными нишами характерны как для гарнийской бани, так и для бань в Мцхете, Антиохии и Дурра-Европосе. Однако план гарнийской бани более прост.

Стены гарнийской бани, сохранившиеся местами высотой в 2—2,5 м, сложены из неотесанных камней, на известковом растворе. Они были покрыты обмазкой изнутри

¹ Д. Ц о н ч е в, Хисарские бани, «Годишник Пловдивската народна библиотека и музей, 1935 и 1936», София, 1936—1937, стр. 140—141.

² Применение гипокауст характерно особенно для восточных и северных провинций Римской империи. Этим способом отапливались, например, не только бани, но и дворец римского легата в Аквинкуме. Здесь широко применена также мозаичная живопись на полу (J. Szilagyi, Der Legatenpalast in Aquincum, Budapest Régiségei, XIV, 1945, стр. 144; Ф. Ф ю л е п, Новейшие достижения венгерской античной археологии, ВДИ, 1955, № 1, стр. 152 сл., особенно 157—158).

³ F. E. Brown, The Roman Baths, «The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Sixth Season...», стр. 103—104, табл. XV, XVI.

⁴ «Мцхета, итоги археологических исследований», т. I, Тбилиси, 1955 (на грузинском языке), стр. 212—213, рис. 102—103.

⁵ «Antioch on-the-Orontes», I, стр. 5, табл. III; стр. 8, 11, рис. 7; стр. 21, 24—29, табл. V.

и снаружи. В трех теплых комнатах стены изнутри имели водонепроницаемую штукатурку с отполированной поверхностью. Стены комнаты с мозаичным полом изнутри покрыты штукатуркой в два слоя: нижний слой, из белой извести, толщиной в 2 см, покрыт слоем розового цвета толщиной в 5—7 мм. В отличие от других комнат, тут нет плотного водонепроницаемого и гладко отполированного слоя обмазки. Три дверных проема ведут из комнаты с мозаичным полом во двор, в соседнюю позднюю пристройку и в теплые комнаты бани. Вдоль стены со стороны ниши с бассейном построено узкое и невысокое сидение. Назначение этой комнаты как места отдыха и раздевалки является бесспорным.

Открытая в Гарни раскопками 1953—1954 гг. баня с мозаичным полом является пока что единственным образцом подобных сооружений древней Армении и поэтому мозаика ее представляет большой историко-культурный интерес.

Мозаичный пол в бане занимает площадь в $2,90 \times 2,92$ м. Узор выложен из мелких камешков в 0,5 кв. см и меньше, имеющих не только квадратную, но треугольную и иные формы, в соответствии с техникой *opus vermiculatum*, что позволяло получить более тонкий и правильный рисунок. Только широкий розовый бордюр выполнен из более крупных квадратных камешков в соответствии с техникой *opus tessellatum*¹.

Основание мозаичного пола подготовлено весьма тщательно. Песчаный грунт выровнен и весьма плотно утрамбован, затем выложен тремя рядами булыжника, залитыми известковым раствором. Толщина этого слоя составляет 30—32 см. Поверх него идет слой из обычного известкового раствора (толщина 14—15 см) с большой примесью песка. Самый верхний слой имеет толщину в 3,3 см и состоит из смеси извести, кварцевого песка и толченой черепицы. В подготовленный таким образом грунт вставлены мозаичные камешки из разноцветных (до 15 оттенков) природных камней. Смальты нет вовсе. Удалось выяснить, что разноцветные камни для мозаики были подобраны тут же, в ущелье реки Гарни (или Азат), где сотрудники экспедиции подобрали камни почти всех основных тонов. При дальнейших раскопках были даже обнаружены заготовки или остатки использованных камней. Твердой породы красные или виннокрасные камни попадаются и на самой территории крепости.

Сюжет мозаики взят из греческой мифологии. Изъяны и большие лакуны нарушают его целостность, но все же он читается хорошо (рис. 6).

На светлозеленом фоне моря, со значительным мастерством и тонкими переходами тонов изображены божества, nereиды, ихтиокентавры, рыбы, а также плетеный орнамент. Все это окружено широким розовым бордюром. В изображениях преобладают радостные, светлые тона. В орнамент включены греческие надписи, прочтенные Р. М. Бартияном (ниже они приводятся в его чтении).

В середине пола, в изящной рамке из разноцветного плетеного орнамента, помещены изображения Океана (бюст мужчины с рогами) с надписью ΩKEANOC и Моря (бюст женщины) с надписью $\Theta\text{A}\Lambda\text{AC}[\text{C}]\text{A}$ (рис. 7). Вокруг этого композиционного центра идут полосы с изображениями морских и других божеств, nereид, сидящих на ихтиокентаврах, и рыб.

В северной части мозаики слева направо изображены (рис. 8): в левом углу тонкая и длинная рыба, правее нее мужская фигура с распростертыми руками. В правой руке она держит предмет овальной формы, разделенный на три части. Левее головы первой фигуры надпись $\text{B}\Gamma\Theta\text{OC}$ «глубина»; это, очевидно, персонификация понятия глубины моря в виде ихтиокентавра.

Правее изображена изящная женская фигура, волосы которой свободно падают на плечи. На левом плече заметен верхний конец плаща, падающего вниз за спиной фигуры. Левее ее головы надпись $\Gamma\text{A}\Lambda\text{H}\text{N}\text{H}$ «морская тишь» — название одной из nereид. Она сидит на спине ихтиокентавра и левой рукой держит какой-то предмет в виде коробки. Под ихтиокентавром выложено изображение рыбы с тонкими переходами различных тонов чешуек.

¹ Сб. «Эллинистическая техника», М.—Л., 1948, стр. 118—119; А. В. В и н е р, Материалы и техника мозаичной живописи, М., 1953, стр. 17—20.

Рис. 6. Общій вид мозаичного пола (фото с копии)

Рис. 7. Океан и Таласса

От третьей фигуры сохранились часть головы, рука с каким-то предметом в виде трости с дугообразно вогнутым концом, а ниже несохранившегося туловища заметны две лошадиные ноги. Левее головы этой фигуры надпись ΓΛΑΥΚΟΣ — имя морского бога Главка, покровителя рыбаков и мореходов. Видимо, Главк был изображен в виде ихтиокентавра. У его ног над центральной рамкой с плетеным орнаментом изображены две рыбы.

Правее большая лакуна, где, несомненно, была помещена четвертая фигура.

От пятой фигуры сохранились часть головы с левым глазом, опущенная вниз левая рука, одна лошадиная нога, а также туловище и хвост, как у рыбы. Несомненно, это изображение какого-то бога в образе ихтиокентавра. Левее головы сохранились остатки букв имени, из которых можно разобрать только Η, возможно здесь было написано [Π]Η[ΛΕΥΣ]. На плече этой фигуры покоится рука шестого персонажа, изображение которого сохранилось полностью (рис. 9). Это полуобнаженная, сидящая на спине ихтиокентавра женская фигура, которая в левой руке держит какой-то предмет, возможно зеркало. Как гласит надпись правее головы, это Фетида (ΘΕΤΙΣ), старшая из пятидесяти дочерей морского старца Нерея, жена мифического царя Пелея и мать Ахилла.

Над именем Фетиды изображена сердцевидная фигура, а позади рыба. Ниже хвоста ихтиокентавра, на котором сидит Фетида, находится изображение дельфина с хвостом в виде цветка. Над дельфином идет надпись: ΕΓΙΑΛΟΣ — «морской берег». В греческой мифологии ΕΓΙΑΛΟΣ, точнее ΑΓΓΙΑΛΟΣ, — это сын Инака и океаниды Мелеи или, по другой версии, сын Форнея и Пифо.

На мозаичном поле, идущем вдоль восточной стены, сохранились следующие изображения (рис. 10): слева кормовая часть корабля в виде головы огромного дельфина или другого морского существа; на корме стоит голый крылатый рыбак, который тянет сеть с двумя рыбами в ней. Надпись над головой рыбака ΚΑΛΛΟΣ — «красота» указывает, что и эта фигура является персонификацией отвлеченного понятия. Правее изображения рыбака сохранилась нижняя часть одежды сидящей на спине ихтиокентавра женской фигуры, а под ней три рыбы. Еще правее опять фигура ихтиокентавра, держащая в обеих приподнятых руках предметы, похожие на бокалы. Левее головы была надпись, от которой сохранились три буквы... ΑΙΣ. Под фигурой опять-таки изображение рыб. В правом углу полосы сохранилась прекрасная голова еще одной фигуры и рядом начало имени ΕΥ.... Очевидно, это также изображение одной из нерид, сидящей на спине только что описанного ихтиокентавра.

На полосе, идущей вдоль южной стены, имеются большие лакуны, но несколько изображений все-таки сохранилось (рис. 11). В левом конце полосы прослеживается одна линия волос от головы имевшейся тут фигуры. Правее изображение сидящей фигуры в длинной одежде, левее головы надпись... ΠΛΩ.Α.

Правее еще одна фигура ихтиокентавра с надписью левее головы ΑΓΡΙΟΣ¹. Рядом тоже женская фигура, сидящая на спине ихтиокентавра, с надписью левее и правее головы ΕΠΙΘΥΜΙΑ — «желание». Еще правее сохранилась нижняя часть нагой мужской фигуры, сидящей на камне и удыщей рыбу. Перед фигурой у крючка изображено несколько рыб.

Наконец, на полосе, идущей вдоль западной стены, слева большая лакуна, а почти в середине сохранилась верхняя часть человеческой головы с остатками надписи слева. От этой надписи остались буквы ΡΟ и часть третьей буквы, вероятно Σ. Повидимому здесь изображен бог любви Эрот, что подтверждается помещением справа фигуры богини ΠΙΘΩ, т. е. богини, персонифицирующей любовное сладкоречие и убеждение. Повидимому, Пифо сидит на спине ихтиокентавра, в виде которого изображен Эрот. Еще правее сохранилась верхняя часть волос крылатой фигуры с надписью ΠΟΘΟΣ. Это олицетворение любовного желания. Пифо, Пофос и Гименей, согласно мифам, сопровождают богиню красоты и любви Афродиту. Возможно, что фигуры Гименей и

¹ Агриос — орфическое прозвище Аполлона и Диониса (RE, s. v.). В нашей мозаике, вероятно, имеется в виду Дионис.

Афродиты были изображены и на публикуемой мозаике левее Эрота, там, где имеется большая лакуна.

Центральной фигурой мозаики является Океан — бог пресных вод, отец 3000 рек и 4000 океанид. По другой версии, Океан — отец всех богов. Рядом с Океаном помещено изображение Моря, матери Афродиты. Вокруг них хороводом идут фигуры морских божеств, нерсид и рыб, заканчиваясь под западной стеной изображениями Эрота и сопровождающих его божеств.

Таким образом, на гарнийской мозаике изображены мифические сюжеты, связанные с порождением жизни при помощи животворной воды, с любовью, связывающей все существа для продолжения рода, для долговечности самой жизни. Жизнь, любовь, плодородие — вот основное содержание гарнийской мозаики.

Особенный интерес представляет надпись, расположенная на самом видном месте мозаики, в центральной орнаментальной рамке, над головами Океана и Моря: ΜΕΔΕΝ ΛΑΒΟΝΤΕΣ|ΗΡΓΑΣΑΜΕΘΑ «потрудились, ничего не получив». Высказывалось предположение, что эта надпись выражала социальный протест, возможно рабов или военнопленных. Но это нам кажется маловероятным. Предполагать, что в царской крепости рабы или военнопленные могли оставить надпись, содержащую протест, да еще на таком видном месте, не приходится. Возможно, что баня с мозаичным полом принадлежала царю и художники (судя по изображениям мозаичного пола и надписям, их было несколько человек) работали безвозмездно, чтобы заслужить особое внимание и милость государя. В таком случае выдающиеся мастера-художники могли бы получать право на оставление надписи, полной чувства гордости за свое замечательное произведение. Наконец, эта надпись, написанная ямбическим триметром, может относиться к деятельности Океана и Моря, над головами которых она и помещена¹.

Небольшие остатки мозаики были найдены также в нише третьей комнаты, но в сильно разрушенном виде.

Гарнийский мозаичный пол, вероятно, в самом начале IV в., при принятии христианства, был заброшен. На нем был значительный слой земли, и здесь, как в заброшенном месте, еще в древности разводили костер, отчего почернела мозаика у юго-западного угла центральной рамки и левее, до розовой каймы под западной стеной.

Уже давно известны несколько образцов армянской мозаичной живописи². Еще в 60—70-х гг. прошлого столетия в Иерусалиме открыты мозаичные полы гробниц и иных сооружений VI в. н. э. с армянскими надписями, сохранившими имена армянских князей: Артавана, Валана и княгини Шушаник³. Мозаичной живописью были украшены также стены храма Звартноц (середина VII в.), от коих, к сожалению, сохранились незначительные остатки. Здесь были применены природные камни-самородки, а также смальта с позолотой. Остатки мозаичной живописи были открыты также в Двине, где мозаикой были украшены стены, возможно и пол кафедрального собора, перестроенного в начале VII в. из ранней базиличной церкви. Еще более древний мозаичный пол, с геометрическим орнаментом из камней был обнаружен в том же соборе в 1951 г. после снятия его пола. Здесь существовала большая трехнефная базилика, к которой, по мнению К. Г. Кафадаряна, и относится нижний мозаичный пол. К. Г. Кафадарян датирует эту мозаику V веком⁴.

¹ Такое предположение высказал проф. Л. А. Мацулевич при посещении Гарни в 1954 г.

² Мозаичные полы из разноцветных камней на территории Армянского нагорья строились еще при урартах. Б. Б. П и о т р о в с к и й, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 254.

³ «Арагат» (армянский ежемесячник), 1872, стр. 493—494; 1876, стр. 195; «Zeitschrift des Deutschen Palästina Vereins», XVIII, XXIV и XXXII; Н. П. К о н д а к о в, Археологическое путешествие по Сирии и Палестине, СПб., 1904, стр. 257, табл. LXI и LXII.

⁴ К. Г. К а ф а д а р я н, Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952, стр. 97—98 (на армянском языке).

Все приведенные мозаичные изображения по сюжету и стилю резко отличаются от гарнийской мозаики и принадлежат культуре феодальной Армении, в то время как публикуемая мозаика по сюжету, идейному содержанию и стилю всецело принадлежит античной культуре. Это обстоятельство обязывает нас искать ей аналогии среди памятников культуры средиземноморских рабовладельческих обществ.

В известных мозаиках античного мира нет полной аналогии гарнийской мозаике по сюжету и композиции, но детали ее сходны с отдельными изображениями некоторых античных мозаичных полов. При этом наиболее близкие аналогии можно отметить на Востоке, в частности в Сирии.

Изображение Океана и Моря (или Океана и Талассы) в антиохийских мозаиках — обычное явление. Здесь впервые оно встречается в так называемом «доме календаря», датированном концом I — началом II в.¹ Но гарнийской мозаике близки изображения III—IV вв. По сюжету, технике и стилю гарнийская мозаика близка также полихромным мозаичным изображениям на полах ряда комнат виллы или дома № 1 в Дафне, вблизи Антиохии. Здесь на полу первой комнаты изображены бюсты Океана и Моря². В шестой комнате изображена Таласса с клешнями, выходящими из ее головы, драконы, Эрот, сидящий на дельфине и удящий рыбу³. В восьмой комнате изображены женские и мужские фигуры, персонифицирующие плоды, поле и вино. Надписи при этих фигурах палеографически сходны с гарнийскими и также расположены у голов фигур. Совершенно сходен мотив витой рамки, заключающей эти фигуры⁴.

Наиболее близкую параллель представляет мозаика комнаты № 17. Здесь в орнаментальной рамке изображены бюсты женщины и мужчины (Таласса, или Фетида, и Океан). Из головы женского божества выступают клешни, а Океан снабжен рогами, как на гарнийской мозаике. В правом нижнем углу изображен обнаженный крылатый рыбак (Эрот), который тянет сеть с попавшими в нее рыбами⁵. На противоположном углу (по диагонали) крылатый рыбак удит рыбу стоя. В других двух углах рамки изображено по одному эроту, сидящему на дельфине⁶. Как в этой комнате, так и в других помещениях изображено много рыб, с иконографией которых очень сходны изображения рыб гарнийской мозаики.

Ряд деталей антиохийских мозаик имеет аналогии в изображениях гарнийской мозаики, например, рыбак, сидящий на скале и удящий рыбу, коробочка, трость с изогнутым концом, зеркало и другие предметы в руках фигур⁷.

Издатели отчета о раскопках⁸ и исследователь антиохийских мозаик Д. Леви⁹ датируют дафнийскую виллу с ее мозаиками временем Константина I (306—337 гг.), а другой исследователь — К. Р. Морей — III веком.¹⁰ Гарнийская мозаика представляется нам синхронной с дафнийскими; разница во времени может быть незначительной.

Кроме антиохийских мозаик III в. — начала IV в., гарнийская мозаика по технике выполнения и по стилю сближается также с джерашскими мозаиками, которые, по мнению издателя,¹¹ были в IV в. скопированы с образцов I или II вв.¹¹

Морские мифологические сюжеты в мозаичной живописи других стран античного

¹ «Antioch on-the-Orontes», II, стр. 151, табл. 51, секция В; D. L e v i, Antioch Mosaic Pavements, I, стр. 599, II, табл. VI.

² «Antioch on-the-Orontes», II, стр. 183, табл. 33, секция В.

³ Там же, стр. 185, табл. 39, секция I.

⁴ «Antioch on-the-Orontes», II, стр. 186, табл. 40, секция А.

⁵ Изображение рыбака, тянущего сеть, а также рыбака, удящего рыбу сидя на камне, встречается и в тунисских мозаиках (см. «Inventaire des Mosaïques de la Gaule et de l'Afrique», II, P., 1913, № 18.

⁶ «Antioch on-the-Orontes», III, стр. 191, табл. 66.

⁷ Там же, II, стр. 196—197, табл. 61.

⁸ Там же, стр. 3.

⁹ D. L e v i, Antioch Mosaic Pavements, стр. 625—626.

¹⁰ C. R. M o r e y, The Mosaics of Antioch, L.—N. Y.—Toronto, 1938, стр. 33—34.

¹¹ Gerasa City of the Decapolis, стр. 458—459, табл. 85 В.

мира, в частности во II—IV вв., встречаются весьма часто. Изображения Океана и Моря, тритонов и nereид, сцен рыбной ловли, рыб, дельфинов и других морских существ, реальных и мифических, имеются на мозаичных полах Италии и Северной Африки, Балканских стран, в Малой Азии и позднее в Византии¹.

Известное технико-стилистическое сходство публикуемая мозаика имеет и с другими восточными мозаиками, например с шапурскими (Иран), датруемыми III веком².

Таким образом, гарнийская мозаика находит свое место в кругу восточных мозаик III — начала IV в. Для уточнения датировки гарнийской мозаики, конечно, следует принимать во внимание не только ее сюжет, композицию, технику выполнения, стиль и другие особенности, но и те конкретные историко-культурные предпосылки, которые обуславливали ее создание. Важное значение имеет также стратиграфия культурного слоя с мозаикой и обнаруженные в нем предметы, помогающие датировке всего сооружения.

Гарнийская мозаика полихромна. Полихромная мозаика развивается, начиная с конца I в. до н. э., достигает своего расцвета во II—III вв., в массовых масштабах применяется во второй половине III в., уже приобретает черты упадка, и вновь возрождается в византийское время³. Первоначально изображения делались темными цветами на светлом фоне, а со времен Антонинов и позднее они приобретают весьма богатую гамму красок. (R. P. Hinks, ук. соч., стр. LVI.) В гарнийской мозаике, как отмечалось выше, встречаются камни 15 оттенков, составляющих богатый полихромный узор.

Весьма важно сочетание в гарнийской мозаике техники *opus tessellatum* с техникой *opus vermiculatum*, что считается явлением позднего времени (III—IV вв.). Однако *opus tessellatum* применен только в широком розовом бордюре, а все изображения сделаны по более совершенной технике *opus vermiculatum*. Кроме того, для мозаик IV в. характерна крупная и грубая тессера (камешки) с неплотным и менее тщательным их расположением (R. P. Hinks, там же; Т. Иванов, ук. соч., стр. 22, 30), тогда как камешки гарнийской мозаики имеют небольшие размеры во всех частях рисунка (около $\frac{1}{2}$ кв. см) и расположены весьма плотно, что позволяет отнести мозаику к III веку.

Для античных мозаик позднего времени характерно также сочетание графических контурных линий с ранее установленными пластическими формами передачи рисунка при помощи светотени. При этом умеренное применение графических линий, что наблюдается и на гарнийской мозаике, характерно именно для III века⁴.

¹ B. N o g a r a, *Mosaici antichi conservati nei palazzi pontifici del Vaticano e del Laterano*, Milano, 1910, Табл. XXXIX, XLI, XLIII, XLV, LI (тритоны, nereиды и другие морские существа); «The Great Palace of the Byzantine Emperors, Being a First Report on the Excavations», L., 1947, стр. 77—78, табл. 33, 47 (рыбак, сидящий на скале и уходящий рыбу); Th. A s h b y, *Recent Discoveries at Ostia*, JRS, II, 2, 1912, стр. 171, табл. X (изображения Нептуна, Амфитриты и др.); «Inventaire des mosaïques de la Gaule et de l'Afrique. Planches», I, P., 1911, № 376 (Фетида, Тритон и другие фигуры); то же, Planches, II, P., 1913, № 448 (изображение Океана), № 936 (рыбаки на лодке); W. D e o n a, *L'Art romain en Suisse*, табл. 51, 54, 57 (Нептун или Океан, Амфитрита на тритоне и др.); R. P. H i n k s, *Catalogue of the Greek, Etruscan and Roman Paintings and Mosaics in the British Museum*, L., 1933, стр. 76, табл. XXVIII (изображение Океана или Главка), стр. 76—77, рис. 83; № 17a (тритон, nereиды и др.).

² Р. Г и р ш м а н, *Раскопки французской экспедиции города Шапура в Фарсе*, КСИИМК, XV, 1947, стр. 43—45, рис. 25—27.

³ F. v. L o g e n z, *Mosaik* (RE, s. v.); R. P. H i n k s, *Catalogue of the Greek, Etruscan and Roman Paintings and Mosaics...*, стр. LVI; M. E. B l a k e, *Mosaics of the Late Empire in Rome and Vicinity*, «Memoirs of the American Academy in Rome», XVII, 1940, стр. 99; Т. И в а н о в, *Римская мозаика от Улпия Ескус*, София, 1954, стр. 19, 29.

⁴ М. Е. B l a k e, ук. соч., стр. 101—102, 104, 106, 108, табл. 21.

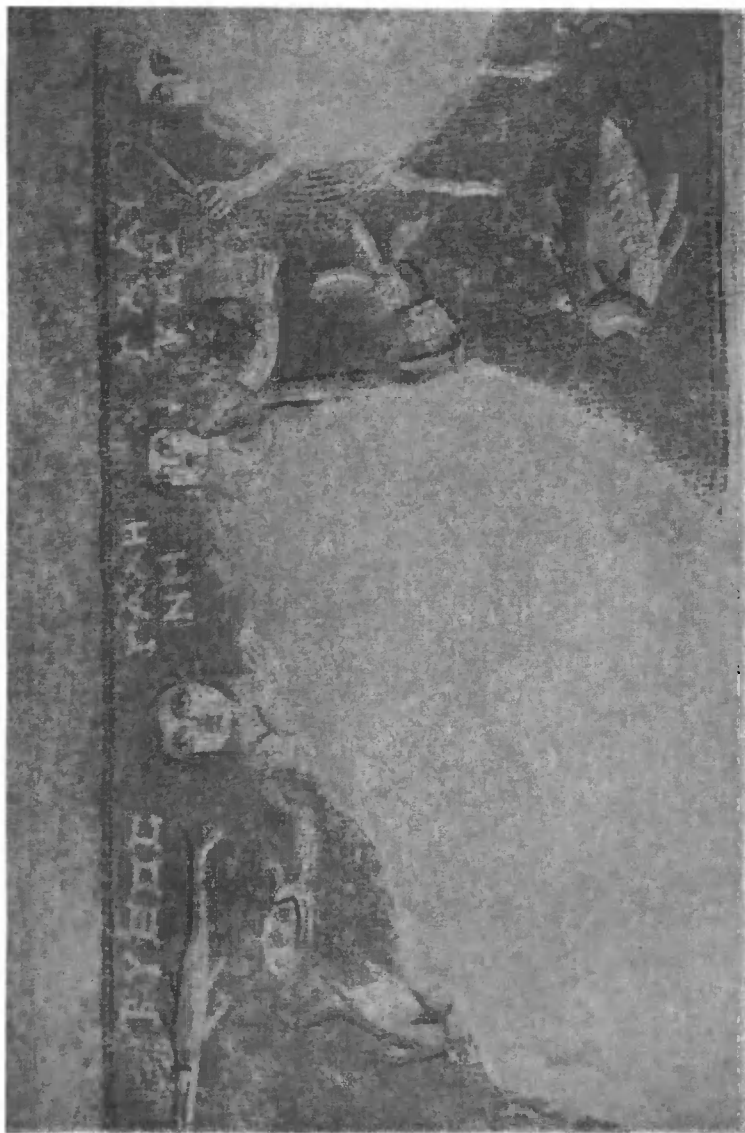

Рис. 8. Бютоос, Галенѣ и Главк

Рис. 9. Фетида

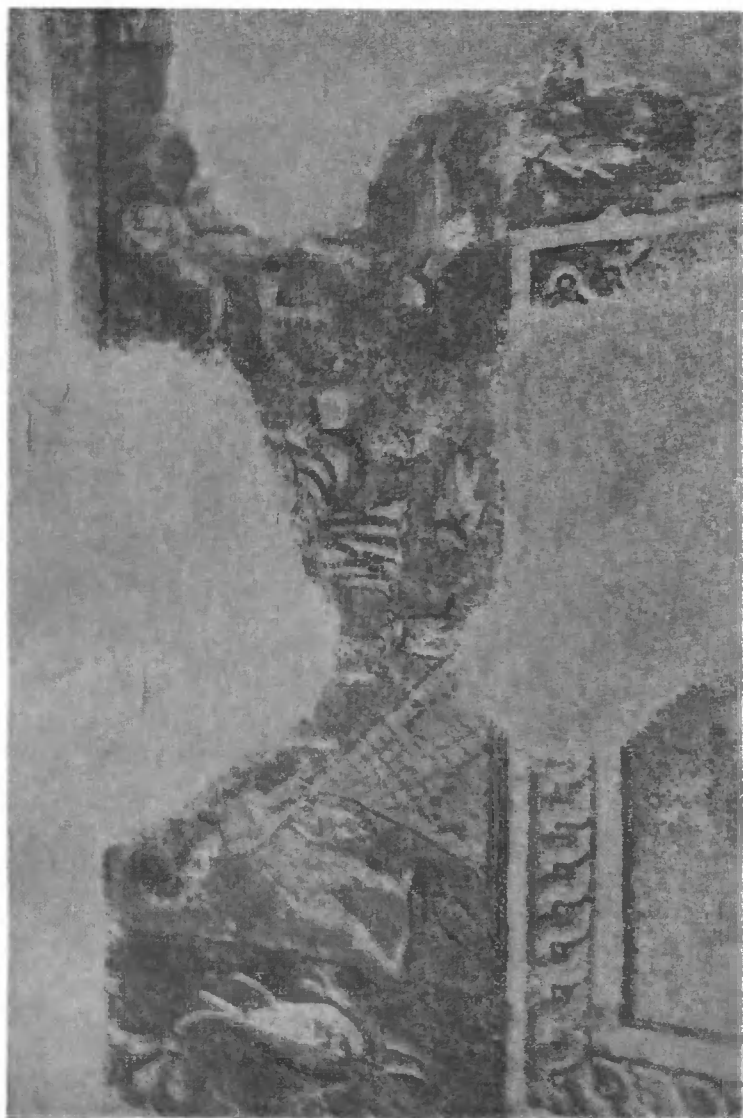

Рис. 10. Восточная часть мозаики

Рис. 11. Южная часть мозаики

Для мозаик позднеримского времени весьма свойственна персонификация: времена года, месяцы, дни, разные явления и понятия изображались в виде людей и животных. Персонификация широко применена и в гарнийской мозаике. Это обстоятельство вместе с техническими особенностями и стилем не позволяет датировать гарнийскую мозаику раньше второй половины III в.

Для определения времени гарнийской мозаики важное значение имеют также ее композиционные особенности. Известно, что сюжет наиболее поздних античных мозаик сильно раздробляется, отдельные их части окружались рамками и медальонами; фигурные изображения переплетались с геометрическими и растительными орнаментами, теряя свою монументальность и ясность. Этого нельзя сказать относительно гарнийской мозаики, где композиция сохраняет свою целостность и собранность вокруг единого центра, как это бывает в эллинистических и позднеэллинистических мозаиках. В позднеримских мозаиках меняется и светлый фон изображения, становясь часто цветным, даже темным¹. Фон гарнийской мозаики светлозеленый.

Обращает на себя внимание наличие сильных эллинистических традиций и отсутствие римских черт в гарнийской мозаике. Это объясняется, с одной стороны, большой живучестью эллинистических традиций на Востоке и меньшим влиянием римской культуры, с другой стороны — не очень поздним временем гарнийской мозаики. В пользу этого говорит также еще довольно сочный и пластический рисунок центральной эмблемы и большей части изображений. Говоря об искусстве гарнийской мозаики, о пропорциях и стиле ее изображений, следует отметить, что не все изображения выполнены на одинаковом уровне. Фигуры центральной эмблемы, хотя они плохо сохранились, и изображения северной половины пола выполнены достаточно пластично и пропорционально, чего нельзя сказать о фигурах южной половины комнаты. Тут ясно чувствуется разная рука и разный уровень мастерства нескольких мозаичистов, работавших в Гарни; на это указывают и особенности надписей мозаики.

В целом изображения гарнийской мозаики носят отпечаток упадка античного искусства, но отнюдь не в той мере, как это наблюдается в мозаиках IV в. или в рельефах гробницы армянских Аршакидов в Ахце, возведенной на склоне горы Арагац в 360-х годах, и других синхронных рельефов, отличающихся сильной диспропорцией и примитивностью фигур. Известную примитивность и диспропорцию отдельных фигур южной половины мозаичного пола следует отнести к низкому мастерству их исполнителей, а некоторое отклонение гарнийской мозаики от ряда образцов мозаик III в. объясняется особенностями местного искусства.

Весьма важное значение для датировки гарнийской мозаики имеет ее сюжет — он чисто языческий, в нем нет решительно никаких признаков христианской идеологии. Хотя история искусства дает много примеров, когда языческие сюжеты в Византии появлялись после Миланского эдикта, даже после первого церковного собора 325 г., в Армении этого быть не могло.

По исторической традиции христианство в Армении было принято при Тиридате III (301—303 гг.). Эта дата признается достоверной большинством арменоведов, хотя отдельные ученые высказались за несколько более раннюю или несколько более позднюю датировку указанного события, однако не позднее второго десятилетия IV в.² Если в Византии Миланским эдиктом Константина I христианство лишь допускалось к почитанию наряду с язычеством, в Армении оно было провозглашено государственной религией и насаждалось силой оружия царем Тиридатом III. Борьба за утверждение христианства в Армении приняла форму кровопролитных столкновений, несомненно, не лишенных социального содержания. Идеологическая борьба церкви против языче-

¹ R. P. H i n k s, ук. соч., стр. LVLII; F. v. L o r e n z, ук. соч., стр. 339—340; P. G a u k l e r, Musivum opus (D a r e m b e r g — S a g l i o, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, III, стр. 2110—2112; Т. И в а н о в, Римская мозаика..., стр. 19.

² М о в с е с Х о р е н а ц и, История Армении, перевод на современный армянский язык Ст. Малхасянца, Ереван, 1940, см. прим. к стр. 352—353, 363.

ства приняла исключительно острые формы. Языческие храмы, скульптурные изображения богов и другие памятники искусства беспощадно уничтожались. Об этом свидетельствуют не только подробные сведения историков, но и раскопки в Гарни, где обнаружено много обломков статуй, разгромленных и выброшенных при принятии христианства. Гарнийская мозаика с ее языческим сюжетом и изображениями языческих божеств не могла бы появиться после принятия в Армении христианства, в условиях острой и непримиримой борьбы с языческой культурой и идеологией. Таким образом, гарнийская мозаика могла бы возникнуть не раньше второй половины III в., но и не позднее самого начала IV в., до принятия христианства в Армении. Не исключена возможность, что она построена по заказу царя Тиридата III, до принятия им христианства. В этом отношении достойны внимания те исторические сведения, по которым Тиридату III приписывается строительная деятельность в Гарни¹.

Датировка гарнийской мозаики концом III в. подсказывается также данными раскопок. Очевидно, что баня и мозаичный пол предбанника сооружены одновременно. Кладка стен из булыжника или колотого, но не отесанного камня, на известковом растворе или из обожженных кирпичей особых размеров (тонких, как черепица), каковые встречаются в кладке стенки между мозаичной комнатой и ее полукруглой абсидой, совершенно не известна в армянской архитектуре IV—V вв. Все это относится к более раннему времени. При раскопках слоя земли, лежащей непосредственно над полом бани, толщиной более 0,5 м, не было найдено ни одного предмета IV—V вв. Обломки керамики, найденные здесь, весьма близки к керамике, обнаруженной тут же в Гарни, в погребениях II—III вв. Отдельные черепки своей орнаментацией (черепок большого сосуда с цепью из выемчатых кружочков на накладном рельефном поясе²) или профилировкой венчика сближаются с парфянской керамикой и с керамическими сосудами из Дура-Европоса, датируемыми III веком³. К этому времени относятся также фрагмент мраморной колонны с косыми каннелюрами и обломки от мраморной статуи, найденные в бане в той части, где гипокауст был разрушен еще в древности. Все это явные признаки, показывающие, что баня была заброшена очень рано, возможно даже в IV в. Во всяком случае после падения армянского царства (428 г.), во время народного восстания против персидского владычества (450—451 гг.), крепость Гарни, где укрепились персидские войска, была разрушена повстанцами⁴; о строительстве Гарни в этот период не может быть и речи.

Датировке гарнийской мозаики концом III в. не противоречит и характер ее надписей. Особенности их являются замена дифтонгов AI и EI звуками E и I (EΓIAAOC взамен AΓIAAOC и ΠIΘΩ взамен ΠEΙΘΩ) — явление, которое считается характерным для II—III вв. Совершенно отсутствуют лигатуры, которые (хотя и редко) встречаются в мозаиках IV в. и изобилуют в тигравакертской надписи, правда, высеченной на камне⁵.

Начертание букв в разных частях мозаичного пола заметно варьирует. Все буквы прямоугольные, почти квадратные, что не характерно для IV века, когда они вытягиваются по вертикали. Ω в надписи также квадратная и лишь в одном месте круглая. Буквы большинства надписей имеют апексы; исключением являются надпись в центральном квадрате, надпись у крылатого рыбака и других фигур, расположенных у восточной стены. Апексы в виде выступов по углам букв характерны для II и в особенности для III века, в IV в. они исчезают. Наличие выступов в углах букв большин-

¹ Мовсес Хоренаци, История Армении, кн. II, гл. 90.

² «A Survey of Persian Art», IV, табл. 181A.

³ «The excavations at Dura-Europos», Final Report, IV, New-Haven, 1943, табл. XVII.

⁴ Египше, История, Тифлис, 1912, стр. 87—88.

⁵ К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 284.

ства слов и отсутствие их лишь в некоторых надписях свидетельствуют о только начавшемся переходе от одной формы букв к другой и говорят в пользу датировки мозаики концом III в. Д. Леви приводит палеографическую таблицу надписей, встречающихся на мозаичных полах Антиохии, разграничивая формы шрифта временем Константина¹. Если бы мы попытались разместить буквы гарнийских надписей в таблице Д. Леви, то почти все буквы попали бы в первую часть таблицы, датированную доконстантиновским временем.

Исходя из всего вышеизложенного, гарнийскую мозаику следует отнести ко второй половине, скорее к концу III в. и к самому началу IV в. Годы правления Тиридата III, когда он еще был язычником, следует считать наиболее поздним, вместе с тем наиболее вероятным временем для возникновения этой мозаики. Верхний предел датировки гарнийской бани определяется принятием христианства в Армении в 301—303 гг.

Известно, что римские войска временами находились на территории Армении. В I в. и в начале II в. в Гарни стоял римский гарнизон, когда римляне оказывали помощь Тиридату III в его борьбе против общего врага — Сасанидской Персии. Легче всего было бы гарнийский храм и гарнийскую мозаику связать с римлянами. Однако такое упрощенное определение противоречило бы всему характеру политического, экономического и культурного развития древней Армении, ее эллинистическим традициям. Неоднократные попытки римлян в I—III вв. захватить Армению потерпели неудачу, встретив упорное сопротивление армянского народа, а пребывание римских войск в Армении в качестве оккупантов было весьма кратковременным. Связать гарнийскую мозаику с римским искусством нет достаточных оснований. В ней слишком сильны эллинистические черты, которые видоизменялись в результате собственного хода развития культуры и искусства в Армении и соседних странах. Не случайно также полное отсутствие на гарнийской мозаике латинских названий, нарицательных имен и письменных знаков, хотя кое-где в Армении встречаются латинские надписи, оставленные римлянами.

Открытие на территории Армении мозаики с сюжетами, взятыми из античной мифологии, и с греческими надписями нельзя считать явлением неожиданным. Известно, что использование греческих мифов, названий и письмен было обычным явлением для всех стран, входивших в круг так называемого эллинистического мира, правда, в разных масштабах и в разной степени. В Армении эллинистическая культура, конечно, не приобрела таких форм, какие она приобрела в Сирии и в странах Малой Азии, но она развивалась и здесь, в частности среди господствующей верхушки и городского населения. Общеизвестны факты применения в Армении греческого языка и письмен при дворе и для официальных документов, в том числе и эпиграфических, начиная с III в. до н. э. и до создания армянской письменности, применения греческих легенд на монетах армянских царей. Известно, что армянский царь Артавазд II писал трагедии и исторические сочинения на греческом языке. Имена греческих богов вошли в армянский пантеон, были переняты некоторые формы в архитектуре и в других отраслях искусства и культуры. Они обогатили культуру армянского народа, в той или иной мере влились в нее. Таким образом, на почве Армении развивалась своя эллинистическая культура с общими для культуры эллинистического мира чертами, но также и с присущими ей одной особенностями. Армянская культура не перестала быть армянской, она приобрела лишь эллинистические черты, характерные в эту эпоху для широкого круга стран. Это относится к культуре древней Армении в целом, но если речь идет о частных и конкретных проявлениях в той или иной области ее культуры, то степень восприятия и усвоения элементов культуры Греции и других эллинистических стран в определенный исторический отрезок времени и в соответствии с конкретными условиями сильно колебалась. В культуре всего народа в целом решающее значение имели свои, «национальные» корни, с которыми сливались элементы, перенятые извне вследствие экономического, политического и культурного общения с другими странами. А в отдельных проявлениях культуры и в конкретных случаях могли преобладать

¹ D. L e v i, *Antioch Mosaic Pavements*, I, стр. 628—629.

иноземные формы, в частности среди господствующей верхушки, например, применение греческого языка. Конкретизируя эти положения в отношении гарнийской мозаики, конечно, следует сказать, что она памятник культуры господствующей верхушки и в ней преобладают заимствованные мотивы и формы. Но несомненными являются также местные особенности в выборе ее сюжета и композиции, в ее колорите и цветовых гаммах, в технике выполнения и в передаче изображений. Также и сюжет мозаики мог отвечать вкусам местного населения. В Армении в те времена, конечно, было и определенное количество людей, знающих и ценивших не только греческий язык, но и греческие мифы. Отзвуки этого мы находим в конце V в. у Мовсеса Хоренаци, который, погрязая некоторые персидские мифы, одновременно высоко ценил греческие, говоря: «Или это — изящная, вылощенная басня греков со смыслом, в которой под иносказанием скрывается истина»¹.

Исходя из того факта, что в стране было развито множество ремесел, известных в древнем мире, что высокого уровня достигли древнеармянская архитектура и градостроительство, мы полагаем, что в Армении существовали материальные условия для создания такого памятника искусства, каким является гарнийская мозаика. Известно, что без определенного уровня развития производительных сил, без далеко зашедшего разделения общественного труда, в Армении, как и повсюду, не могло бы возникнуть до двух десятков городов, с общественными и частными сооружениями, храмами, театрами, дворцами и т. п. Конечно, наличие довольно высокого уровня экономики древней Армении не исключает, а, наоборот, предполагает тесное экономическое и культурное общение с окружающим миром. Об этом имеются прямые письменные свидетельства не только у греческих², но и у армянских историков³. Конечно, среди жителей, переселенных в Армению Тиграном II из двенадцати эллинистических городов Малой Азии, было много ремесленников, которые продолжали работать и на территории Армении. Это обстоятельство лишь способствовало развитию армянской культуры, оказавшей вполне способной перенять и развивать новые черты эллинистической культуры. Только поэтому могла быть создана мозаика в Гарни. Ее появление было обусловлено тем, что существовало в течение долгих веков армянское рабовладельческое государство, создавшее политически благоприятные условия для развития культуры и искусства. Говоря об этих общеизвестных фактах, мы хотели только подчеркнуть, что при рассмотрении вопросов о развитии культуры и искусства древней Армении нельзя игнорировать общий уровень развития страны в экономическом, политическом и культурном отношении. А этот уровень был довольно высок. Он позволяет утверждать, что та культура древней Армении первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры, которая известна пока лишь по случайным находкам, по незначительным раскопкам в старом Вагаршапате, Ашнаке, на берегу Севанского озера и в основном благодаря раскопкам Гарни, могла быть создана и действительно была создана самим армянским народом.

Гарнийская же мозаика была создана для господствующей верхушки и является памятником ее культуры, имевшей эллинистический облик. Этим лишним раз подтверждается, что эллинистическая культура среди господствующей верхушки Армении имела довольно глубокие корни. Гарнийская мозаика могла быть выполнена мастерами — жителями Арташата, Вагаршапата или других городов, работавшими, вероятно, не только над одной этой мозаикой. Исследования ученых Советской Армении, в частности результаты раскопок Гарни показывают, что мы стоим на пороге выявления и изучения той культуры, которая пока мало известна, но которая создавалась армянским народом в течение ряда веков в дофеодалной Армении.

Б. Н. Аракелян

¹ Мовсес Хоренаци, Приложение к первой книге, «Из персидских мифов», стр. 48.

² P l u t., Lucull., 26, 2; S t r a b o, XI, 14. 15; XII, 2, 9.

³ «История Армении» Фавстоса Бузанда, кн. IV, гл. LV (русский перевод, Ереван, 1953); Мовсес Хоренаци, II, 16, 19, 49, 65; III, 35.

СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ БЛИЗ НОГАЙСКА

(По материалам раскопок Н. И. Веселовского в 1887 г.)

В богатых фондах Государственного Исторического музея хранятся многие интересные материалы, еще не использованные исследователями в должной мере. К числу таких ценных и мало известных источников следует отнести комплекс вещей (инв. № 25611) из раскопанных в 1887 г. Н. И. Веселовским курганов близ города Ногайска у с. Обиточного, по северному побережью Азовского моря. Н. И. Веселовский сделал лишь небольшое сообщение об этих работах и не опубликовал своих находок¹. Между тем часть погребений, несомненно, принадлежит скифам. Это обстоятельство делает особенно важным изучение материала данных курганов, так как скифские погребения из Приазовья почти неизвестны в археологической литературе. Среди обнаруженных Н. И. Веселовским предметов имеется небольшое количество вещей скифского времени, особенно интересны предметы с изображениями в скифском зверином стиле. В группе курганов у с. Обиточного прослеживаются и некоторые детали погребального обряда, которые позволяют сопоставлять ее с другими скифскими курганами степной Украины. Особенно важно то, что большинство изучаемых погребений датруется несколько более ранним временем, чем основная масса курганов нижнеднепровских степей, относящаяся к IV—III векам до н. э. и включающая в себя такие памятники, как Чертомлык, Солоха и др.

Курганы у с. Обиточного расположены следующим образом: ближайшим к селу был курган, называемый «Острая могила», а к западу от него на протяжении версты находятся другие пятнадцать курганов. Н. И. Веселовским были раскопаны «Острая могила» и восемь ближайших к ней курганов, а также курган у с. Владимировки. Время сооружения некоторых курганов не может быть определено, так как они оказались совершенно разграбленными (курган № 4, курган № 7 и центральное погребение кургана «А»). Несколько курганов имели поздние кочевнические погребения (курган № 5, курган № 8 и впускное погребение кургана «А»). Курган № 2 и курган № 3, насыпанные еще в эпоху бронзы, имели впускные погребения скифского времени (курган № 3) и более поздние кочевнические (курган № 2 и курган № 3). «Острая могила», курган № 6 и курган у Владимировки имели только скифские погребения.

Курган № 6, высотой в 2,13 м, имел продолговатую форму насыпи. Н. И. Веселовский указывает, что внешний вид кургана позволяет предполагать дополнительную насыпку, сделанную над впускным погребением с южной стороны (ук. соч., стр. LXXII). В сильно перерытой насыпи кургана был слой камки и много камней, которые лежали в беспорядке. Повидимому, этот курган принадлежал к тому типу курганов, которые были, как пишет Н. И. Веселовский, характеризую данную курганную группу, выложены внутри дикарным камнем больших размеров в один или несколько слоев (там же, стр. LXX). Веселовский указывает, что такие курганы обычно имели и окружающую их каменную стену. Здесь же, в насыпи Н. И. Веселовским были найдены 15 бронзовых стрел, толстое бронзовое кольцо и три треугольные золотые пластины с изображениями в скифском зверином стиле.

Глубина могильной ямы—2,70 м, площадь ее — 4,26×3,20 м. В могильной яме, судя по записям Н. И. Веселовского, были найдены человеческие и конские кости, окрашенные в зеленый цвет, целая бронзовая стрела и половинка такой же стрелы, ручка от амфоры, кусок бронзы и два куса железа, кусок сгнившего дерева и большой камень в виде плиты. Ни один из этих предметов в Исторический музей не поступил. Бронзовая стрела и ручка амфоры позволяют отнести могилу к скифскому времени. Никаких других погребений Н. И. Веселовский в кургане № 6 не указывает.

¹ Записки Императорского Русского археологического общества, т. III, новая серия, СПб., 1887—1888, Протоколы, стр. LXIX—LXXVII. Еще более краткое сообщение было в отчетах Археологической комиссии (ОАК, 1887, стр. CLXXIII сл.).

Можно считать, что эта могила была основной и что курган был насыпан для погребенного в ней воина.

Однако курган № 6 содержал, повидимому, кроме основного погребения, второе, тоже скифское, погребение, расположенное в насыпи, там, где Н. И. Веселовским были найдены упомянутые выше вещи скифского времени. В пользу существования впускного погребения свидетельствует продолговатая форма насыпи, что было отмечено еще Н. И. Веселовским. Курган, как пишет Н. И. Веселовский, подвергся ограблению дважды: один раз в древности, другой раз за год до начала раскопок. Древний грабительский ход шел прямо в основную могилу. По отчету, к сожалению, остается неясным, достигли ли современные Н. И. Веселовскому грабители основной могилы или ими была перерыта лишь насыпь. Кладонискатели нашли разнообразный и богатый инвентарь: две амфоры средней величины (без клейм), два скелета, бронзовые стрелы, кусок золотой толстой проволоки (гривна) и много золотых пластинок¹. Так как основное погребение было ограблено уже в древности, то вряд ли возможно, что кладонискателям удалось бы собрать в нем такое большое количество золотых вещей. Поэтому с большим основанием можно предполагать, что грабителями XIX в. было разграблено впускное скифское погребение в насыпи. Вещи, найденные Н. И. Веселовским в насыпи, повидимому, представляют собой остатки инвентаря этого погребения. Были ли основное и впускное погребения приблизительно одновременны или между ними был значительный хронологический разрыв — определить нельзя, так как до нас совсем не дошли вещи из основной могилы.

Рассмотрим инвентарь предполагаемого впускного погребения. Одна из золотых пластин имеет правильную форму равнобедренного треугольника (рис. 1). Вся ее поверхность сплошь покрыта рядами штампованных изображений птичьих голов, на-

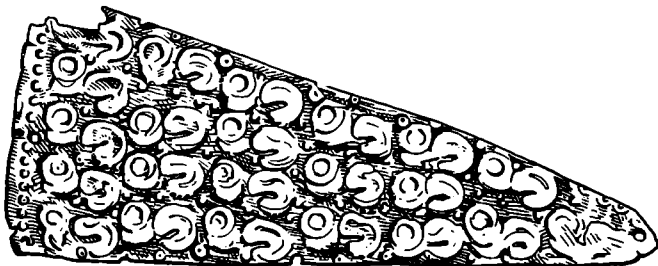

Рис. 1. Курган № 6. Золотая пластина (н. в.).

правленных клювами к вершине треугольника. Птичьи головы трактованы в скифском зверином стиле, имеют большой круглый глаз, несколько выступающий за контур головы, и крупный загнутый крючком клюв. По краям пластины идут 14 маленьких отверстий, в четырех из которых сохранились золотые гвоздики. Можно думать, что этими гвоздиками пластина была прикреплена к кожаному или деревянному предмету. Точных аналогий данная пластина не имеет. Трактовка птичьих голов характерна для раннего скифского звериного стиля. Но эту же трактовку, правда, значительно реже, можно встретить и среди памятников IV—III вв. до н. э.

Несколько иные две другие пластины (рис. 2). Они также имеют форму треугольника, но значительно менее выдержанную, и также украшены штампованным рисунком. Каждая из них, повидимому, представляет стилизованное изображение головы птицы. Средняя часть пластины занята изображением восковицы клюва, орнаменти-

¹ Н. И. Веселовский, ук. соч., стр. LXXII. Частично вещи были отобраны и переданы в Археологическую комиссию, но не издавались. Место их хранения установить не удалось.

рованной рядами мелких выпуклостей. Заостренная часть пластины, повидимому, представляет клюв. Ряд более крупных выпуклостей, идущих от восковицы по несколько вогнутому краю клюва, может быть понят как изображение зубов. Контур двух длинных сторон пластины окаймлен узким бордюром, так же украшенным маленькими выпуклостями. У основания пластины бордюр несколько шире, и выпуклости на нем

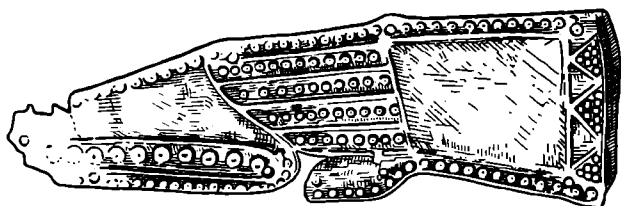

Рис. 2. Курган № 6. Золотая пластина (н. в.).

составляют треугольники. По краям пластин также имеются отверстия, в некоторых из них сохранились золотые гвоздики. И эти пластины не имеют точных аналогий среди известных памятников. Изображение восковицы по форме и разделке поверхности напоминает изображение восковиц птичьих голов на золотых пластинах из 4-го и 5-го курганов у с. Берестяги¹, относящихся к V веку до н. э.² Эта очень относительная

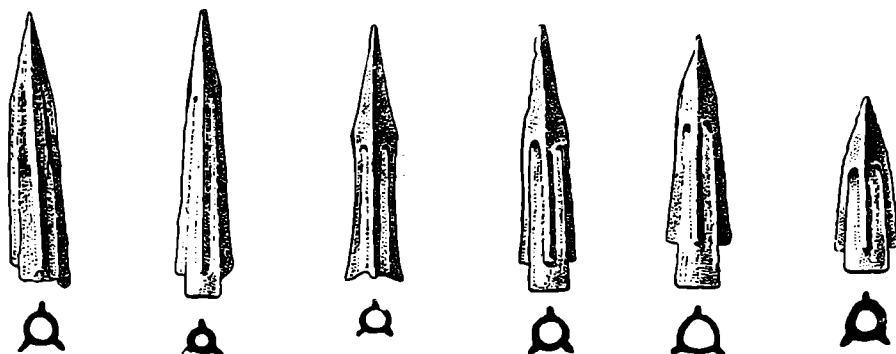

Рис. 3. Курган № 6. Наконечники стрел (н. в.).

аналогия позволяет лишь в небольшой степени связать рассматриваемые пластины с V веком до н. э., но, конечно, это предположение требует еще доказательств.

Массивное сплошное бронзовое кольцо имеет гладкую поверхность, в настоящее время сильно испорченную окислами (рис. 4). Назначение его неясно. Весьма важна для датировки предполагаемого впускного погребения найденная здесь группа из пятнадцати трехгранных бронзовых наконечников стрел³. Большинство их узкие и стройные по своим пропорциям (рис. 3) и имеют башнеобразную форму пера, т. е. грани пера идут сначала почти параллельно, а затем, примерно на $\frac{2}{3}$ высоты пера, происходит перелом, и они резко сходятся к острию. Стрелы такого типа появляются

¹ А. А. Б о б р и н с к и й, Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. III, СПб., 1887, стр. 94—100, табл. XVIII, рис. 11; Д. П. Х а н е н к о, Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1899, табл. X.

² Курганы № 4 и № 5 у с. Берестяги по греческой керамике и другим вещам их инвентарей могут быть датированы V веком. По нашему мнению, М. И. Ростовцев неправильно все курганы этого могильника отнес к III веку до н. э. (М. И. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, стр. 492—493).

³ В Исторический музей поступило четырнадцать.

в V в. до н. э. и в ряде комплексов являются доминирующими¹. Кроме того, в комплекс кургана № 6 входят четыре невысокие и довольно широкие стрелы с небольшой выступающей втулкой. Очень близки к этим стрелам некоторые стрелы из погребения

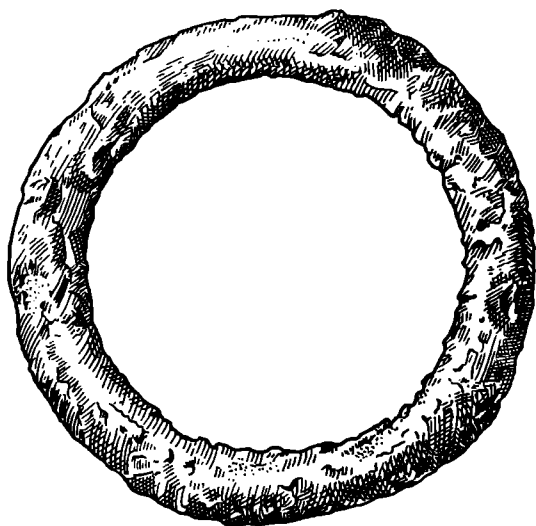

Рис. 4. Курган № 6. Бронзовое кольцо (н. в.).

G₁ у Анджиголя², которое датируется по греческой керамике V веком до н. э. Указанные особенности позволяют датировать весь комплекс стрел V веком до н. э. Остальные вещи, дошедшие от инвентаря предполагаемого впускного погребения, не противоречат этой дате, и, таким образом, оно может быть отнесено к V веку до н. э.

«Острая могила». Внешний вид кургана не описан. Н. И. Веселовский сообщает только то, что курган в середине имел две глубокие впадины. Траншея Веселовского показала, что курган много раз подвергался разграблению кладопскателями. В грунте попадались бронзовые стрелы и много золотых вещей.

К могильной яме направлялось несколько грабительских ходов. Хотя Н. И. Веселовский не сообщает размеров могильной ямы, она, повидимому, была значительных размеров, как свидетельствует ее глубина — более 6 м от начала материка. В засыпке ямы встречено много камней. От инвентаря могилы сохранились лишь предметы конского снаряжения, лежавшие в одной куче, представлявшей собой спекшуюся массу. В настоящее время комплекс частично расчищен, и удалось выделить следующие вещи:

1. Семь бронзовых псалий, изогнутых в виде латинской буквы S (рис. 5а). Псалии имеют уплощенное расширение в средней части, где расположены два отверстия; концы псалий сделаны в виде конусообразных шляпок. Псалии такого типа часто встречаются в скифских погребениях IV—III вв. до н. э. из Нижнего Приднепровья и в погребениях из лесостепной территории Украины этого же и более раннего времени. Наиболее близки к публикуемым псалии, найденные в конских могилах кургана Солоха³.

2. Бронзовые налобники, четыре целых и одна половинка (рис. 5б), напоминающие по своему профилю печатную русскую букву «Г». Верхняя горизонтальная часть налобников заканчивается головой животного. Голова имеет острые большие уши, отмечены также глаз, ноздря и губы. Налобники подобной формы со звериными и птичьими головами имели широкое распространение в Северном Причерноморье. Полной аналогии налобникам из «Острой могилы» не встречено, ближе всего к ним налобники из Солохи, обложенные золотым листом⁴.

3. Одиннадцать бронзовых украшений конской уздечки (возможно напечники) в виде задней ноги хищного животного или пары ног, слившихся вместе. С обратной сто-

¹ P. R a u, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929, стр. 94—95, Табл. VI—VII.

² M. E b e r t, Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Süd-Russland), II Teil, «Praehistorische Zeitschrift», V (1913), Hf. 1/2, стр. 17, рис. 14, f.

³ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 127, рис. 206; стр. 130, рис. 211.

⁴ Там же, стр. 132, рис. 214—215.

роны бляшки имеют ушко для прикрепления к ремню. Десять лапок одинакового размера имеют в верхней части изображение птичьей головы, выполненной в традициях скифского звериного стиля — с большим круглым глазом и подчеркнuto большим загнутым клювом (рис. 5 *в*). Две бронзовые лапы, составляющие парное украшение, отличаются несколько большими размерами, отсутствием изображений птичьих голов (рис. 5 *г*) и несколько иной трактовкой нижней части. Мотив звериной ноги является

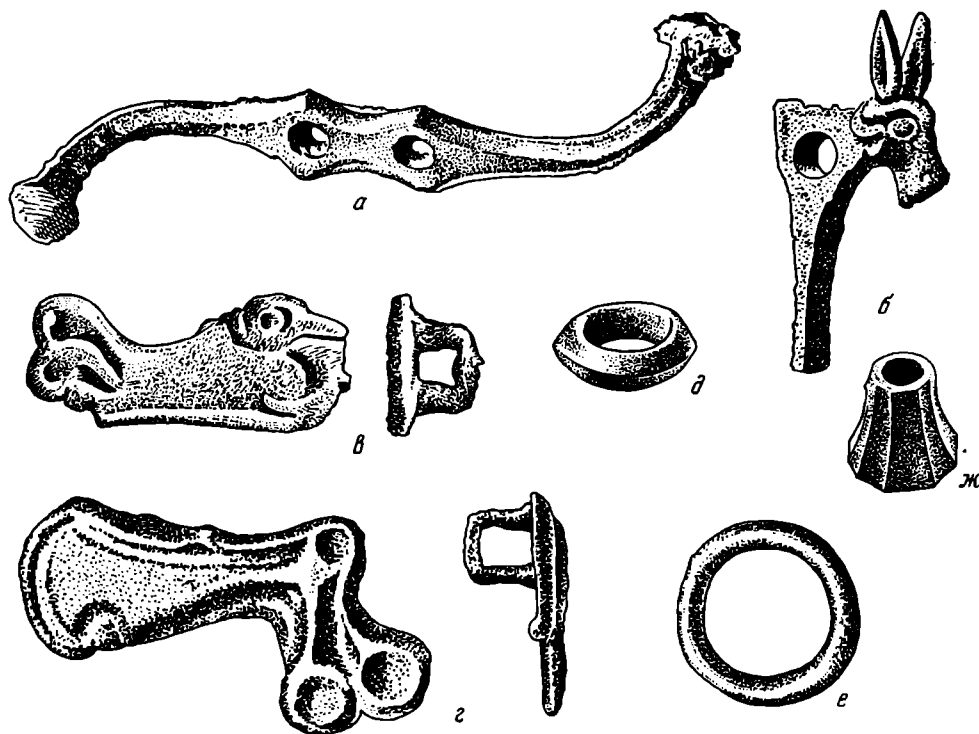

Рис. 5. Комплекс вещей из «Острой могилы»: *а*—бронзовый псалий; *б*—бронзовый на-
лобник; *в* — бронзовое украшение уздечки; *г* — бронзовое украшение уздечки;
д и *е* — бронзовые колечки; *ж* — бронзовая ворворка (увелич.).

ся очень распространенным в изобразительном искусстве скифов. Он имеет большое количество разнообразных вариантов, наиболее поздние из которых благодаря стилизации почти совершенно утрачивают связь с изображением реальной ноги или двух ног¹. В области Нижнего Приднепровья наблюдается наибольшее разнообразие подобных изображений, датируемых IV—III веками до н. э. Однако близких аналогий лапам из «Острой могилы» там нет. Наиболее близки к публикуемым экземплярам бронзовые звериные лапы, встреченные в Крыму (Нимфей² и могила № 5 на Ак-Бурунском мысе³, и в бывшей Полтавской губернии (курган № 2 у с. Волковцы б. Роменского уезда⁴ и курган № 1 у с. Аксютинцы того же уезда из раскопок Мазараки в 1886 г.⁵).

¹ Например, Чмырева могила, ИАК, вып. 19, стр. 109, рис. 62; Чертомлык, ДГС, атлас, вып. II, табл. XXVII, рис. 9 и 10.

² К. M a l k i n a. Ein Motiv aus dem skythischen Tierstil, Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, XLI (1926), Beilage 2 zur Seite 176, рис. 1.

³ Там же, рис. 4; ОАК за 1862 г., стр. XIV.

⁴ Б. И. и В. И. X a n e n k o, Древности Приднепровья, вып. II, Киев, 1899, стр. 7, табл. XVI, № 316.

⁵ ГИМ, инв. № 17464; «Императорский Российский исторический музей, указатель памятников», М., 1893, стр. 355—356.

К сожалению, крымские экземпляры подобных бляшек нельзя датировать, так как нимфейская бляшка не связана ни с каким комплексом, а инвентарь могилы № 5 на Ак-Бурунском мысе не был издан и дата этого погребения пока остается неясной¹.

Бляшки в виде лап из бывшей Полтавской губернии могут быть отчасти датированы — комплекс кургана № 2 у с. Волковцы относится к V веку до н. э.² Инвентарь кургана № 1 у с. Аксютинцы, раскопок Мазараки, не издан. В нем имеется греческая чернолаковая керамика, которая по характеру лака и по форме может быть отнесена к V веку до н. э. Кроме того, комплекс содержит ряд архаических вещей, которые позже V в. не встречаются (например, бронзовые гвоздеобразные булавки, костяные и бронзовые шестигранные пуговицы, уздечки в виде столбиков с отверстиями). Это позволяет нам считать курган № 1 у с. Аксютинцы относящимся к V веку до н. э.

4. Тридцать четыре бронзовых колечка небольшого диаметра (рис. 5д), большинство которых имеет биконическую форму, и шесть колечек большого диаметра (рис. 5е), повидимому, являвшихся принадлежностью уздечки. Подобные изделия были найдены в конской гробнице при основной могиле Солохи³.

5. Двенадцать граненых бронзовых ворворок для кистей (рис. 5ж), обычных для конских уборов скифского времени с территории Северного Причерноморья.

6. Три комка спекшихся железных и бронзовых предметов, в которых хорошо различаются железные удила с петлеобразными концами, бронзовые псалии с загнутыми в разные стороны концами, привески в виде бронзовых лапок и налобники с головами животных. Бронзовые предметы повторяют те же типы вещей, которые разобраны нами выше.

Анализ предметов конского убора из «Острой могилы» показывает, что в нем имеется ряд вещей, которые сближают его со скифскими погребениями из нижнеднепровских курганов типа Чертомлыцкого и Солохи. Некоторые из этих предметов появились в Северном Причерноморье раньше IV—III вв.; например, железные удила с петлеобразными концами встречены в комплексах VI в. до н. э., псалии с двумя отверстиями и загнутыми в разные стороны концами существовали уже в V в. до н. э. Также значительно раньше начинается бытование в Северном Причерноморье и других вещей, подобных налобникам, ворворкам и т. д. из «Острой могилы». Поэтому эти вещи не могут точно определить даты погребения. Вместе с тем бляшки в виде лап из «Острой могилы», как указано выше, очень близки бляшкам из б. Полтавской губернии, связанным с комплексами V в. до н. э. Кроме того, эта форма бляшек является одной из исходных форм, из которых в IV—III вв. до н. э. возникли разнообразные варианты стилизованных украшений в виде лап. Все это заставляет предполагать, что комплекс из «Острой могилы» принадлежит к несколько более раннему времени, чем основная масса нижнеднепровских курганов, т. е. может быть датирован V веком до н. э. В пользу такой ранней датировки может свидетельствовать и то обстоятельство, что принадлежности конской уздечки найдены не в отдельной конской могиле, как это характерно для скифских погребений степной Украины IV—III вв. до н. э., а в основной могиле. Положение уздечного набора вместе с покойником характерно именно для ранних же степных скифских погребений (курган близ Цимбалки⁴, у деревни Константиновки⁵).

К у р г а н № 3 является самым большим во всей группе — высота его достигала около 6,5 м. Время его сооружения относится к эпохе бронзы — курган содержал

¹ М. И. Ростовцев упоминает этот комплекс наряду с другими погребениями ак-бурунского могильника, датированными монетами Лисимаха и Александра (М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 256). Из текста ясно, что Ростовцев не был знаком с подлинниками вещей из этого погребения.

² М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 510.

³ ОАК за 1912, стр. 46. Раскопки Н. И. Веселовского. Колечки не изданы, хранятся в Эрмитаже, дп. 1912 г.

⁴ ОАК за 1868 г., стр. XVI.

⁵ П. Д. Либеров, Курганы у села Константиновка, КСИИМК, XXXVII, стр. 137—142.

четыре погребения бронзового времени. В насыпи его на глубине 1,20 м лежал слой камки; примерно на этом же уровне были найдены лошадиные кости, среди которых обнаружена небольшая бронзовая обтянутая золотым листом палочка, представляющая собой застежку колчана скифского времени. Под слоем камки были обнаружены поздние кочевнические захоронения. находка скифской застежки колчана вместе с разрозненными конскими костями позволяет предполагать, что курган имел впускное скифское погребение, которое, вероятно, было разрушено и ограблено при сооружении более поздних кочевнических погребений.

Застежка колчана представляет собой небольшую бронзовую цилиндрическую палочку с выемкой в средней части и с расширенными на концах (рис. 6). Она обложена золотой пластиной, поверхность которой орнаментирована поперечными рубчиками типа колец, некоторые из которых имеют насечки (кольцо с насечкой чередуется с двумя гладкими кольцами). С одной стороны золотой пластины изображен жгут, проходивший вдоль палочки и прерываемый в середине. Подобные костяные и бронзовые палочки часто встречаются в ранних комплексах скифского времени Северного Причерноморья (в Мельгуновском кургане¹, в Келермессе², в «Старшей могиле», раскопанной Д. Я. Самоквасовым³). В комплексах IV—III вв. до н. э. они почти исчезают⁴. Назначение этих палочек как застежек колчанов хорошо определяется бронзовой палочкой из «Старшей могилы», на которой сохранилась кожаная петля колчана⁵.

Ближе всего к застежке из кургана № 3 стоит застежка из Мельгуновского кургана, которая совершенно совпадает с ней по размеру и довольно близка по разделке поверхности поперечными кольцеобразными рубчиками. Отличается мельгуновская застежка тем, что концы ее завершены львиными головами. Можно предполагать, что время обеих застежек довольно близко, а это позволяет думать, что впускное

Рис. 6. Курган № 3. Застежка колчана (н. в.)

скифское погребение в кургане № 3 датируется временем Мельгуновского кургана, т. е. первой половиной VI века до н. э.

К у р г а н у с. В л а д и м и р о в к и имел высоту около 5,5 м. Устройство его насыпи описано Н. И. Веселовским наиболее подробно. Курган имел ограждающую его стену из больших дикарших камней, и, кроме того, в насыпи были выложены два камешных кольца: одно сделано у основания кургана на древнем горизонте, другое выложено на 1 м выше первого. В перерытой насыпи попадались человеческие кости, из вещей найдены поломанный бронзовый колокольчик и маленькая золотая бляшка в виде зайца. В центре кургана проходила грабительская яма, достигавшая главного погребения этого кургана, устроенного в могильной яме. Н. И. Веселовский указывает, что, кроме центральной могильной ямы, других могильных сооружений курган не содержал. Могила была совершенно разграблена.

¹ Ев. П р и д и к, Мельгуновский клад 1763 г., МАР, 31, (1911), стр. 20, рис. 14.

² M. R o s t o v t z e f f, *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford, 1922, табл. IX, 2.

³ В. А. Іллінська, Курган Старшая могила — пам'ятка архаїчної Скіфії, «Археологія», V, стр. 196 слл., табл. II, рис. 1 и 30.

⁴ Так, в богатейших курганах Нижнего Приднепровья типа Чертомлыцкого и Солохи они не встречаются совсем. Бронзовая палочка все же встречена в «Старшей могиле» с колчаном стрел раннеэллиптического времени.

⁵ Д. Я. С а м о к в а с о в, Могилы русской земли (Описание археологических раскопок и собрания древностей проф. Д. Я. Самоквасова), М., 1908, стр. 99.

Никаких оснований для предположения, что в насыпи кургана могло быть впускное скифское погребение, в отчете Веселовского нет. Вероятно, человеческие кости, колокольчик и бляшка попали в насыпь при ограблении кургана. Колокольчик имеет форму усеченного конуса, в верхней части которого находится дужка для подвешивания, отлитая вместе с колокольчиком (рис. 7). Под дужкой расположены два отверстия, служившие для укрепления стержня, к которому прикреплялся язычок колокольчика. Четыре треугольных выреза служили, повидимому, в качестве украшения. Колокольчики близкого типа встречаются в кургане № СД IX у с. Турьи¹, в Солохе² и в кургане № 1 у с. Волковцы³. Курганы у с. Турьи датируются по чернофигурному килику концом VI века или началом V века до н. э., тогда как Солоха и курган № 1 у с. Волковцы относятся к IV веку до н. э.

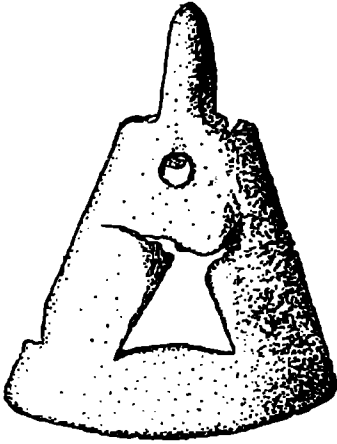

Рис. 7. Курганы у с. Владимировки. Бронзовый колокольчик (н. в.)

Заяц на золотой бляшке изображен на полуогнутой ноге и с прижатыми к спине ушами (рис. 8). Наиболее близки ему изображения на бляшках из кургана «Бабы»⁴, датируемого V веком до н. э.⁵ Датировка кургана у с. Владимировки вызывает большие затруднения, так как колокольчик находит аналогии как в ранних курганах Северного Причерноморья, так и в курганах IV—III вв. до н. э. Бляшка в виде зайца также не может быть безоговорочно датирована V веком до н. э. Поэтому дата этого кургана остается неуточненной. Курганы могут относиться к V и к IV—III векам до н. э.

Таким образом, большинство скифских погребений, раскопанных Веселовским у с. Обиточного, датируется V веком до н. э., одно из них даже VI веком, и только дата погребения у с. Владимировки остается неуточненной. Курганы, как мы видели, были сильно разграблены, но остатки инвентаря в соединении со сведениями о находках кладоискателей в этих погребениях позволяют предполагать, что комплексы при погребенных были богатыми.

При сравнении погребений у с. Обиточного с немногочисленными скифскими степными погребениями VII—V вв. до н. э. можно найти ряд общих черт как в погребальном обряде, так и в инвентаре. Почти все погребения раннего времени являются впускными в курганы бронзовой эпохи⁶: погребение в кургане рядом с Цимбаловой могилой⁷, погребение № 5 из кургана № 5 у Нижних Серогозов⁸, погребение

¹ А. А. Б о б р и н с к и й, Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 г., ИАК, вып. 20, стр. 6, рис. 6.

² ОАК за 1913—1915 гг., стр. 128, рис. 207.

³ Б. И. и В. И. Х а н е н к о, Древности Приднепровья, вып. II, стр. 6—7, табл. XI, № 224.

⁴ ОАК за 1897 г., стр. 136, рис. 267. Довольно близкие экземпляры изданы у Хавенко, но, к сожалению, они не связаны с комплексами. Х а н е н к о, ук. соч., табл. VIII, № 444.

⁵ М. И. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, стр. 412.

⁶ Исключением является курган из могильника у д. Аджиголь. Но этот могильник значительно отличается от остальных степных погребений Нижнего Приднепровья некоторыми деталями погребального обряда; он принадлежал оседлому земледельческому населению, в экономике которого большую роль играла торговля.

⁷ ОАК за 1868 г., стр. XVI.

⁸ Ф. А. Б р а у н, Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 году, ИАК, вып. 19, стр. 84—85.

бение из курганов у д. Константиновки¹, «Острая Томаковская могила»². С V в. появляются уже скифские курганы, т. е. курганы, в которых скифские погребения являются основными (курган «Бабы»)³. В курганах у с. Обиточного прослеживается та же последовательность в развитии погребального обряда⁴. Единственное погребение VI в. было впускным (курган № 3). Погребения же V в. сделаны уже в курганах, специально для них насыпанных («Острая могила», курган № 6).

Наблюдаемый в курганах у с. Обиточного обычай окружать насыпь каменной оградой и выкладывать под ней каменные кольца имел широкое распространение в степных скифских курганах IV—III вв. до н. э. Появление же этого обычая относится к более раннему времени. Так, например, курган «Бабы» (V в.) имел под насыпью кольцо из камней⁵. Таким образом, и эта деталь погребального обряда скифских захоронений у с. Обиточного также не может быть исключена для остальной степной территории и в ранний период истории скифов.

Ограбление и разрушение скифских погребений привело к тому, что оказались совершенно утраченными такие детали погребального обряда, как устройство и конструкция могильных сооружений, положение и ориентировка костяков. Неполнота комплексов рассматриваемых погребений также делает чрезвычайно трудным их обзор с точки зрения характера инвентарей. Несомненно, что комплексы скифских захоронений у с. Обиточного были довольно богатыми. Здесь найдено оружие, золотые украшения, предметы уздечного убора, т. е. предметы, обычные для комплексов скифских погребений Северного Причерноморья. Греческий импорт также представлен в рассматриваемых комплексах (амфоры). Большинство вещей, найденных Н. И. Веселовским в курганах у с. Обиточного, является характерным для всей территории Северного Причерноморья. В комплексах у Обиточной не удается выделить вещей, характерных только для степной полосы. Погребальный же обряд, несмотря на отрывочные данные о нем, может быть связан некоторыми своими чертами с обрядом степных скифских захоронений.

Предметы конской уздечки, найденные Н. И. Веселовским в погребениях у с. Обиточного, могут свидетельствовать о том, что здесь были погребены скифы-кочевники.

Северное побережье Азовского моря, по мнению подавляющего большинства исследователей географии геродотовой Скифии, является территорией, на которой обитали племена «царских» скифов⁶. Таким образом, раскопанные Н. И. Веселовским курганы, датированные отчасти VI, а главным образом V веком до н. э., относятся к тому периоду истории Скифии, который отражен в повествовании Геродота. Эти соображения позволяют считать рассматриваемые погребения памятниками царских скифов Геродота.

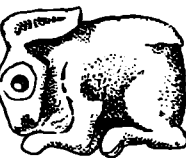

Рис. 8. Курган у с. Владимировки. Бляшка с изображением зайца (ув. в 2,5 р.). Стела фиаса

И. В. Яценко

¹ П. Д. Либеров, Курганы у села Константиновки, стр. 137—142.

² ДГС, вып. II, стр. 67—69. Курган может быть датирован и началом V века.

³ ОАК за 1897 г., стр. 136.

⁴ Мы говорим лишь о развитии скифского обряда погребения.

⁵ Каменную обкладку имела и «Острая Томаковская могила». Но «Томаковская могила», кроме скифского, содержала и погребения бронзового века. В данном случае неясно, связана ли ее каменная обкладка с погребениями бронзового времени или она была сделана для скифского погребения.

⁶ Ф. А. Брун, Разыскания в области готто-славянских отношений, 1899; Б. Н. Граков, Скифи, Київ, 1947, стр. 10; М. И. Артамонов, Этногеография Скифии, ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, 1949, стр. 144 и 157. Один только Ф. К. Брун принимает современную реку Молочную за Танаис Геродота и поэтому все северное побережье Азовского моря к востоку от нее считает савроматским, или сарматским (Ф. К. Брун, Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях, ДГС, вып. II, СПб., 1872, стр. LXVII—LXIX и С—С1).

ФРАКИЙСКИЙ СКЛЕП В КУРГАНЕ СЕЛА СТРОЕВО

В 1950 г. при прокладке новой улицы в селе Строево была раскопана часть кургана и раскрыт каменный склеп. Окрестности села Строева, расположенного на плодородной Пловдивской равнине, в 12 км к северо-западу от Пловдива, изобилуют древними памятниками. Некогда весь этот край принадлежал фракийскому племени бессов¹. Остатки многочисленных фракийских поселений и их курганных некрополей (рис. 1) указывают на большую густоту населения здесь в древности, причем поселения эти продолжали существовать и в римское время², по всей вероятности относясь к территории города Филиппополя.

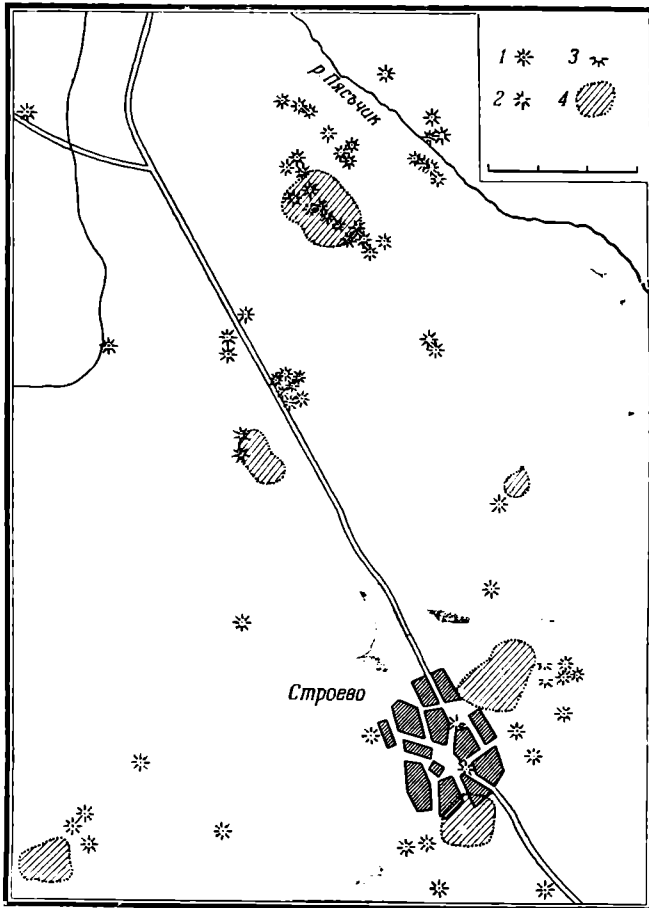

Рис. 1. План курганного некрополя у с. Строево. 1 — курган, 2 — раскопанный курган, 3 — снесенные курганы, 4 — древние поселения

Современное село своей южной и северной окраинами заходит на остатки двух фракийских поселений. Северное поселение было бoльшим, как показывает протяжен-

¹ St r a b o, VII, 5, 12. См. карту в книге Г. И. Кацаров, Д. Дечев и др., Извори за старата история и география на Тракия и Македония, София, 1949².

² Упомянем лишь наиболее важные находки римского времени: склеп в Голямата, могила к З. от села, открытый в 1882 г. (К. И р е ч е к, Пътувания, II, стр. 385, прим.

ность культурного слоя вплоть до урочища Чулова Капиница, которое расположено у строевского кладбища. К этому фракийскому селу относятся четыре курганные группы, насчитывающие вместе 10 курганов, два из которых уже снесены.

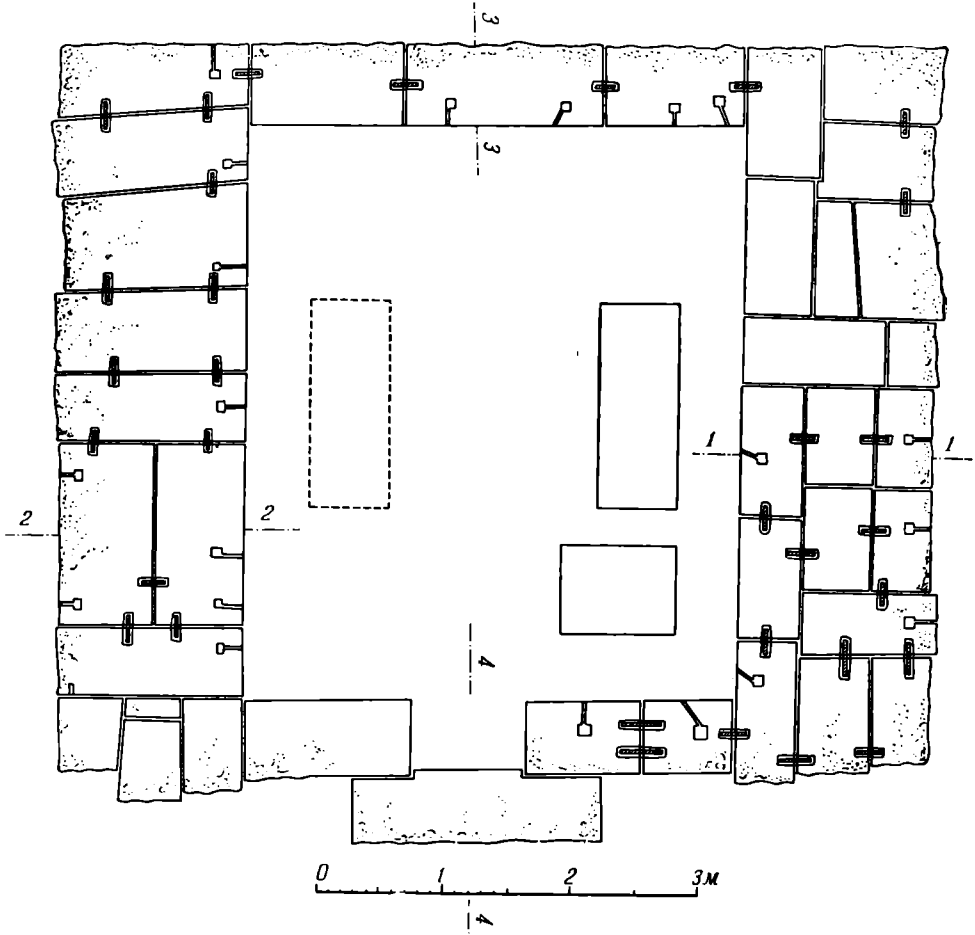

Рис. 2. Горизонтальный разрез склепа

Публикуемый курган, также относящийся к упомянутому некрополю, имел в основании диаметр около 150 м, современная высота равнялась 6 м. При снятии насыпи кургана в южной его части, прямо на оси север—юг, был вскрыт склеп, исследованный нами в 1951 г.¹ Склеп Строевского кургана представляет массивную прямоугольную

37; G. I. K a z a g o v, RE, VI A., стр. 546); мраморный рельеф Фракийского Всадника (G. I. K a z a g o v, Die Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien, Budapest, 1938, № 921); пограничный камень земли села Бендипары от времени Каракаллы, найденный в 1928 г. (М. А п о с т о л и д и с, Неиздадени или неизтълкувани надписи от Пловдив и околността му, ГПНБМ, 1929, стр. 183; сл.; е г о ж е, Фракия, 1935, 6, № 53; RA, II, 1929, стр. 369, № 14; Г. И. К а ц а р о в, Антични паметници от Тракия, ГПНБМ, 1930, стр. 223 сл., рис. 50; е г о ж е, RE, VI A, стр. 505. В 1936 г. в соседнем селе Калояново был найден другой пограничный камень того же селения Бендипары, см. Dim. Z o n t s c h e w, Antike Denkmäler aus Süd-Bulgarien, AA, 1938, стр. 204—206, рис. 3); глиняные римские светильники, находимые на месте древнего селища, к северу от современного села, около Проклинова и Станева курганов

¹ Архитектурные обмеры произвел архитектор Христо Д. Пеев.

Рис. 3. Общий вид склена

Рис. 4. Деталь кладки южной стены с металлическими скобами

постройку, стены которой ориентированы по странам света (рис. 2 и 3). Склеп был давно открыт и разграблен, из верхней же части его выбран камень, вследствие чего перекрытие не сохранилось совершенно.

Фундаменты стен гробницы, впущенные на глубину 2,5 м от дневной поверхности, были сложены из больших необработанных камней (трахит и сиенит), связанных бе-

лым раствором извести. Ширина оснований 1,5 м, высота 0,8 м, по сторонам они имеют бермы, высотой 0,35 м. Стенки склепа сложены в псодомной технике, т. е. таким образом, что все ряды в четырех стенах имеют различную высоту, причем высота камней каждого ряда одинакова (0,33; 0,34; 0,43; 0,54; 0,56; 0,58 и 0,59 м). Длина (от 0,4 до 1,56 м) и ширина отдельных блоков различна. Камни уложены по-разному, горизонтально и вертикально. Такой принцип строительства характерен для фракийского зодчества в эллинистическое и раннеримское время.

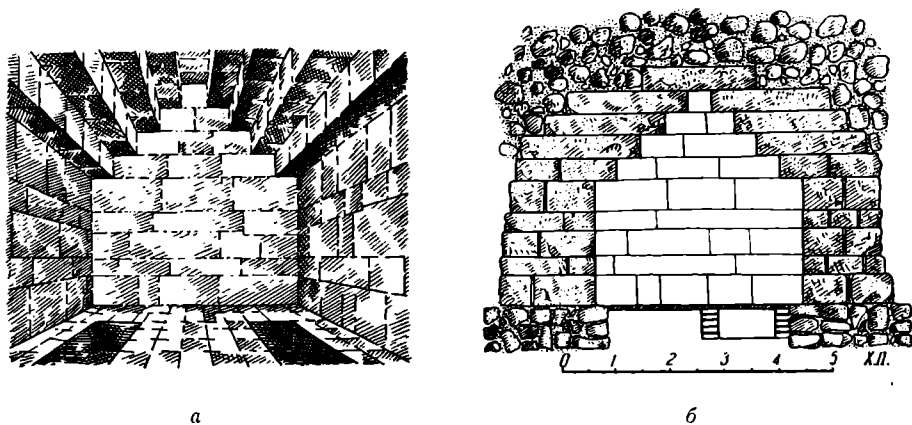

Рис. 5. Реконструкция склепа: а — внутренний вид, б — вертикальный разрез

Плиты составляющие стены, хорошо обработаны со всех сторон, кроме внешних, обращенных к насыпи кургана. С внутренней стороны некоторые блоки слабо рустованы (рис. 3). Фуги сделаны узкие, а углы камней, непосредственно возле них расположенных, косо срезаны. Стены склепа сложены насухо, без строительного раствора. Плиты связаны между собою по вертикали и по горизонтали металлическими скобами, края которых припаяны оловом (рис. 4). Скобы, скрепляющие камни в горизонтальном направлении, имеют различную длину, начиная от 0,185 м. Форма горизонтальных скоб П-образная, характерна для эллинистического и раннеримского времени. Судя по следам от вертикальных соединений на камнях, вертикальные скобы имели форму четырехугольных призм¹. Применение металлических скреп уже хорошо известно во фракийских купольных склепах².

Толщина стенового склепа неодинакова: северная и южная сложены из одного ряда плит и имеют толщину по 0,6 м, восточная и западная выложены из нескольких рядов плит и имеют толщину от 1,5 до 1,8 м. Видимо, эти две стены несли на себе перекрытие. Выше уже указано, что отсутствие верхней части стен не позволяет решить, какова была конструкция верхней части гробницы. Большие внутренние размеры сооружения (4,5 × 3,8 м) показывают, что оно не могло иметь плоского перекрытия. Трудно предположить, что в строевом кургане был полукруглый свод, так как среди упавших некогда сверху плит нет ни одной, которая могла бы относиться к сводчатому

¹ О формах скоб см. «Всеобщая история архитектуры, т. II. Архитектура античного рабовладельческого общества», М., 1949, стр. 28 сл., 109 сл., 270 сл.; A. Chouy, Histoire de l'architecture, т. I, стр. 278.

² В Мезекском кургане (ИАИ, XI, 1937, стр. 8 сл. и 92), в кургане у с. Малко Белово Пазарджикской околии (Ив. Велков, Новооткрыта куполна гробница при с. Малово, ГНМС, VII, 1943, стр. 38), в склепе римского времени у древнего Дионисоволя (К. и Х. Шкорпил, Балчик, ИВАД, V, 1912, стр. 53; ИАИ, VI, 1932, стр. 58 сл.; ÖJh., XV, 1912, AB, стр. 101--105).

перекрытию. Вероятнее всего, что склеп имел перекрытие в виде ложного купола (рис. 5).

В пользу данного предположения говорят следующие факты. Во-первых, внутри склепа найдены две упавшие из перекрытия плиты, длиной 2,3 и 2,25 м, которые име-

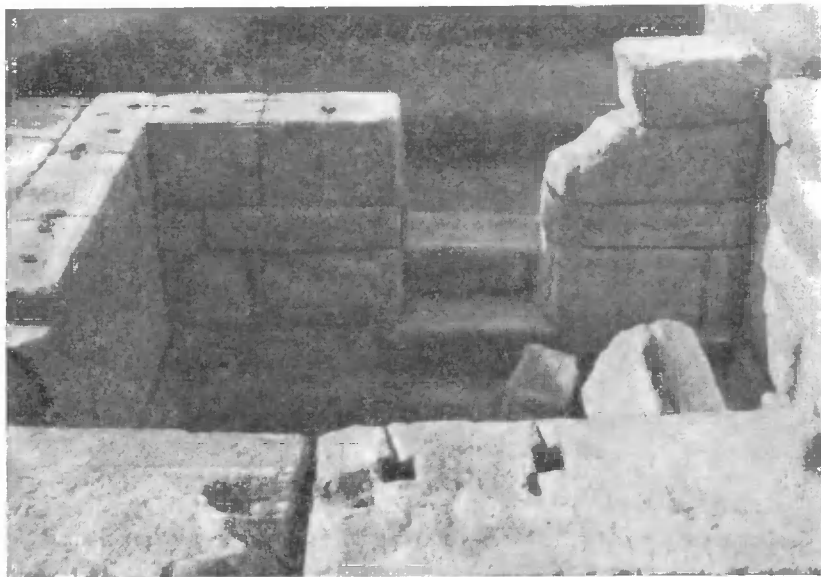

Рис. 6. Вход в склеп, вид изнутри

ли гнезда для скоб по вертикальному направлению. Эти плиты могли относиться к перекрытию. Далее, большая толщина восточной и западной стен вполне позволяла им держать тяжелый уступчатый свод. Такие ложнокупольные перекрытия известны в разных более ранних или более поздних купольных сводах, как в Северном Причерноморье¹, так и в западной Малой Азии². Принцип устройства купола из налегающих один на другой рядов камней или кирпичей широко известен в областях криго-микенской культуры в Фессалии, Фракии, Этрурии, Малой Азии, Северном Причерноморье³.

Исходя из этого, мы предполагаем, что уступчатый свод публикуемого склепа мог быть сложен из четырех рядов камней с нависанием в 0,42 м каждый, причем расстояние между верхними камнями, которое покрывалось отдельной плитой, также равнялось 0,42 м. Такой вид перекрытия отличается, таким образом, от других вариантов купольных гробниц со сводом действительно ложным только тем, что нависающие камни свода поставлены в углах перпендикулярно, как это наблюдается в вромосекупольной гробнице в Курткале (ИАИ, XI, 1937, стр. 79 сл., рис. 94—96), в Мадании и других склепах Малой Азии⁴.

Повидимому, уступчатый свод строевского кургана был обложен сверху мелким необработанным камнем, так как внутри и возле склепа найдено много битого камня. Такая обкладка сводов хорошо известна, например, в керченских Золотом

¹ В керченских курганах Юз-Обы и в Куль-Обском кургане — В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М., 1949, стр. 252 сл., рис. 43 и 45.

² В Оракбюкю и в Алазейтине (древняя Кария) — Arif M. M a n s e l, Тракуа-Kirklareli Kubbeli Mezarleri, 1943, стр. 24 сл., рис. 28 и 29.

³ В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 233 сл., рис. 39—43, 45, стр. 263; В. Микоу, Античната гробница при Казанлък, София, 1954, стр. 21.

⁴ Arif M. M a n s e l, ук. соч., стр. 25, рис. 31, стр. 26, рис. 30; G. P e r r o t e t Ch. C h i p i e z, Histoire de l'art dans l'antiquité, V, стр. 283, рис. 185.

и Куль-Обском курганах¹. Строевский склеп не имеет дромоса и передней камеры, столь характерных для больших купольных склепов эллинистического времени². Входной проем, расположенный с юга, имеет ширину 0,9 м. Вход имел порог. Никаких следов дверей не обнаружено (рис. 6).

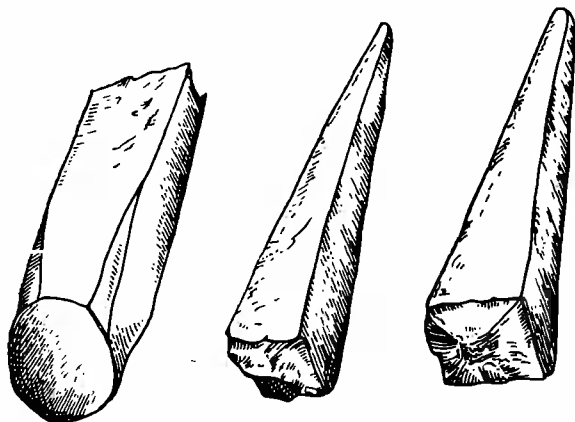

Рис. 7. Обломки орудий каменотесов

Раскопки курганный насыпи доставили интересные сведения о процессе постройки склепа. В грунте кургана вокруг склепа прослежены три слоя (шириною от 0,30 до 0,40 м) мелких каменных отесков, располагавшихся на глубине 1,5 м один от другого. В слоях отесков найдены два нижних куса (длиною по 0,09 м) и один верхний кусок (длиною в 0,08 м) от железных инструментов, которыми обрабатывали плиты (рис. 7). Эти находки позволяют заключить, что камень для постройки склепа доставляли на место необработанным, что отесанные плиты укладывали в стену до высоты в 1,5 м, после чего всю возведенную часть сооружения засыпали землей и на уже новом уровне продолжали обработку камня и возведение стен. Все это показывает, что при постройке склепа не применяли никаких специальных технических приспособлений для подъема плит от самого низа до самого верха.

Пол склепа, выложенный из больших квадратных кирпичей (57,8 × 57,8 × 8 см), сохранился частью лишь в восточной половине. В полу были сооружены три гробницы, две взрослых и одна детская (рис. 3 и 8), сложенные из кирпичей меньших размеров (33,5 × 31 × 7 см).

Как кирпичи пола, так и кирпичи гробниц связаны белым известковым раствором.

Рис. 8. Сохранившиеся гробницы

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, ук. соч. стр. 246 сл., рис. 39, стр. 267, рис. 45; А. М. М а н с е л, ук. соч., стр. 9, рис. 11; ИАИ, XI, 1937, стр. 100, рис. 109.

² Хотя и среди эллинистических сооружений встречаются склепы без дромоса и передней, как, например, склеп у с. Малко Белово — Ив. В е л к о в, Новоткрита купольна гробница..., ГНМС, VII, 1943, стр. 40, рис. 20 и 23.

Западная гробница разрушена полностью, две восточных несколько повреждены. Размеры последних: взрослого — длина 1,8 м, ширина 0,6 м, глубина 0,86 м; детского — длина 0,9, ширина 0,7 и глубина 0,85 м. Отсутствие костей и инвентаря не позволяет решить определенно, но все же можно предполагать, что погребение было совершено посредством труположения.

Рис. 9. Нижняя часть мраморного саркофага

От погребального инвентаря сохранились только золотой лист погребального венка (в грунте в западной части склепа) и мраморное прямоугольное корыто, имеющее внизу профилированный рубец; повидимому, оно служило погребальной урной или вернее ковчегом (рис. 9). Сохранившиеся размеры — $0,96 \times 0,73 \times 0,27$ м. Два похожих

мраморных ковчега, почти одинаковой длины с вновь открытым, были найдены в кургане у с. Мезек, Свиленградской околии, стоящими по обеим сторонам каменного ложа в погребальной камере склепа (ИАИ, XI, 1937, стр. 25 сл., рис. 5). Уже высказывалось предположение, что мраморные ковчег из склепа у с. Мезек служили для обряда трупосожжения. Видимо и мраморное корыто из публикуемого склепа имело такое же назначение.

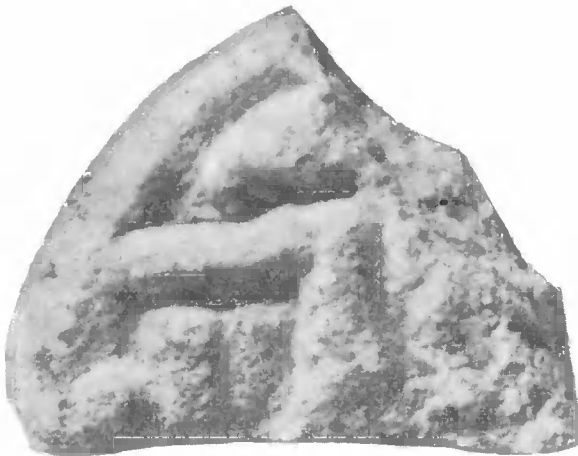

Рис. 10. Фрагмент посвятельной стелы

были найдены зуб дикого кабана, следы углей и верхний правый угол мраморной посвятельной плиты (размеры $10 \times 8 \times 2$ см.). На фрагменте плиты сохранились изображения бюста Солнца или Луны, часть головы женского божества и левая рука третьей фигуры (рис. 10).

Внутри и вне погребальной камеры найдены мелкие обломки черноглиняной фракийской керамики, а также глиняных сосудов римского времени — узкогорлых амфор местного типа, кувшинов, глиняных бальзамариев. Встречены мелкие, сильно иризированные, фрагменты стеклянных бальзамариев и довольно большие куски олова, оставшиеся после запайки металлических скоб.

Мраморный ковчег лежал сброшенным в грунт, видимо сдвинутый грабителями. Снаружи его, в земле

Изучение Строевского кургана показывает, что склеп его был сооружен для погребения членов семьи одного из богатых фракийцев, представителей зажиточного слоя рабовладельцев. Несомненно, это семейство принадлежало к наиболее богатой части рабовладельческого населения древнего фракийского села. Об обряде погребения богатых фракийцев в V в. до н. э., т. е. в эпоху возникновения классового общества и государства во Фракии, Геродот (V, 8) рассказывает следующее: тело усопшего в течение трех дней выставляется, затем приносят различных животных в жертву и устраивают погребальный пир. Далее тело или сжигают или кладут в землю, над могилой насыпают курган и устраивают состязания. Таким образом, погребения знати сильно отличались от могил простых фракийцев. Захоронения последних были весьма скромными — применялся обряд трупосожжения или трупоположения, но без возведения курганной насыпи¹.

Многие черты Строевского кургана — уступчатое перекрытие склепа, псевдоисомная кладка стен без применения строительного раствора, крепление блоков металлическими скобами, также как и найденные в нем мраморный саркофаг и золотой листик от венца, указывают на традиции фракийской эллинистической погребальной архитектуры и на фракийские погребальные обычаи. Но устройство в полу склепа гробниц, сложенных из кирпичей на известковом растворе, отсутствие дромоса и передней, фрагменты керамики и стекла римского времени указывают на появившиеся уже после 46 г. н. э. римскую погребальную архитектуру и обряд захоронения. Таким образом, Строевский склеп, соединяющий традиции древней фракийской культуры с элементами принесенной римской культуры, должен относиться к переходному времени, когда еще были весьма сильны фракийские традиции. Поэтому мы склонны отнести его ко второй половине I в. или к самому началу II в. н. э.

Строевский склеп весьма интересен, так как он представляет неизвестный ранее вариант фракийских купольных гробниц, причем вариант довольно поздний. Тем самым значительно обогащаются наши представления о всей своеобразной группе фракийских купольных склепов². В данной публикации мы не можем останавливаться на вопросе о происхождении этого вида погребальных сооружений, которые, как уже говорилось выше, встречаются на обширной территории. Окончательное разрешение его станет возможным лишь после изучения многочисленных фракийских курганов. Но вполне вероятно, что купольные гробницы во Фракии появились с юга, из областей крито-микенской культуры, откуда вообще происходят различные виды купольных склепов.

Проф. Д. М. Цончев

КЛАД БРАСЛЕТОВ в д. ГОРОШКОВ (ЮЖНАЯ БЕЛОРУССИЯ)

Славянской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством П. Н. Третьякова в 1954 г. на городище в д. Горошков Речичского района, Гомельской области был обнаружен уникальный клад бронзовых и серебряных браслетов эпохи раннего железа.

¹ Д. Цончев, Тракийски некропол при с. Поповица, ГНМПл 1954, стр. 227.

² Об известных в настоящее время разновидностях купольных склепов Фракии см. Ив. Велков, Из гънките на Родошите, Българска мисъл, VII, 1932, стр. 418 сл.; Егуже, Новооткрита куполна гробница..., ГНМС, VII, 1943, стр. 37 сл.; И. Венедиков, Тракийска гробница при с. Ветрен, Пазарджикско, ИАИ, XV, стр. 194 сл.; Д. Цончев, Приноси към старата история на Пловдив, София, 1938, стр. 120 сл., рис. 134—138; Н. Мародинов, Живопись античной гробницы в Казавльке, ВДИ, 1954, № 2, стр. 152—173; В. Миков, Античната гробница при Казавльк, София, 1954, стр. 1 сл.

Городище Горошков — один из памятников своеобразной культуры в южной Белоруссии, относящейся к предзарубинецкому времени. Городища этого типа были впервые обнаружены в 1951 г.¹ Характерные жилища, керамика и другие особенности материальной культуры позволяют выделить в южной Белоруссии новую археологическую культуру, условно называемую милоградской. Обитатели городищ этой культуры были земледельцами, занимавшимися, кроме того, скотоводством и охотой.

Клад был найден в неглубокой яме прямоугольных очертаний со столбами по углам, которая представляет собой остатки одной из надворных построек. Постройка находилась на расстоянии 1 м от столбового срубного наземного жилища; вблизи последнего, на расстоянии от 6 до 10 м обнаружено еще три таких же жилища.

Основная группа браслетов обнаружена на глубине 0,40—0,45 м от поверхности, у стены напротив входа, причем украшения лежали сложенные одно в другое. Здесь найдены (предметы перечисляются в порядке последовательности залегания в слое):

1. Бронзовый литой замкнутый браслет (диаметр — 60 мм). Орнаментирован рубчиками, чередующимися с четырьмя группами тройных утолщений.

2. Бронзовый (с высоким процентом содержания меди) литой замкнутый браслет (диаметр — 62 мм). Орнаментирован чередующимися группами мелких рубчиков (10 групп) и зерни. Повидимому, шарики зерни напаяны после отливки украшения, на что указывают места двух отвалившихся в древности шариков.

3. Бронзовый литой браслет, в сечении круглый, с заходящими один на другой прямо срезанными концами (диаметр — 98 мм). Надевали его, повидимому, на верхнюю часть руки или на ногу.

4. Бронзовый, пластинчатый спиральный браслет из свернутой в 5,5 оборота тонкой полоски (диаметр — 60 мм). По наружной поверхности проходит продольное ребро (сечение треугольное). Один конец браслета прямо обрезан, другой загнут в колечко.

5—6. Два бронзовых массивных замкнутых браслета (диаметр каждого — 65 мм). Снаружи браслеты сплошь украшены орнаментом из зубчиков, каждый из которых напаян отдельно.

7. Бронзовый, в сечении круглый, замкнутый браслет (диаметр — 60 мм). Концы браслета спаяны.

8. Бронзовый литой браслет с неровными и расщепленными концами, заходящими один на другой (диаметр — 60 мм). В сечении овальный.

На браслетах нет никаких следов ткани или какого-либо другого материала, в который вещи были упакованы.

Недалеко от этих браслетов, также внутри постройки, но ближе к выходу, обнаружены при выборке заполнения ямы на глубине 0,45 м еще три браслета, лежавшие разрозненно:

9. Маленький бронзовый браслет (диаметр — 42 мм) с несомкнутыми концами. Изготовлен из овальной в сечении проволоки. Один конец браслета прямо обрезан, другой обмотан бронзовой полоской, укрепленной на конце браслета при помощи пайки.

10. Маленький серебряный браслет (диаметр — 40 мм) с широко разомкнутыми концами, изготовленный из овальной в сечении проволоки.

11. Половинка серебряного браслета из овальной в сечении проволоки. Конец его утолщен и закруглен.

Условия находки говорят о том, что вещи были спрятаны наспех. Одинаковый уровень залегания группы браслетов и трех отдельно лежавших (на полу постройки) говорит о том, что вещи не были закопаны. Недостаточная тщательность, с какой были спрятаны украшения, позволяет предполагать внезапно возникшую угрозу для населения городища.

¹ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 88.

Большое количество близких аналогий описанным браслетам имеется в западных древностях, в то время как среди южных находок сходных вещей известно мало. Упомянем здесь бронзовый литой браслет с зернью, найденный на городище юхновской культуры¹, и некоторые типы браслетов из раскопок скифских курганов на р. Суле².

Типы браслетов, близкие к браслетам горошковского комплекса, были распространены в Западной Европе еще в позднегалльштатское время. Можно указать на встречающиеся в погребениях Гальштатта массивные браслеты с чередующимися рубчатymi утолщениями³, с которыми сходен браслет № 1 из Горошкава. Браслеты гальштатского времени из Австрии⁴ и Баварии⁵, сплошь покрытые рубчиками, подобны браслетам № 5 и 6 из горошковского клада. Также известны в позднегалльштатское время массивные, круглые в сечении браслеты с заходящими друг на друга концами, носившиеся на верху руки или на ноге, совершенно аналогичные горошковскому браслету № 3⁶.

Позднее, в IV—I вв. до н. э., эти формы и приемы орнаментации распространяются более широко. Близкие аналогии браслетам горошковского клада встречаются, в частности, среди памятников лужицкой культуры, подвергшихся на своем позднем этапе сильным латенским влияниям⁷. Не все указанные браслеты идентичны по форме горошковским, но они могут быть сравниваемы благодаря применению одних и тех же характерных приемов орнаментации. Все перечисленные аналогичные находки относятся к эпохе раннего латена, т. е. к V—IV вв. до н. э. Этим временем и следует датировать горошковский клад. Дополнительными материалами, подтверждающими предлагаемую датировку клада, служат находки других металлических вещей на городище. Часть их также свидетельствует о связях с Западом (фибула в виде согнутой орнаментированной железной иглы⁸, наконечник латенского дротика⁹, часть бронзовой грив-

¹ М. В. Воеводский, Городища Верхней Десны, КСИИМК, XXIV, стр. 73.

² В. А. Ильинская, Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы, КСИИМК, 54, стр. 24—41, рис. 14—15.

³ Nils Åberg, *Vorgeschichtliche Kulturkreise in Europa*, Kopenhagen, 1936, табл. XVIII, 5.

⁴ Там же, табл. XIX, 2.

⁵ J. Naue, *L'époque de Hallstatt en Bavière*, RA, 1895, II, стр. 58, рис. 5, № 45; J. Déchelette, *Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine*, II, P., 1913, стр. 834, рис. 337, 5.

⁶ Grupa górnośląsko-małopolska kultury łużyckiej w Polsce, cześć II (Materiały), Kraków, 1948, табл. III, № 1—2.

⁷ Укажем только на некоторые сходные браслеты: Alois Procházka, *Gallska kultura na vyšovsku (La Tène středomoravsky) Slavkov u Brna*, 1937, табл. XVII, рис. 10; табл. II, рис. 8; табл. XIX, рис. 7; табл. XV, рис. 6; табл. VI, рис. 18; табл. XVI, рис. 3; Grupa górnośląsko-małopolska..., ук. соч., табл. CVI, рис. 12—13; P. Vouga, *La Tène, Monographie de la station publiée au nom de la commission des fouilles de La Tène, Loz.*, 1923, табл. VIII, рис. 10; J. Kostřezewski, *Welikopolska w pradziejach*, Warszawa—Wrocław, 1955, стр. 180, рис. 507, 511; J. Déchelette, ук. соч., т. IV (Second age du fer ou époque de La Tène), P., 1927, стр. 731, рис. 549; стр. 726, рис. 517, 6; Ilona v. Hunyady, *Die Kelten im Karpatenbecken*, Tafelband, Lpz., 1942, табл. IX, рис. 28; Martin Jahn, *Die Kelten in Schlesien*, Schlesischer Altertumsverein in Breslau, Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte, т. I, Lpz., 1931, стр. 23, рис. 22, 24; «Archeologické rozhledy», Ročník V, 1953, sešit 2, стр. 185, рис. 82.

⁸ T. Sulimirski, *Kultura wysocka*, Kraków, 1931, табл. XXV, рис. 20; J. Déchelette, ук. соч., стр. 551, рис. 430, 1—5.

⁹ J. Déchelette, ук. соч., стр. 651, рис. 478, 4—5; P. Vouga, ук. соч., табл. X, рис. 10; табл. XIV, рис. 9.

ны или браслета, украшенного округлыми выпуклостями ¹, бронзовый браслет, аналогичный № 5—6 из горошковского клада), в то время как другая часть говорит о связях с Причерноморьем (скифские типы серег, булавка с широкой звездчатой головкой, бортик амфоры).

Возможно, что вещи горошковского клада обязаны своим происхождением западным районам и попали на городище, может быть, путем торговли из областей лужицкой культуры. Об этом говорят близкие аналогии, происходящие с территории Чехословакии и Польши. Однако с полной уверенностью относить все перечисленные вещи к импорту нельзя; на это указывает сочетание некоторых элементов орнаментации на браслетах горошковского клада, которые не находят совершенно точных аналогий на Западе, а также то, что жители городища занимались металлургией, как свидетельствует находка тигля с остатками окислившейся меди.

Не исключено, следовательно, что в этом случае мы имеем дело с браслетами местного производства, близко следующими образцам украшений, применявшихся в сопредельных областях.

О. Мельниковская

---

¹ Grupa górnośląsko-małopolska..., укр. соч., табл. XCVIII, рис. 11; Martin J a h n, укр. соч., стр. 23, рис. 21, 1.

ХРОНИКА

Археологические работы в Индии

За последние годы археологические работы в Индии приобретают все больший размах. Всеми археологическими работами руководит Департамент Археологии, существующий еще с 1862 г.¹ Наряду с полевыми работами в задачи Департамента входят изучение эпиграфических материалов, организация музейного дела, работы по охране и восстановлению памятников и т. д. В связи с этим Департамент делится на ряд различных отделов и секций: раскопок, эпиграфики, охраны и восстановления памятников, музейного дела и т. д. Для лучшей организации археологической работы Индия разделена на несколько археологических округов. Значительная доля ассигнований Археологического Департамента идет на обработку вновь найденного материала и восстановление памятников. Большие раскопки ведут и местные археологи из университетов и институтов Мадраса, Бароды, Пуны, Хайдерабада и т. д.

Замечательные памятники прошлого имеются почти во всех частях страны. Широко представлена археология и во многих музеях Индии. К наиболее крупным музеям, где имеется археологический материал, можно отнести музей в Нью-Дели, Калькутте, Мадрасе, Сарвате, Нагарджунаконде и т. д. В Калькуттском музее имеется, например, особая археологическая секция, располагающая довольно значительным археологическим материалом².

На основании отчетов и различных публикаций можно представить себе общую картину тех исследований, которые ведутся в Индии по изучению ее прошлого и охватывают период от палеолита вплоть до позднего средневековья.

Очень важным, но в то же время очень сложным, является вопрос об индийском палеолите, который изучен до сих пор крайне слабо, хотя памятники палеолита были обнаружены в Индии сравнительно давно.

Начиная с 1863 г., когда в Палавараме (близ Мадраса) была найдена первая палеолитическая стоянка в Индии, последовали многочисленные открытия палеолитических стоянок в различных районах Индийского полуострова (Мадрас, Бомбей, Орисса, Хайдерабад, Майсор и др.). Было обнаружено большое количество мндалевидных ручных рубил со сплошной двухсторонней оббивкой, очень сходных с орудиями нижнего палеолита Европы; в индийской литературе орудия этого типа получили название «мадрасских рубил» в противоположность орудиям «соанского» типа северо-западной Индии и Пакистана. Раскопки К. У. Тодда в Кхандивли (близ Бомбея) дали четкую стратиграфию южноиндийского палеолита³.

В 1930 г. были произведены раскопки палеолитических стоянок на северо-западе Индии (Пинди Гхей на р. Соан) в Кашмире (стоянка Каревас) и т. д., которые, как и

¹ Подробно о развитии Индийской археологии см. статью N. P. Chakravarti, *The Story of Indian Archaeology* в сб. «*Archaeology in India*», Calcutta, 1950, стр. 1—15.

² Подробнее о музеях Индии см. K. N. Puri, *Archaeological Museum* в сб. «*Archaeology in India*», Calcutta, 1950, стр. 177—187.

³ См. B. B. Lal, *The Prehistoric and Protohistoric Period* в сб. «*Archaeology in India*», Calcutta, 1950, стр. 21.

упомянутые находки в Южной Индии, хронологически совпадают с периодом Шельв. Для северного палеолита Индии характерными являются орудия так называемого «соапского» типа. Это крайне примитивные рубила из гальки, верхняя заостренная часть которых грубо оббита. Представляется вероятным принадлежность памятников соапского типа к более раннему периоду нижнего палеолита, чем памятники типа «мадрасских рубил». Впрочем, индийскими археологами была открыта в Гуджерате стоянка, где орудия типа «соап», сделанные из гальки, залежали в одном слое с рубилами «мадрасского» типа.

Палеолитические орудия «соапского» типа были обнаружены в Мадхья Прадеш (в долине р. Нарбады близ Хошапгабада), Уттар Прадеш (стоянка у Мирзапура) и в Ориссе (стоянка Килиана). В стоянке у Мирзапура орудия «соапского» типа и «мадрасские» рубила также залежали вместе.

Помимо материалов раскопок большие коллекции палеолитических находок хранятся в различных музеях страны (Калькутта, Мадрас, Бомбей). Но датировать их можно только типологически, так как коллекции собирались пезнакомыми с археологией английскими чиновниками.

Интересные палеолитические стоянки были обнаружены в последние несколько лет. Так, в 1953—1954 гг. на берегах реки Годавари были обнаружены две новых палеолитических стоянки в Тисгаоне (около Ахмедпасага, штат Бомбей)¹. Открытие этих стоянок еще раз подтверждает мнение о том, что человек времен палеолита в Индии предпочитал селиться по берегам рек.

О том же говорит и находка палеолитической стоянки на берегу реки Чамбал (1953—1954 гг.). Здесь было обнаружено много каменных орудий эпохи нижнего палеолита: скребла, рубила, отщепы и др. Детальное изучение этих находок даст возможность еще раз сопоставить так называемую «соапскую технику» с техникой «мадрасских рубил», а тем самым яснее представить себе те связи, которые существовали между различными группами древнейшего населения Индии.

Существует еще и ряд других нерешенных проблем. К ним следует отнести вопрос о верхнем палеолите Индии, который еще до сих пор изучен очень плохо. Верхний палеолит Индии в отношении формы орудий и техники их обработки связан, с одной стороны, с верхним палеолитом в Передней Азии, а с другой стороны, с поздним палеолитом Монголии, Забайкалья и Бирмы². Не ясен вопрос об абсолютной хронологии индийского палеолита, очень труден вопрос о связи с соседними странами в рассматриваемую эпоху. К сожалению, в Бирме, Афганистане, Иране, Западном Китае палеолит почти не изучен, поэтому не представляется возможным сопоставление его с индийскими материалами. Отсутствие костных останков людей периода палеолита оставляет открытым вопрос об антропологическом типе древнейших обитателей Индийского полуострова.

Последующие раскопки должны помочь разработке этих проблем.

Недостаточно изучен и мезолит Индии, хотя его памятники и широко распространены. Индийские ученые различают два типа мезолитической техники: микролитическую и переходную к неолиту или, как ее называют индийские археологи, «прото-неолитическую», причем определяющей является микролитическая техника изготовления орудий. Микролитическая техника представлена в Индии орудиями геометрической формы (трапеции, треугольники с зубчатыми гранями и т. д.), сделанными из ножевидных пластинок.

Наиболее известными стоянками являются Сера и Кала (Бихар) и Савьярпурам (Южная Индия), открытые уже сравнительно давно.

Большое значение имело открытие индийскими археологами в период 1941—1945 гг. целого скелета мезолитического человека в Гуджерате, — древнейших костных остан-

¹ См. «Indian Archaeology», New Delhi, 1954, стр. 37.

² См. статью Н. M o v i u s, Lower paleolithic archaeology in South Asia and the Far East, «Stud. Phys. Anthrop.», I, 1949.

ков человека на территории Индии. К сожалению, еще не опубликованы антропологические исследования этого скелета.

Находки показали, что микролитическая культура Индии непосредственно переходит в неолит (например, стоянка Пачамархи, Сингапур Кабра Шахар в Центральной

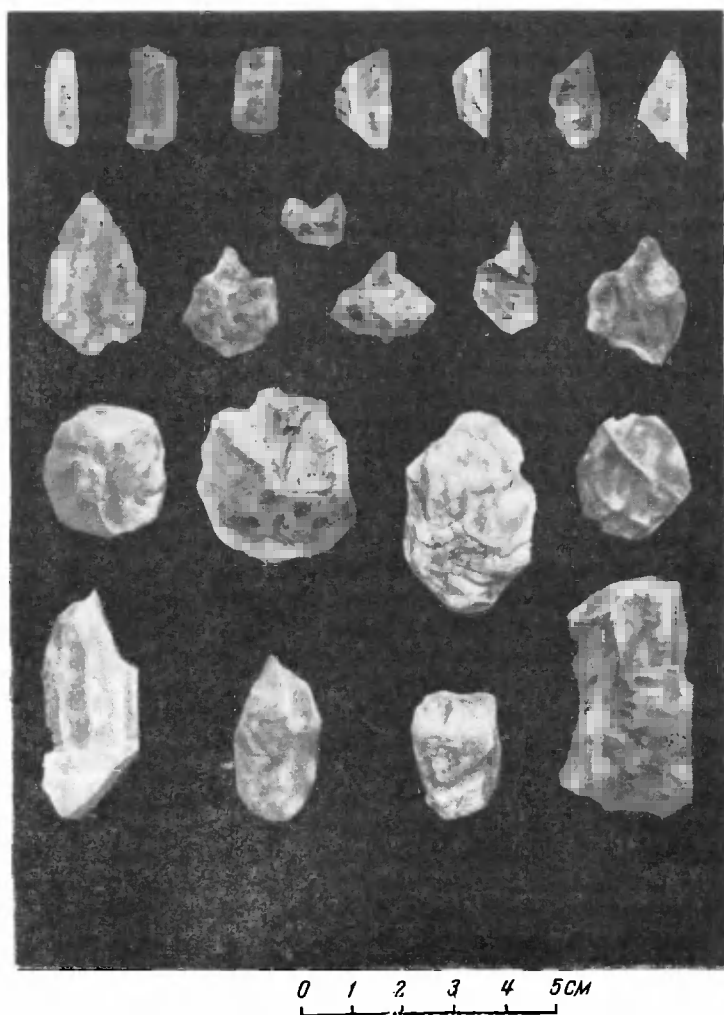

Рис. 1. Микролиты из Берхампура

Индии), доживая в некоторых районах вплоть до бронзового века — культур Хараппы и Мохенджо-Даро.

1953—1954 годы ознаменовались новыми интересными открытиями материалов эпохи мезолита¹.

В Берхампуре (Орисса) работниками Восточного археологического округа Индии была раскопана микролитическая стоянка. Стоянка перекрыта слоем красноватых наносов. Среди обнаруженных вещей были: ножевидные пластинки, микролитические вкладыши, остроконечники, наконечники стрел, проколки, круглые скребла, резцы (рис. 1). Одновременно в бассейне р. Годавари были найдены две однослойные мезоли-

¹ См. сб. «Indian Archaeology», New Delhi, 1954, стр. 6—8.

тические стоянки с ярко выраженной микролитической техникой. Одна возле Чаргаона, другая около Саугамнера. Были проведены повторные обследования ранее раскопывавшихся стоянок Неваза, Правара, Саугам, Бходжапури и Пайтхам. Полученный материал представляет собой микролиты нового типа — квадратной или прямоугольной формы, слегка обработанные со всех сторон. Микролитические орудия были найдены кроме того в Патане (педалеко от Чалисгаона) и в Адамгархе (близ Хошангабада). В верхних слоях некоторых из мезолитических стоянок (например, в Назике, штат Бомбей) встречается материал уже неолитического типа. Интересный материал дало исследование нижних слоев поселения в Рангпуре (полуостров Саураштра), в которых были найдены микролитические орудия из агата и яшмы. Плохая сохранность слоя не позволяет, к сожалению, точно датировать найденные орудия. В 1954 г. Бародским университетом были продолжены раскопки важного мезолитического поселения в Лангнадже (близ Ахмедабада). Индийские археологи обнаружили много различных видов микролитов, включая резцы, микролиты серповидной и лунарной формы, трапециевидные, треугольные. Тут же вместе с этими орудиями были найдены семь человеческих скелетов в согнутом положении, которое свидетельствует о том, что это были погребения.

Можно предполагать, что обработка и дальнейшие исследования вновь найденного материала дадут возможность индийским археологам осветить многие до сих пор неясные вопросы мезолитической эпохи Индии. К ним следует отнести вопрос о связи мезолита с верхним палеолитом Индии и о точной датировке появления мезолита на территории Индии. Специального изучения требует также соотношение между микролитической и протонеолитической техникой.

Первая неолитическая стоянка была открыта в Северной Индии еще в конце прошлого века в Бурзахоме (Кашмир). Она содержала три культурных слоя различных эпох, из которых средний относится к середине II тысячелетия до н. э., а нижний — к неолитическому времени.

Обычно неолитические орудия в Индии представлены топорами-мотыгами, теслами, изделиями различных форм из полированного камня, каменными молотками и т. д. Полированные каменные топоры, типичные для индийского неолита, были обнаружены в различных стоянках из Хамирпура, Аллахабада (Уттар Прадеш), из Чхатарпура (в Центральной Индии), Сингбхума (Бихар), из Хайдерабада и из Мадраса. Характерным орудием так называемой культуры «полированного каменного топора» является полностью или частично шлифованный топор, подтреугольной формы с прямым или слегка изогнутым лезвием. На ранней ступени этой культуры наряду с вышеописанными топорами употреблялись и различные микролитические орудия. На позднем же этапе появляются в небольшом количестве медные и бронзовые орудия. Были обнаружены детские захоронения в сосудах.

Раскопки послевоенных лет в Брахмагири (Южная Индия) обнаружили культуру «полированного каменного топора», существовавшую от начала I тысячелетия до н. э. и вплоть до 300 г. до н. э.¹ В верхних слоях стоянки встречаются медные и бронзовые изделия. Индийские ученые считают возможным отнести эти поздние слои к неолитической культуре. Однако возможно, что поздний этап культуры «полированного каменного топора» следует рассматривать как бронзовый век в этой части Индии, который приблизительно в IV—III вв. до н. э. был сменен мегалитической культурой железного века. Керамика этой стоянки — левая, сероглиняная, плохо обожженная.

Находка плечиковых топоров индо-китайского типа² в Ассаме, Чхста-Нагпуре и других частях северо-восточной Индии свидетельствует о том, что в эпоху неолита эта часть Индии входила в область неолитических культур Юго-восточной Азии.

За последние два года индийскими археологами, к сожалению, не было раскопано сколько-нибудь значительных памятников неолитической эпохи. Правда, можно ука-

¹ См. «Ancient India», № 4, 1947—1948.

² Плечиковый топор представляет собой прямоугольный топор-мотыгу с квадратным выступом сверху.

зять на раскопки Бародского Университета и Исследовательского института в Пуне в Махесваре (Мадхья Бхарат). Индийские археологи обнаружали здесь три периода, из которых нижний, по их мнению, содержит черты и домезолитические и донеолитические. Раскопки же показали наличие в донеолитическом слое керамических изделий,

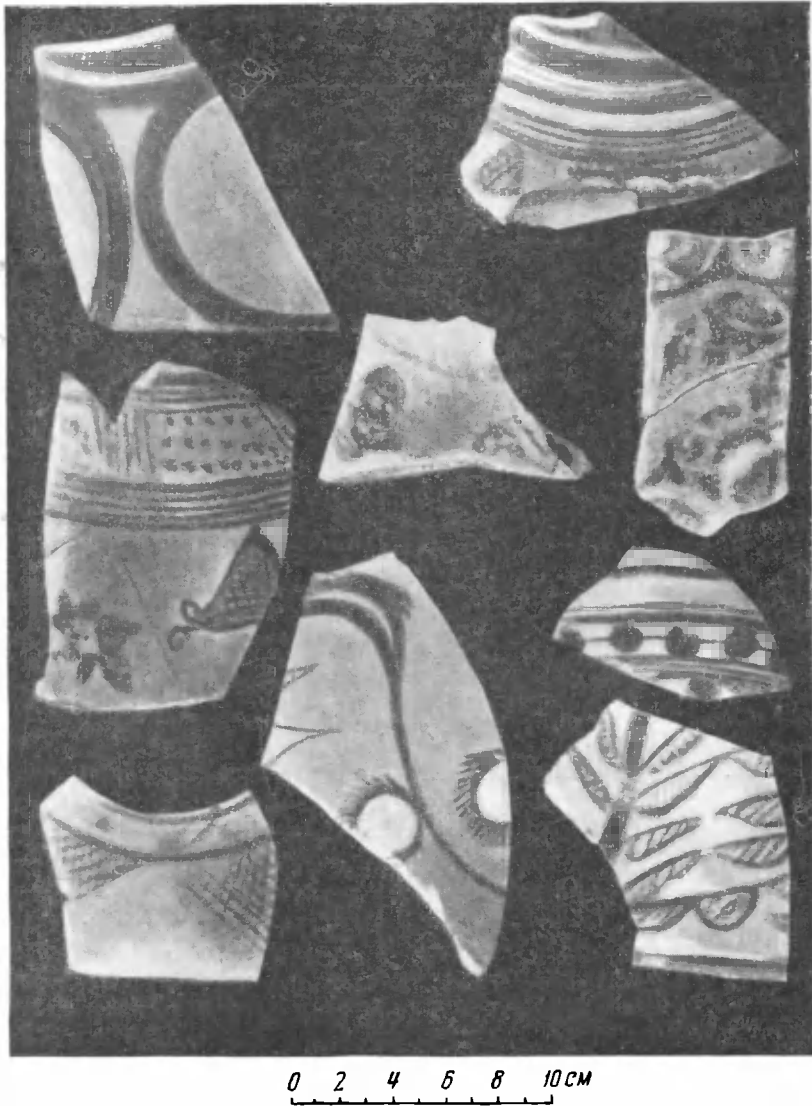

Рис. 2. Керамика из Рупара. Эпоха Харанпы

что может свидетельствовать о том, что нижние слои Махесвара вероятней всего относятся к раннему неолиту. В индийской литературе неолитом обычно заканчивается выделяемый индийскими археологами так называемый «предисторический» период.

Раскопки индийских ученых 1953—1954 гг. дали значительный материал и по энеолиту Индии. Так, исследуя поселение в Рангпуре, ученые выделили там энеолитический и поздне-энеолитический слои¹. Энеолитический материал этой стоянки харак-

¹ См. сб. «Indian Archaeology», New Delhi, 1954, стр. 7.

теризуется фрагментами толстостенной красной керамики с белой или коричневой росписью по красному или темножелтому фону. В росписи преобладают геометрические мотивы, но встречаются иногда растительный и зооморфный орнаменты. Найдены сосуды с отверстиями, блюда с подставками и без них, кувшины без ручек и т. д. Стеатитовые бусы, треугольные терракотовые плитки и ряд других находок связываются некоторыми учеными с материальной культурой Хараппы.

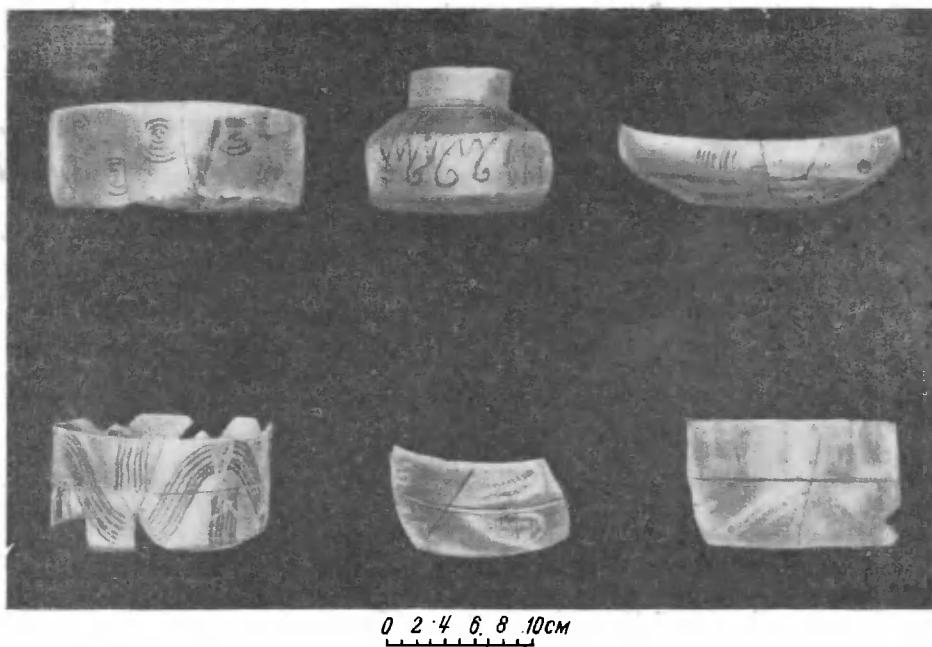

Рис. 3. Сосуды из Рупара эпохи «Серой расписной керамики»

Очень давно внимание археологов привлекало поселение Маски в Хайдерабаде. Недавние раскопки (1953—1954 гг.) выявили там энеолитический слой первой половины I тысячелетия до н. э. Были найдены различные небольшие медные орудия вместе с микролитами (наконечники стрел, проколки, ножевидные пластинки). Керамика черноглиняная с значительной примесью песка, иногда глина розоватого оттенка.

Материал из Маски помогает уточнить относительную хронологию энеолита. Раскопки этого поселения представляют значительный интерес, так как, к сожалению, изучению энеолита в Индии до самого последнего времени уделялось мало внимания.

В Индии ведутся интенсивные работы по изучению культуры бронзового века, который представлен замечательными памятниками, впервые ставшими известными благодаря раскопкам Мохенджо-Даро и Хараппы. Культура бронзового века Северной Индии, в отличие от других ее древних периодов, изучена сравнительно хорошо. Раскопки 1953—1954 гг. в Рупаре (восточный Пенджаб) открыли здесь поздний период Хараппы; поселение в Рангуре близко к поздней культуре Хараппы; Биккун или Дхер Маджра, Бара, Котли, Чамкаура, Хавара и др. (р-н верхнего течения р. Сатледжа) представляют стоянки периода культуры развитой Хараппы. Наличие большого количества поселений на сравнительно небольшой территории верхнего Сатледжа может свидетельствовать о высоком хозяйственном развитии общества эпохи Хараппы. Находки, в частности в Рупаре, замечательны тем, что по ним можно проследить единство материальной культуры Хараппы от Белуджистана на Западе до Сатледжа на Востоке

(рис. 2). Поселение в Рангпуре рассматривается индийскими археологами как южный район распространения культуры Хараппы.

Весьма мало исследованным периодом древнеиндийской истории является тысячелетие, прошедшее между концом культуры Хараппы и первыми точно датированными письменными историческими источниками. Вместе с тем это очень важная эпоха, так как именно в этот период происходит заселение и освоение Индии арийскими племенами, создание таких произведений индийского эпоса, как «Махабхарата» и «Рамаяна». В это же время на территории Индии оформляются рабовладельческие государства. К концу этого периода создается первое в истории Индии единое, централизованное государство Маурьев. И вполне понятно, что этот период, получивший в индийской историографии название «темный век», привлекает главное внимание современных индийских археологов и историков. Хронологически этот период начинается со второй четверти II тысячелетия до н. э. Индийские ученые к началу «темного века» относят культуры Джхукар и Джхангар, впервые ставшие известными по раскопкам одноименных поселений в Синде.

Общепризнанной точки зрения на время гибели культуры Хараппы в литературе не существует. Так, Э. Маккей, исследователь Мохенджо-Даро и Хараппы, как и большинство зарубежных археологов, считает возможным датировать конец культуры Хараппы XVII веком до н. э. Академик В. В. Струве предлагает датировать конец культуры Хараппы приблизительно 1500 г. до н. э.¹ Той же точки зрения придерживается и английский ученый С. Ниггот. К такому же выводу пришли в результате археологических исследований 1953—1954 гг. и индийские археологи Полевого Отдела Археологического Департамента Республики Индии.

Обнаруженные до последнего времени в различных частях Центральной и Северной Индии бронзовые и медные изделия явно не хараппского типа, несмотря на свою многочисленность, точно не датировались и потому не могли служить материалом для характеристики рассматриваемого периода.

Раскопки 1953—1954 гг. пролили новый свет на этот «темный век» древнеиндийской истории. Задачей, стоявшей перед индийскими археологами, было проследить существовал ли контакт между населением эпохи Хараппы и последующим ему народом культуры, для которой характерна так называемая «серая расписная керамика», представленная низкими кувшинами, чашами, цилиндрическими сосудами с богатым причудливым орнаментом, резко отличным от орнамента культуры Хараппы (рис. 3).

В этой связи особый интерес представляет исследование многослойного поселения в Рупаре, где представлены памятники культуры, начиная со времени Хараппы вплоть до средневековья². Первыми жителями Рупара были люди эпохи Хараппы. После долгого перерыва (примерно 500 лет) Рупар был снова заселен в начале X в. до н. э. народом, отличным от прежних поселенцев Хараппского времени и по культуре и по антропологическому типу. Этот народ, использовавший «серую расписную керамику», близкую к находимой в северном Раджистане, Пенджабе, на западе Уттар Прадеш, заселил Рупар около 300 лет. Хотя культура пришедшего народа исследована еще недостаточно, индийские археологи, производившие в Рупаре раскопки, считают приход носителей этой культуры поворотным пунктом в древней истории Индии этого времени. Возможно, что вторичное заселение Рупара связано с появлением в этой области Индии арийских племен.

Раскопки последних лет дали материалы и по мегалитической культуре Индии. Ряд индийских ученых, связывая эту культуру с железным веком, датирует ее III—I в. до н. э. Из раскопок 1952—1954 гг. укажем на работы археологов в Маски, Рангпуре, Тимбарве (близ Бароды).

¹ См. Предисловие к книге Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, М., Изд-во ИЛ, 1954.

² См. «Indian Archaeology», New Delhi, 1954, стр. 6—7.

Погребения в Маски содержат красно-черную керамику, типичную для мегалитической культуры южной Индии. Она представлена крупными круглодонными горшками, плоскими чашами и мисками. На поверхности некоторым погребениям соответствуют менгиры и круги, выложенные из камней. В позднем культурном слое из Ранглуря были найдены фрагменты красно-черной керамики, близкой к мегалитической керамике южной Индии. Для севера Индии в этот период характерна была черная лощеная

Рис. 4. Раскопки монастыря (II—I вв. до н. э.—I—II вв. н. э.) в Каусамби (около Аллахабада)

керамика, обнаруженная в 1954 г. в Рупаре. Р. Н. Мехта, проводя раскопки близ Бароды (штат Бомбей), в нижнем слое поселения Тимбарвы также обнаружил типичную для мегалитической культуры красно-черную керамику¹. Автор предполагает, что эта керамика могла быть занесена в Тимбарву около 400 г. до н. э. буддийскими монахами из долин Каусамби, Вайсали и Патна. Если раньше наиболее древние памятники железного века этой части Западной Индии восходили к началу нашей эры, то эти раскопки позволили отодвинуть эту дату на четыре века назад.

Индийские ученые Аллахабадского университета в 1953—1954 гг. производили рас-

¹ Excavation at Timbarva, «Journal of the Oriental institute», University of Baroda, 1954, № 1, стр. 100—102.

копки в Каусамби (близ Аллахабада, Уттар Прадеш¹). Этот город связан с событиями, описанными в «Махабхарате». Каусамби продолжал быть одним из главных политических центров северной Индии и долго после начала нашей эры.

Центральным объектом раскопок был Гошитарамский монастырь, состоящий из значительного числа соединенных между собой небольших помещений (рис. 4). В монастыре было найдено большое число ступ и небольших колонн, под которыми были погребены останки буддийских монахов. Были найдены многочисленные скульптуры преимущественно вотивного и культового характера, изображения божеств, относящиеся к первым векам до и после нашей эры (рис. 5). Из эпиграфического материала этого археологического комплекса наиболее интересна надпись времени Канпши, принадлежащая знаменитому монаху Буддамитре. Раскопки показали, что монастырь был заложен приблизительно в VI в. до н. э. впоследствии был подвергнут коренной перестройке.

Значение находок в Каусамби состоит в том, что здесь исследуется одно из самых древних индийских сооружений сакрального характера. Если раньше древнейшими здесь считались памятники маурийского времени, то последние раскопки позволяют отодвинуть эту дату далеко назад.

В 1953—1954 году Юго-восточный археологический округ Археологического Департамента избрал объектом своих исследований город Раджгир. Раджгир (древняя Раджагриха—царское жилище) известен как столица древней Магадхи. Город особенно усилился при Бимбисаре (543—491 гг. до н. э.) и Аджаташастру (491—459 гг. до н. э.). После смерти последнего при его сыне Удайине столица Магадхского государства была перенесена в Паталипутру.

Раскапывался буддийский монастырь, основанный придворным врачом магадхского правителя Бимбисары по имени Дживака. На протяжении многих лет раскапывается столица Маурийского государства — Паталипутра (современное предместье Кумрахар г. Патны)². В Паталипутре были открыты остатки деревянных сооружений, при-

Рис. 5. Каменный барельеф из Каусамби

¹ См. «Indian Archaeology», New Delhi, 1954, стр. 9, а также ст. A. Ghosh, The Historical Period в сб. «Archaeology in India», 1953, стр. 72—73.

² В конце XIX в. раскопки Паталипутры вел Л. А. Вадель (L. A. Waddell, Discovery of the Exact Site of Asokas classic capital of Pataliputra, Calcutta, 1892); в начале XX в.—Д. Б. Спунер и в последние годы, особенно в 1954 г. раскопки проводит исследовательский институт в Патне. См. сб. «Indian Archaeology», стр. 9—10; U. N. Roy, Fortifications of cities in ancient India, «Indian Historical quarterly», Calcutta, 1954, т. 30, № 3, стр. 237—244.

мерно IV в. до н. э., что подтверждает сведения греческих авторов, например, Мегасфена, посла Селевка ко двору индийского царя Чандрагупты о том, что стены Паталипутры были деревянными; по свидетельству же китайских путешественников при Ашоке, приблизительно около 250 г. до н. э., деревянные стены были заменены каменными. Раскопки 1954 г. позволяют выделить в Паталипутре архитектурные остатки четырех строительных периодов: 1) от 150 г. до н. э.—100 г. н. э., 2) 100—300 гг. н. э.; 3) 300—450 гг. н. э.; 4) 450—600 гг. нашей эры.

Экспедицией Бародского Университета в 1953—1954 г. были раскопаны около Бомбея в Вагнагаре остатки нескольких городов, существовавших в I—X вв. н. э. Наиболее интересен период III—V вв. н. э., характеризующийся расцветом этих городов.

Значительны раскопки памятников первых веков нашей эры на юге Индии. Так, в Салихундаме (Андрха) были открыты два буддийских храма, две буддийские ступы и несколько изображений Будды. Поселение может быть датировано II веком нашей эры.

Индийскими археологами обнаружены новые эпиграфические материалы. Наиболее замечательным является открытие нового эдикта Ашоки около Патиконды (Андрха). Как известно, надписи Ашоки являются древнейшими датированными эпиграфическими памятниками Индии и являются очень важным, а порой и единственным источником для характеристики индийского общества III в. до нашей эры. Настоящая надпись является малым наскальным эдиктом этого маурийского императора, и ее содержание почти идентично с подобным же эдиктом из Еррагуди (Мадрас). Вновь найденный эдикт является новым вариантом малых наскальных эдиктов Ашоки. Малые наскальные эдикты являются наиболее древними из эдиктов Ашоки и относятся, вероятно, к 257 г. до н. э. Они интересны во многих отношениях: в них Ашока сообщает о своем вступлении в буддийскую общину, они содержат целый ряд основных положений буддизма. Находка в Андрхе, на юге Индии, еще одного эдикта Ашоки снова ставит перед учеными вопрос об экспансии на юг маурийских правителей¹, так как наличие на данной территории наскального эдикта подтверждает существование там твердой власти династии Маурьев.

Большой филологический интерес представляют две индийские надписи из Амаравати (р-н г. Гултура) и Салихундама, написанные шрифтом брахми. Следует отметить и новые надписи времени Гупт. Одна из них найдена в Раджастхане и датируется концом V — серединой VI в. н. э., другая, найденная в Бихаре, принадлежит Вишнугупте и относится к VIII веку. Первая надпись из храма Вхрамарамата (около Чхоти Садри, р-н Удайпура) сообщает о существовании царской семьи по имени Манаваяни и о правителе этой династии Гаури; вторая надпись является одной из наиболее поздних гуптских надписей. Медная пластинка с надписью чалукского правителя Абхинавадитьи, внука Пулакешипа II (609—642 гг. н. э.), была обнаружена в Майсоре. Кроме того, было найдено большое количество эпиграфических памятников и более позднего времени — IX—XIII вв.

В Джагатагаме (Уттар Прадеш) было раскопано место, где царь Силаварман приносил богам жертвы (лошадей) — ашвамедха. На это указывает ряд надписей на кирпичках, содержащих имя царя, его титулатуру и данные о характере жертвоприношений. Интересно, что принесение в жертву лошадей (характерная черта индуистского культа) может свидетельствовать о том, что в ряде индийских государств отход от буддизма начался еще до эпохи Гупт. На основании палеографического анализа этих надписей, которые написаны шрифтом брахми, можно датировать их примерно 250—300 гг. н. э. и отнести к догуптскому периоду.

Индийские археологи сделали в эти два года также ряд интересных нумизматических находок. Так, в районе Ахмедабада в Кумаркхане были найдены несколько золотых монет Чандрагупты II, ряд монет кушанского времени в Уттар Прадеше и другие.

Индийские археологи наметили большую программу археологических исследований на ближайшие годы. Будут изучаться палеолитические стоянки в Сирсе и мезо-

¹ См. статью N. P. Chakravarti, The minor rock-edicts of Ashoka and some connected problems, «Ancient India», № 4 (1947—1948).

литические в Аджайгархе (Випдхья Прадеш). Предполагаются большие раскопки харашского поселения в Рупаре и памятников «серой расписной керамики» в Парiare (Уттар Прадеш). В план исследований включен и большой мегалитический могильник в Адиганамуре (около Тинневели). Будут продолжены раскопки в Махесваре и раскопки на месте древней Паталипутры. Интересные исследования ожидаются в Тамлюке (Бенгал) — древнем порте Индии. Департамент Археологии принял план пятилетних археологических работ в Нагарджунаконде¹. Большое внимание уделяют индийские археологи также изучению памятников средневековой эпохи. Можно надеяться, что ведущие индийскими археологами изыскания в скором времени познакомят научный мир с новыми памятниками древней культуры Индии.

Г. М. Богард-Левин, Д. В. Деоник

Студенческая археологическая конференция

В марте 1955 г. на Историческом факультете МГУ состоялась первая студенческая археологическая конференция, организованная по инициативе НСО кафедры Археологии.

В конференции приняли участие студенты-археологи Ленинградского, Ташкентского, Молотовского, Харьковского, Воронежского, Уральского государственных университетов и Ижевского Педагогического института. На конференции было сделано 24 доклада, из которых 15 докладов сделали гости. Доклады охватывали самые различные вопросы археологии; например, новгородская торговля и развитие ранне-средневековой крестообразной архитектуры, славянская железодельная металлургия на Среднем Днестре, металлургия древних комя-пермяков. Были сделаны доклады по археологии Средней Азии, Урала, Северного Причерноморья, по славяно-русской археологии. Доклады отличало стремление исторически осмыслить богатый фактический материал, добытый советскими археологами в самое последнее время. Доклады студентов-археологов показали в то же время умение авторов детально анализировать памятники материальной культуры с привлечением сравнительного материала.

Настоящая информация содержит сообщение только о докладах, посвященных археологии первобытно-общинного строя и античной археологии. Наибольший интерес вызвали на конференции доклады В. Титова, И. Поздсевой, В. Викторовой, Р. Васильевского, А. Кокорева; эти доклады были посвящены отдельным важным проблемам археологической науки.

В. Титов (МГУ) сделал доклад «К вопросу о происхождении фатьяновской культуры». По мнению докладчика, фатьяновская культура является одной из разновидностей культур шнуровой керамики. Культура шнуровой керамики была широко распространена в Средней и Восточной Европе в конце первой половины II тысячелетия до нашей эры. Германские археологи школы Косинны утверждали, что центром расселения племен шнуровой керамики (по Косинне — индогерманцев) была Средняя Европа (Шлезвиг-Гольштейния, Саксония и Тюрингия). Археологи-марристы рассматривали все типы культуры шнуровой керамики как автохтонные, появившиеся в результате стадийного взрыва, приведшего к решительному изменению всех форм материальной культуры.

В. Титов, изучив фактический материал по фатьяновской культуре и сопоставив его с материалом других культур шнуровой керамики, пришел к следующим выводам, которые и были изложены в его докладе.

¹ О раскопках в Нагарджуве см. T. N. Ramachandra, Excavations at Nagarjunakonda, «Indian historical quarterly», т. 28, № 2, 1952.

Фатьяновская культура появилась в Волго-Окском междуречье на рубеже III — II тысячелетия до н. э. одновременно с появлением культуры одиночных могил в Дании и культуры ладьевидных топоров в Швеции и Финляндии, т. е. культур, имеющих наибольшее сходство с фатьяновской культурой.

С древнейшими могилами культуры одиночных погребений Дании фатьяновскую культуру сближает сосуд вытянутых пропорций с короткой шейкой, с веревочным орнаментом из Давыдкинского могильника (так же как и инвентарь погребений этого могильника), горизонтальные оттиски веревочки на сосудах из Кузминского и Ковровского могильников, ленты наклонных линий, выполненные нарезкой (Протасовский могильник), облицовка грунтовой ямы деревом. Укороченные пропорции сосудов, наличие второй орнаментальной зоны, веревочный орнамент и наличие у некоторых сосудов Кузминского могильника маленьких доннышек позволяет сопоставлять наиболее ранние формы фатьяновской керамики с древнейшими шведскими кубками культуры ладьевидных топоров. Находки ладьевидных топоров на территории распространения фатьяновской культуры, многогранных шлифовальных плит и клиновидных топоров несомненно, свидетельствуют о хронологической связи древнейших этапов культуры ладьевидных топоров и фатьяновской культуры. Эти три культуры (фатьяновская, ладьевидных топоров в Швеции и одиночных могил в Дании), несомненно, находятся и в генетической связи, происходя, принимая во внимание их одновременность, видимо, от одного предка. Они появляются в Средней России и Скандинавии уже возникшими полностью и не имеют корней в местных неолитических культурах.

Вопреки утверждениям западно-европейских ученых об образовании культур одиночных погребений и ладьевидных топоров в результате миграций племен саксо-тюрингской культуры, В. Титов предлагает другое решение вопроса. По его мнению, найденные в Дании пять поздних саксо-тюрингских амфор не могут быть одновременны со шпуровыми кубками, характерными для нижних могил Дании. В Дании совершенно отсутствуют и другие формы керамики, характерные для саксо-тюрингской культуры (банки, чаши, ладьевидные сосуды). В то же время в саксо-тюрингской культуре нет кубков, характерных для нижних могил культуры одиночных погребений. Прямую связь с поздней ступенью развития саксо-тюрингской культуры образуют маршвицкая культура в Силезии, культура Злоты, западноукраинская культура шнуровой керамики¹. Рассматривая мало изученную среднеднепровскую культуру, докладчик считает возможным выделить днепровско-деснинскую группу в отдельную культуру, основываясь на том, что она гораздо больше связана с северными культурами шнуровой керамики, чем с другими группами среднеднепровской культуры. На это указывают характерные для северных культур шнуровой керамики признаки: шаровидность и невысокая шейка некоторых сосудов, находки клиновидных топоров, сходные с фатьяновскими наконечники стрел, типичные ладьевидные топоры, шлифовальные камни. Фатьяновская культура не может происходить от среднеднепровской культуры хотя бы уже потому, что последняя не является автохтонной. Происхождение фатьяновской культуры докладчик, в качестве гипотезы, опираясь на некоторые положения проф. И. Борковского (1930 г.) и проф. Т. Сулимирского (1933 г.), связывает с естественным процессом сегментации племен так называемой ямной культуры, который начался, видимо, во второй половине III тысячелетия до н. э. Эти племена, видимо, разделились на две ветви, одна из которых дала начало племенам шнуровой керамики Скандинавии, Северной Германии и Средней России, а другая — племенам культуры шнуровой керамики в Саксонии, Тюрингии и на Среднем Днепре. В дальнейшем связи племен фатьяновской культуры с племенами других культур шнуровой керамики рвутся и завязываются новые, например с унетичскими племенами и с племенами Северного Кавказа, цель этих связей — получение металла. Обособленность и замкнутость фатьяновской культуры еще больше увеличивается на последнем этапе ее развития, что особенно ярко выражается в наиболее восточной ее группе — балаховской.

¹ Г. Ч а й л ь д называет западноукраинскую культуру шнуровой керамики — вольтинской; Т. С у л и м и р с к и й — юго-восточно-польской.

В. В и к т о р о в а (Уральский Гос. университет) сделала доклад на тему «Жилище срубной культуры на территории Южной Башкирии». Разведки в южной Башкирии и раскопки на селище Береговское I позволили впервые говорить о срубной культуре как о характерной для южной Башкирии культуре эпохи бронзы. Селища срубной культуры южной Башкирии так же, как и в Нижнем и Среднем Поволжье, расположены группами по течению маленьких речек. В ходе раскопок землянки на одном из таких селищ (Береговское I) выяснилось, что селище было покинуто в результате катастрофы, сопровождавшейся пожаром, что облегчает возможность восстановления картины жизни около землянки, а также возможность реконструкции самой землянки. Прямо перед входом в землянку находилась производственно-хозяйственная площадка с очагом-кострищем, на которой найдены раздавленные сосуды, масса расколотых камней, пять каменных пестов и две зернотерки. Жилище представляет из себя полуземлянку прямоугольной формы (11,5 × 8 м). Лучше других прослежены восточная и западная стенки жилища. Границы же северной и южной стенок прослеживаются по следам обгорелых бревен. Пол землянки корытообразный. По центральной оси жилища ближе к выходу располагалась очажная яма (2 × 2 м), повидимому, зимний очаг для отопления землянки. Внешний вид жилища реконструируется докладчиком как двускатный шалаш, опирающийся на две поперечные перекладины. Автор делает вывод, что в конструкции землянки Береговской I скрещиваются черты андроновских жилищ Зауралья и срубных жилищ Поволжья. Самый многочисленный материал на селищах южной Башкирии — керамические изделия. Устойчивость на всех селищах определенных форм посуды (с отогнутой шейкой, сосудов баночной формы), однотипность способа изготовления и состава теста, а также одинаковый способ орнаментации позволяют говорить об относительной одновременности селищ срубной культуры южной Башкирии. Кроме того, по форме и по типу орнамента эта керамика близка к керамике раннего периода срубной культуры Поволжья. На селищах часто встречаются фрагменты керамики, орнаментированные веревочкой, что указывает на связь с полтавской культурой. В. Викторова считает, что, продвигаясь из Нижнего Поволжья к южному Уралу, племена срубной культуры теряли некоторые элементы, характерные для полтавской культуры. В то же время, принимая некоторые черты андроновской культуры, племена срубной культуры составили южноуральскую локальную группу срубных памятников. Время передвижения и оседания племен срубной культуры на южном Урале докладчик датирует XIV—XII веками до нашей эры.

Р. В а с и л ь е в с к и й (ЛГУ) охарактеризовал вкладышевые орудия со стоянки Ошурково (р. Селенга в восточной Сибири), датируемой верхним палеолитом. На многих стоянках верхнего палеолита (Мезин, Амвросиевка на Украине, Шан-Коба в Крыму, стоянка Талицкого на р. Чусовой и др.) находят наконечники дротиков из кости и рога. Эти наконечники представляют собой круглые стержни веретенообразной формы с продольными желобками-прорезями по сторонам. Относительно назначения этих желобков в науке высказываются различные мнения: они служили или для вставки кремневых пластинок или для более легкого стекания крови. На материале костяных наконечников стоянки Ошурково докладчик сделал попытку доказать, что наконечники из некоторых стоянок (Мезина, Амвросиевки) не были вкладышевыми. Известны два типа орудий вкладышевой техники: 1) костяные острокопечники с боковыми пазами или желобками по обеим сторонам стержня — наконечники копий и 2) костяной стержень с пазом только по одному ребру — однолезвийный вкладышевый нож, служивший для разделывания охотничьей добычи и снятия шкур.

Обнаруженные наконечники представляют длинные (18,5—18 см) уплощенные стержни. Один из концов стержня — острый, другой — уплощенный — служит для насада на древко копья или дротика.

Наконечники из стоянки Ошурково отличаются по форме от наконечников Мезина, Амвросиевки, Шан-Кобы. В то время как последние имеют веретенообразную (округлую) форму, наконечники из Ошурково уплощены, их плоскости почти параллельны друг другу и симметрично суживаются к острию. Кроме того, ошурковские наконечники имеют более глубокие пазы, уходящие внутрь стержня на глубину 0,3—0,4 см, при

ширине 0,2—0,3 см. Это дает основание докладчику утверждать, что наконечники Амвросиевки и Мезина не были вкладышевыми. Значительно ближе стоят к опурковским наконечники со стоянки Талицкого.

Вкладыши, найденные на стоянке Талицкого, по своей толщине (0,2—0,3 см) совпадают с прорезью стержня опурковских вкладышевых наконечников. Это дает возможность восстановить одно из комбинированных орудий верхнего палеолита. Это орудие состояло из костяного наконечника, края которого были оснащены кремневыми вставками-вкладышами.

А. Лесков (Харьков) сделал доклад о раскопках одного из курганов в зоне затопления будущего Симферопольского водохранилища. Интерес докладчика именно к этому кургану, обозначенному археологами под № 7, объясняется тем, что его насыпь составилась из нескольких небольших курганов, перекрытых более поздними курганами. Это обстоятельство дает возможность проследить период бронзы в Крыму (III—II тысячелетие до н. э.), а также и время Кизил-Кобинской культуры (VII—VI вв. до н. э.). Раскопки кургана № 7 позволили вскрыть некоторые особенности обряда детских захоронений древне-ямной культуры в курганах Крыма. Выяснилось, что детские погребения, как правило, богаче погребений взрослых; большинство могильных ям перекрывалось каменными плитами.

Значение раскопок 1954 г. состоит в том, что в Крыму устанавливается факт существования курганных захоронений кизил-кобинцев как во впускных, так и в основных погребениях.

И. Поздеева (МГУ) проводила в 1954 г. самостоятельные раскопки некрополя в Горгиинии. В результате раскопок выяснена история исследованного участка. До начала III в. до н. э. он был пригородным полем или лугом. В III—I вв. до н. э. здесь размещается городской некрополь. Особенно интересны два погребения этого времени. В первом погребении обнаружен сравнительно богатый инвентарь атлета — семь арибаллических лекифов, стригиль. В ногах покойника поставлена ойнохоя, сделанная из местной глины. Ее роспись — легкий, чисто декоративный изысканный растительный мотив — по стилю приближается к росписям ваз типа «Гнафия», но отличается от них по технике. В этом погребении были найдены боспорские монеты 330—315 гг. до нашей эры. В другой могиле III в. до н. э. найдена акварельная боспорская пелика, а также пять терракотовых женских фигур, изображающих стоящих и сидящих девушек. Все терракоты, очевидно, малоазиатского происхождения. Здесь же обнаружены золотые серьги с головками льва — мотив нередкий в античной тюретике. Над одной из могил II в. до н. э. было сооружено треугольное перекрытие из боспорских и горгиинских черепиц. В самой могиле найдена лощеная пелика местной глины, маленькая чашечка с каким-то косметическим составом, серебряный медальон с изображением богини с двумя маленькими человеческими фигурами по бокам. Головной убор, одежда и обувь погребенной женщины были украшены бусами. На левой руке были надеты два медных браслета, каждый из которых состоял из четырех колечек. Во всех могилах III—I вв. до н. э. костяки расположены головой на северо-восток. Большой керамический материал дали раскопки городской свалки, которая возникла в некоторых местах исследованного участка III в. до н. э. и существовала до II в. нашей эры.

Наряду с привозной керамикой раскопки дали много местного материала. Найдено около 30 грузил, на некоторых из них отгиснуты клейма. Частовстречаются заготовки для резьбы по кости. Фрагменты сосудов литого стекла, разнообразные привозные и местные терракотовые статуэтки, краснолаковые канфары техники барбатин — все это составляет значительную часть находок в слое свалки; их изучение позволяет говорить об эллинском характере культуры населения Горгиинии. Во II—IV вв. н. э. на этом участке вновь размещается некрополь. Из 16 раскопанных погребений, относящихся к этому времени, интересны парные захоронения, детские погребения, погребение воина с мечом, датируемое III в. н. э. На мече сохранилась фигурная костяная рукоять, смонтированная на железном стержне и стянутая медными колечками.

Такой хорошей сохранности костяная рукоять меча обнаружена впервые. Наше представление о местной культуре расширяется благодаря найденным полутора десяткам надгробных стел со своеобразными изображениями.

Данные раскопок И. Поздеевой подтверждают вывод проф. В. Д. Блаватского о значительной эллинизации синопской столицы, а также его датировку основания города.

И. О с и п е н к о (ЛГУ) в своем докладе подробно рассмотрела данные археологических раскопок боспорского города Илурата, позволяющие судить о его экономике. Основным занятием жителей Илурата было земледелие, базировавшееся на производстве мягкой пшеницы. Большое значение имело скотоводство. Ремесленное производство Илурата, так же как и земледелие, служило для удовлетворения потребностей самого населения крепости. Наибольший интерес в докладе вызвал анализ культов — божеств-покровителей растительного и животного мира, тесно связанных с сельским хозяйством.

И. Ш у р г а я (ЛГУ) сделал интересный доклад о сельскохозяйственной усадьбе «villa rustica» в Мирмекии. И. Шургая познакомил аудиторию с хорошо сохранившимся и потому представляющим большой интерес памятником античности Северного Причерноморья¹.

Доклады ленинградских студентов вызвали оживленное обсуждение. Г. К о - ш е л е н к о (МГУ) не согласился с трактовкой И. Осипенко Илурата, как однослойного памятника, в то время как раскопки дают ряд вещей эллинистического и даже классического времени. Из шести монет, найденных за два раскопчных сезона, о которых есть печатные отчеты, одна относится к I в. до н. э. Против положения докладчика свидетельствует также и то, что рядом с городищем расположены два зольника, в которых также встречаются вещи эллинистического времени. Г. Кошеленко не согласен также с объяснением прекращения жизни на Илурате в результате его катастрофической гибели. Против этого говорит отсутствие разрушений, обычно сопровождающих погибшие города, отсутствие трупов, брошенного оружия и т. д. Все это противоречит тому, что известно из раскопок римских крепостей и городов на Дунае, взятых в свое время и разрушенных варварами. Очевидно, крепость Илурат была оставлена мирно. Нумизматический материал также противоречит датировке докладчиком прекращения жизни Илурата в 70-е годы III в. нашей эры. Г. Кошеленко считает неправомерным сравнение докладчиком жителей Илурата с клерухами, поскольку клерухия является институтом классического и эллинистического времени. Илурат и его население скорее могут быть сравнены с теми поселениями зависимых племен на границах, которые широко практиковались римлянами в период империи. И. П о з д е е в а (МГУ) выразила сомнения, что до окончания археологических исследований можно утверждать, как это сделал И. Шургай, что «villa rustica» — изолированный памятник. Небольшая толщина стены, очень сложный комплекс производственных помещений, наличие не одной, а нескольких виноделен свидетельствуют против этого положения докладчика. Мнение И. Шургай о перенесении центра тяжести в сельскохозяйственном производстве Боспора с хлеба на вино после вытеснения с рынков боспорского хлеба представляется, по ее мнению, спорным и нуждающимся в более веской аргументации, так как виноделие существовало на Боспоре и раньше, уже с IV в. до н. э. Об этом свидетельствует находимая при раскопках тара. К тому же, в III в. не наблюдается уменьшения привоза вина в Северное Причерноморье вообще. И. Поздеева считает неудачной попытку И. Шургай объяснить гибель усадьбы в начале I в. до н. э. набегами каких-то местных племен. Известно, что именно в это время войска Митридата, разбившие скифов, сарматов, подавившие восстание Савмака, имели полную возможность оборонять Крым. Скорее, гибель усадьбы может быть связана с какими-то событиями во время восстания боспорских городов против Митридата.

А. К о к о р е в (Молотов) в докладе «Археологическая карта СССР» (лист 04099) рассказал о достижениях Камской экспедиции Молотовского университета. В При-

¹ К сожалению, мы лишены возможности дать более подробное изложение доклада И. Шургай, так как тезисы доклада не были представлены секретариату конференции.

камье сейчас выявлена эпоха мезолита, представленная семью стоянками. Основываясь на материале, обнаруженном в стоянках, можно выделить особую локальную область прикамского мезолита. Выявляется особая культурная область камского неолита, характерными чертами которого является наличие плотной керамики с зубчатым орнаментом, а также прямоугольных жилищ-полуземлянок. Сейчас открыто и обследовано уже значительное число стоянок, относящихся к эпохе бронзы.

При сравнении материальной культуры этих раскопанных стоянок с материальной культурой стоянок устья р. Чусовой между ними устанавливается некоторое сходство, которое прослеживается в форме жилищ. Но между стоянками Прикамья и стоянками устья р. Чусовой наблюдается и значительная разница. Так, все раскопанные среднекамские стоянки чрезвычайно бедны керамикой; имеющаяся керамика отличается бедностью орнамента; отмечены такие формы орудия (ромбовидные наконечники стрел), которые совсем отсутствуют на чусовских стоянках; на среднекамских стоянках была более развита плавка меди, чем на чусовских; на Средней Каме отсутствовали такие большие поселения, как Бор I и Боровое озеро II. Очевидно, на Средней Каме мы имеем дело с племенем, родственным чусовскому племени; весь же район Средней Камы входил в Турбинскую культурную область.

Г. С л е д к о в а (ЛГУ) сообщила о раскопках верхне-палеолитического жилища и погребения в Костенках II. Под значительным скоплением костей мамонтов были обнаружены культурные остатки, границы которых совпадают с границами скопления костей мамонтов. В центре культурных остатков находился очаг, вокруг которого найдены лежавшие в небольших углублениях костные и кремневые изделия. Повидимому, это был пол наземного жилища, каркасом стен которого служили вертикально вкопанные кости мамонтов. Раскопанное жилище аналогично другим верхне-палеолитическим жилищам — Пушкари I, Елисеевичи и др. Рядом с жилищем находилась погребальная камера овальной формы, в центре которой был обнаружен костяк в сидячем положении, обращенный к юго-востоку. По определению М. М. Герасимова все кости скелета принадлежали кроманьонцу-европеиду в возрасте около 50 лет. На основании кремневого и костяного инвентаря докладчик относит Костенки II вслед за П. П. Ефименко к раннемедленскому периоду верхнего палеолита.

Созванная с целью установления связи между научными кружками студентов-археологов различных городов Советского Союза, конференция дала возможность ознакомиться с тематикой студенческих археологических исследований, а научные студенческие общества получили возможность обменяться опытом организации своей работы. Конференция отметила хорошее начинание студентов Молотовского и Харьковского университетов, ежегодно проводящих полевые разведки вокруг своих городов. Конференция имела большое познавательное значение и разрешила ряд организационных вопросов в работе научно-студенческих кружков.

На конференции была представлена выставка полевых исследований 1954 г. Было принято решение организовать в 1956 г. конференцию с участием представителей от студентов-археологов всех городов СССР.

А.Н.Н.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗБРАННЫЕ
ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ
ПО СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
РАННЕЙ РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ИЗБРАННЫЕ ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Подбор, перевод и комментарий Е. М. Штаерман
под редакцией Ф. А. Петровского

(Продолжение)

IV. РАБЫ

№ 500

Дакия. 17 марта 139 г.

Maximus Batonis puellam nomine Passiam, sive ea quo alio nomine est, annorum circiter p(lus) m(inus) sex, empta sportellaria, emit mancipioque accepit de Dasio Verzonis Pirusta ex Kavieretio, (denariis) ducentis quinque. [E]am puellam sanam esse, <<a>> furtis noxisque solutam, fugitivam erroneam non esse praestari: quot si quis eam puellam partemve quam ex eo quis evicerit, quominus Maximum Batonis, quoque ea res pertinebit, habere possidereque recte liceat, tum quanti ea puella empta est, [tan]tam pecuniam et alterum tantum dari fide rogavit Maximus Batonis, fide promisit Dasius Verzonis Pirusta ex Kaviereti[o]. Proque ea puella, quae s(upra) s(cripta) est, (denarios) ducentos quinque accepisse et habere se dixit Dasius Verzonis a Maximo Batonis.

Actum Karto XVI k. Apriles Tito Aelio Caesare Antoninio Pio II et Bruttio Praesente II cos.

Maximi Veneti principis¹, Masuri Messi dec(urionis) Anneses Andunocnetis, Plani Verzonis Sclaietis, Liccai Epicadi Marcinesis, Epicadi Plarentis, qui et Mico. Dasi Verzonis ipsius venditoris (Fontes, III, 87; Bruns⁷, 131).

Максим, [сын] Батона, девочку по имени Пассия, или каким бы другим именем она ни называлась, около шести лет, получив сверх договора, купил и, приобрел в собственность у Дазия, сына Верзона, Пируста из Кавиереция за 205 денариев. Засвидетельствовано, что эта девочка здорова, чиста от пороков и мошенничеств, не беглая и не бродяга. Если кто-нибудь предъявит судебную претензию на эту девочку или часть [ее стоимости], чтобы Максим, сын Батона, или тот, кому это имущество будет принадлежать, не мог им законно владеть и обладать, тогда дать такую сумму, за какую эта девочка была куплена, и еще такую же обязался Дазий, сын Верзона, Пируста из Кавиереция, по требованию Максима, сына Батона. И Дазий, сын Верзона, сказал, что он получил от Максима, сына Батона, за эту девочку, которая обозначена выше, 205 денариев и имеет их.

[Сделка] совершена в Карте, за 16 дней до календ апреля, во второе консульство Тита Элия Цезаря Антонина благочестивого и Бруттия Презента.

В присутствии Максима Венета, прицепса, Мазурия Месса, декурiona Аннезийцев Андунокнетов, Плана, сына Верзона, Склайета, Ликкая, сына Эпикада, Марцинияца, Эпикада, сына Пларента, называемого также Миконом, Дазия, [сына] Верзона, самого продавца.

¹ Вероятно, речь идет о племенном вожде.

№ 501*

Дакия, 16 мая 142 г.

Dasius Breucus emit mancipioque accepit puerum Apalaustum, sive is quo alio nomine est, n(atione) Gr[aj]ecum, apocatum pro uncis duabus, (denariis) DC de Bellico Alexandri f(ide) r(ogato) M. Vibio Longo. Eum puerum sanum traditum esse, furtis noxaque solutum, erronem fugiti(v)um caducum non esse praestari: et si quis eum puerum q(uo) d(e) a(gitur), partemve quam quis ex eo everit, q(uo) m(inus) emptorem s(upra) s(criptum) eunve ad q(uem) ea res pertinebit uti frui habere posidereq(ue) recte liceat, tunc quantum id erit, quod ita ex eo evictum fuerit, t(antam) p(ecuniam) duplam p(robam) r(ecte) d(ari) f(ide) r(ogavit) Dasius Breucus, d(ari) f(ide) p(romisit) Bellicus Alexandri, id[em] fide sua esse iussit Vibius Longus. Proque eo puero, q(ui) s(upra) s(criptus) est, pretium eius (denariis) DC accepisse et habere se dixit Bellicus Alexandri ab Dasio Breuco. Actum kanab(is)¹ leg(ionis) XIII G(eminae) XVII kal. Iunias Rufino et Quadrato cos. (Далее следуют имена свидетелей.) (Fontes, III, 88; Bruns⁷, 132).

Дазий Бревк купил и приобрел в собственность мальчика Апалавста, или каким бы другим именем он ни назывался, по рождению грека, дав расписку на две унции 600 денариев, у Беллика, сына Александра, при поручительстве Марка Вибия Лонга. Этот мальчик передан здоровым, свободным от обвинения и мошенничества; с ручательством, что он не бродяга, не беглый, не лишенный хозяина. И если кто-нибудь заявит судебную претензию на этого мальчика, о котором говорилось выше, или какую-нибудь часть [его стоимости], чтобы вышеобозначенный покупатель или тот, кому будет принадлежать это имущество, не смог законно им пользоваться, иметь и владеть, тогда ту сумму, которая будет по суду изъята из его стоимости, вдвойне внести обязался Беллик, сын Александра, по требованию Дазия Бревка. В том же поручился Вибий Лонг. Беллик, сын Александра, сказал, что он получил и имеет от Дазия Бревка цену за этого вышеобозначенного мальчика в 600 денариев. [Сделка] совершена в канабах легиона XIII Близнаца, за 17 дней до календ июня, в консульство Руфина и Квадрата.

¹ Канабами назывался городок около лагеря, где жили ветераны и маркитанты.

№ 502

Talloires, Галлия

Horologium cum suo aedificio et signis omnibus et clatris C. Blaesus C. fil. Voltinia Gratus ex HS n. X et eo amplius ad id horologium administrandum ser(v)um HS n. III d. s. p. d. (CIL, XII, 2522; Dessau, 5624).

Часы, с принадлежащим к ним сооружением и всеми изображениями и решетками, Гай Блезий, сын Гая, из Волтиниевой трибы, Грат принес на свой счет в дар на 10 000 сестерциев и сверх того дал 4 000 сестерциев [на покупку] раба для управления этими часами.

№ 503

Colonia Agrippina, Германия

C. Aiacius P. f. Stel. mango hic situs est. Vale Aiaci (CIL, XIII, 8348).

Здесь похоронен Гай Айаций, сын Публия, из Стеллатиновой трибы, работоровец. Прости, Айаций.

№ 504

Mons Poeninus, Швейцария

IOM Poenino C. Domitius Carassounus Hel(vetius) mango v. s. l. m. (Dessau, 4851).

Юпитеру всеблагому, величайшему, пенинскому Гай Домиций Карассоун, Гельвет, работоровец, с радостью исполнил достойный обет.

№ 505

Nemausus, Галлия

Have Naevi salvos sis quisque es Cn. Naevio Diadumeno venaliciario grae[gl]ario (CIL, XII, 3349; Dessau, 7534).

Здравствуй, Невий! Привет тебе, кто бы ты ни был. Гнею Невию Диадумену, оптовому работоровцу.

№ 506*

Египет, 142 г. Шесть деревянных таблиц

(I) Antonius Silvanus eq(ues) alae I Thracum Mauretanae stator praef(ecti) turma Valeri testamentum fecit. Omnium bonor[um meo]rum castrensiu[m] et domesticam M.

Antonius Saturnianus (II) filius meus ex asse mihi heres esto; ceteri ali omnes exheredes sunt cernitoque hereditatem meam in diebus C proximis ne ita creverit exheres esto. Tunc secundo grado Antonius... lis frater (III) meus mihi heres esto cernitoque hereditatem meam in diebus LX proximis, cui do lego, si mihi heres non erit * argenteos septingentos quinquaginta; procuratorem bonorum meorum castrensium ad bona mea colligenda et restituenda Antoniae Thermutae matri (IV) heredi(s) mei s. s. facio Hieracem Behecis dupl(icarium) alae eiusdem turmae Aebuti ut et ipsa servet donec filius meus et heres suae tutelae fuerit et tunc ab ea recipiat cui do lego * argenteos quinquaginta, do lego Antoniae Thermutae matri heredi(s) mei s. s. * argenteos (V) quingentos; do lego praefecto meo * arg. quinquaginta; Cronionem servum meum post mortem meam, si omnia recte tractaverit et trad(id)erit heredi meo s. s. vel procuratori tunc liberum esse volo vicesimamque pro eo ex bonis meis dari volo. (VI) H(oc) t(estamento) d(olus) m(alus) a(besto) familiam pecuniamque t(estamenti) f(aciendi) c(ausa) e(mit) Nemonius dupl(icarius) turmae Mari libripende M. Iulio Tiberino sesq(uiuplicario) turmae Valeri antestatus est Turbinium sig(niferum) turmae Proculi; testamentum factum Alex. ad Aeg. in castris Aug. hibernis leg. II Tr. For(tis) et alae Mauretanae VI kal. April. Rufino et Quadrato cos. (Далее подписи свидетелей по-латыни и по-гречески.) (Fontes, III, 47).

Антоний Сильван, всадник I Мавретанской алы Фракийцев, статор префекта из турмы Валерия, составил завещание. Да будет нераздельно наследником всего моего имущества, лагерного и домашнего, мой сын Марк Антоний Сатурния; все остальные да будут лишены права наследования; и пусть он востребует мое наследство в ближайшие сто дней, а если не востребует, то пусть будет лишен наследства; тогда да будет моим наследником второй степени мой брат Антоний... и пусть востребует мое наследство в ближайшие 60 дней; ему я завещаю, если он не будет моим наследником, 750 серебряных денариев; я делаю распорядителем моего лагерного имущества Гверака Бегека, дубликария той же алы из турмы Эбутия, чтобы он собрал мое достояние и передал его Антонии Термуте, матери моего вышеназванного наследника; пусть она его сама сохраняет, пока мой сын и наследник будет под ее опекой, а затем пусть он [его] от нее получит; [Гвераку Бегеку] я завещаю 50 серебряных денариев; я завещаю Антонии Термуте, матери моего вышеназванного наследника, 500 серебряных денариев; я завещаю моему префекту 50 серебряных денариев; я хочу, чтобы после моей смерти мой раб Кронион был свободен, если он будет честно вести дела и все передаст моему вышеназванному наследнику, или распорядителю, а также я хочу ему даровать $\frac{1}{20}$ моего имущества. Пусть не будет обмана по этому завещанию. Фамилию и имущество ради составления этого завещания купил Немоний, дубликарий турмы Валерия. В свидетели он призвал Турбиния, знаменосца турмы Прокула. Завещание составлено в Александрии Египетской в зимних лагерях легиона II Траянова Сильного и Мавретанской алы за 6 дней до календ апреля в консульство Руфина и Квадрата.

№ 507

Египет. 221 г.

Marcus Aurel[iu]s [A]mmonion Luperci Sarapionis ex m[at]r[e] Terheut <<a>>e ab Hermupoli M[ai]or(e) antiqua et splend(ida) Helenen ancillam suam vernam annorum circiter X[X]XIII inter am[ic]os manumisit liberamque esse iussit, et accepit pr[o] liber[t]ate eius ab Aurelio Aletis Inaroutis a vico Tischeos nomi Hermupolitu dr(achmas) Aug(ustas) dua milia ducentas, quas et ipse Ales Inaroutis donavit Helene liberta(e) supra scripta(e). Actam Hermupoli Maior(e) antiqua et splend(ida) VII <I> kal. Augustas Grato te Seleuco cos. anno III imp. Caesaris Marci Aureli Antonini Pii Felicis Aug(usti) mense Mesore die I (Fontes, III, 11; Bruns⁷, 164).

Марк Аврелий Аммонион, сын Луперка Сарапiona и матери Тергевты, из Гермополиса Большого, древнего и блистательного, Елену, домородную свою рабыню, в возрасте около 34 лет, отпустил на волю в присутствии друзей и приказал ей быть свободной и получать за ее освобождение от Аврелия Алета, [сына] Инаровта, из села Тизихея Гермополитского нома, 2200 августовских драхм, которые сам Алет, [сын] Инаровта, подарил Елене, вышеназванной вольноотпущеннице. Составлено в Гер-

мополисе Большем, древнем и блистательном, за 8 дней до календ августа в консульство Грага и Селевка, в четвертый год [правления] императора Цезаря Марка Аврелия Антонина благочестивого, счастливого Августа, в первый день месяца месора.

№ 508

Cephaloedium, Сицилия. 175 г.

Exemplum codicillorum. Have mihi domine pater, vale mihi domine pater. Cum ad te haec dictarem, infelicissimum te aestimavi, ut eras cum me hoc mitteres. Peto, ut monumentum mihi facias dignum iuventuti meae. A te peto Eutyichianum alumnum meum manumittas vindictaque liberes, item Aprilem servum meum, qui solus ex ministerio meo superavit. Scripsit XV kal. April. Sirmi, L. Calpurino Pisone P. Salvio Iuliano cos. (CIL, X, 7457; Dessau, 8377)

Копия добавления к завещанию. Прощай, господин отец, будь здоров, господин отец. Когда я тебе это диктовал, я считал тебя очень несчастным, поскольку ты будешь меня здесь хоронить. Я прошу, чтобы ты сделал мне памятник, достойный моей молодости. Я прошу тебя отпустить на волю и освободить в присутствии претора моего воспитанника Евтихиана, а также моего раба Априла, который один остался из моей челяди. Написал за 15 дней до апрельских календ, в Сирмии, в консульство Луция Кальпурния Пизона и Публия Сальвия Юлиана.

№ 509

Nerculaneum, Италия. Время Веспасиана. Деревянная табличка

V(adimonium) [f(actum) C]a[ll]a[toriae Themidi in III non. Dec. prim. Romae in foro] Au[gusto ante trib]unal pr(aefecti) u[rb. ho]ra secunda HS M da[ri stipula]ta es[t] ea quae se P[el]tron[iam Sp(uri) f(iliam) Iustam] esse dicat, sp[op]o[ndit] Calat[oria] Themis tutore autore [C. Petronio Telesphoro. V. f. C. Petronio Telesphoro. In eum diem locum horam HS M dari stipulata est [Pel]tronia Justa, spondit C. Petr[onius T]elesphor[us]. A[ct. VII id] [us Sept.] C. Pomponio [... L. Man]lio Patr[ui]o co[s]. (A. E., 1951, 215).

Дано обязательство явиться в суд Калатории Фемиде за 3 дня до нон ближайшего декабра в Риме на форуме Августа перед трибуналом префекта Города, во втором часу. Обязывается представить 1000 сестерциев та, которая утверждает, что она является Петровней Юстой, дочерью Спурия; поручительство представила Калатория Фемиде по удостоверению опекуна Гая Петрония Телесфора; обязательство явиться в суд дано Гаю Петронию Телесфору. В этот день, место и час внести 1000 сестерциев обязывается Петрония Юста; поручительство представил Гай Петроний Телесфор. Составлено за 7 дней до ид сентября в консульство Гая Помпония... и Луция Манлия Патруина.

№ 510

Nerculaneum. Деревянная табличка

Q. Tamudius Optatus scripsi iuravique per genium Imp. Vespasiani Caes. Aug. liberorumque me adfuisse Petroniae Vitali cum haberet cum Calatoria Themide de pu[er]ella filia sua, ibi me audisse dicentem Stephanu(m) [mari]t[um] Themidis Petroniae Vitali quid invides f[il]iae cum eam nos filiae loc[us] faciamus, ex eo me [scire] mulierum q[ua]d(e) a[gitur] Pertoniae Vitalis f[il]iam et ingenuam esse q[ua]e r[es] a[gitur]. Testimonium Q. Tamudi Optati. Q. Tamudius Optatus scripsi iuravique per Iovem O. M. et genium [Imp. Vespasiani]...¹ (A. E., 1951, 217).

Я, Квинт Тамудий Оптат, написал и поклялся гением императора Веспасиана Цезаря Августа и [его] детей, что я помогал Петронии Витале, когда она имела спор с Калаторией Фемидой о девушке, своей дочери; там я слышал, как Стефан, муж Фемиды, сказал Петронии Витале: «Зачем ты завидуешь дочери, раз мы ставим ее на место дочери?» Из этого я узнал, что женщина, о которой идет речь, дочь Петронии Виталы и свободнорожденная, о чем и идет тяжба. Свидетельство Квинта Тамудия Оптата: «Я, Квинт Тамудий Оптат, написал и поклялся Юпитером всеблагим величайшим и гением императора Веспасиана...

¹ Настоящие два документа относятся к процессу об установлении статуса Петронии Юсты, которую вдова патрона ее матери, Калатория Темида, требовала признать своей отпущенницей. По этому процессу сохранилось еще 22 документа — вызовы в суд и записи свидетельских показаний — большей частью отрывочные

см. *La parola del passato*, 1946, стр. 379—385; 1948, стр. 129—151) Заслуживают внимания: показания Петрония Телесфора, который поклялся гением Августа, что Юста дочь его соотпущенницы Петронии Виталы родилась свободной и оп вместе с патроном Виталы, Петронием Стефаном, и его женой Калаторией Темидой хлопотал о предоставлении ей алиментов, как свободной; показания Вивинция Прокула, который слышал как Стефан говорил, что отпустил Виталу, когда она была у него одна, то-есть еще не имела дочери; противоположное свидетельство Вибидия Амплиата, показавшего, что Юста была куплена вместе с матерью и отпущена Калаторией Темидой, и аналогичное показание Калатория Марула, отпущенника Темиды, написанное за него другим лицом вследствие его неграмотности. Исход процесса остался нам неизвестен.

№ 511

Sicca Veneria, Африка

D. M. S. Situs hic Alfius Felix Flavianus est, qui partam nimia frugalitate substantiam in diem mortis servavit incolumem, sibi hanc constitutus vitae in confinio filis distribuit consulens concordiae satisque animo dum valet fecit suo; vernulis quos habuit libertate consuluit data, filiam nurumque adfectionis aequavit gradu, has donavit auro atque argento aequaliter vestemque ambabus sua adsignavit manu; gratum se atque pium ut commendaret suis ad circa meritos quoque fecit plurimos et qui numquam infirmatus in vita est sua annos peregit duos et octoginta, Felix vocatus, felix vixit cum suis. H(ic) s(itus) e(st) (A. E., 1906, 39).

Посвящено богам Мавам. Здесь покоится Алфий Феликс Флавиан, который нажитое им, благодаря исключительной хозяйственности, состояние сохранил до дня смерти в целости. Приобретя его себе, он, под конец жизни, распределил его между сыновьями, заботясь о согласии, и, пока был в силах, вволю им сам попользовался. О рабах, которые у него были, он озаботился, отпустив их на волю; к дочери и невестке проявил одинаковое расположение, одинаково одарив их золотом и серебром, и собственной рукой наделил их одеждой; чтобы приобрести любовь и почтение своих близких, он очень многих облагодетельствовал, и, никогда в своей жизни не хворав, скончался восьмидесяти двух лет. Названный Феликсом [Счастливым], он счастливо жил со своими. Здесь покоится.

№ 512

Arelate, Галлия

Genio Annior(um) Macri et Liciniani Alphios ser(vus) ex voto post lib(ertatem) (CIL, XII, 619).

Гению Анниев, Макра и Лициниана, раб Алфий по обету после освобождения.

№ 513

Puteoli, Италия

Herculei sacrum C. Marci l(iberti) Alex(ander) fecit. Servos vovit liber solvit (CIL, X, 1569; Dessau, 3427).

Посвящение Гераклу, сделал Александр, [раб] Гая Марка, отпущенника Марка. Раб дал обет, свободный исполнил.

№ 514

Roma

Sancto Silvano. Votum ex viso ob libertatem Sex. Attius Dionysius sig(num) (um) base d(onum) p(osuit) (CIL, VI, 663; Dessau, 3526)

Святому Сильвану. По обету, данному согласно видению, за свободу. Секст Аттий Дионисий изображение с пьедесталом поставил в дар.

№ 515

Roma

Soli sacr(um) C. Ducenius C. lib. Phoebus filius Zenonis natus in Suria Nisibyn liber factus Romae ex visu v. s. l. m. (CIL, VI, 700; Dessau, 3944).

Посвящено Солнцу. Гай Дучений, отпущенник Гая, Феб, сын Зенона, родившийся в Низибе в Сирии, освобожденный в Риме, согласно видению, исполнил с радостью достойный обет.

№ 516

Ravenna, Италия

C. Iul. Mygdonius, generi Parthus, natus ingenuus, capt(us) publi aetate, dat(us) in terra(m) Romana(m). Qui, dum factus cives R(omanus), iuvente fato colocavi arcam, dum esse(m) annor(um) L. Peti(i) usq(ue) a pubertate senectae meae pervenire. Nunc recipe me, saxe, libens; tecum cura solutus ero (CIL, XI, 137).

Гай Юлий Мигдоний, родом Парфянин, свободнорожденный, захваченный в плен в зрелом возрасте, переданный в римскую землю. Сделанный римским гражданином, по велению судьбы я устроил гробницу, будучи 50 лет. Я стремился от самой зрелости дойти до моей старости. Теперь прями меня, камень, благосклонно; под твоим покровительством я буду свободен от заботы.

№ 517

Locri, Италия

D. M. S. Alimma quae in vita sua summa disciplina servavit vix. ann. XXI m. III. Cui de permissu domini fecerunt pater karissimus et conservus pientissimae benemerenti (CIL, X, 26).

Посвящено Богам Манам. Алимма, которая в течение своей жизни вела себя в высшей степени примерно. Прожила 21 год 4 месяца. Поставили ей [надгробие] с разрешения господина любимый отец и товарищ по рабству. Добродетельной, достойной.

№ 518

Tuder, Италия

Pro salute coloniae et ordinis decurionum et populi Tudertis Iovi opt. max. custodi conservatori quod is sceleratissimi servi publici infando latrocinio defixa monumentis ordinis decurionum nomina nume suo eruit ac vindicavit et metu periculorum coloniam civesque liberavit L. Canerius Clementis lib. Primigenius sexvir et Augustalis et Flavialis¹ primus omnium his honoribus ab ordine donatus votum solvit (CIL, XI, 4639; Dessau, 3001).

За благополучие колонии и совета декурионов и народа Тудера Юпитеру всеблагому величайшему, стражу-хранителю, за то, что когда из-за чудовищного злодейства подлейшего городского раба имена членов сословия декурионов были преданы проклятию на гробницах, он своей божественной силой их исторг и отомстил, и освободил от страха перед опасностями колонию и граждан. За это исполнил [ему] обет Лудий Канкрий Примигений, отпущенник Клемента, сеvir Августал и Флавиал, который первый из всех получил эти почетные должности от совета.

¹ Судя по тому, что посвящающий надпись был первым назначенным жрецом Флавиев, надпись относится ко второй половине I века.

№ 519

Mogontiacum, Германия

Iucundus M. Terenti l. pecuarius.

Praeteriens quicumque legis, consiste, viator,
et vide quam indigne raptus inane quaerar.

Vivere non potui plures XXX per annos,
nam erupuit servos mihi vitam et ipse
praecipitem sesse deiecit in amnem:

apstulit huic Moenus, quod domino eripuit.

Patronus de suo posuit

(CIL, XIII, 7070, Dessau, 8514).

Юкунд, отпущенник Марка Теренция, скотовод.

Кто бы ты ни был, прочти мою жалобу тщетную, путник,

И посмотри, как я был смертью жестокой сражен.

Только всего тридцать лет я мог прожить, но не больше:

Отнял раб у меня мою жизнь, но сам же

Бросился после в поток он вниз головою:

У господина он то отнял, что Мён у него.

Поставил патрон за свой счет.

№ 520

Mutina, Италия

T. Lucceius T. l. Auctus Victor sibi et suis Clodiae Cyprae concubinae et uxoribus concubin(is) libert(is) libertab(usque) servis ancillis in fr. p. XII in ag. p. XIII (CIL, XI, 894).

Тит Лукцей, отпущенник Тита, Авкт Виктор себе и своим, Клодии Ципаре, наложнице, и женам, наложницам, отпущенникам и отпущенницам, рабам и служанкам. В длину 12 футов, в ширину 14 футов.

№ 521

Bergomum, Италия

D. M. ... Septimio C. f. Fortunato et Septimiae concubinae sive servae, sive libertae (CIL, V, 5172; Dessau, 8553).

Богам Мавам. ... Септимию, сыну Гая, Фортунату и Септимии, наложнице, или рабыне, или отпущеннице.

№ 522

Asolum, Италия

L. Ragonio L. f. Pap. Tuscen. Quintiano c. i. ob honorem togae virilis Verecundinus ser(vus) domino optimo (CIL, V, 2089).

Луцию Рагонию, сыну Луция, из Паприевой трибы, Тусцению Квинтиану, светлейшему юноше, в честь получения им мужской тоги. Верекундин, раб, наилучшему господину.

№ 523

Roma

L. Ragonio L. f. Pap. Urinatio Tuscenio Quintiano domino ob honorem togae virilis Ofellius ser(vus) ark(arius) (CIL, VI, 1504).

Луцию Рагонию, сыну Луция, из Паприевой трибы, Уринацию Тусцению Квинтиану, господину, в честь [получения им] мужской тоги. Офеллий, раб-казначей.

№ 524

Tevesta, Африка

IOM pro salute M. Ulpi Quintiani domini mei Proculus servus feci (CIL, VIII, 2052).

Юпитеру всеблагому, величайшему на благо Марка Ульпия Квинтиана, моего господина, сделал Прокул, раб.

№ 525

Ain el-Hadjar, Нумидия

Invicti ¹ Augusti pro sal(ute) Claudiani n(ostri) Kalendio sero (= servus) fec(it) (CIL, VIII, 19088).

Непобедимому Августу на благо нашего Клавдиана, сделал Календион, раб.

¹ Эпитет солнечных божеств, чаще всего Митры.

№ 526

Viterba, Италия

Fortunae sanctae pro salute Rufiorum Festi et Marcelli et Proculi c(larissimorum) v(irorum) Antigonus ser(vus) act(uarius) cum s(uis) (CIL, XI, 2997).

Святой Фортуне на благо Руфиев Феста и Марцелла и Прокула, светлейших мужей, Антигон, раб-писец со своими.

№ 527

Roma

Genium Clodi Romani Hermes ser(vus) fec(it) (CIL, VI, 258).

[Изображение] гения Клодия Романа, сделал Гермес, раб.

Посвящения гению господина, поставленные рабами, встречаются в ряде других надписей: CIL, VI, 257, 259, 3684; X, 860 861; XI, 356; V, 1868, 6502, 7143, 7237, 7238; 7471, 7505; XII, 619, 638, 4314, 4315, 3050—3056, 5424; III, 1154, 6124.

№ 528

Lanuvium, Италия

Mavortio sacr(um). Hoc signum a servo tangi nefas est (CIL, XIV, 4176).

Посвящено Марсу. Рабу трогать это изображение нечестиво.

№ 529

Valentia, Испания

Serapi pro salute P. Herenni Severi Callinicus ser(vus) (CIL, II, 3731).

Серапису на благо Публия Геренния Севера, Каллиник, раб.

№ 530

Италия

Vester ego, Insubres, iaceo hic sub marmore, vester
 Laevinus, Lyciae gloria gentis eram.
 Quid mihi honos? quid opes? virtus me sola beavit,
 qua mortalibus et coelitibus placui.
 Quae fuit in terris vestrae mihi cura salutis,
 in superis eadem nunc quoque cura mihi est.

На том же камне:

Pontius hic pariter sua convicarius ossa
 hic cum Laevino iussit humanda suo,
 ut quos viventes animus coniunxerat idem,
 defunctos eadem iungerat urna duos.
 Flete virum, quicumque illo superestis ademto,
 Gaudete ob civem dique deaeque novum (Meyer, Ant., 1182).

Ваш я, Инсубры, лежу — Левин под мрамором вашим,
 Славой Ликийского я племени некогда был.
 Что мне богатства? почет? Мое счастье — одна добродетель:
 Ею и смертным я и небожителям мил.
 Было заботой моей на земле благоденствие ваше,
 Та же забота моя и у всевышних теперь.

Понтий в той же земле, сотоварищ раба, свои кости
 Вместе с Левином своим здесь приказал схоронить,
 Чтобы, как та же душа, что их съединяла при жизни,
 Их, погребенных вдвоем, урна вместила одна.
 Плачьте о муже покойном его пережившие люди,
 Радуйтесь, все божества, согражданину небес.

№ 531

Рима. Время Антонинов

Dis Manib(us). Domesticus qui vixit ann. XVI.

Hoc mihi noster erus sacravit inane sepulcrum,
 villae tecta suae propter ut aspiccrem,
 utque suis manibus flores mihi vinaque saepe
 funderet, et lacrimam, quod mihi pluris erit.
 Nostros nam cineres Pollentia saeva subegit:
 est et ibi tumulus, nomen et ara mihi.
 Nec tamen aut illi supter crudelia busta
 aut istas sedes nostra subit anima,
 sed petat Asurios, petat ille — licebit — Hiberos,
 per mare, per terras subsequitur dominum.

(M. Caerellius Smaragdianus fecit (CIL, VI, 16913;

Холодняк, 789; Meyer, Ant., 1439).

Богам Манам. Доместику, прожившему 16 лет.

Этой гробницей пустой почтил мою память хозяина,
 чтобы за виллой его мог я вблизи наблюдать,
 чтобы гробницу мою он часто вином и цветами
 сам орошал и слезой, — что мне дороже всего.
 Ибо ведь прахом моим завладела Поллентия злая,
 где и могила моя, имя и памятник мой.
 Совсе, однако, не там, под мрачным холмом 'погребальным,
 и не под этой землей наша укрылась душа,
 но — пусть идет господин к Ассирийцам, уходит к Иберам, —
 Следует всюду за ним и по земле и в морях.

Сделал Марк Цереллий Смарагдиан.

№ 532

Ostia, Италия

Pro salutem Aug(usti) ... A. Ostiensis Asclepiades aeditus Capitoli signum Martis corpori familiae publice libertorum et servorum d. d. (CIL, VI, 479; XIV, 32; Dessau, 6152).

На благо Августа ... Авл Остиец Асклепиад, сторож храма на Капитолии, принес в дар корпорации городских вольноотпущенников и рабов изображение Марса.

№ 533

Sipontum, Италия

D. M. S. Liberalis col(onorum) col(oniae) Sip(onti) ser(vus) arkar(ius), qui et ante egit rationem alimentariam sub cura praefector(um) annis XXXII, vivos sibi fecerat; dedit Augurino rei p(ublicae) ser(vo) vernaе mesori filio suo kariss(imo) qui vix. ann. XXIII m. VI d. X. (CIL, IX, 699).

⚭ Посвящено Богам Манам. Либерал, раб-казначей колонистов колонии Сипонта, который и раньше ведал алиментарной казной под руководством префектов; сделал себе [гробницу] при жизни в возрасте 32 лет; дал Авгурину, рожденному рабом города, межешнику, своему дорогому сыну, который прожил 23 года 6 месяцев 10 дней.

№ 534

Corduba, Испания

A. Publicio¹ [Ge]rmano sacerdoti² [fa]miliae publicae [c(olonorum) c(oniae)] P(atriciae) perpetuo mag. II [Tr]ophimus c(oloniorum) C(oniae) P(atriciae) ser(vus) emptu Germanianus d. s. d. (CIL, II, 2229).

Авлу Публицию Германи, бессменному жрецу фамилии городских рабов колонистов Патриции, второй магистрат Трофим, купленный у Германиана раб колонистов колонии Патриции, на свой счет даровал.¹

¹ Такое имя — от слова publicus — получали отпущенники городов.

² Рабы и отпущенники города были объединены в коллегии с жрецами и магистратами.

№ 535

Saepinum, Италия

D. [M.] L. Saepinio Orienti Aug(ustali) et L. Saepinio Oresti IIII vir(o) aed(ili)¹ et Feliculae filiae Oriens aliment(arius) Saepinati(um) patri et fratr(i) et Thalia conserva eius b. m. f. (CIL, IX, 2472; Dessau, 6519).

⚭ Богам Манам. Луцию Сепинию Ориенту, Августалу, и Луцию Сепинию Оресту, кваттуорвиру, эдлу, и Феликуле, дочери, Ориент, раб [города] Сепина, ведающий алиментарной казной, отцу и брату и Талия, его товарка по рабству, достойному сделали.

¹ Отец и брат раба Ориента были отпущены городом на свободу, получили имена от имени города и почетные должности Августала и кваттуорвира.

№ 536*

Luceria, Италия

D. M. Felici s(ervo) p(ublico) mensori... (CIL, IX, 821).

Богам Манам. Феликсу, городскому рабу, межешнику...

№ 537

Histonium, Италия. Клеймо на кирпиче

Dextri col(onorum) Ven(eventanorum) ser(vi) ark(ari) (CIL, IX, 6083, 46).

Декстра, раба-казначей колонии Беневента.

№ 538

Neapolis. Клеймо на кирпиче

Euni col(onorum) Ven(eventanorum) ark(ari) (CIL, IX, 6083, 51).

Эвна, казначей колонии Беневента.

№ 539

Asisium, Италия

Iovi Paganico sacr. ex indulgentia dominorum Successus publicus municipum Asinatium ser(vus) Amoenianus aedem cum porticibus a solo sua pec(unia) fecit item mensam et aram d. d. (CIL, XI, 5375; Dessau, 3039).

Посвящено Юпитеру пага, по милости господ, Суксесс Амениан, городской раб муниципии Асизия, на свой счет заново построил храм с портиками, а также принес в дар жертвенник и алтарь.

- № 540 Lucus, Галлия
D. M. Severi Myron(i) Voc(ontiorum) ser(vus) et Verina fil(ia) kar(issima) (CIL, XII, 1595).
Богам Манам Севера Мирона раб Вокоптиев и Верина, дражайшая дочь.
- № 541 Volsinii, Италия
Dis deabusq(ue) Primitivus deae Norti(ae) ser(vus) act(arius) ex voto (CIL, XI, 2686).
Богам и богиням. Примитив, раб-казначей богини Нортии, по обету.
- № 542 Gratianopolis, Галлия
Apollini ex voto Iustus Mercuri et Cereris ser(vus) (CIL, XII, 2318).
Аполлону по обету Юст, раб [храма] Меркурия и Цереры.
- № 543 Burdigala, Аквитания
Memoriae Tertio(i) d(e) f(uncti) an. LXX Diaria Iovensium s(erva) p(atrici) et Lagisse com(iti) d(ant) (CIL, XII, 646).
Памяти Тертиола, умершего в возрасте 70 лет. Диария, рабыня [коллегия] почитателей Юпитера, отцу, и Лагисса спутнику поставили.
- № 544 Nemausus, Галлия
D. M. Primionis ferrariar(um servi) Vitalis contuber(nali) (CIL, XII, 3336).
Богам Манам Примиона, раба при железных рудниках, Виталий сожителю.
- № 545* Verona, Италия
Loc(us) sepulturae familiae XX lib(ertorum) reg(ione) Transpad(ana) Theopompus ark(arius) d. s. p. et Tryphonius et Q. Sicini... (CIL, V, 3351).
Место погребения фамилии [рабов при ведомстве] взимания налога в $\frac{1}{20}$ со [стоимости] освобожденных рабов Транспаданского округа. Теопомп, казначей, на свой счет и Трифоний и Квинт Сициний...
- № 546 Verona, Италия
Isidi myronumae sacrum Festinus T. Iuli Saturnini c(onductoris) p(ublicorum) P... ser(vus) ark(arius) posuit; Fortunatus eiusdem ser(vus contra)s(criptor) faciendum curavit (CIL, V, 5080).
Посвящено Изиде тысячеименной. Фестин, раб-казначей Тита Юлия Сатурнина, откупщика налогов... поставил. Фортунат, его же раб-контролер, озаботился сделать.
- № 547 Thamalla, Мавретания Ситифийская
D. M. S. Ta[rr]acius verna vectigalis vixit annis X mens. X d. XXII (CIL, VIII, 20578).
Богам Манам. Тарраций, раб, рожденный при [ведомстве сбора] пошлин, прожил 10 лет 10 месяцев 22 дня.
- № 548 Arelate, Галлия
D. M. Aproniano Auggg. nnn. verna vilico XL Gal(liarum) coniugi pientissimo Baedia Politice (CIL, XII, 717).
Богам Манам. Апрониану, домородному рабу наших [трех] Августов, виллику при [ведомстве сбора] пошлин в Галлии в размере $\frac{1}{40}$, благочестивому супругу, Бедия Политика.
- № 549 В районе Нарбона, Галлия
Euhangelus soc(iorum) quadragesimae ser(vus) Mercurio v. s. l. m. (CIL, XII, 5362).
Евхангел, раб откупщиков пошлин в размере $\frac{1}{40}$, с радостью исполнил достойный обет Меркурию.
- № 550 Lugdunum, Галлия
Ti. Iul. Delo Vitalis socior(um) publ(ici) XXXX ser(vus) et Amethystus l(ibertus) (CIL, XIII, 1819).

Тиберий Юлий Делон Виталий, раб откупщиков пошлины в размере $\frac{1}{40}$, и Амелст, отпущенник.

№ 551

Statio Acaunensis, Швейцария

[N]um(inibus) Augg. Mercurio sacr(um). Montanus Augg. nn. vern(a), a(gens) v(ices) v(ilici) Stat(ionis) Acaun(ensis) XXXX Gal(liarum) aedem vetustat(e) [c]onlab-sam restituit (A. E., 1945, № 123).

Посвящено божествам двух Августов [и] Меркурию. Монтан, домородный раб двух наших Августов, заместитель виллика при Акаунской Стоянке по сбору пошлины в размере $\frac{1}{40}$ в Галлии, восстановил здание, разрушившееся от старости.

№ 552

Mediomatrici, Галлия

Pro salute imp. Caes. P. Helvi Pertinacis Aug. p. p. pontif. max. trib. potestat. cos. II P. Hel. Pertinacis Caes. et Fl. Titianae August. Oceanus ser. verna dispen(sator) a frumento (CIL, XIII, 4323a).

За благополучие императора Цезаря Публия Гельвия Пертинакса Августа, отца отечества, верховного жреца, наделенного властью трибуна, консула во второй раз, Океан, домородный раб Публия Гельвия Пертинакса Цезаря и Флавии Тицианы Августы, интендант при ведомстве по снабжению [армии] продовольствием.

№ 553

Vindonissa, Галлия

In hono[rem] domus divinae] Iovis templu[m] incendio] consu[mptum] Asclepiades ... [Aug.] verna[e] disp[ensatoris] vicarius] vicanis Vind[onissensibus] de suo re[stituit] (CIL, XIII, 5194).

В честь божественного дома Асклеиад, раб-викарий ... домородного раба Августа, помощника интенданта, восстановил на свой счет для сельчан Виндониссы храм Юпитера, сожженный пожаром.

№ 554

Roma

Dis Manib(us) Successo verna[e] Caesaris mulioni vixit annis XXXVI mens. VII diebus V fecit Antigonus Domitiae Aug. ser. tabul. fratri dignissimo (A. E., 1945, 112).

Богам Манам. Суксесу, домородному рабу Цезаря, погонщику мулов; прожил 36 лет 7 месяцев 5 дней; сделал Антигон, раб-канцелярист Домиции Августы, достойнейшему брату.

№ 555

Roma

D. M. Flaviae Avitae vix. ann. XXIII Syntrophus Aegisthi Aug. servi vic(arius) contubernali carissimae fec(it).

Dii, si qua est caelo pietas, quae talia curet,
persolvat dignas grates et praemia reddat

(CIL, VI, 18296; Bücheler, 816).

Богам Манам. Флавии Авите, прожила 23 года, Синтроф, раб-викарий Эгиста, раба Августа, дражайшей сожительнице сделал.

Боги, коль в небесах существует благая забота,
Пусть попечется о ней и достойную даст ей награду.

№ 556

Lambesis, Нумидия

D. M. S. Aureliae Karicae alumnae, v. a. XXXII Adventus Aug(usti) vern(a) disp(en-sator)¹ leg. III Aug. (CIL, VIII, 3288). ♣

Посвящено богам Манам. Аврелии Карике, воспитаннице, прожившей 32 года, Адвент, домородный раб Августа, интендант III Августова легиона.

¹ Очевидно, этот раб ведал продовольствием III Августова легиона.

№ 557

Lambesis, Нумидия

D. M. S. Cassio Auggg. nnn. vern(a) disp(ensator) leg. III Aug(ustae) p(iae) v(in-
dicis) qui vixit ann. CX m. VII d. XXI. Ursinus ark(arius) leg(ionis) eiusden fecit (CIL,
VIII, 3289).

Посвящено богам Манам. Кассион, домородный раб наших трех Августов, интен-
дант III легиона Августа Справедливого, Мстителя. прожил 110 лет 7 месяцев 21
день. Урсин, казначей того же легиона сделал.

Аналогичные надписи — CIL, VIII, 3290, 3291.

№ 558

Carthago

D. M. S. Hermae Aug. ser(vo) dispensatori a tributis pius vixit annis LVIII h. s. e.
(CIL, VIII, 1028).

Посвящено богам Манам. Герме, рабу Августа, уполномоченному по сбору пода-
тей. Благочестиво прожил 58 лет. Здесь покоится.

№ 559

Potaissa, Дакия

Timocles Caes. n. (servus) ab instrumentis vix. ann. XXXV. Bona Caes. n. ser(va)
nepoti posuit (A. E., 1:03, 57).

Тимокл, раб нашего цезаря, архивариус, прожил 35 лет. Бона, рабыня нашего
цезаря, поставила внуку.

№ 560

Ferraria, Италия

D. M. Atiliae Primitiviae coniugi inconparab. Herma Augg. verna disp.¹ region.
Padan. Vercellensium Ravennatum b. m. p. (CIL, V, 2385).

Богам Манам. Атилии Примитивии, несравненной супруге, Герма, домородный
раб наших двух Августов, интендант в районе Пада, Верцелл и Равенны, поставил
[надгробие] достойной.

¹ Вероятно, уполномоченный по управлению императорскими именьями в этом
районе.

№ 561

Roma

Musico Ti. Caesaris Augusti Scurrano disp(ensatori) ad fiscum gallicum provinciae
Lugdunensis ex vicaris¹ eius qui cum eo Romae cum decessit fuerunt bene merito. Venu-
stus negot(iator), Decimianus sump(tuarius), Dicaeus a manu, Mutatus a manu, Creticus
a manu, Agathopus medic(us), Epaphra ab argent(o), Primio ab veste, Communis a cubi-
c(ulo), Pothus pediseq(uor), Tiasus cocus, Facilis pediseq(uor), Anthus ab arg(ento),
Hedylus cubicu(larius), Firmus cocus, Secunda (CIL, VI, 5197).

Музику Скуррану, [рабу] Тиберия Цезаря Августа, уполномоченному по галль-
скому казначейству Лугдунской провинции, те из его рабов-викариев, которые были
с ним в Риме, когда он умер, [сделали] достойному. Венуст, агент, Децимиан, казна-
чей, Дицей, секретарь, Мутат, секретарь, Кретик, секретарь, Агатоп, врач, Эпафра,
казначей, Примий, гардеробщик, Коммун, лакей, Пот, сопровождающий носилки
господина, Тиас, повар, Фацелий, сопровождающий носилки господина, Ант, казна-
чей, Гедил, спальник, Фирм, повар, Секунда.

¹ Так назывались рабы, принадлежавшие другим рабам, большей частью тем,
которые на императорской службе достигали высокого положения, как видно
на примере данной надписи.

№ 562

Carthago

Et Antigona
vivet et convivatur

Vitalis Aug(usti) n(ostri) tabellarius vivet et convi-
vat(ur)

D. M. S.

Dum sum Vitalis et vivo, ego feci sepulchrum,
adque meos versus, dum transseo, perlego et ipse.
Diploma circavi totam regione pedestrem

et **canibus** prendi lepores et denique vulpes;
 Postea potiones calicis perduxi libenter:
 multa iuventutis feci, quia sum moriturus.
 Quisque sapis, iuvenis, vivo tibi pone sepulcrum.

(CIL, VIII, 1027; Bücheler, 484).

И Антигона
 да живет и пирует.

Виталий, посыльный нашего Августа, да живет и пирует.

Посвящено богам Манам.

Сам я, Виталий, себе при жизни сделал гробницу
 И, когда мимо иду, читаю я сам свои вирши.
 Исколесил я весь округ пешком, разнося документы,
 Зайцев собаками брал, и лисец случалось травить мне.
 Кроме того, я непрочь подчас был и чарочку выпить:
 Юности я потакал во многом, будучи смертен.
 Юноша умный! поставь себе ты при жизни гробницу.

Рома. Эпитафии рабов из колумбария Ливии

№ 563

Felicis Ti. Caesaris ad possess(iones) (CIL, VI, 4014).

Феликса, [раба] Тиберия Цезаря при управлении [его] владениями.

№ 564

Actio Aug(ustae) a reg(ionibus) urb(is) imm(uni) honorato (CIL, VI, 4019).

Акцию, [рабу] Августы, [уполномоченному] по районам города, свободному от повинностей, почетному [члену коллегии].

№ 565

M. Livius Augustae l. Aphrodisius a sacrario (CIL, VI, 4027).

Марк Ливий Афродисий, отпущенник Августы, ведающий [домашним] святилищем.

№ 566

Damalis Liviae sarcinatrix dat Alexandro viro suo ollam (CIL, VI, 4029).

Дамалида, [рабыня] Ливии, швея, поставила урну Александру, своему мужу.

№ 567

Galene Liviae unctrix (CIL, VI, 4045).

Галена, [рабыня] Ливии, банщица.

№ 568

Panaenus Liviae lector dec. (CIL, VI, 3978).

Панен, [раб] Ливии, чтец, умер.

№ 569

M. Livius Liviae l(ibertus) Orestes supra med(icus) (CIL, VI, 3982b).

Марк Ливий Орест, отпущенник Ливии, начальник врачей.

№ 570

Diadumenus Liviae mensor dec. dat Lochiadi Liviae sarcinatr(ici) coniugi suae (CIL, VI, 3988).

Диадумен, [раб] Ливии, межевщик, декуршон, поставил своей жене Лохиаде. [рабыне] Ливии, швее.

№ 571

Felix C. Caesaris ab ornam(enti)s vix. ann. XXV (CIL, VI, 3991).

Феликс, [раб] Гая Цезаря, ведающий украшениями, прожил 25 лет.

№ 572

Aucta Liviae l(iberta) ornatrix (CIL, VI, 3993).

Аукта, отпущенница Ливии, камеристка.

№ 573

Hymnus paedagogus Liviae Germanici filiae (CIL, VI, 3998).

Гимн, воспитатель, [раб] Ливии, дочери Германника.

№ 574

Hyla Liviae a veste dec. dat Glaphurae soror(i) (CIL, VI, 4251).

Гила, [рабыня] Ливии, гардеробщица, поставила по покойной сестре Глафире.

№ 575

Zeuxis Liviae l(ibertus) aurifex Rufa Terti l. (CIL, VI, 3927).

Зевксид, отпущенник Ливии, золотых дел мастер, [поставила] Руфа, отпущенница Терция.

№ 576

Hilarus Liviae Gugetianus ad argent(um) dat Clyteni Zeuxidis l(iberto) olla (CIL, VI, 3941).

Гилар Гугетиан, [раб] Ливии, казначей, ставит урну Клитену, отпущеннику Зевксиде.

№ 577

Antiochus Liviae atriensis (CIL, VI, 3942^a).

Антиох, [раб] Ливии, смотритель дома.

№ 578

Anteros Liviae colorator (CIL, VI, 3953).

Антерос, [раб] Ливии, красильщик.

№ 579*

Murtilus supra cubicul. ... (CIL, VI, 3954).

Миртил, начальник спальных...

№ 580

Bromius custos ration(is) patrimonii (CIL, VI, 3962).

Бромий, сторож при ведомстве управления именьями.

№ 581

Antaeus Iuliae Aug. ostia(rus) dec. (CIL, GI, 3965^a).

Антей, [раб] Юлии Августы, привратник, умер.

№ 582

Bithus Maternus faber (CIL, VI, 3969^a).

Бит Матерн, ремесленник.

№ 583

C. Iulius Pothinus Caesaris fullo (CIL, VI, 3970^b).

Гай Юлий Потин, сукновал Цезаря.

№ 584*

Philippus Caes. Aug. invitator... (CIL, VI, 3175).

Филипп, [раб] Цезаря Августа, приглашающий [друзей]...

№ 585

Roma

D. M. Falanx vix. ann. XX Araps Caesar(is) n(ostr)i ser(vus) ex peculiaris lampadaris fratri b. m. fecit (CIL, VI, 8868).

Богам Манам. Фаланг, прожил 20 лет. Араб, раб нашего Цезаря, из числа факельщиков, имеющих пекулий, сделал достойному брату.

№ 586

Roma

Aprilis lampadar(ius) Titi Caesaris ser(vus) vix. annis XX Diadumenus et Ianuarius ser(vi) Titi Caesaris fratri suo posuerunt (CIL, VI, 8867).

Априлий, факельщик Тита Цезаря, раб, прожил 20 лет. Поставили брату своему Диадумен и Январий, рабы Тита Цезаря.

№ 587

Roma

D. M. Cassio Caesaris n(ostri) servo medico. Ulpia Sabina coniugi b. m. fecit et sibi et suis lib(ertis) libertabusq(ue) posterisq(ue) eorum (CIL, VI, 8897).

Богам Манам. Кассию, рабу нашего Цезаря, врачу. Ульпия Сабина сделала достойному супругу, себе, своим отпущенникам и отпущенницам и их потомкам.

№ 588

Roma

Dis Manibus Taurionis opsonatoris Porpaeae Aug. (CIL, VI, 8946).

Богам Манам Тавриона, закушника провизии, [раба] Августы Поппеи.

№ 589

Roma. 13 г.

Secunda C. Corneli Elenchi liberta coniux Epigoni Caesaris Aug. sutoris decessit ann. XX. L. Munatio Planco C. Silio cos. (CIL, VI, 9050^a).

Секунда, отпущенница Гая Корнелия Эленха, жена Эпигона, сапожника Цезаря Августа, умерла двадцати лет в консульство Луция Мунация Планка и Гая Силия.

№ 590

Roma

Divae Aug. I. Snidus ab onnam(entis) sacerdotilib(us) Fructilius (CIL, VI, 8955).

Квид Фруктилий, отпущенник божественной Августы, ведающий жреческими инсигниями.

№ 591

Roma

Heracla Caesaris palaestrita (CIL, VI, 5813).

Геракла, [рабыня] Цезаря при палестре.

№ 592

Roma

Anthusa Asclepiad(is) Caesaris ser(vi) marm(orarii) f(ilia) vix. ann. VII. C. Iulius Davos Cerdo faber (CIL, VI, 5866).

Антуза, дочь Асклепиада, раба Цезаря, мраморщика, прожила 7 лет. Гай Юлий Дав Кердон, ремесленник.

№ 593

Roma

Sulpiciae Thalussae Antiochus Ti. Claudi Caesaris a bybliothecca latina Apollinis coniugi suae bene meritae (CIL, VI, 5884).

Антиох, [раб] Тиберия Клавдия Цезаря при латинской библиотеке Аполлона, своей достойной жене Сульпиции Талуссе.

№ 594

Roma

Alexander C. Caesaris Aug. Germanici ser(vus) Pylaemenianus ab bybliothece graeca templi Apollinis vix. annis XXX (CIL, VI, 5188).

Александр Пилемениан, раб Гая Цезаря Августа Германика при греческой библиотеке храма Аполлона, прожил 30 лет.

№ 595

Roma

Antiochus Iuliae Drusi Caesaris supra lecticarios fecit Claudiae Cednae coniugi suae (CIL, VI, 5198).

Антиох, [раб] Юлии, [дочери] Друза Цезаря, начальник носильщиков, поставил Клавдию Цедне, своей жене.

№ 596

Roma

Africanus Aug(usti) verna qui et supra aediculam cum cancellis et ornamentis aereis et hydriam onychinam sibi et suis posterisque eorum de suo se vivo fecit (CIL, VI, 5306).

Африкан, домородный раб Августа, ведающий часовней с решетками и медными украшениями и с ониксовой гидрией, при жизни сделал на свой счет себе, и своим, и их потомкам.

№ 597

Roma

Chreste conservae et coniugi Celadus Anton. Drusi medicus chirurg(us) b. merenti fecit, vixit annos XVII (CIL, VI, 4350).

Хресте, товарке по рабству и жене, Целад, [раб] Антония Друза, врач-хирург, сделал достойной. Прожила 17 лет.

№ 598

Roma

Philonicus Ti. Caesaris Germ(anici) de paedagogio, vix. ann. XIX (CIL, VI, 4353).

Филоник, [раб] Тиберия Цезаря Германика, воспитатель молодых рабов, прожил 18 лет.

№ 599

Roma

Faustus pistor Ti. Germanici ser(vi) Philo et Menophilus coservi merenti f. (CIL, VI, 4356).

Фавст, пекарь Тиберия Германика. Филон и Менофил, рабы, достойному соотарищу по рабству сделали.

№ 600

Roma

Donatus Ti. Germanici tonsor (CIL, VI, 4359).

Донат, цирюльник Тиберия Германика.

№ 601

Roma

Castor Ti. Germanici victimar(ius) vix. a. XXIII Germanici l. d. d. (CIL, VI, 4362).

Кастор, [раб] Тиберия Германика, служащий при жертвоприношениях, прожил 23 года. Принес в дар вольноотпущенник Германика.

№ 602

Roma

Xyustus Ti. Caesaris ser(vus) Germanic(i) Apollonio vicario suo (CIL, VI, 4409).

Хсуст, раб Тиберия Цезаря Германика, [своему] рабу-викарию Аполлонию.

№ 603

Roma

Idaeus Valeriae Messalin(ae) supra argentum (CIL, VI, 4426).

Идей, [раб] Валерии Мессалины, казначей.

№ 604

Roma

Diadumenus Aug. ser(vus) Aemilian(i) praegustator (CIL, VI, 5355).

Диадумен, раб Августа Эмилиана, пробующий пищу.

№ 605

Roma

Eumolpus Caesaris a supellectile domus auriae et Claudia Pallas f(ilia) Soli et Lu-nae donum posuerunt (CIL, VI, 3719).

Евмолп, [раб] Цезаря, ведающий обстановкой золотого дома, и Клавдия Паллада, дочь [его], поставили дар Солнцу и Луне.

№ 606

Roma

D. M. Alcimo Caes(aris) n. ser(vo) structori Ingenus Caes(aris) n. ser(vus) a cura amicorum fratri b(ene) m(erenti) fec. in fr. p. VI in agr. p. VI (CIL, VI, 8795).

Богам Манам. Алциму, рабу нашего Цезаря, строителю, Инген, раб нашего Цезаря, ведающий приемом друзей, [сделал] достойному брату. В ширину 6 футов, в длину 6 футов.

№ 607 Roma

Asmenus Neronis Caesaris a cyato (CIL, VI, 8815).

Асмен, [раб]-виночерпий Нерона Цезаря.

№ 608 Roma

Antigonus Drusi Caesaris avium fator fecit coniugi (CIL, VI, 8848).

Антигон, [раб] Друза Цезаря, птичник, сделал жене.

№ 609 Roma

Chloe Ti. Caesaris puerorum ornatr(ix) vixit ann. XX... (CIL, VI, 33099).

Х.лоя, камеристка детей Тиберия Цезаря, прожила двадцать ... лет.

№ 610 Roma

Ti. Iulio Aug. lib(erto) Xantho tractatori Ti. Caesaris et Divi Claudii et subpraef. classis Alexandriae Atillia Prisca uxor et Lamyrus l(ibertus) heredes v. a. LXXXX (CIL, VI, 33131).

Тиберию Юлию Ксанфу, отпущеннику Августа, массажисту Тиберия Цезаря, и божественного Клавдия, и субпрефекту флота Александрии, жена Атилия Приска и отпущенник Ламир, наследники. Прожил 90 лет.

№ 611 Roma

Eros caprari(us) Antoni ser(vus) (CIL, VI, 33379).

Эрот, раб-козопас Антония.

№ 612 Roma

D. M. Dextri Caesaris servo diaetarcho domus Aug. Trebonia Laudice fec. coniugi) b. m. cum duabus filiis Fortunata et Felice (CIL, VI, 8644).

Богам Манам. Декстру, рабу Цезаря, лакею дома Августа, Требония Лаодика сделала достойному супругу с двумя дочерьми Фортунатой и Фелицей.

№ 613* Surrentum, Италия

Euticus Aug. ser(vus) pictor ... (CIL, X, 702).

Эвтик, раб Августа, живописец...

№ 614 Surrentum, Италия

Frontoni Aug. ser(vo) structor(i) (CIL, X, 708).

Фронтону, рабу Августа, строителю.

№ 615 Surrentum, Италия

Lalemus Aug. circitor natione Lycao Donato filio et sibi et suis fecit (CIL, X, 711).

Лалем, [раб]-надзиратель Августа, Ликиец, сделал сыну Донату, себе и своим.

№ 616 Aquileia, Италия

D. M. Philagrupno Aug. ver(nae) ex Kap(ute) Africaes¹ qui vix. ann. XXII mens. VIII dieb. XXV, Heliodorus unctor ad Kaput Africaes benemerenti fecit (CIL, V, 1039).

Богам Манам. Филагрипну, домородному рабу Августа с улицы Капут Африки, который прожил 22 года 8 месяцев 25 дней. Достойному поставил Геллиодор, банщик с улицы Капут Африки.

¹ На этой улице помещались дети рабов императора со своими воспитателями.

№ 617 Ager Albanus, Италия. Марка на свинцовых трубах

Imp. Caesar. Domitiani Aug. sub cura Alypi proc(uratori) Alb(ae) fec(erunt) Esychus et Hermeros ser(vi) (CIL, XIV, 2304).

[Из мастерской] императора Цезаря Домициана Августа, под наблюдением префекта Альбы, Алипа, сделали рабы Эсих и Гермерот.

Рима. Эпитафии рабов из склепа Статилиев.

(Статилий Тавр — выдающийся полководец Августа, консул 26 г. до н. э.)

№ 618

Familia T. Statili Tauri patris ex d.d. Antoniae M. l. Chryse in honore Statili Stora-
cis ollam dederunt (CIL, VI, 6213).

[Рабы] фамилии Тита Статилия Тавра отца из дара Антонии Хризы, отпущенницы
Марка, в честь Статилия Сторака дали погребальную урну.

№ 619

Felix German(us)¹ armiger Tauri f(iilii) hic situs est (CIL, VI, 6229; Dessau, 7448).

Феликс, немец, оруженосец Тавра-сына, здесь покоится.

¹ Дом Статилиев имел германскую стражу.

№ 620

Neo T. Statili Tauri ser(vus) balneator (CIL, VI, 6243; Dessau, 7412).

Неон, раб Тита Статилия Тавра, банщик.

№ 621

Eros cocus Posidippi ser(vus) hic situs est (CIL, VI, 6246).

Эрот, повар, раб Посидиппа, здесь покоится.

№ 622

Nireus Philerotis l(iberti) coci ser(vus) vix. ann. V (CIL, VI, 6248).

Нирей, раб отпущенника Филерота, повара. Прожил 5 лет.

№ 623

Statiliae T. l(ibertae) Hilarae Amarantus colorator, Philologus atriesis coniugi
posuer(e).

Bene adquiescas, Hilara, si quid sapiunt infer.

Tu nostri memento, nos numquam obliviscemur tui

(CIL, VI, 6250).

Статилии Гиларе, отпущеннице Тита, Амарант, красильщик, и Филолог, приврат-
ник, поставили супруге.

Покойся мирно, Гилара, если мыслят мертвые.

О нас ты помни, нам не позабыть тебя.

№ 624

Donatus fullo Tironianus (CIL, VI, 6287).

Донат, сукновал, купленный у Тирона.

№ 625

Felix horrearius Hipparchi vicarius (CIL, VI, 6292).

Феликс, кладовщик, раб-викарий Гиппарха.

№ 626

Eros isularius ex horteis Pompeia(nis) (CIL, VI, 6299).

Эрот, управляющий квартирным домом в Помпеевых садах.

№ 627

Felix Messalinae lanipend(a) (CIL, VI, 6300).

Феликс, надсмотрщик в шерстоткацких мастерских Мессалины.

№ 628

Iucundus Tauri lecticarius. Quandius vixit vir fuit et se et alios vindicavi(t), quan-
dius vixit honeste vixit. Callista et Philologus dant (CIL, VI, 6308).

Юкунд, носильщик Тавра. Пока он жил, он был мужем и умел постоять за себя
и других. Пока жил, жил честно. Ставят Каллиста и Филолог.

№ 629

Philargyrus librarius Catullianus (CIL, VI, 6315).

Филаргир, писец, купленный у Катулла.

№ 630

Scirtus symphoniacus Cornelianus (CIL, VI, 6356).

Сцирт, музыкант, купленный у Корнелия.

№ 631

Diomedes sutor (CIL, VI, 6355).

Диомед, башмачник.

№ 632

Acasti fabri tignari (CIL, VI, 6363—66).

[Урна] Акаста, плотника.

№ 633

Nicepor marmorarius (CIL, VI, 6318).

Никепор, мраморщик.

№ 634

Secunda Thyrso medico merenti (CIL, VI, 6320).

Секунда Тирсу, достойному врачу.

№ 635

Secunda opstetrix Stiliae maioris (CIL, 6325).

Секунда, повивальная бабка, Стилии старшей.

№ 636

Gemellus Messallinae Tauri filiae paedagogus (CIL, VI, 6327).

Гемелл, воспитатель Мессаллины, дочери Тавра.

№ 637

Messia Dardana¹ quasillaria fecit Iacintus unctor Dardanus (CIL, VI, 6343).

Мессия Дардана, прядильщица, сделала. Иакинф Дардан, банщик.

¹ Очевидно, из племени Дарданов.

№ 638

Attalus sarcinator (CIL, VI, 6348).

Аттал, портной.

№ 639

Musa sarcinatrix hic sita est (CIL, VI, 6350).

Муза, швея, здесь покоится.

№ 640

Alexander structor (CIL, VI, 6353).

Александр, строитель.

№ 641

T. Statilius Nicepor faber struct(or) parietar(ius) (CIL, VI, 6354).

Тит Статилий Никепор, ремесленник, строитель стен.

№ 642

Felix topiarius (CIL, VI, 6369).

Феликс, садовник.

№ 643*

D. M. Timotheus ser(vus) coronar(ius) coiugi pientissimae b. m. fecit et suis... (CIL, VI, 7009).

Богам Манам. Тимофей, раб, изготовляющий венки, сделал добродетельной достойной супруге и своим. Прожила ...

Рота. Эпитафии из склепа Волузиев
(Луций Волузий Сатурнин был консулом 56 г.)

№ 644

Chrysanthe cantrici Volusi Elaini vix. ann. XX Philodespotus conser(v)us fecit (CIL, VI, 7285).

Хрисанфе, певице, Волузия Элайна, прожившей 20 лет, Филодеспот товарке по рабству сделал.

№ 645

Logo L. Volusi citharoedo vix. ann. XX Cerialis frater, Agathopus vicarius (CIL, VI, 7286).

Логу, кифареду, Луция Волузия, прожившему 20 лет, брат Цериал и Агатоп, раб-викарий.

№ 646

Dis. Man. Felici Q. Volusi Saturnini horeario Q. Volusius Fortunatus b. m. f. et sibi (CIL, VI, 7289).

Богам Манам. Феликсу, кладовщику Квинта Волузия Сатурнина, сделал [ему], достойному, и себе Квинт Волузий Фортунат.

№ 647

[D.]Manibus [sacru]m Primigenius L. Volusi Saturnini ser(vo) ab hospitis et paedagog(o) pueror(um) Charidi cont(ubernali) s. b. m. T. Iulius Antigonus gener eius Spuriniae Niceni Torquatianae nutrice suae benemerenti sanctae piaae amantissimae fecerunt sibi et suis posteris(ue) eor(um) (CIL, VI, 7290; Dessau, 7446).

Посвящено богам Манам. Примигений рабу Луция Волузия Сатурнина, ведающему приемом гостей и воспитателю мальчиков, Хариду, достойному сожителю. Его зять Тит Юлий Антигон кормилице Спуриннии Ницене Торкватiane, достойной, святой, благочестивой, любимейшей, сделали себе, своим и их потомкам.

№ 648

D. M. S. Panope ornatrix Torquate Q. Volusi vix. ann. XXII et Phoebe a speculum vix. ann. XXXVII Spendo contubernalibus suis benemerentibus fecit et sibi. Loc(o) d(ato) dec(reto) decu(trionum)¹ (CIL, VI, 7297; Dessau, 7418).

Посвящено богам Манам. Панопе Торквата, горничная Квинта Волузия. Прожила 22 года. И Феба, ведающая зеркалами. Прожила 37 лет. Сделал своим достойным сожительницам и себе Спендон. Место дано по декрету декурионов.

¹ Вероятно, речь идет о декурионах в коллегии рабов.

№ 649

D. M. S. L. Volusio Heraclae capsario idem a cubiculo L. n(ostri) Volusia Prima patron(o) suo piissimo idem coniugi benemerent(i) fecit p(ermis)u L. n(ostri). Thyrso... a cela v. a. XXXV (CIL, VI, 7368; Dessau, 7413).

Посвящено богам Манам. Луцию Волузию Геракле, [рабу] нашего Луция, носившему его книги в школу, а также спальнику. Волузия Прима своему благочестивейшему патрону и достойному мужу, с разрешения нашего Луция, Тирсу, погребщику, прожил 35 лет.

№ 650

D. M. L. Volusio Paridi a cubiculo et procuratori L. n(ostri) Claudia Helpis cum Volusia Hamilla et Volusio Paride filis suis coniugi suo benemerenti permis)u L. n(ostri) (CIL, VI, 7370; Dessau, 7606^a).

Богам Манам. Луцию Волузию Париду, спальнику и управителю нашего Луция, Клавдия Элпиды с Волузией Гамиллой и Волузием Паридом, своими детьми, достойному супругу с разрешения нашего Луция.

№ 651

Dacus insularius (CIL, VI, 7407).

Дак, управитель квартирному дома.

№ 652

Primus mulio (CIL, VI, 7409).

Прим, погонщик мулов.

№ 653

Castor plumar(ius) vixit an. L (CIL, VI, 7411).

Кастор, вышивальщик, прожил 50 лет.

№ 654

Roma

D. M.

*Quicumque es, puero lacrimas effunde, viator.
 Bis tulit hic senos primaevi germinis annos
 delictumque fuit domini, spes grata parentum,
 quos male deseruit longo post fata dolori.
 Noverat hic docta fabricare monilia dextra
 et molle in varias aurum disponere gemmas. .
 Nomen erat puero Pagus; at nunc funus acerbum
 et cinis in tumulis iacet et sine nomine corpus.*

Qui vixit annis XII mens. VIII diebus XIII hor. VIII
 (CIL, VI, 9437; Dessau, 7710; Холодняк, 784).

Богам Мамам.

Кто бы ты ни был, пролей слезу над мальчиком, путник:
 Два шестилетья всего он от рождения прожил.
 Был господину утехой, родителям был он надеждой,
 Смертью безвременной им причинив глубокое горе.
 Ловкой рукою умел выделывать он ожерелья,
 В мягкое золото знал, где надо вставлять самоцветы.
 Звали мальчика Паг. А теперь, после мрачной кончины,
 Прахом в могиле лежит его бездыханное тело.

Он жил 12 лет 8 месяцев 13 дней 8 часов.

№ 655

Derceto Aureliae virginis lectrix ann. vicensumum exsicens misera occidi. Sabina
C.I. Helena vixit ann. XVI (CIL, VI, 33473; Dessau 7771).

Деркетто, чтица Аврелии, девы [весталки]. Я, несчастная, была убита на исходе двадцатого года. Сабина, отпущенница Гая, Елена, прожила 16 лет.

№ 656

Vusa, Италия

Numini Herculis Acheruntini Vetalis Cl. Severi c. v. ser(vus) pec(uarius) v. l. s.
 (CIL, IX, 947).

Божеству ахеронтского Геракла исполнил с радостью обет Виталий, раб-скотник Клавдия Севера, светлейшего мужа.

№ 657

Isurium, Британия

Feliciter sit. Genio loci. Servule, utere felix tabernam aureficinam (CIL, VII, 965;
 Dessau, 3651).

В добрый час! Гению места. Милый раб, работай счастливо в ювелирной лавке.

№ 658*

Peltinum, Италия

Hespero Domitiae Domitiani ser(vus) peculiaris et Lucifer patri piissimo... (CIL,
 IX, 3469).

Гесперов, собственный раб Домиции, [жены императора] Домициана, и Луцифер благочестивейшему отцу...

№ 659

Carnuntum, Паннония

Peregrinus Q(uinti). Asini ser(vus) sutor caligarius natione Dacus ann. XX h. s. e. (A. E., 1929, № 217).

Перегрин, раб Квинта Азиния, сапожник, родом из Дакии, 20-и лет. Здесь покоится.

№ 660

Droma, Македония

Vitalis C. Lavi Fausti ser. idem f. verna domo natus hic situs est vixit annos XVI institor¹ tabernas Aprianas a populo acceptus idem ab dibus ereptus. Rogo vos viatores si quid minus dedi mesura ut patri meo adicere(m) ignoscatis. Rogo per superos et inferos ut patrem et matrem commendatos (h)abeatis. Et vale (CIL, III, 14206, 21; Dessau, 7479).

Виталий, Гая Лавия Фавста домородный раб, а также сын, здесь покоится. Прожил 16 лет. Стоял во главе априйских лавок; он был принят народом и похищен богами. Прошу вас, путники, если я давал по весу меньше, [чем следовало], чтобы прибавить [к доходу] моего отца, извините меня! Заклинаю высшими и подземными [богами], чтобы вы уважали моего отца и мать. И будь здоров.

¹ Раб, стоявший во главе мастерской или лавки и получавший часть дохода в свою пользу.

№ 661

Roma

Faustus Pop[ili] institor unguent(arius) (CIL, VI, 10007; Dessau, 7608).

Фавст, [раб] Попилия, поставленный во главе парфюмерной лавки.

№ 662

Florentia, Италия.

Adiecto Sex. Avidi Eutychi seplasiari negotiantis ser. institori Communis... amico b. m. (CIL, XI, 1621; Dessau, 7607).

Адъекту, рабу Секста Авидия Евтиха, продавца благовоний, стоявшему во главе лавки, Коммуний... достойному другу.

№ 663

Teate Marrucinorum, Италия

Dionysio Cn. Mamili Primi sutori institori caligario Q. Avidius Bassus p. (CIL IX, 3027; Dessau, 7546).

Дионисию, [рабу] Гнея Мамилия Прима, сапожнику, поставленному во главе мастерской солдатских сапог. Поставил Квинт Авидий Басс.

№ 664

Sassina, Италия

D. M.

Primitiva, have! Et tu, quisquis es, vale!

Non fueram, non sum, nescio; non ad me pertin(et).

Alexand(er) actor coniugi kar(issimae) (CIL, XI, 6545).

Богам Манам.

Примитива, прощай! А ты, кто б ни был, будь здоров!

Не было, нет меня, не знаю, это меня не касается.

Жене дражайшей управитель Александр.

№ 665

Clunia, Испания

D. M. S. Primitivus Sem... Paternae servus ann. XII, Martialis ann. XXXX Firmiana an. VIII. Dorcas contubernali pio et filiae

Sive apros feroces fudi eram ut gratus venantibus,
seu cervos fugaces cepi, ut eram delicio domus.

Mihi Paterna rura lustrans instauravit memoriam,
quae mihi post honores reddat, continens veri fidem

(CIL, II, suppl., 6338 n; Холодняк, 764).

Посвящено богам Манам. Примитив, раб Сем... Патерны 12 лет, Марциал 40 лет, Фирмиана 9 лет. Доркада, благочестивому сожителю и дочери.

Вепрей ли гонял свирепых,— был я мил охотникам;
Быстрых ли гонял оленей,— был на радость дому я.
На земле своей Патерна мне воздвигла памятник,
Что, мне почесть воздавая, правде служит истинной.

№ 666

Sicca Veneria, Африка

...et iacet hic talis, qui nunquam fraudibus iste

laetatus, post magnos actus pauperes reliquit liberos spe liberos (CIL, VIII, 15719; Bücheler, 623).

...здесь лежит таковой, кто век никакому обману
не предаваясь, дела совершив большие, оставил бедных детей несвободных в на-
дежде свободы.

№ 667

Glanum, Галлия

D(eae) s(anctae) T(uribrigensi) Ad(eginae) Victorin(a) ser(va) C(orneliae) Severae
a. l. v. s. (A. E., 1946, 193).

Святой богине Адегине Турибригов Викторина, рабыня Корнелии Северы, с ра-
достной душой исполнила обет.

№ 668

Roma, 154 или 177 г.

Soli invicto Mithrae Victor vilicus praedior(um) Maecianor(um) d. d. et sacerdoti
M. Stlaccio Rufo dedicavit VII id. april. Aur. Commodo cos. curante Hermete conser(vo)
(CIL, VI, 745).

Непобедимому солнцу Митре Виктор, вилик Мецианских имений, принес в дар
и поднес жрецу Марку Стлакцию Руфу за 7 дней до ид апреля, в консульство Авре-
лия Коммода, под наблюдением товарища по рабству Гермета.

№ 669

Roma

D. M. Hermeroti vicario suo Lupercus subvillicus hortorum Antonionorum beneme-
renti fecit (CIL, VI, 9991).

Богам Манам. Гермероту, своему достойному рабу-викарию сделал Луперк,
субвиллик Антоцианских садов.

№ 670

Macula, Нумидия,

Saturno Aug. sacrum Adiectus vilicus de pecoribus v. s. l. a. (CNI VIII, 2232).
Сатурну Августу посвящено. Адъект, вилик, за скот с радостью исполнил обет.

№ 671

Coa, Италия. 1 г. до н. э.

Magistri: M. Licinius M. f. Pusillio, Sex. Vipsanius M. f. Clemens, Q. Cassius, C. f.
Niger; ministri: Blandus C. Afini Asclae ser(vus), Murranus P. Clodi Turpionis ser(vus),
Auctus M. Fabrici Hilari ser(vus), compitum refecerunt, tectum parietes allevarunt,
valvas limen de sua pecunia Laribus dant Cosso Cornelio Lentulo L. Pisone Augure cos.
(CIL V, 3257; Dessau, 3610; аналогичная надпись из города Бетриака — CIL, V,
4087).

Магистры [коллегии]: Марк Лициний, сын Марка, Пусиллион, Секст Випсаний,
сын Марка, Клемент, Квинт Кассий, сын Гая, Нигер; жрецы: Бланд, раб Гая Афиния
Асклы, Мурран, раб Публия Клодия Турпиона, Авкт, раб Марка Фабриция Гилара,
перестроили часовню на перекрестке, подняли крышу и стены и дают на свой счет
Ларам двери и порог. В консульство Косса Корнелия Лентула и Луция Пизона Авгура.

№ 6

Puteoli, Италия. 1 г. н. э.

C. Caesare Aug(usti) f(ilio) L. Paulo cos. Lares Augustos Q. Numisius Q. l(ibertus)
Legio, L. Safinius L. l(ibertus) Hilarus, Sodalis C. Modi Cimbri ser(vus), Aeschinus
Octavi M. ser(vus) magistr(i) de suo p(ecunio) f(ecerunt) (CIL, X, 1582).

В консульство Гая Цезаря, сына Августа, и Луция Павла [изображение] Ларов
Августов на свой счет сделали Квинт Нумизий, отпущенник Квинта, Легион, Луций

Сафиний, отпущенник Луция, Гилар, Содалий, раб Гая Модия Кимбра, Эсхин, раб Марка Октавия, магистры.

№ 673

Roma. 102 г.

Collegio Liberi patris et Mercuri negotiantium cellarum vinariarum Novae et Arruntianae Caesaris n(ostri) Cinnamus imp. Nervae Caesaris Traiani Aug. Germ. servos verna dispensator ob immunitat(em) d. d. cura agentibus ann. prio (?) Ti. Claudio Zosimo et Sex. Caelio Agathemero. Licinio Sura II Serviano II cos. (CIL, VI, 8826; Dessau, 7276).

Коллегии Либера отца и Меркурия, [объединяющей] торговцев вином из погребов Новы и Аррунтияны [имений] нашего Цезаря, за полученные привилегии принес дар Циннам, домородный раб, управляющий императора Нервы Цезаря Траяна Августа Германского. Руководили в предыдущий год (?) Тиберий Клавдий Зосим и Секст Целий Агатемер. Во второе консульство Лициния Суры и второе консульство Сервиана.

№ 674

Aquila, Италия

Phoebo Domitiae Domitiani ser(vo) Domitia Athenais fratri et Ianuarius cognatus ex collegio Heroi Corbulonis et Longinae p(osuerunt) (A. E., 1912, № 221).

Фебу, рабу Домиции, [дочери] Домициана, поставили Домиция Атенаида брату и Януарий, родич, из коллегии Героя Корбулона, и Лонгины.

№ 675

Roma

Sancto Silvano sacr(um) Eutyches collegi magni Lar(um) et imag(inum) dom(i)n(orum) invicti Antonini Pii felicis Aug(usti) p. p. ser(vus) actor d. d. hortis Aponianis aram marmorea(m) cum suo sibi sigillo Silvani (CIL, VI, 671; Dessau, 3543).

Посвящено святому Сильвану. Евтих из Великой коллегии Ларов и Изображений господ, раб-уполномоченный непобедимого Антонина благочестивого, счастливого Августа, отца отечества, принес в дар в Апонийских садах мраморный алтарь со сделанным им изображением Сильвана.

№ 676

Roma

Sancto deo Silvano genio collegi(i) zeunitorum Vitalio Aug. n. verna d. d. (CIL, VI, 693).

Святому богу Сильвану, гению коллегии упряжников, Виталион, домородный раб нашего Августа, принес в дар.

№ 677

Roma

Sacrum Silvano P. Aelius Philetus et P. Aelius Philetianus conser(vis) et Larum Penatium (sodalibus) d. d. (CIL, VI, 582).

Посвящено Сильвану. Публий Элий Филет и Публий Элий Филетиан принесли в дар сотоварищам по рабству и сочленам коллегии Ларов-Пенатов.

№ 678

Roma

Collegium familiae Serg(iae) L. f. Paulinae¹ Cerdoni conservo (CIL, VI, 10260).

Коллегии фамилии Сергии, дочери Луция, Павлины, Кердону, сотоварищу по рабству.

¹ Дочь Луция Сергия Павлина консула 168 г.

№ 679

Roma

D. M. Hermeroti arcario v. a. XXXIV collegium quod est in domu Sergiae Paulinae fecerunt Agathemer. et Chreste Arescon fratri piisimo b. m. (CIL, VI, 9448; Dessau 7333).

Богам Манам, Гермероту, казначею, прожил 34 года, коллегия, которая находится в доме Сергии Павлины; сделали Агатемер и Хрест Арескон добродетельному, достойному брату.

№ 680

Roma

Anchialus cub(icularius) aed(ilis) q(uaestor) ter(tium), in aed(ilitate) decurio adlectus ex consensu decurionum et familiae voluntate (CIL, VI, 9288; Dessau, 7353).

Авхял, спальник, эдил, квестор трижды; будучи эдилом, он был принят в число декурионов по согласию декурионов и по желанию фамилии.

№ 681

Roma

Panclis cub(icularii) aed(ilis) et ex d(ecreto) d(ecurionum) pro mag(istro) i(ure) d(icundo) ossa hic sita sunt. In sua aed(ilitate) dec(urio) lectus est et ei aes a familia conlatum est. In mag(isterio) mortuus est annorum natu XX (CIL, VI, 9289).

Здесь покоятся кости Панклия, спальника, эдила и, по декрету декурионов, заместителя магистра-судьи. Он был избран декурионом, будучи эдилом, и ему фамилия собрала деньги. Он умер, будучи магистратом, в возрасте 20 лет.

№ 682

Roma

Genio soda[lici] Iovis conserv(atoris) cursorum Caesa[r]is n. quod allectum [profect.] Laudicia Syria [Coele] Aug. lib. curs[orem] servavit (CIL, VI, 241).

Гению товарищества Юпитера-хранителя курьеров нашего Цезаря, по случаю того, что он охранял курьера отпущенника Августа, избранного для отправления в Лаодикию в Келесирни.

№ 683

Roma

T. Aelius Aug. lib. Primitivus archimagirus et Aelia Aug. lib. Tyche coniunx fecerunt sibi et suis lib. libertabusq. posterisq. eorum. Custodia monimenti inhabitandi ne quis interdicere vellit. Quod, si nemo de hac memoria nostra extiterit, pertinere debet ad collegium cocorum Aug. n. quod consistit in Palatio. Quod neque donari neque veniri permittimus. Quod si quis contra legem s. s. fecerit, dare debet corpori, qui sunt in hac stationem HS L m. n. (CIL, VI, 7458).

Тит Элий, отпущенник Августа, Примитив, начальник кухни, и Элия, отпущенница Августа, Тиха, жена, сделали [гробницу] себе и своим отпущенникам и отпущенницам и их потомкам. Стража должна запрещать кому бы то ни было жить в гробнице (?). Если никого не останется из упомянутых нами, [памятник] должен отойти к коллегии поваров Августа, находящейся на Палатине. Мы не разрешаем, чтобы он был подарен или продан. Если кто-либо поступит против написанного выше закона, он должен дать 50 000 сестерциев корпорации [тех], которые будут на этом месте.

№ 684

Roma

T. Statilius Tauri l. Diodotus mag(ister) q(uinquennalis) in familia vivos sibi et Augeni coniugi suae fecit (CIL, VI, 6214).

Тит Статилий Диодот, отпущенник Тавра, магистр-квинквеннал в фамилии, сделал при жизни себе и своей жене Авгене.

№ 685

Roma

Statilia Ammia hic sepulta est, quouis sepult(urae) curam egerunt conleg(ium) commorient(ium). Cerdo insul(arius) vir eius, Bathyllus atriensis, Musaeus ost(iarius), Eros ins(ularius), Philocalus unctor (CIL, VI, 6215; Dessau, 7360).

Статилия Аммия здесь погребена. Ее погребение осуществила коллегия соумирающих. Кердон, управляющий квартирным домом, ее муж; Батилл, смотритель дома; Музей, привратник; Эрот, управляющий квартирным домом; Филокал, банщик.

№ 686

Puteoli, Италия

Dis Ma[n]ibus sacrum Theseo et Sy[ro]... ex collegio salu[tari] familiae Valer[ianae] (CIL, X, 1588; Dessau, 7338).

Посвящено Богам Манам. Тезею и Сиру... из погребальной коллегии фамилии Валериев.

№ 687

Roma

C. Licinius ⊃ l. Hilarus mag. III familiae et conli(bertis) Liciniae C. f. Pollae cippos d. d. in f. p. XII in agr. p. XXIV (CIL, VI, 33428; Dessau, 7862).

Гай Лициний, отпущенник женщины, Гилар, трижды магистр, принес в дар над

гробия фамилии и соотпущенникам Лицинии, дочери Гая, Поллы; в ширину 12 футов, в длину 24 фута.

№ 688

Verona, Италия

D. M. S. T. Flavio Aug. lib. Trophimo constitutori collegi numinis dominorum quod est sup templo divi Claudi qui vixit annis LXXXVII v. v. v. (?) aliquando securus sum (CIL, VI, 10251^a; Dessau, 7348).

Посвящено богам Манам. Титу Флавию, отпущеннику Августа, Трофиму, основателю коллегии [почитателей] божественности господ, находящейся у храма божественного Клавдия; он прожил 87 лет... Наконец я свободен от забот.

№ 689

Deva, Британия

Fortunae reduci Aescular(io) et Saluti eius libert(i) et familia P. (?) Caetrōni T. f. Gal(eria) Mamiliāni Rufi Antistiani Funisulani Vettoniani leg(ati) Aug(usti)¹ d. d. (CIL, VII, 164).

Фортуне возвращающей, Эскулапу и Здоровью его в дар отпущенники и фамилия Публия (?) Цетрония, сына Тита, из Галериевой трибы, Маммилана Руфа Антистиана Фунисулана Веттониана, легата Августа.

¹ Жил при Домициане.

№ 690

Puteoli, Италия

Iuliae Erotini Mystis Caesaris vilic(i) familia quae sub eo est ob meritis eius (CIL, X, 1750; Dessau, 7368).

Юлии Эротине, [жене] Мистия, виллика Цезаря, подчиненная ему фамилия за ее заслуги.

№ 691

Luceria, Италия

D. M. S. Petroniae Octaviae familia urbana b. m. f(ecit) (CIL, IX, 825).

Посвящено богам Манам. Достойной Петронии Октавии сделала городская фамилия.

№ 692

Leuci, Галлия

IOM pro salute dominorum et liberorum suorum familia Vindoinissae v. s. l. m. (CIL, XIII, 4665).

Юпитеру всеблагому, величайшему за здоровье господ и их детей фамилия из Виндоиниссы исполнила с радостью должный обет.

№ 693

Teate Marrucinorum, Италия

Hippocrati Plauti vilic. familia rust. quibus imperavit modeste (CIL, IX, 3028; Dessau, 7367).

Гипократу, вилику Плавта, сельская фамилия, которой он управлял рассудительно.

№ 694

Avennio, Галлия

Silvano famil(ia) urb(ana) Atalici Firman(i) v(otum) s(olvit) l. m. (CIL, XII, 1025).

Сильвану. Городская фамилия Аталиция Фирмана с радостью исполнила достойный обет.

№ 695

Gerennia, Италия

D. M. S. Naeviae Plaecusae Felix vil(icus) et familia de fundo Favilliano coniugi optimaе p(osuerunt) (CIL, IX, 3651).

Посвящено богам Манам. Невии Плекузе Феликс, вилик, и фамилия из Фавиллейского имени поставили наилучшей супруге.

№ 696

Район Мактариса, Нумидия

Mathun Massiranis filius princeps familiae Medid(itanae) pius vix. ann. LXX h. s. e. cura egerunt filii eius (Cagnat, 107).

Здесь похоронен Матун, сын Массирана, глава Медидитанской фамилии. Благочестиво прожил 70 лет. Озаботились его сыновья.

№ 697

Sigus, Нумидия

M. Calv ... Quirin ... [ae]dili pr[aef. patrono] munic[ipii liberti et] familia r[ustica(?)] patrono [et domino posu]erunt fili [dedicaverunt] (CIL, VIII, 5704).

Марку Калв... Квириин ... эдилу префекту, патрону муниципии, отпущенники и сельская (?) фамилия патрону и господину поставили, сыновья посвятили.

№ 698

Roma

Genio Similis¹ familia (CIL, VI, 259; Dessau, 3643).

Гению Симилия фамилия.

¹ Возможно, префект претория при Траяне — Гай Сульпиций Симилий.

ОТПУЩЕННИКИ

№ 699

Tibur, Италия

Sancto Silvano votum ex viso ob libertatem Sex. Attius Dionysius sig(num) cum basi d(onum) p(osuit) (CIL, XIV, 3456; Dessau, 3526).

Святому Сильвану по обету, [данному] вследствие видения, за свободу. Секст Аттий Дионис поставил в дар изображение с пьедесталом.

№ 700

Roma

Cosmus aedituus Matris D[eum]... Antiocho sacerdote annis XII euisd[em rogatu] ab imp. Augusto gratis manumissus ol[las... quae] supra sunt HS n... donationis causa mancip[avit] (CIL, VI, 2211).

Косм, сторож храма Матери богов... при Антиохе, жреце, 12 лет, по просьбе которого он был даром отпущен на волю императором Августом, урны... которые сверху, за ... сестерциев купил для принесения в дар.

№ 701

Nemausus, Галлия

G(enio) Aviti n(ostri) Telesphorus et Zosimus lib(erti) (CIL, XII, 3050).

Гению нашего Авита Телесфор и Зосим, отпущенники.

№ 702

Nemausus, Галлия

Genio P. Corneli n(ostri) Chelido l(ibertus) (CIL, XII, 3051; аналогичные надписи оттуда же — 3052—3056).

Гению нашего Публия Корнелия, Хелидон, отпущенник.

№ 703

Pompeii

Genio L(ucii) nostri Felix l(ibertus) (CIL, X, 860; Dessau, 3640).

Гению нашего Луция Феликс, отпущенник.

№ 704

Pompeii

Genio M(arci) n(ostri) et Laribus duo Diadumeni liberti (CIL, X, 86; Dessau, 3641).

Гению нашего Марка и Ларам два Диадумена, отпущенники.

№ 705

Tarraco, Испания

D. M. Antoniae Clementinae ux(ori) P. Rufius Flaus m(erenti) f(ecit) et s(ibi) viv(us); inq(ue) memoriam perpetuam hortos coherentes sive suburbanum tradidit lib(ertis) libertabusq(ue) ex familia ux(oris) Marullo, Antroclo, Helenae, Tertullinae; excepitq(ue) ne quis eos venderet, sed per genus ipsorum possessio decurreret vel per atnatos (sic!) vel manumissos (CIL, II, 4332).

Богам Манам. Антонии Клементине, достойной жене, и себе при жизни сделал Публий Руфий Флавс; он передал в вечную память о ней прилегающие сады или пригородное имение отпущенникам и отпущенницам из фамилии жены — Маруллу, Антроклу, Елене, Тертуллине; он установил, чтобы никто их не продавал, но чтобы имущество переходило в пределах их рода, или к родственникам, или к отпущенникам.

№ 706

Roma

D. M. P. Aelius Aug. lib. Restitutus procurator et sibi et libertis libertabusque suis f. item iis quos se vius manumisit et in numerum libertorum ordinavit et collibertos suos fecit posterisque eorum. H. m. h. n. s. (CIL, VI, 9010; Dessau, 8267).

Богам Манам. Публий Элий, отпущенник Августа, Реститут, прокуратор, сделал и себе, и своим отпущенникам и отпущенницам, а также тем, которых он отпустил при жизни и устроил в число отпущенников и сделал своими соотпущенниками, и их потомкам. Эта гробница наследованию не подлежит.

№ 707

Sulci, Сардиния

Temp(lum) Isis et Serap(is) cum signis et ornam(enti)s et area ob honor(em duorum) M(arcorum) Porc(iorum) Felicis et Impetrati f(ilii) IIII v(iri) a(edilicia) p(otestate) de-[s(ignati)] M. Porc(ius) M. I. Primig[enius] mag(ister) Lar(um) Aug(ustalium) restituit (CIL, X, 7514).

Храм Изиды и Сераписа с изображениями и украшениями и местом для гимнастических упражнений восстановил в честь двух Марков Порциев, Феликса и Имперрата, сына, намеченного [на должность] кваттуорвира с властью эдила, Марк Порций, отпущенник Марка, Примигений, магистр [коллегии] Ларов Августа.

№ 708

Roma

Dis Manibus piis s. C. Octavius Memor Octaviae Nebridi coniugi libertaeq.

Condita Nebris habes titulum quem sola mereris.
Octavi Memoris coniux quae vera fuisti.
Elysios precor ut possis invadere campos,
matronamque colas Ditis Di(tem)que preceris,
det sedes ut [honorat]as meritosque [recessus
quorum in]tus tu [aevo possis remanere quieta]

(CIL, VI, 23295; Bücheler, 393).

Посвящено милостивым богам Манам. Гай Октавий Мемор Октавии Небриде, супруге и отпущеннице.

Надпись достойную ты одна здесь имеешь, Небрида,
Бывшая верной женой Октавия Мемора в жизни.
Я умоляю, чтоб ты достигла полей Елисейских,
Дита супругу могла почтить и Дита молила
Дать тебе достойный приют и достойное место,
Где бы навеки веков могла пребывать ты в покое.

№ 709

Ostia, Италия

D. M. L. Septimius Pontianus Augg. lib. se vivo comparavit [s]ibi et Petroniae Lucillae [coni]ugi suae sanctissime.

Hoc [tum]ulo, Pontiane, iaces, [secu]re laborum,
cuius apud [super]os, semper pia fama [feret]ur,
nam tua simpli[citas aev]o memoran[da meret]ur

CIL, XIV, 1597; Bücheler, 499)

Богам Манам. Луций Септимий Понтиан, отпущенник двух Августов, при жизни устроил себе и Петронии Луцилле, своей добродетельнейшей супруге.

В этой могиле лежишь, Понтиан, без трудов и заботы.
Доброе имя твое у живых всегда будет славно,
Ибо честность твоя достойна памяти вечной.

№ 710

Roma

A. Memmio Claro A. Memmius Urbanus conliberto idem consorti carissimo sibi. Inter me et te, sanctissime mi conliberte, nullum unquam disiurgium fuisse conscius sum mihi. Нос quoque titulo superos et inferos testor deos, una me tecum congressum in venalicio, una domo liberos esse factos, neque ullus unquam nos diunxisset nisi tuus fatalis dies (CIL, VI, 22355^a; Dessau, 8432).

Авлу Меммию Клару Авл Меммий Урбан, соотпущеннику и дражайшему соотварищу. Я знаю, что между мной и тобой, почитаемый мной соотпущенник, никогда не было никакой ссоры. Призываю этой надписью в свидетели богов высших и подземных. Вместе с тобой мы встретились на рынке рабов, в одном доме мы были сделаны свободными, и ничто никогда нас не разделяло, кроме этого рокового твоего дня.

№ 711

Roma

Turpilia M. l. Dionysia, M. Turpilius M. ⊃ l. Eros.
Aedis aedificat dives, sapiens monumentum.
Hospitium est illud corporis, hic domus est.
Illic paulisper remoramus, at hic habitamus,
Illud [discrimen, tuta sed hic requies]

(CIL, VI, 27788; Bücheler, 1488).

Турпилия Дионисия, отпущенница Марка; Марк Турпилий Эрот, отпущенник жены Марка.

Строит хоромы богач, мудрец воздвигает гробницу.
То — для тела приют временный, это — наш дом;
Там мы только гостим недолго, а здесь обитаем;
То — беспокойство, а здесь наш вековечный покой.

№ 712

Ager Vestinorum, Италия. 156 г.

S[ilvano sac]rum Athe[naeus]... nii Laterani lib. proc. et Eutyches disp.

Magne deum, Silvane potens, sanctissime pastor,
qui nemus Idaeum Romanae castra gubernas,
mellea quod docilis iunctast tibi fistula cera.
Namq(u)e procul certe vicinus iungitur amnis,
labitur unda levi per roscida prata Tirinus
gurgite non alto nitidis argenteus undis,
et teneram ab radice ferens, Silvane, cupressum:
adsis huc mihi, sancte, favens numenq. reportes,
quod tibi pro meritis simulacrum aramq. dicavi
haec ego quae feci dominorum causa salutis
et mea proque meis orans: vitamq. benignam
officiumque gerens fautor tu dexter adesto,
dum tibi, qui refero quaeq. aris, inclute, reddo,
ex voto meritoque libens mea dicta resolve
ille ego qui inserui nomen in ara meum.
Nunc vos o laeti bene gestis corpora rebus
procurate viri et semper sperate futurum!

D. d. Silvano et Augurino cos. XVI k. April (CIL, IX, 3375; Dessau, 3530; Bücheler, 250).

Посвящено Сильвану. Атений, отпущенник... Латерана, прокуратор, и Евтих, управляющий.

Боже великий, Сильван могучий и пастырь святейший,
Ведаешь лес ты на Иде-горе и лагеря римлян,
На сладкозвучной поешь ты свирели, скрепленной воском.

Рядом с тобою поток, убегающий вдаль, протекает,
 Легкою влагой Тирин по лугам росистым струится
 И серебрится в русле неглубоком блестящей волною,
 Нежный, Сильван, кипарис ты держишь, вырванный с корнем.
 Здесь помоги мне, святой, и будь божеством благосклонным,
 Помня о том, что тебе я поставил алтарь с изваянием.
 Благополучия ради господ я все это сделал
 И о себе и своих умолял. Ты, блаженно живущий,
 Помня о долге своем, помоги, благой покровитель,
 Раз я тебе приношу и на жертвенники возлагаю,
 Славный, все то, что тебе я счастлив воздать по обету,
 Я, вписавший свое имя на этот алтарь.
 Вы же, с успехом дела свои завершив, веселитесь
 И отдыхайте, мужи, вперед взирая с надеждой.

Поставили в дар в консульство Сильвана и Авгурина за 16 дней до календ апреля.

№ 713

Naibo, Галлия. I в.

C. Of[illi]us C. l. Pal. A[r]imn[est]us vivos[sibi] et Mindiae M. F. Primae uxore et
 C. Of[ilio] C. f. Procul[o] filio.

Barbara quem genuit tellus, [hu]nc tradi[dd]it usu[s]
 servitio, [i]ngenium ut flec[t]eret inmerit[o].
 Quaesitum ex pat[re], ut potuit s[i]bi nomen adaux[it]
 et pretio [obtin]uit, quod prec[e] n[on] valuit.
 Officiis vicit [do]minum nec verbera sens[it],

[p]raemia non habuit, pignor[a] quae potuit;
 quid properas, [h]ospes? requies tibi nota parat[a] es[t].
 hospitium hoc populo semper ubique patet.
 Horaru[m] numerum, quem suspe[ct]a[s], quoque senti,
 summa[st], securum [te cito quae faciat]

(CIL, XII, 5026; Холодняк, 819; Bücheler, 1276).

Гай Офиллий, отпущенник Гая, из трибы Паллии, Аримвест при жизни себе и
 Миндии, дочери Марка, Приме, жене, и Гаю Оффилию, сыну Гая, Прокулу, сыну.

Варварской сына земли незаслуженно предал обычай
 Рабству и этим совсем переменял его нрав.
 Имя отцовское он по мере сил возвеличил
 И заслужил он трудом то, чего просьбой не смог.
 Службой своей господина смягчив, он побоев не ведал,
 Не получая в залог должных, однако, наград.
 Путник, зачем ты спешишь? Покой, ведь, тебе обеспечен:
 Этот народу приют вечно и всюду открыт.
 Да и о счете часов, что ведешь беспокойно, подумай:
 Скоро, итог подведя, будешь и ты без забот.

№ 714*

Roma

L. Valerius Zabdae mercatoris venalici l. Aries

.....
 Monumentum apsolvi et impensa mea,
 Amica Tellus ut det hospitium ossibus,
 Quod omnes rogant, sed felices impetrant.
 Nam quid egregium, quidve cupiendum est magis,
 quam ube lucem libertatis acceperis,

lassam senectae spiritum ibi deponere?
quod innocentis vitae signum est maximum.

(CIL, VI, 9632; Bücheler, 89; Meyer, 1181).

Луций Валерий Арист, отпущенник Забды, купца-работорговца.

.....
Я сам построил эту усыпальницу,
Чтобы Земля приют костям дала, о чем
Мечтают все, счастливый добивается.
Чего нет лучше, что всего желаннее,
Чем там, где светоч ты увидел вольности,
Расстаться с духом, утомленным старостью?
Ведь это жизни безупречной лучший знак!

№ 715*

Allifae, Италия

P. Curiatio P. ⊃ l. Tertio. Fessus labore hic requiesit honeste... (CIL, IX, 2385).

Публию Куриатию, отпущеннику жены Публия, Терцию. Истомленный трудом
здесь покоится честно...

№ 716

Verona, Италия

Q. Octavio Q. l. Pob(lilio) Primo VI viro Aug. sac(erdoti) iuven(um). Octavia Tig-
ris pat(rono) coniugi b. m. et sibi v. .f.

Quaerere consu(e)vi semper neque perdere d[esi]:
Nunc ab utroque vaco: decasa paul... voluit.
Hic mea conposito requiescunt os[sa sepulcro
et] labor a puero qui mihi semper erat.
Nunc labor omnis [abest durus] curaeque molest(a)e:
nec scio quit nunc sim, nec scio qu[it fuerim].
Parva tamen nostro remanent solacia facto:
vivent, qui l[audent], vivi quia dona fruuntur.
Vivite felices, quibus est fortuna [superstes.]

(CIL, V, 3415; Bücheler, 1095).

Квинту Октавию Приму, отпущеннику Квинта, севиру Августалу, жрецу [колле-
гии] юношей. Октавия Тигрида патрону, достойному супругу и себе сделала при
жизни.

Вечно искал я и все найденное снова терял я,
Ну а теперь ни потерь нет, ни найдённого мной.
В этом могильном холме мои покоятся кости
Вместе с трудом, что всегда сызмала был у меня.
Нет теперь ни тяжелых трудов, ни забот беспокойных,
Я и не знаю теперь, кто я, не знаю, кем был.
Есть, однако, для нас одна небольшая отрада:
Пусть хвальный живет, ведь довольны дарами живые.
Счастливы будьте все те, кому сопутствует счастье.

№ 717

Vardagate, Италия

V. f. T. Vettius T. l. Hermes seplasiarius, Mater genuit materq(ue) recepiit. Hi
horti ita o. m. que sunt, cineribus servite meis. Nam curatores substituam uti vescantur
ex horum hortorum reditu natale meo et per rosam in perpetuo. Hoc hortos neque dividi
volo neq. abalienari (CIL, V, 7454; Dessau, 8342).

Сделал при жизни Тит Ветгий, отпущенник Тита, Гермес, парфюмер. Мать родила и мать привяла вновь. Эти сады, находящиеся в наилучшем состоянии, так пусть они и служат моему праху. Ибо я назначаю кураторов, чтобы они жили за счет доходов с этих садов, всегда устраивали угощение в день моего рождения и в [день] розалий. Я не хочу, чтобы эти сады ни делились, ни отчуждались.

№ 718

Lactora, Галлия.

D. I. M. non fui, fui, meminī, non sum, non curo. Donna Italia ann. XX hic quiesco C. Munatius et Donna Calliste l(ibertae) piissimae (CIL, XIII, 530).

Подземным богам Манам. Меня не было, я была, я помню, меня нет, я не забочусь. Донвия Италия, 20-ти лет, я здесь покоюсь. Гай Мунаций и Донвия Каллиста благочестивейшей отпущеннице.

№ 719

Roma

Imp. Caesari Hadriano Aug(usto) n(ostro), coll[el]g(iae) Aelianorum¹ sanctissimo, Minervae, Salu[ti] Amarcus Aug(usti) lib(ertus) ex testamen(to) d(onum) d(at) (CIL, VI, 978).

Нашему императору Цезарю Адриану Августу, глубоко чтимому в коллегии Элиев, Минерве, Здоровью по завещанию дарует Амарак, отпущенник Августа.

¹ Очевидно, отпущенники Адриана, носившие имя Элиев, были объединены в коллегию.

№ 720

Corinthus, Греция. Надпись на карнизе здания

Liberti qui Corinthi habitant¹ (West., 121).

Отпущенники, которые живут в Коринфе.

¹ По сообщению Страбона (VIII, 381), жившие в Коринфе отпущенники были объединены в коллегии.

№ 721

Roma

L. Septimi Severi Aug. Hermodion Aug. lib(ertus) cultoribus Larum Aug(usti) rationis patrimoni d(onum) d(edit) (CIL, VI, 1038).

Отпущенник Луция Септимия Севера Августа Гермодион принес в дар коллегии почитателей Ларов Августа из ведомства управления императорским имуществом.

№ 722

Roma

Collegium Silvani restituerunt M. Aurelius Aug. lib(ertus) Hilarus et Magnus scrupularius curatores (CIL, VI, 31006).

Коллегию Сильвана восстановили кураторы Марк Аврелий Гилар, отпущенник Августа, и Магн, смотритель гробниц.

№ 723

Roma

[Dis] Manibus [Ti. Cl]audi Aug. lib(erti) [Ac]rati Claudia... conl(iberto) carissimo [e] conlegio scabillariorum decuria VI (CIL, VI, 33194; Dessau, 7297).

Богам Манам отпущенника Тиберия Клавдия Августа, Акрата. Клавдия... дражайшему соотпущеннику из коллегии регентов 6-й декурии.

№ 724

Segisamo, Испания. 239 г.

Vot(a) fel(iciter) suc(c)[e(perunt)] liben(tes) patronis merentissimis et fe(licissimis) et prestantissimis et pientissimis cives pientissimi et amicissimi Seg(isamonenses) dom(ino) nostro Aug(usto) Gor(diano) et Aviola cos. G. Sempronio Flavo, Valerie Servine patronae nostre G. Severio Presso G. Valerio Lupo [g(entili?)] G. Turellio Cassiano. Pub(licius)¹, Paratus, Pub(licius) Martialis libertus gen(tilis), Pub(licius) Maritimus lib(ertus) gen(tilis), Pub(licius) Mascellio lib(ertus) gen(tilis), Pub(licius) Mercator lib(ertus) gen(tilis), Val. Candidus pectenarius, Val. Quintio, Iul. Morinus, Beb(ius) Valoddus fullo, Ant. Missillus sutor, Iul. Eufemus Amainius, Elenus fullo, Aevaristus ser(vus) gen(tilis), Emilius secundus, Pelagius clavarius, Anti(stia) Caliope, Val(eria) Donata, Botia, Valeria Britta, Val. Avana, Oct(avia) Severa (CIL, II, 5812).

Счастливо и охотно приняли обет за достойнейших, счастливейших, превосходнейших, благочестивейших патронов благочестивейшие и дружелюбнейшие сегисамские граждане в консульство нашего господина Гордиана и Авиолы. За Гая Семпрония Флава, Валерию Северину, нашу патрону, Гая Северия Пресса, Гая Валерия Лупа, члена рода(?), Гая Туреллия Кассиана. Публиций Парат, Публиций Марциал, отпущенник рода, Публиций Маритим, отпущенник рода, Публиций Масцеллион, отпущенник рода, Публиций Меркатор, отпущенник рода, Валерий Кандид, изготовляющий шерстечесалки, Валерий Квинтион, Юлий Морин, Бебий Валодд, сукновал, Антоний Миссилл, башмачник, Юлий Евфем Амайний, Елен, сукновал, Эварист, раб рода, Эмилиий Секунд, Пелагий, гвоздovщик, Антигия Калиопа, Валерия Доната, Боция, Валерия Бритта, Валерия Авана, Октавия Севера.

¹ Такое имя получали отпущенники города, провинции и т. п. Здесь имеются в виду отпущенники рода, сохранившегося в некоторых частях Испании как административная единица.

№ 725

Pisaurum, Италия

Silvani signum cum bas. P(ublicius), Pisaur(ensis) col(onorum) lib(ertus) Achillas posuit (CIL, XI, 6316).

Изображение Сильвана с пьедесталом поставил Публиций, отпущенник пизаврских колонистов, Ахилла.

№ 726

Ostia. Надпись на свинцовой водопроводной трубе

Imp. Antonini Aug. Pii sub cur(a) Cl. Secundini ra[tion. et] Anni Phlegontis Aug. lib. ex off. Demetri liber[t]i (CIL, XIV, 2008).

[Из имений] императора Антонина Августа Пия под управлением Клавдия Секундина, казначая, и Авния Флегонта, отпущенника Августа, из мастерской Деметрия, отпущенника.

№ 727*

Ager Albanus, Италия. 11 г.

C. Iulius Aug. liberti libertus Eros pistor candidarius... (CIL, XIV, 2302; Dessau, 7462).

Гай Юлий, отпущенник отпущенника Августа, Эрот, пекарь, выпекающий белый хлеб...

№ 728

Roma

Dis Manibus. Chrysaori Aug. lib. praegustatori benemerenti collegium praegustatorum fecit. Curavit Eridanus Aug. lib. procurator [praegustatorum] (CIL, VI, 9004).

Богам Манам. Хризаору, достойному отпущеннику Августа, пробовавшему пищу, сделала коллегия пробующих пищу. Озаботился Эридан, отпущенник Августа, прокуратор [пробующих пищу].

№ 729

Roma

Ti. Claudius Aug. l. Onesimus redemptor operum Caesar(is) quinq. coll(egii) fabr(um) tignu(arium) lustr(i) XIIIX (CIL, VI, 9034).

Тиберий Клавдий Онесим, отпущенник Августа, подрядчик работ Цезаря, квинквеннал коллегии плотников в 18-е пятилетие.

№ 730

Roma

... Aug. n. verna fecit sibi et Aelio Antho Aug. lib. p(rae)p(osito) structorum coniuigi benemerenti cum quo vixit annis XX (CIL, VI, 9045).

... домородная рабыня нашего Августа сделала себе и Элию Анту, отпущеннику Августа, начальнику строителей, достойному мужу, с которым прожила 20 лет.

№ 731

Roma

C. Gargilius Haemon Proculi, Philagri divi Aug. l(iberti) Agrippiani f(ili) pae-dagogus idem(que) l(ibertus)

pius et sanctus vixi quam diu potui
 sine lite, sine rixa, sine controversia,
 sine aere alieno, amicis fidem bonam praestiti;
 peculio pauper, animo divitissimus.
 Bene valeat is, qui hoc titulum perlegit meum

(CIL, VI, 8012; Dessau, 8436).

Гай Гаргиллий Гемон, наставник и отпущенник Прокула, сына Филагра Агриппана, отпущенника божественного Августа,

благочестиво свято жил я, сколь мог,
 без всяких ссор, без драк, без препирательства,
 долгов не делал, и с друзьями честен был,
 деньгами был я беден, духом был богат.
 Кто надпись прочитает, будь здоров.

№ 732

Roma. 217 г.

Prosenes receptus ad deum V non... Praesente et Extricato II regrediens in urbe ab expeditionibus scripsit Ampelius lib(ertus). M. Aurelio Augg. lib. Proseneti a cubiculo Aug. proc(uratori) thesaurorum, proc(uratori) patrimoni, proc(uratori) munerum, proc(uratori) vinorum, ordinato a divo Commodo in kastrense patrono piissimo liberti benemerenti sarcophagum de suo adornaverunt (CIL, VI, 8498).

Просенет, отошедший к богу за 5 дней до non... во вторичное консульство Экстриката и Презента, возвращаясь в город из поездки. Написал Ампелий, отпущенник. Марку Аврелию Просенету, отпущеннику двух Августов, спальнику Августа, прокуратору казны, прокуратору императорских имуществ, прокуратору общественных повинностей, прокуратору виноделия, произведенному божественным Коммодом в дворцовые чиновники, благочестивому патрону и достойному отпущеннику на свой счет украсили саркофаг.

№ 733

Roma. 73 г.

Persicus lib(ertus) manumissus at consilium procuratorio nom(ine) apud Domitianum Caesarem in secund(o) co(n)s(ulatu) exercuit decurias duas viatoria et lictoria consulares, C. Cornelio Persico f(ilio) habenti equum publicum Corneliae Zosimae matri eius habenti ius quattuor liberorum beneficio Caesaris libertis libertabusque liberis eorum posterisque suis eorumve (CIL, VI, 1877).

Персик, отпущенник, отпущенный в совете именем прокуратора при Цезаре Домициане во второе консульство. Ведал двумя консульскими декуриями — почты и ликторов. Гаю Корнелию Персику, сыну, имеющему высшее всадническое достоинство, Корнелии Зосиме, его матери, имеющей по милости Цезаря право четырех детей, отпущенникам, отпущенницам, их детям, своим и их потомкам.

№ 734

Alba, Italia

M. Aurelius Cottae Maximi¹ l(ibertus) Zosimus accensus patroni.

Libertinus eram, fateor; sed facta legetur
 patrono Cotta nobilis umbra mea.
 Qui mihi saepe libens census donavit equestris,
 qui iussit natos tollere, quos aleret,
 quique suas commisit opes mihi semper, et idem
 dotavit natas ut pater ipse meas,
 Cottanumque meum produxit honore tribuni,
 quem fortis castris Caesaris emeruit.
 Quid non Cotta dedit? qui nunc et carmina tristis
 haec dedit in tumulo conspicienda meo.

Марк Аврелий Сукцесс, отпущенник Августа, ведающий приемом друзей, квинквешнал, и Помпония Викторина, мать коллеги отца Либеры, принесли в дар.

№ 739

Roma

... Augusti lib. Daphnus praepos(itus) insulariorum Maniliae Florae con(iugi) be[ne-merenti]... (CIL, VI, 8855).

... отпущенник Августа Дафн, начальник управителей квартирных домов, Мануилии Флоре, достойной жене...

№ 740

Roma

D. M. Aelio Euprepeti Aug. lib. decurioni ministratorum Aelia Nice coniugi bene-merenti cum quo vixit annis XXX sine ulla querella (CIL, VI, 8914)

Богам Манам. Элию Евпрепету, отпущеннику Августа, десятскому слуг, Элия Ника достойному супругу, с которым прожила 30 лет без единой ссоры.

№ 741

Puteoli, Италия

L. Aurelio Aug. lib. Pyladi pantomimo temporis sui primo, hieronicae coronato III, patrono parasitorum Apollinis, sacerdoti synhodi, honorato Puteolis d. d. ornamentis decurionalib. et duumvirilib., auguri. ob amorem erga patriam ex eximiam liberalitatem in edendo muner. gladiatorum venatione passiva ex indulgentia sacratissimi princip. Commodi pii felicitis Aug., centuria Cornelia (Dessau, 5186).

Луцию Аврелию, отпущеннику Августа, Пиладу, первому пантомиму своего времени, четырёхжды увенчанному победителю на священных играх, патрону сотрапезников Аполлона, жрецу [их] коллегии, почётному в Путеолах, получившему в дар инсигнии декурionato и дуумвирата, авгуру, за любовь к родине и выдающуюся щедрость при устройстве гладиаторских боев и смешанной охоты милостью священнейшего принцепса Коммода, благочестивого, счастливого Августа, центурия Корнелия.

№ 742

Leptis Magna, Африка

M. Septimio Aurelio Agrippae M. Aureli Antonini pii felicitis Aug. lib. pantomimo temporis sui primo Romae adulescentium productorum condiscipulo ad Italiae spectacula a domino nostro Aug. provecto decurionalibus ornamentis Verona et Vicetia ornato Mediolano inter iuvenes recepto in Africa Lepci Mag. a domino nostro Aug. ordinato P. Albucius Apollonius Mediolanensis ex Italia amico rari exempli permissu splendidissimi ord. p. (A. E., 1953, 188).

Марку Септимию Аврелию Агриппе, отпущеннику Марка Аврелия Антонина благочестивого, счастливого Августа, первому пантомиму своего времени, соученику воспитывающихся в Риме подростков, выдвинутому господином нашим Августом [для участия] в зрелищах в Италии, почётному инсигниями декурionato в Вероне и Вицетии, в Медиолане принятому в коллегию юношества, сделанному нашим господином Августом членом совета в Африке, в Большом Лептисе, Публий Албуций Аполлоний, Медиоланец из Италии, поставил редкостному другу с дозволения блистательнейшего совета.

№ 743

Lanuvium, Италия

M. Aurel. Aug. lib. Agilio Septentrioni pantomimo sui temporis primo, sacerdoti synhodi, Apollinis parasito, alumno Faustinae Aug(ustae), producto ab imp. M. Aurel. Commodo Antonino Pio Felice Augusto, ornamentis dicurionat. decreto ordinis exornato, et allecto inter iuvenes s(enatus) p(opulus)q(ue) Lanivinus (CIL, XIV, 2113; Dessau, 5193).

Марку Аврелию Агилию Септентриону, отпущеннику Августа, первому пантомиму своего времени, жрецу коллегии, сотрапезнику Аполлона, воспитаннику Фаустины Августы, выдвинутому императором Марком Аврелием Коммодом Антонином, благочестивым, счастливым Августом, получившему инсигнии декурiona по постановлению совета и избранному в коллегию юношества, сенат и народ Ланувия.

№ 744

Roma. 199 г.

Ti. Iul. Balbillo sac(erdoti) Solis¹, Eutyches Augg. lib. officinator a status, amico optimo. Dedic. kal. Ian. P. Cornelio Anullino II et M. Aufidio Frontone cos. (CIL, VI, 2270; Dessau, 4331).

Тиберию Юлию Балбиллу, жрецу Солнца, Евтих, отпущенник двух Августов, начальник мастерской, изготавливающей статуи, наилучшему другу, посвятил в январские календы во второе консульство Публия Корнелия Ануллина и Марка Авфидия Фронтонна.

¹ В надписи Dessau, 4330 он назван s(acerdos) Sol. Elagabali.

№ 745*

Roma

D. M. M. Ulpus Augusti lib. Graphicus praepositus balneariorum domus Aug. ... (CIL, VI, 8642).

Богам Манам. Марк Ульпий График, отпущенник Августа, начальник банщиков дома Августа...

№ 746

Roma

Diis Manibus. Iuliae Victoriae Ti. Claudius Aug. lib. Faustus a copiis militaribus coniugi et sibi (CIL, VI, 8538).

Богам Манам. Юлии Виктории Тиберий Клавдий Фавст, отпущенник Августа из ведомства военного снабжения, жене и себе.

№ 747*

Roma

M. Cocceius Aug. lib. Ambrosius praepositus vestis albae triumphalis fecit Cocceiae Nice coniugi suae cum qua vixit annis XXXXV diebus XI sine ulla querel(a) et Rufinus Caes. n. vern(a) adiutor tabul(arum) filius eorum sibi et suis lib. libertabusq. posterisq. eorum... (CIL, VI, 8546).

Марк Кокцей Амбросий, отпущенник Августа, ведающий белой триумфальной одеждой, сделал Кокцее Нике, своей жене, с которой прожил 45 лет и 11 дней без единой ссоры, и Руфин, домородный раб нашего Цезаря, помощник канцеляриста, их сын, себе и своим, отпущенникам и отпущенницам и их потомкам...

№ 748

Roma

D. M. T. Flavio Aug. lib. Tichico adiutori a veste castrense lib(erti) patrono b(ene) m(erenti) fecer(unt) Felix et Arruntianus et Epictesis et sibi et suis lib. libertabusq. posterisq. eorum (CIL, VI, 8547)

Богам Манам. Титу Флавию Тихику, отпущеннику Августа, помощнику по заведыванию военной одеждой, достойному патрону, сделали отпущенники Феликс, Аррун-тиан и Эпиктесий и себе и своим, отпущенникам и отпущенницам и их потомкам.

№ 749

Roma

Dis Manibus. Ti. Claudius divi Claudi lib. Dipterus vestificus Caesar(is) a veste saenica Claudia Lycoris fecit coniugi suo sibi et suis (CIL, VI, 8554).

Богам Манам. Тиберий Клавдий Диптер, отпущенник божественного Клавдия, портной Цезаря, [шивший] театральные костюмы. Клавдия Ликориды сделала своему мужу, себе и своим.

№ 750

Roma

D. M. M. Ulpus Aug. lib. Euphrosynus a veste venatoria (CIL, VI, 8555).

Богам Манам. Марк Ульпий Евфросия, отпущенник Августа, ведавший охотничьей одеждой.

№ 751*

Roma

P. Aelius Aug. lib. Orestes praepositus opificibus domus Augustianae et Licinia Primilla... (CIL, VI, 8648).

Публий Элий Орест, отпущенник Августа, начальник ремесленников Августового дома, и Лициния Примилла...

№ 752

Roma

D. M. Ti. Claudio Symmacho Aug. lib. speclariario domus palatarum fecit Epictetus nutrici suo. Vixit annis LXXXII (CIL, VI, 8660).

Богам Манам. Тиберию Клавдию Симмаху, отпущеннику Августа, зеркальщику палатинского дома. Сделал Эпиктет своему воспитателю. Прожил 82 года.

№ 753

Roma

[L. Aurelius L. Caesaris l(ibertus) Nicomedes qui et] Ceionius et Aelius vocitatus est, L. Caesaris fuit a cubiculo et divi Veri imp. nutr[itor], a divo Antonio Pio equo publico et sacerdotio Caeniniensi, item pontif[icatu] min[ore] exornatus, ab eodem proc[uratore] ad silic[es] et praef[ectus] vibicul[orum] factus et ab imp. Antonio [Aug. et divo Vero] cura copiarum exercit[us] ei iniunct[a?], basta pura et vexillo et corona murali donatus, proc[urator] summarum rat[ionum] cum Ceionia Laena uxore hic situs [est] (CIL, VI, 1598).

Здесь похоронен со своей женой Цейонией Леной Луций Аврелий, отпущенник Луция Цезаря, Никомед, который также именовался Цейонием и Элием. Он был постельничьим Луция Цезаря и дядькой божественного Вера, императора. Божественный Антонин Пий почтил его высшим всадническим достоинством и жречеством в [широко]городе Рима] Ценине и званием младшего понтифика, он же сделал его прокуратором каменоломен и префектом почты. Император Антонин Август и божественный Вер поручили ему заботу о продовольствии войска, он был награжден почетным копьем и знаменем и вендом за овладение вражеским укреплением, [назначен также] прокуратором всех имуществ императора.

№ 754

Minetessa, Испания

Dis Manibus. M. Ulpio Aug. lib. Gresiano an. XXXXV tabulario XX hereditatium, item tabulario provinciae Lugudunensis et Aquitanicae, item tabulario provinciae Lusitaniae h. s. e. s. t. l. Ulpia Pia coniugi f. c. (CIL, II, 3235).

Богам Манам. Марк Ульпий Греспан, отпущенник Августа, 45 лет, служивший в канцелярии по сбору $\frac{1}{20}$ части с наследств, а также в канцелярии провинций Лугудунской и Аквитанской, а также в канцелярии провинции Лузитании, здесь покоится. Да будет земля легка. Озаботилась сделать супругу Ульпия Пию.

№ 755

Augusta Treverorum, Галлия. 232 г.

Deo Mercurio [et deae Ros]mertae aedem c[um] signis or[namentisque] omn[ibus] fecit] Acceptus tabul[arius] Augusti et] Augustae [libertus] item Hospitalia [sacrorum cele]bratorum gr[atia] pro se libe[r]isque suis ded[icatus...] Iulias Lupo et Maximo cos. (CIL, XIII, 4208).

Богу Меркурию и богине Росмерте храм со статуями и всеми украшениями сделал Акцент, служащий в канцелярии, отпущенник Августа и Августы, а Госпиталия посвящает [его] для совершения священнодействия за себя и своих детей... июля, в консульство Юлия Лупа и Максима.

№ 756

Hispalis, Испания

T. Flavio Aug. lib. Polychryso proc[uratori] montis Mariani praestantissimo confectores aeris (CIL, II, 1179).

Титу Флавию Полихризу, отпущеннику Августа, достойнейшему прокуратору Марианской горы, медники.

№ 757

Roma

M. Ulpio Aug. lib. Phaedimo divi Traiani Aug. a potione item a laguna et triclinarch(o) lictori proximo et a comment(ario) beneficiorum vixit ann. XXVIII abscessit Siliunte pri. idus Augus. Nigro et Aproniano cos. Reliquae treiectae eius III nonas febr. ex permissu collegii pontific(orum) piaculo facto Catullino et Apro cos. dulcissimae memoriae eius Valens Aug. lib. Phaedimianus a veste ben. mer. fecit (CIL, VI, 1884).

Марку Ульпию Федину, отпущеннику Августа, кравчему божественного Траяна Августа и ведавшему винными бочками, стольнику, близнецу ликтору, служащему

ведомства императорских милостей. Прожил 28 лет, умер в Силиunte накануне августовских ид, в консульство Нигра и Апрониана. Его останки перенесены [в Рим] за 3 дня до вон февраля с разрешения коллегии понтификов по совершении очистительной жертвы, в консульство Катутлина и Апра. В светлую память о нем достойному сделал Валент Федимван, отпущенник Августа, гардеробщик.

№ 758

Roma

Dis Manibus. T. Flavius Aug. l. Zosimus lanipendus Caesaris n. et Andronice Caesaris n. vern(a) et A. Cervius Hermes et Lucceia Veneria et Primus Caesaris n. vern(a) sibi posteris(que) suorum (CIL, VI, 8870).

Богам Манама. Тит Флавий Зосим, отпущенник Августа, начальник шерстоткацких мастерских нашего Цезаря, и Андроника, домородная рабыня нашего Цезаря, Авл Цервий Гермес и Лукция Венерия и Прим, домородный раб нашего Цезаря, себе и своим потомкам.

№ 759*

Roma

D. M. M. Ulpus Aug. l. Erastus ex n(umero) decurionis lecticariorum fecit ex permissu decreti. Ibi postea Ianuarius et Saturio scribe lecticariorum ex permissu pontificorum fecerunt sibi et suis ... (CIL, VI, 8975).

Богам Манама. Марк Ульпий Эраст, отпущенник Августа из числа десятских носильщиков, сделал с разрешения по декрету. Здесь впоследствии сделали [гробницу] Януарий и Сатурион, писцы носильщиков, с разрешения понтификов, для себя и своих...

№ 760

Roma

M. Ulpus Symphorus vixit annis XXIII mensibus VII diebus XI, M. Ulpus Castoras librarius arabicus bene merenti quod is expeditionibus duabus Galliae et Syriae secundum fuerat (CIL, VI, 8883).

Марк Ульпий Симфор, прожил 24 года 7 месяцев 11 дней, Марк Ульпий Кастор, писец по-арабски, достойному, так как он сопровождал его в двух походах — в Галлию и Сирию.

№ 761

Roma

Hermes Aug. lib(erto) a cubiculo Domitiae Aug. Fortunatus f(i)lius proc. fisc(i) Asiatic(i) patri piissimo et indulgentissimo (CIL, VI, 8570).

Гермесу, отпущеннику Августа, спальнику Домиции Августы, Фортунат-сын, прокуратор азиатской казны, благочестивому и милостивому отцу.

№ 762

Roma

D. M. M. Aur. Aug. lib. Philetus prepositus unctor(um) et proc. fari Alexandriae ad Negyptum sibi et Phileto fil(io) et Tyche coniugi et lib. lib. posterq. eorum (CIL, VI, 8582).

Богам Манама. Марк Аврелий Филет, отпущенник Августа, начальник банщиков и прокуратор маяка в Александрии у Египта, себе и сыну Филету, и жене Тихе, и отпущенникам, и отпущеницам, и их потомкам.

№ 763

Roma

D. M. M. Ulpio Aug. l. Eroti ab epistulis graecis Epaphroditus et Stachys Caesar. n. ser(vi) fratri karissimo et Claudia Formiana fecerunt (CIL, VI, 8607).

Богам Манама. Марку Ульпию Эроту, отпущеннику Августа, из канцелярии по греческим письмам. Эпафродит и Стахид, рабы нашего Цезаря, вместе с Клавдией Формианой сделали дражайшему брату.

№ 764

Roma

D. M. Acindyno Aug. lib. ab epist(ulis) lat(inis) Clisthenes fratri optimo et Aelia Florentina filio dulcissimo benemerenti fecerunt (CIL, VI, 8609).

Богам Манама. Акиндино, отпущеннику Августа, при канцелярии по латинским

письмам. Клиофен наилучшему брату и Элия Флорентина милому сыну, достойному, сделали.

№ 765*

Veii, Италия. 26 г.

Centumviri municipii Augusti Veientis Romae in aedem Venenis Genetricis cum convenissent, placuit universis, dum decretum conscriberetur, interim ex auctoritate omnium permitti C. Iulio divi Augusti l. Geloti, qui omni tempore municip(ium) Veios non solum consilio et gratia adiuverit, sed etiam inpensis suis et per filium suum celebrari voluerit, honorem ei iustissimum decerni, ut Augustalium numero habeatur aequae, ac si eo honore usus sit, liceatque ei omnibus spectaculis municipio nostro bisellio proprio inter Augustales considerare cenisque omnibus publicis inter centumviros interesse, itemque placere, ne quod ab eo liberisque eius vectigal municipii Augusti Veientis exigeretur. Adfuerunt (*далее 13 имен членов совета*). Actum Gaetulico et Calvisio Sabino cos. (CIL, XI, 3805; Dessau, 6579).

Когда совет ста мужей Августовой муниципии Вей собрался в Риме в храме Венеры Родительницы, было всеми постановлено, чтобы, пока пишется декрет, согласно общему решению, Гаю Юлию Гелоту, отпущеннику божественного Августа, который все время помогал муниципии Вей не только советом и милостью, но и своими средствами и хотел прославить ее через посредство своего сына, было присуждено справедливое и почетное звание, чтобы он считался в числе Августалов и чтобы, как если бы он уже пользовался этой почестью, он имел право во время всех спектаклей в нашей муниципии сидеть на собственном сидении между Августалами и на всех общественных пирах находиться среди членов совета ста; а также постановлено, чтобы никто не требовал у него или его детей налога по Августовой муниципии Вей ... Принято в консульство Гетулика и Кальвизия Сабина.

№ 766*

Nacolea, Азия

Kaput ex testamento P. Aeli Onesimi Aug. li[b]. Civitati Nacolensium patriae meae amantissimae quamvis p[lu]rimum debeam, pro mediocritate tamen peculioli mei dari volo HS CC (milia) n(ummum) ea condicione, uti arbitrato Corneli ... ini et Corneli [He]-syci faeneretur ea pecunia et ex usuris q[uo]d conflectum fuerit, p[ro]ximo triennio in sitonico tribuant ut q[uo]d annis possit e[ol] frumentum comparari. Et peracto triennio volo eius omnis pecuniae usuras quodquod annis civibus meis dividi, politographia facta, die felicissimo natali domini n(ostri) Traiani Hadriani. Sport(u)li(s) autem partem dimidiam eius usurae tribui volo, sic ut [p]ar[s] dimidia die festo eoru[m] quae... idia apellantur, er[ogetu]r ... (CIL, III, 6998; Dessau, 7196).

Глава из завещания Публия Элия Онесима, отпущенника Августа. Моей любимой родипе, городу Наколее, хотя я ей должен больше, но из-за скромности моего маленького имущества я хочу дать ей 200 тысяч сестерциев на том условии, чтобы по усмотрению Корнелия ... и Корнелия Гезика эти деньги были пущены в оборот и то, что будет собрано из процентов, в ближайшее трехлетие было предоставлено на закупку хлеба, чтобы можно было на эту сумму каждый год покупать хлеб. Я хочу, чтобы по прошествии трех лет все проценты с этих денег были ежегодно разделяемы среди моих сограждан, после того как будет произведена перепись граждан, в счастливейший день рождения нашего господина Траяна Адриана. Я хочу, чтобы половина этих процентов была назначена на подарки так, чтобы половина в праздничный день... которые называются... выплачивалось...

№ 767

Ratiaria, Мезия

L. Anatinio L. lib. Phoebio Aug(ustali) col. Ulp(iae) Rat(iariae) ornato ornamentis decurional., immunitate muner. public. concessa ab ordine col. eiusd., Augustal(es) col(oniae) e(ius) aere conlato d. d. (CIL, III, 6294; Dessau, 7175).

Луцию Анатинию, отпущеннику Луция, Фобу, Августалу колонии Ульпии Ратиарии, почётному инсигниями декуриона и получившему освобождение от общественных повинностей от совета этой же колонии, Августалы этой колонии принесли в дар, собрав деньги.

№ 768*

Bononia, Италия

M. Clodius M. I. Sabinus VI vir Claudialis sibi et Caerane Tyche lib... (CIL, XI, 714).

Марк Клодий Сабин, отпущенник Марка, сеvir Клавдиал, себе и Церане Тихе, отпущеннице...

№ 769

Visentium, Италия

Herculi sacrum ob honorem augustalit(atis) M. Vetti M. I. Telesphori Hedonicus lib(ertus) l. d. d. d. (CIL, XI, 2909).

Посвящено Гераклу в честь августалитета Марка Веттия Телесфора, отпущенника Марка, на месте, отведенном по постановлению декуррионов, Гедоник, отпущенник.

№ 770

Falerii, Италия

Honoris imp. Caesaris divi f. Augusti pont. maxim. patr. patriae et municip. magistri Augustales C. Egnatius M. I. Glyco, C. Egnatius C. I. Musicus, C. Iulius Caesar. I. Isochrysus, Q. Flaronius Q. I. Princeps viam Augustam ab via Annia extra portam ad Cereris silice sternendam curarunt pecunia sua pro ludis (CIL, XI, 3083; Dessau, 5373).

В честь императора, сына божественного Цезаря Августа, великого понтифика, отца отечества и муниципия, магистры Августалы Гай Эгнатий Гликон, отпущенник Марка, Гай Эгнатий Музик, отпущенник Гая, Гай Юлий Изохрис, отпущенник Цезаря, Квинт Флароний Принцепс, отпущенник Квинта, вместо того чтобы давать игры, на свой счет озаботились вымостить камнем Августову дорогу от Анниевой дороги за воротами до [храма] Цереры.

№ 771

Perusia, Италия

Ob honorem Isidis Aug. Apollini sacrum. Critonia Cn. I. Chrotis minis[te]rio suo donum dedit (CIL, XI, 1916; Dessau, 4366).

В честь Изиды Августы. Посвящено Аполлону. Принесла дар, во время исполнения жреческих обязанностей, Критония Кротиды, отпущенница Гнея.

№ 772

Monteleone, Италия

L. Laberio L. I. Optato ornamentis censor(iis) honorato vix. a. XXII Clutoriae L. f. Quartae vix. an. XXVIII mater filae et genero (CIL, X, 60; Dessau, 6464).

Луцию Лаберию Оптату, отпущеннику Луция, почётному цензорскими инсигниями, прожил 22 года; Клутории, дочери Луция, Кварте, прожила 24 года, мать дочери и зятю.

№ 773

Roma

L. Corneli L. I. Sasae mag(istro) vici Viridiari monumentum Cornellia L. I. Calcuthe Cornelia L. I. Ammia patronis suis fecit dignis et meritis pro eorum pietati et sibi et suis (CIL, VI, 2225).

Луцию Корнелию Сасе, отпущеннику Луция, магистру района Виридиара, поставила надгробие Корнелия Калетиха, отпущенница Луция, Корнелия Аммия, отпущенница Луция, своим славным и достойным патронам за их благочестие, и себе и своим.

№ 774

Suel, Испания

Neptuno Aug. sacrum L. Iunius Puteolanus VI vir Augustalis in municipio Suelitano d. d. primus et perpetuus omnibus honoribus quos libertini gerere potuerunt honoratus epulo dato d. s. p. d. d. (CIL, II, 1944; Dessau, 6914).

Посвящено Нептуну Августу. Луций Юний Путеолан, сеvir Августал в муниципии Свеле, первый и пожизненно наделенный по декрету декуррионов всеми почетными должностями, которые могут отправлять отпущенники, дав пир, принес дар за свой счет.

№ 775

Nemausus, Галлия

Dis Manib. Firmi Lucani l. IIIII vir Aug. ornamentis decurion. Nemausi honorato (CIL, XII, 3219; аналогичные надписи № 3221, 4068, 4081).

Богам Манама Фирма, отпущенника Лукана, севира Августала, почётного инсигниями декуриона Немауса.

№ 776

Baesucci, Испания

Victoriae Aug. C. Sempronius Geminus, C. Sempronius Carpus, C. Sempronius Gracilis, C. Sempronius Maurus, C. Sempronius Syneros, C. Sempronius Fidens¹, VI vir(i) Augustales accepto loco pecunia eorum d. d. d. d. (CIL, II, 3249).

Виктории Августе. Гай Семпроний Гемин, Гай Семпроний Карп, Гай Семпроний Граций, Гай Семпроний Мавр, Гай Семпроний Синерот, Гай Семпроний Фидент, севиры Августалы, получив место на свой счет по постановлению совета декурионов принесли в дар.

¹ Очевидно, все они были отпущенниками одного лица, может быть, упоминающегося в надписях этого города знатного гражданина Гая Семпрония Целера.

№ 777

Nemausus, Галлия. После 73 г.

[M]arrecino Clemente II L. Baebio Honorato cos. [I]ulius Graptus mag. maeseleum excoluit et ut esset fru[giferum feci]t positis arboribus vitibus rosar[iis idem?] oblata sibi a collibertis immunitate et titulo [q]uo benivolentia eius contineretur [ne] qua parte utilitatibus eorum [gr]avis videretur immunitatum [re]misit et titulo quem de suo [posu]lit contentus fuit (CIL, XII, 3637).

Во второе консульство Маррецина Клементя и Луция Бебия Гонората Юлий Грапт, магистр, украсил мавзолей и сделал плодоносным, разместив деревья, виноградники и розовые кусты, по случаю получения от его соотпущенников освобождения от повинностей и надписи, в которой содержался [перечень] его милостей. Чтобы не казалось, что он как-нибудь наносит ущерб их выгодам, он отказался от освобождения от повинностей и удовлетворился надписью, которую поставил на свой счет.

№ 778

Bou-Ghara, Африка

Q. Servaeo Fusco Corneliano c. v. leg. provinc. Galatiae leg. leg. Italic. leg. leg. XIII Gemin. pr. hast. item ex deleg. de liberalib. causis et supremar. iuridic. per Calab. Lucani Apuliam Bruti cur. viae Salar. tr. pl. q. urb. cur. universae liberti libertae eius et fili eorum alimentis annuis foti (A. E., 1908, 125).

Квинту Сервею Фуску Корнелиану, светлейшему мужу, легату провинции Галатии, легату Итальянского легиона, легату легиона XIII Близнаца, первому гастату и одному из уполномоченных по императорским раздачах и верховных судей в Калабрии, Лукании, Адулии и Брутии, куратору Саларийской дороги, народному трибуну, городскому квестору, куратору, все его отпущенники и отпущенницы и их сыновья, получающие поддержку ежегодной выдачей средств на пропитание.

№ 779

Pompeii. Надпись на стене

Cuspium Pansam aed(ilem) Fabius Eupor princeps libertinorum. M. Cerrinium Vati-
am aed(ilem) o(ro) v(os) fac(iatis) Fabius Eupor rogat et scr(ibat) Infantio (CIL, X,
117, 120).

Я, Фабий Евпор, глава отпущенников, [прошу] сделать эдилом Кусния Пансу. Прошу вас сделать эдилом Марка Церрения Ватия. Предлагает Фабий Евпор и написал Инфантион.

№ 780

Singilia Barba, Испания

C. Sempronio [C. lib.] Nigellioni ... VI vir. Aug. in col(onia) Patric[ia] item in municipio Singil. VI vir. [Aug.] perpetuo d. d. municipi [mu]nicipium Singil. Honor[em] accepit impensam remisit. Huic ordo Singiliensis recipi[endo] in civium numerum quantum cui plurimum libertino decrevit. Item huic ordo Singeliens(ium) vetus eadem quae supra in universum decreverat suo quoque nomine decrevit (CIL, II, 2026; Dessau, 6915).

Гаю Семпронию, отпущеннику Гая, Нигеллиону ... севиру Августалу в колонии Патриции, а также в муниципии Сингилии, бесменному севиру Августалу принесли дар граждане муниципия Сингилии; приняв почести, он возместил затраты [на них]. Ему совет Сингилии при принятии в число граждан присудил самое большее для вольноотпущенника. А также совет Сингилийцев то же, что прежде постановил в общем, постановил также лично по отношению к нему.

¹ Кордуба.

№ 781

Apulum, Дакия

I. O. M. Iunoni Minervae et Aesculapio domino Septim. Ascl(epius) Hermes libertus numinis Aesculapi habens ornamenta dec(urionalia) col(oniae) Apul(ensis) et Aug(ustalis) col(oniae) e(iusdem) (voto) p(osuit) (CIL, III, 1079; Dessau, 3850).

Юпитеру Всеблагому, Величайшему, Юноне, Минерве и господину Эскулапу поставил по обету Септимий Асклепий Гермес, отпущенник божества Эскулапа, имеющий инсигнии декуриона колонии Апула, Августал той же колонии.

№ 782

Narona, Далмация

Q. Safinius Q. f. Sex. Marius L. I(ibertus) mag(istri) Naro(nae) Q. Marcius Q. f. P. Annaeus Q. I(ibertus) Epic(adus) q(uaestores) tur(rim) fac(iendam) coir(averunt). (CIL, III, 1820; Dessau, 7166).

Квинт Сафиний, сын Квинта, Секст Марий, отпущенник Луция, магистры Нароны, Квинт Марций, сын Квинта, Публий Анней, отпущенник Квинта, Эпикад, квесторы, озаботились постройкой башни.

№ 783

Senia, Далмация

L. Aurelio L. I(iberto) Victori domo Aequo Augustali et Seniae, sac. prim. corp. Augustalium ornat(o) ornam(entis) decurionalib(us) plebs Seniensium aere conlato cur(ante) Aur. Secund. (CIL, III, 3016; Dessau, 7170).

Луцию Аврелию Виктору, отпущеннику Луция, по происхождению Экву, и Августалу Сении, первому жрецу из корпорации Августалов, получившему инсигнии декуриона, народ Сении, собрав средства, под руководством Аврелия Секунда.

№ 784

Pola, Италия. 198 г.

Imp. Caes. L. Septimio Severo pio Pertinaci Aug. pont. max. trib. p. VI, imp. XI, cos. II p. r. M. Aurel. Menophilus ornatus iudicio eius equo publ(ico) sacerdos Tusculan(orum) aedil. Polae cum Menophilo patre lib(erto) Augg. nn. ex procurat(ore) indulgentissimo l. d. d. d. (CIL, V, 27).

Императору Цезарю Луцию Септимию Северу благочестивому, Пертинаксу Августу, великому понтифику, наделенному трибунской властью в шестой раз, императору в одиннадцатый, консулу во второй, отцу отечества, Марк Аврелий Менофил, которому он присудил сан всадника высшего ранга, жрец жителей Тускула, эдил Пола, с отцом Менофилом, отпущенником наших двух Августов благодаря милостивейшему прокуратору. На месте, предоставленном по декрету декурионов.

№ 785

Arva, Испания

Paci Aug. sacrum L. Licinius Crescentis lib(ertus) Hermes IIIII vir Aug. d. s. p. d. (CIL, II, 1061).

Посвящено Миру Августу. Луций Лициний Гермес, отпущенник Кресцента, сеvir Августал, на свой счет принес дар.

№ 786

Arva, Испания

Virtuti Aug. M. Egnatius Sciti lib. verna IIIII August. III in loco quem ordo decrevit (CIL, II, 1062).

Доблести Августе. Марк Эгнатий, отпущенник Спита из домородных рабов, сеvir Августал, в третий раз на месте, которое присудил совет.

№ 787

Arva, Испания

M. Egnatius Sciti lib. Venustus IIIII vir. Huic ordo m. m. F. Arvensis statuam et ornamenta decurionatus decrevit. M. Egnatius Venustus in locum quem ordo decrevit statuam et scamna marmorea et antam marmoravit de sua pecunia dedit (CIL, II, 1066; Dessau, 5487).

Марк Эгнатий Венуст, отпущенник Сцита, сеvir. Ему муниципальный совет муниципия Флави Арвы присудил статую и инсигнии деквриона. Марк Эгнатий Венуст, на месте, которое назначил совет, на свой счет сделал и подарил статую и мраморные скамьи и облицевал мрамором колонну.

№ 788

Ossigi Baeticae, Испания

Sacrum Polluci Sex. Quintius Sex. Q. Successini lib. Fortunatus ob honorem VI vir. ex d(creto) ordinis soluta pecunia petente populo donum de sua pecunia dato epulo civibus et incolis et circensibus factis d. d. (CIL, II, 2100; Dessau, 3395).

Посвящено Поллуксу, Секст Квинтий Фортунат, отпущенник Секста Квинтия Суццессина, в честь получения сеvirата по постановлению совета. Он заплатил деньги народу, желавшему подарка, на свой счет дал нир гражданам и поселенцам и устроил цирковые игры.

№ 789*

Regium, Италия

Isi et Serapi sacrum Q. Fabius Titiani lib(ertus) Ingenuus sevir Augustalis...(CIL,X,1).

Посвящено Изиде и Серапису. Квинт Фабий Ингенуй, отпущенник Титиана, сеvir Августал...

№ 790

Barcino, Испания

L. Caecilius L. f. Pap. Optatus ꝓ leg. VII G. feI. et ꝓ leg XV Apollin. missus bonesta missione ad imp. M. Aur. Antonino et Aur. Vero Aug. atlectus a Barc. inter immunes consecut. in honores aedilicios IIvir III flam. Romae divorum et Augustorum qui r. p. Barc. ita leg(avit): do lego, darique volo,*VIID ex quorum usuris semmissibus edi volo quodannis spectac. pugilum die III iduum Iun. usque at * CCL et eadem die ex* CC oleum in thermas public. populo praeberi et lecta praestari ea condicione volo ut liberti mei item libertorum meorum libertarumque liberti quos honor seviratus contigerit ad omnibus muneribus seviratus excusati sint. Quot si quis eorum at munera vocitus fuerit tum *VIID at rem pub. Tarrac. transferri iubeo sub eadem forma spectaculorum quot s. s. est edendorum Tarracone (CIL II, 1514; Dessau, 6957).

Луций Цецилий, сын Луция, из Папириевой трибы, Оптат, центурион легиона VII Близнаца счастливого, центурион легиона XV Аполлонова, получивший почетную отставку от императоров Марка Аврелия Антонина и Аврелия Вера Августа, избранный [гражданами] Барцины в число имеющих освобождение от повинностей, получивший почести эдилитета, дуумвир трижды, флэмин Рима, обожествленных Августов; он так завещал республике Барцине: я даю, завещаю и хочу дать 7500 денариев; я хочу, чтобы на 6 процентов с них ежегодно за 4 дня до июньских ид устраивался кулачный бой, [на который затрачивалось бы] до 250 денариев, и хочу, чтобы в тот же день народу в банях предоставлялось масла на 200 денариев и ложа, на том условии, чтобы мои вольноотпущенники, а также вольноотпущенники моих отпущенников и отпущенниц, которые будут привлекаться к отправлению почетной должности сеvirата, были освобождены от всех повинностей сеvirата. Если кто-нибудь из них будет призван к несению повинностей, то я приказываю передать эти 7500 денариев республике Тарраконе, чтобы в Тарраконе устраивались зрелища таким же образом, как написано выше.

V. ГОРНОЕ ДЕЛО

№ 791

Aljustrel, Испания

Centesimae argentariae stipulationis. Conductor ea[rum stipulationum, quae ab auctio]nem intra fines metalli Vipascensis fient, exceptis iis, quas proc. metallorum iu[ssu imp. faciet, centesimam a vendito]re accipito. Conductor ex pretio puteorum, quos proc. metallorum vendet, cen[tesimam ne exigit]. Si instituta auctione universaliter omnia addicta fuerint, nihilo minus venditor ce[ntesimam conductori socio acto]rive eius praestare debeto. Conductor socio actorive eius, si volet stipulari a [venditore, is promittito. Conductor] socius actorve eius quoque summae, quae excepta in auctione erit, centesimam exigit. [Qui res sub praecone] habuerit, si eas non addixerit et intra dies decem quam sub praecone fuerint, de condici[one vendiderit, nihilo minus con]ductor socio actorive eius centesimam d. d. Quod ex hoc capite legis conduct[ori socio actorive eius debebitur], nisi in triduo proximo quam debere coeptum erit, datum solutum satisve factum erit, du[plum d. d.].

Scripturae praekonii. Qui praekonium conduxerit, praekonem intra fines praeb[e] [to. Pro mercede ab eo qui venditionem] * L minoremve fecerit, centesimas duas, ab eo qui maiorem * C fecerit, centesimam exig[ito. Qui mancipia sub praecone venum] dederit, si quinque minoremve numerum vendiderit, capitularium in singula capita [* ..., si maiorem numerum vendi]derit, in singula capita * III conductori socio actorive eius dare debeto. Si quas [res proc. metallorum nomine] fisci vendet locabitve, iis rebus conductor socius actorve eius praekonem praestare debeto. Q[ui inventar]ium cuiusque rei vendundae nomine proposuerit, conductori socio actorive eius * I d. d. Puteorum, quos proc. metallorum vendiderit, emptor centesimam d. d. Quod si in triduo non dederit, duplum d. d. Conductor socio actorive eius pignus cape(re) liceto. Qui mulos mulas asinos asinas caballos equas sub praecone vendiderit in k. I * III d. d. Qui mancipia aliamve quam re[m sub] praekonem subiecerit et intra dies XXX de condicione vendiderit, conductori socio actorive eius [idem d. d.]

Balinei frundi. Conductor balineisociusve eius omnia sua in pensa balineum [quod ita conductum habe]bit in pr. k. Iul. primas omnibus diebus calfacere et praestare debeto a prima luce in horam septim[am diei mulieribus] et ab hora octava in horam secundam noctis viris arbitrato proc. qui metallis praerit. Aquam in [balineum usque ad] summam ranam hypocaustis et in labrum tam mulieribus quam viris profluentem recte praestare debeto. Conductor a viris sing. aeris semisses et a mulieribus singulis aeris asses exigit. Excipiuntur liberti et servi [Caes(aris) qui proc.] in officiis erunt vel commoda percipient, item inpuberes et milites. Conductor socius actorve eius [instrumentum balinei et e]a omnia quae ci assignata erunt integra conductione peracta reddere debeto, nisi si qua vetustate c[orrupta erunt]. Aena, quibus utetur, lavare tergere unguereque adipe e recenti tricensima quaque die recte debeto. [Si vis maior damnumve fatale inpedi]erit, quo minus lavare recte possit eius temporis pro rata pensionem conductor reputare debe[to. Praeter] haec et siquid aliud eiusdem balinei exercendi causa fecerit reputare nihil debet. Conductor ve[ndere ligna] nisi ex recisaminibus ramorum, quae ostili idonea non erunt, ne liceto. Si adversus hoc quid fecerit, in singul[as vehes hs] centenos n. fisco d. d. Si id balineum recte praebitum non erit, tum proc. metallorum multam conductori quo[ti]-ens recte praebitum non erit usque ad hs CC dicere liceto. Lignum conductor repositum omni tempore habeto, quod diebus...[satis sit].

Sutrini. Qui calciamentorum quid loramentorumve, quae sutores tractare so[lent, fecerit clavomve cali]garem fixerit venditaveritve sive quid aliud, quod sutores vendere debent, vendidis[se intra fines convictus erit, is] conductori socio actorive eius duplum d. d. Conductor clavom ex lege ferrariar[um] vendito. Conductor socio actorive eius pignus capere liceto. Reficere calciamenta nulli licebit, nisi cu[m sua dominive] quis curaverit refece[ritve]. Conductor omne genus calciamentorum praestare debeto: ni ita fecer[it unicuique ubi volet emendi] ius esto.

Tonstrini. Conductor frui debeto ita, ne alius in v[ico metalli Vipascensis] inve[] territoris eius tonstrinum quaestus causa faciat. Qui ita tonstrinum fecerit, in sin[gulo]

ferramentorum usus * ...] conductori socio actorive eius d. d. et ea ferramenta commissa conductori sunt. [Excipiuntur servi] qui dominos aut conservos suos curaverint. Circitoribus, quos conductor [non miserit, tondendi ius ne es]to. Conductor socio actorive eius pignoris captio esto. Qui pignus capientem prohibuerit, [in singulas prohi]bitiones *V d. d. Conductor unum pluresve artifices idoneos in portionem recipito.

Tabernarum fulloniarum. Vestimenta rudia vel recurata nemini m[ercede] polire, nisi cui conductor socio actorive eius locaverit permiserit liceto. Qui convictus fuerit adversus ea qui [d fecisse, in singulas la]cinias *III conductori socio actorive d. d. Pignus conductori socio actorive eius capere liceto].

Scripturae scaurariae et testariorum. Qui in finibus met[alli Vipascensis...scau]rias argentariae aerariae pulveremve ex scaureis rutramina ad mesuram pondusve purgare tundere ure[re] expedire frangere cernere lavare volet qui ve lapicaedinis opus quoquo modo facien[dum] suscipiet, quos ad id [faciendum] servos mercenariosque mittent, in triduo proximo profiteantur et solvan[t *... conductori quo]que mense intra pr. k. quasque: ni ita fecerint, duplum d. d. Qui ex alis locis ubertumbis ae[r]is argenteve ru[tramina] in fines metallorum inferet, in p. C. *I conductori socio actorive eius d. d. Qu[od] ex hoc capite] legis conductori socio actorive eius debetur neque ea die, qua deberi coeptum erit, solu[tum] satisve factum erit] d. d. Conductor socio actorive eius pignus capere liceto et quod eius scaurariae pul[tratum] unsum ustum expeditum fractum cretum lavatumque erit qui ve lapidae lausiae expeditae in lapicaedi[nis] erunt, commissa ei sunt, nisi quid]quid debitum erit conductori socio actorive eius solutum erit; ex[cipiuntur] servi et liberti] flatorum argentariorum aerariorum qui flaturis dominorum patron[orum]que operam dant].

Ludi magistri. Ludi magistrōs a proc. metallorum immunes e[ss]e placet.]

Usurpationes puteorum sive pittaciarium. Qui intra f[in]es metalli Vipascensis puteum locum]que putei iuris retinendi causa usurpabit occupabitve e lege metallis dicta, b[ido] proximo quod usurpaverit occupaverit apud conductorem socium actoremve huiusce vectigalis profiteatu[r]... (CIL, II, 5181; Dessau, 6891).

Проценты со сделки по серебряному руднику. Арендатор тех сделок, которые заключаются с аукциона в пределах Випаскского рудника, за исключением тех, которые совершает прокуратор рудников по приказу императора, должен получать 1% с продавца. Со стоимости копей, которые будет продавать прокуратор рудников, арендатор не имеет права требовать 1%. Если при назначении аукциона все будет продано вместе, то тем не менее продавец обязан выплатить 1% арендатору, его компаньону или уполномоченному. Если арендатор, его компаньон или уполномоченный пожелает получить гарантию от продавца, тот обязан ее дать. Арендатор, его компаньон или уполномоченный имеет взыскать 1% также с той суммы, какая будет получена на аукционе. Тот, чье имущество будет у аукциониста, если [аукционист] ни за кем не оставит его на торгах, а продаст, согласно условию, в течение десяти дней по сдаче аукционисту, он тем не менее обязан отдать 1% арендатору, его компаньону или уполномоченному. Если то, что, согласно этой статье закона, будет причитаться арендатору, его компаньону или уполномоченному, не будет отдано, возмещено или выплачено в трехдневный срок с момента возникновения долга, оно должно быть отдано в двойном размере.

Правила продажи с торгов. Арендующий продажу с торгов обязан предоставить аукциониста в пределах [рудников]. С того, кто производит продажу на 50 или менее денариев, взимается плата в размере 2%; с того, кто производит продажу более чем на 100 денариев,—1%. Тот, кто будет продавать рабов, если продаст их пять или меньшее число, обязан выдать арендатору, его компаньону или уполномоченному поголовную плату по... денариев с каждой головы; если продаст большее число, то по 3 денария. Если какое-либо имущество будет продавать или сдавать в аренду прокуратор рудников от имени фиска, то арендатор, его компаньон или уполномоченный обязан предоставить для этого имущества аукциониста. Тот, кто выставит опись какого-либо имущества для продажи, обязан уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному 1 денарий. Покупатель копей, которые продаст прокуратор рудников,

обязан уплатить 1%. Если он не уплатит этого в трехдневный срок, то обязан уплатить вдвое. Арендатору, его компаньону или уполномоченному предоставляется право брать залог. Тот, кто продаст через аукциониста мулов, самок мулов, ослов, ослиц, копей, кобыл, обязан уплатить по 3 денария с каждой головы. Тот, кто передаст аукционисту рабов или другое какое-либо имущество и [аукционист] продаст, согласно условию, в течение тридцати дней, обязан уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному столько же.

А р е н д а б а н и. Арендатор бани или его компаньон обязан всецело на свой счет топить арендованную им баню ежедневно вплоть до самого кануна июльских календ и предоставлять ее с восхода солнца до седьмого часа дня женщинам, а с восьмого часа до второго часа ночи мужчинам по усмотрению прокуратора, ведущего рудниками. Воду, протекающую из подпольных печей до самого верхнего бака (?) и в бассейн, должно исправно предоставлять как мужчинам, так и женщинам. Арендатор должен взимать с каждого мужчины по пол-асса, а с каждой женщины по ассу медью. Освобождаются от платы отпущенники и рабы Цезаря, состоящие при прокураторе или получающие [от него] содержание, а также дети и солдаты. Арендатор, его компаньон или уполномоченный обязан, по истечении срока аренды, сдать в целости инвентарь бани и все, что к ней относится, за исключением того, что испортится от старости. Находящиеся в пользовании медные сосуды должны быть в каждый тридцатый день исправно вымыты, вычищены и намазаны свежим жиром. Если в силу непреодолимых обстоятельств или несчастного случая окажется невозможным должным образом мыться, арендатор должен сделать соответственный пересчет арендной платы. В других случаях, а также если он сделает что-нибудь для улучшения бани, он не должен делать никакого пересчета. Арендатору не разрешается продавать никаких дров, кроме обрубок ветвей, негодных для плавильной печи. Если он сделает что-либо в нарушение этого, он обязан уплатить фиску по 100 сестерциев за каждый воз. Если данная баня будет действовать неисправно, то прокуратору рудников предоставляется присуждать арендатора к штрафу, каждый раз как она будет действовать неисправно, до 200 сестерциев. Арендатор должен иметь постоянно запас дров, достаточный на... дней.

А р е н д а с а п о ж н о г о д е л а. Кто сделает что-либо из обуви или ремней, относящихся к сапожному ремеслу, забудет сапожный гвоздь или продаст или же будет уличен в том, что он продал в пределах [рудника] что-либо иное, что должны продавать сапожники, тот должен уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному вдвое. Арендатор обязан продавать гвозди согласно закону о железных рудниках. Арендатору, его компаньону или уполномоченному дозволяется брать залог. Чинить обувь не дозволяется никому, кроме тех, кто поправляет или чинит свою или господскую. Арендатор обязан поставлять всякого рода обувь; если же он этого не будет делать, каждый вправе покупать ее где угодно.

А р е н д а ц и р ю л ь н и. Арендатор имеет право не допускать, чтобы кто-либо другой в селе рудника Випаски или на его территории заводил цирюльню для извлечения дохода. Кто заведет такую цирюльню, обязан будет уплатить за каждое пользование инструментами по... денариев арендатору, его компаньону или уполномоченному, а самые инструменты должны перейти к арендатору. Исключение делается для рабов, которые будут обслуживать своих господ или сотоварищей по рабству. Бродячим [цирюльникам], не посланным арендатором, право стрижки и бритья не предоставляется. Арендатору, его компаньону или уполномоченному предоставляется право брать залог. Тот, кто запретит брать залог, должен будет уплатить по 5 денариев за каждое запрещение. Арендатор может принимать в долю одного или нескольких пригодных мастеров.

А р е н д а с у к н о в а л е н. Отглаживать необработанную или обработанную одежду за плату не разрешается никому, кроме тех, кого подырет или кому разрешит арендатор, его компаньон или уполномоченный. Тот, кто будет уличен в том, что он что-нибудь сделал в нарушение этого, должен уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному по 3 денария за каждую одежду. Арендатору, его компаньону или уполномоченному разрешается брать залог.

Правила для обрабатывающих шлаки и окалины. Кто в пределах Випаскских рудников... пожелает очищать, дробить, жечь, заготавливать, ломать, просеивать, промывать серебряные [и] медные шлаки или шлам [и] остатки от шлаков по мере или весу, или кто предпримет какую бы то ни было работу в каменоломнях, те должны в трехдневный срок заявить, каких рабов и наемных рабочих они направляют на эту работу, и выплачивать по... денариев арендатору ежемесячно накануне каждого календ: если они этого не сделают, то должны выплатить вдвое. Тот, кто внесет в пределы рудников остатки меди или серебра из других месторождений, должен уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному по 1 денарию с каждого 100 фунтов. То, что, согласно этой статье закона, будет причитаться арендатору, его компаньону или уполномоченному, но не будет выплачено или обеспечено в положенный срок с момента возникновения долга, должно быть выплачено вдвое. Арендатору, его компаньону или уполномоченному разрешается брать залог, и в его пользу должно быть конфисковано то, что из его шлака будет очищено, раздроблено, выжжено, заготовлено, наломано, просеяно, намыто, а равно и те каменные плитки, какие будут внесены в каменоломни, если не будет уплачено то, что причитается арендатору, его компаньону или уполномоченному; освобождаются [от этого обязательства] рабы и отпущенники плавильщиков серебра и меди, которые работают в плавильнях господ и патронов.

Школьные учителя. Школьных учителей по распоряжению прокуратора рудников следует освобождать от повинностей.

Займка копей, или уплата за право разработки. Тот, кто в пределах Випаскских рудников займет или завладеет копьё и участком с целью удерживать его на законном основании, согласно закону, данному относительно рудников, должен в двухдневный срок с момента займки [или] завладения заявить у откупщика этой подати [с рудников], его компаньона или уполномоченного...

№ 792

Aljustrel, Испания

...Ulpio Aeliano suo salutem,... (1) Aug. praesens numerato. Qui ita non fecerit et convictus erit prius coxisse venam quam pretium, sicut supra scriptum est, solvisse, pars occupatoris commissa esto et puteum universum proc(urator) metallorum vendito. Is, qui probaverit ante colonum venam coxisse quam pretium partis dimidia ad fiscum pertinentis numerasse, partem quartam accipito.

(2) Putei argentari ex form[a] exerceri debent quae hac lege continetur; quorum pretia secundum liberalitatem sacratissimi imp. Hadriani Aug. observabuntur, it[a] ut ad eum pertineat proprietas partis, quae ad fiscum pertinebit, qui primus pretium puteo fecerit et sestertia quatuor millia nummum fisco intulerit.

(3) Qui ex numero puteorum quinque unum ad venam perduxerit, in ceteris, sicut supra scribitum est, opus sine intermissione facito; ni ita fecerit, [alii] occupandi [ius] esto. Qui post dies XXV praeparationi impensarum datas opus quidem statim facere coeperit, diebus autem continuis decem postea in opere cessaverit, alii occupandi ius esto. Puteum a fisco venditum continuis sex mensibus intermissum alii occupandi ius [es]to, ita ut, cum venae ex eo proferentur, ex more pars dimidia fisco salva sit.

(4) O[ccupa]tori puteorum socios quos volet habere liceto, ita ut, pro ea parte, qua quis socius erit, impensas conferat. Qui ita non fecerit, tum is qui impensas fecerit rationem impensarum factarum a se continuo triduo in foro frequentissimo loco propositam habeto et per praeconem denunciato sociis ut pro sua quisque portione impensas conferat. Qui non ita contulerit, quive quid dolo malo fecerit quominus conferat, quove quem quosve ex sociis fallat, is eius putei partem ne habeto, eaque pars socii sociorum ut qui impensas fecerit esto. Et ii[s] coloni[s] qui impensam fecerint in eo puteo, in quo pluris socii fuerint, repetendi a sociis quod bona fide erogatum apparuerit ius esto. Colonis inter se eas quoque partes puteorum, quas a fisco emerint et pretium solverint, vendere quanti quis potuerit liceto. Qui vendere suam partem quive emere volet, aput proc(uratorem), qui metallis praeerit, professionem dato; aliter emere aut vendere ne liceto. Ei qui debito[r] fisci erit, donare partem suam ne liceto.

(5) Venas, quae ad puteos prolatae [i]acebunt ab ortu solis in occasum, ii quorum erunt in officinas vehere debebunt; qui post occasum solis [us]q[ue] in o[r]tu[m] venas a puteis sustulisse convictus erit, HS ∞ nummos fisco inferre debeto. Venae furem, si servus erit, procurator flagellis caedito et ea conditione vendito ut in perpetuis vinculis sit neve in ullis metallis territorisve metallorum moretur; pretium servi ad dominum pertineto; liberum procurator confiscato et finibus metallorum in perpetu[u]m prohibeto.

(6) Putei omnes diligenter fulti destinatique sunt, proque putri materia colonus cuiusque putei novam editionem sub[i]cito. Pilas aut fulturas firmamenti causa relictas attingere aut violare dolove malo quid facere quominus eae pilae fulturaeve firmae et [perviae] sint ne liceto. Qui puteum vitiass[e] labefactasse decapitasse aliuve quid dolo malo fecisse quominus is puteus firmus sit convictus erit, si servus erit, flagellis arbitrato proc. caesus ea conditione a dom[i]no veneat, ne in ullis metallis moretur; liberi bona proc. in fiscum cogito et finibus ei metallorum in perpetuum interdicto.

(7) Qui puteos aerarios aget a cuniculo, qui aquam metallis subducet, recedito, et non minus quam quinos denos pedes utroque latere relinquito. [Cu]niculum violare ne liceto. Proc. explorandi novi metalli causa ternagum a cuniculo agere permittito, ita ut ternagus non plures latitudinis et altitudinis quam quaternos pedes habeat. [V]enam infra quinos denos pedes ex utroque latere a cuniculo quaerere caedereve ne liceto. [Q]ui aliter quit in ternagis fecisse convictus erit, servos flagellis arbitrato proc. caesus ea conditione [a] domino veniet, ne in ullis metallis moretur; liberi bona proc. in fiscum cogito et finibus ei metallorum in perpetuum interdicto.

(8) Qui puteos argentarios [aget] a cuniculo, qui aquam metallis subducet, recedito et non minus quam sexagenos pedes utroque latere relinquito, et eos puteos quos occupaverit adsignatosve acceperit in opere uti determinati erunt habeto nec ultra procedito neve ecboles colligito neve ternagos ita agito extra fines putei adsignati... (Fontes, I, № 104).

...Ульпию Элиану своему привет... (1) [по приказу] Августа должен незамедлительно заплатить. Если кто-либо этого не сделает и будет уличен в том, что он плавил руду прежде [уплаты] цены, так, как писано выше, то участок заемщика должен быть целиком конфискован, а вся копь продана прокуратором рудников. Тот, кто докажет, что съемщик плавил руду раньше, чем отсчитал причитающуюся фиску цену половины участка, имеет получить четверть участка.

(2) Серебряные копи должны разрабатываться по правилу, заключающемуся в этом законе; цены на них будут соблюдаться согласно щедротам священнейшего императора Адриана Августа, так, чтобы право владения тем участком, который будет за фиском, было бы за тем, кто первый даст цену за рудник и внесет 4000 сестерциев фиску.

(3) Тот, кто из числа пяти копей доведет одну до руды, должен в остальных, как писано выше, продолжать работу без перерыва; если он этого не сделает, право заимки должно быть передано другому. Если кто-либо по прошествии двадцати пяти дней, предоставленных на покрытие расходов, хотя и начнет сейчас же работу, по затем в течение десяти дней подряд работы производить не будет, право заимки должно быть передано другому. Право на заимку копи, проданной фиском, [но] не разрабатываемой шесть месяцев подряд, должно быть передано другому, с тем, чтобы, когда из нее будет добываться руда, половинная часть по обычаю сохранялась за фиском.

(4) Заемщику копей разрешается иметь каких он хочет компаньонов, с тем, чтобы каждый нес расходы в соответствии с той частью, в какой он будет компаньоном. Если кто-либо этого не сделает, то тот, кто будет нести расходы, должен выставить на форуме в самом людном месте на три дня подсчет понесенных им расходов и через глашатая объявить, чтобы каждый внес [деньги] на расходы в соответствии со своей частью. Тот, кто таковой [суммы] не внесет, или кто учинит мошенничество, дабы [ее] не вносить, или в чем-либо обманет одного или нескольких компаньонов, должен быть лишен своей части копи, и эта часть должна перейти компаньону [или] компаньонам, которые несли расходы. И тем съемщикам, которые понесли расходы в таком руднике, в котором было много компаньонов, должно быть дано право востребовать с компаньонов то, что окажется израсходованным добросовестно. Съемщикам разрешается прода-

вать друг другу, кто за сколько сможет, те части копей, которые они купили и оплатили [их] стоимость. Тот, кто пожелает продать свой участок или купить, должен сделать заявление прокуратору, который будет заведывать рудниками; покупать или продавать иначе не разрешается. Передавать свой участок тому, кто будет должником фиска, не разрешается.

(5) Те, чья добытая руда будет складываться у копей, должны будут доставлять ее на плавильни от восхода до захода солнца; кто будет уличен в том, что унес руду с копей после захода солнца и до его восхода, должен внести фиску 1000 сестерциев. Похитителя руды, если это будет раб, прокуратор должен высечь плетью и продать, с тем условием, чтобы он всегда был в оковах и не находился ни на каких-либо рудниках, ни на территориях рудников; стоимость раба должна быть выплачена господину; свободного прокуратор должен покарать конфискацией и навсегда запретить ему доступ в пределы рудников.

(6) Все копи должны быть тщательно укреплены и снабжены подпорами, для чего съемщик каждой копи должен заменять прогнившее дерево новым сооружением. Портить или ломать столбы или подпоры, припасенные для крепления, или злонамеренно делать что-нибудь, что ослабило бы и распатало эти столбы и подпоры, не допускается. Кто будет уличен в том, что он повредил копь, распатал ее, обвалил или злонамеренно сделал что-нибудь такое, что ослабило бы крепость данной копи, то, если это будет раб, он, высеченный плетью по усмотрению прокуратора, должен быть продан господином [с тем условием], чтобы он не находился ни на каких рудниках; имущество свободного прокуратор должен отобрать в фиск и навсегда воспретить ему доступ в пределы рудников.

(7) Тот, кто разрабатывает медные копи, должен отходить от канала, который отводит воду из рудников, оставляя с каждой его стороны [свободными] не менее пятнадцати футов. Повреждать канал не допускается. Прокуратор может разрешить для обследования нового рудника отводить от канала прокоп, с тем, чтобы прокоп не имел более четырех футов в ширину и глубину. Искать или выламывать руду ближе пятнадцати футов от обеих сторон канала не разрешается. Если кто-нибудь будет уличен в том, что он делал в прокопах что-нибудь иначе, то раб, высеченный плетью по усмотрению прокуратора, должен быть продан господином, с тем условием, чтобы он не находился ни на каких рудниках; имущество свободного прокуратор должен отобрать в фиск и навсегда воспретить ему доступ в пределы рудников.

(8) Тот, кто разрабатывает серебряные копи, должен отходить от канала, который отводит воду из рудников, оставляя с каждой его стороны [свободными] не менее шестидесяти футов, а те копи, какие он занял или получил в надел, он может разрабатывать так, как установлено, но ни за пределы своего участка не выходить, ни выброшенной породы не собирать, ни прокопов не проводить за пределами выделенной ему копи...

Надписи из испанских рудников прокомментированы в работах:

C u r q E., *Le développement de l'industrie minière à l'époque d'Hadrien*, «*Journal des Savants*», 1911.

D a v i e s O., *Roman mines in Europe*, Oxford, 1935.

D u b o i s Ch., *Étude sur l'administration et l'exploitation des carrières*, Paris, 1909.

R i c k a r d T., *The mining of the Romans in Spain*, «*Journal of Roman Studies*», XVIII, 1928.

№ 793

Ampelum, Дакия

IOM Neptunalis Aug. lib. tabul. aur. Dacicarum v. b. m. p. (CIL, III, 1297; Dessau, 1594).

Юпитеру Всеблагому Величайшему. Нептунал, отпущенник Августа, письмоводитель при золотых приисках Дакии, поставил достойному мужу.

№ 794

Brucla, Дакия

IOM pro s(alute) imperatoris colleg. aurariorum L. Calpurnius... d. d. (CIL, III, 941).

Юпитеру Всеблагому Величайшему за благополучие императора коллегии работающих на золотых приисках принес дар Лудий Кальпурний.

№ 795

Apulum, Дакия

IOM Taviano¹ et dis deabusque pro salute [et] victori[a] domini n(ostri) sanctissim(i), Avianus (?) Aug. lib. subpro(curator) auraria[r(um)] v. s. a. l. (CIL, III, 1088).

Юпитеру Всеблагому Величайшему Тавианскому и богам и богиням за благополучие и победу нашего господина святейшего, Авриан, отпущенник Августа, субпрокуратор золотых приисков, охотно исполнил обет.

¹ Храм Юпитера в Тавии (Галатия) упоминает Страбон, 12, 5,2.

№ 796

Ampelum, Дакия

D. M. M. Ulpio Aug. lib. Hermiae proc. aurariorum cuius reliquiae ex indulgentia Aug. n. Romam latae sunt Solonia Palestrice coniunx et Diogenes lib. benemerenti fecer. vixit ann. LV (CIL, III, 1312; Dessau, 1593).

Богам Мавам. Марку Ульпию Гермия, отпущеннику Августа, прокуратору золотых приисков, останки которого милостью нашего Августа перенесены в Рим. Сделали достойному жена Солония Палестрика и Диоген, отпущенник. Прожил 55 лет.

№ 797

Germizara, Дакия

M(ilites) O(srhoenorum) a(urariorum?) D(acicarum) (A. E., 1911, № 36).

Солдаты Озроенцы при золотых приисках Дакии.

№ 798

Salona, Далмация

D. M. Thaumasto Aug. commentariesi aurariorum Delmatarum¹ Felicissimus dispensator titulum p. (CIL, III, 1997; Dessau, 1595).

Богам Мавам. Таумасту, контролеру Августа при Далматских золотых приисках надпись поставил Фелисссим, управитель.

№ 799

Sarpia, Италия

Erapra socioru(m) Sisapo[n]es[ium]¹ vilico. O. h. s. s. Et Provincia uxor (CIL, X, 3964; Dessau, 1875).

Эпапра вилуку откупного товарищества Сисапонских [серебряных рудников]. Кости здесь покоятся. И жена Провинция.

¹ Сисапона — город в Бетике.

№ 800

Roma. Надпись на куске свинца, весящем 100 римских фунтов

Societ(as) argent(ariarum). (De) fod(inis) mont. Ilucr.¹ Galena (Dessau, 8708).

Откупное товарищество серебряных рудников. Галенит с приисков горы Илукр.

¹ Название, больше нигде не засвидетельствованное.

№ 801

Viminacium, Паннония

A. Antoni M. f. Fabia Fabiano proc. XL Galliarum et portus item argentariar. Pannonicar.¹ c[onductor]i portori Illyrici patrono bono Mercator lib. (Dessau, 9019).

Марку Антонию, сыну Марка из трибы Фабии, Фабиану, прокуратору пошлины, взимаемой в Галлии в размере $\frac{1}{40}$ стоимости товара, а также порта и Паннонских серебряных рудников, откупщику пошлины Иллирика, хорошему патрону, Меркатор, отпущенник.

¹ Procurator argentariarum Pannoniarum et Dalmatiarum, см. в надписи CIL, III, 8042; Dessau, 1421.

№ 802

Roma

P. Calvius Sp. f. Iustus mancips officinarum aerariarum quinquae item flaturae argentariae hoc monumentum cum aedificio me vivus feci mihi et Calviae Asclepiadi coniugi (CIL, VI, 8455; Dessau, 1470).

Публий Кальвий, сын Спурия, Юст, откупщик пяти медных мастерских, а также плавки серебра. Этот памятник с гробницей я сделал при жизни, мне и Кальвии Асклепиаде, жене.

№ 803

Carua, Италия

Eutychus vilic(us) a plumbo Evagogus a flam (?) fecerunt sibi et suis (CIL, X, 3967).

Евтих, вилик при свинцовых рудниках, и Эвагор ...сделали себе и своим.

№ 804

Siscia, Паннония

IOM Fulm. Ful. sacr. Fl. Verus M[y]robalanus proc. Aug. n. praepos. splendidissim. vect(igalis) ferr(ariarum) per Asclepiadem ark(arium) stat(ionis) Sisc(iensis) vslm (CIL, III, 3953; Dessau, 3049).

Посвящено Юпитеру Всеблагову, Величайшему, Громовержду, Молниеносцу, Флавий Вер Миробалан, прокуратор нашего Августа, начальник по сбору арендной платы за железные рудники, через посредство Асклепиада, казначея фактории в Сисции, с радостью исполнил должный обет.

№ 805

Corinthus

C. Caelio C. fil. Ouf. Martiali praef. coh. I Raetorum quae tendit in Raetia trib. leg. XIII Gem. quae tendit in Dacia in quo tribunatu donis militaribus donatus est ab imp. Caesare Nerva Traiano Aug. Germanico Dacico et copiarum curam adiuvit secunda expeditione qua universa Dacia devicta est, proc. provinc. Achaiae proc. ferrariar(um) L. Gellius Menander amicus (A. E., 1934, № 2).

Гаю Целию, сыну Гая, Марциалу из трибы Овфентины, префекту I когорты Ретов, находящейся в Ретии, трибуну XIII легиона Близнада, который находится в Дакии. Будучи трибуном, он был награжден военными наградами императором Цезарем Нервой Траяном Августом Германским Дакийским и помогал в заботе о провианте во время второго дакийского похода, когда была завоевана вся Дакия. Прокуратору провинции Ахайя, прокуратору железных рудников Луций Геллий Менадр, друг.

№ 806

Virunum, Норик

IOM M. Trebius M. fil. Palat. Alfius equo p. praef(ectus) i(ure) d(icundo) Aquil(eiae) s(onductor) f(errariarum) N(oricarum) vslm (CIL, III, 4788; Dessau, 1466).

Юпитеру Всеблагову Величайшему Марк Требий, сын Марка, Алфий, из трибы Палатины, всадник высшего ранга, префект по судоговорению в Аквилее, арендатор железных рудников Норика исполнил с радостью должный обет.

№ 807

Virunum, Норик

Isidi Norei(ae) vslm pro salute Q. Septimi Clementis con(ductoris) fer(rariarum) N(oricarum) p. d. et Ti. Cl. Heraclae et Cn. Octavi Secundi pro(curatorum) fer(rariarum) Q. Septueius Valens proc(urator) fer(rariarum) (CIL, III, 4809; Dessau, 1467).

Исиде Норейе исполнил с радостью должный обет Квинт Септуей Валент, прокуратор железных рудников, за благополучие Квинта Септимия Клемента, арендатора железных рудников Норика в половинной части (?), и Тиберия Клавдия Гераклы и Гнея Октавия Секунда, прокураторов железных рудников.

№ 808

Aquileia, Италия

Pro salute Tiberi Claudi Macronis con(ductoris) fer(rariarum) Nor(icarum) Velox ser(vus) vil(icus) speleum¹ cum omni apparatu fecit (CIL, V, 810).

За благополучие Тиберия Клавдия Макрона, арендатора железных рудников Норика, Велокс, раб вилик, соорудил грот со всей утварью.

¹ Вероятно, грот для культа Митры.

№ 809

Lugdunum, Галлия

D. M. Valeriae Iulianae quae vixit ann. VIII et Aureliae Pompeiae quae vixit annis XV filiabus dulcissimis. Aurel. Calocaerus Aug. lib. tab(ularius) ferrar(iarum) p(oenendum) <(uravit) et sub ascia dedicavit (CIL, XIII, 1825; Dessau, 1596).

Богам Манама. Валерия Юлиане, прожившей 9 лет, и Аврелии Помпее, прожившей 15 лет, милейшим дочерям, сделал и посвятил Аврелий Калоцер, отпущенник Августа, письмоводитель при железных рудниках.

№ 810

Lugdunum, Галлия. 226 г. Надпись на мраморной гире

[Imp.] Severo Ale[ха]ndro pio f[elice Aug. II] et Aufidio Marcelle II cos. ma[n]cip[es?] splendidissimi vectigalis massae ferrariarum Memmiae Sosandridis c. f. quod agitur sub cura Aureli Nerei soc[ii] vectigalis (CIL, XIII, 1811; Dessau, 8641).

Во второе консульство императора Севера Александра благочестивого счастливого Августа и Ауфидия Марцелла откупщика (?) арендных платежей руды железных рудников Меммии Сосандриды, светлейшей матроны, сделано под наблюдением Аврелия Нереея, откупщика арендных платежей.

№ 811

Roma

Iovi Optimo Maximo Dolicheno ubi ferrum nascitur C. Sempronius Rectus $\supset$ frumentarius d. d. (CIL, VI, 947; Dessau, 4302).

Юпитеру Всеблагому Величайшему Долихену там, где рождается железо, Гай Семпроний Рект, центурион фрументариев принес в дар.

№ 812

Rutaeni, Галлия

Zmaragdo vilico quaest(ori) magistro ex decurion(um) decreto familiae Ti. Gaesaris quae est in me[tal]lis (CIL, XIII, 1550).

Смарагду, виллику, квестору, магистру, по постановлению декурionoв фамилии Тиберия Цезаря, находящейся в рудниках.

№ 813

Ок. Сребрники, Босния

L. Domitio... roti viro ex equestribus turmis egregio procuratori metallorum [P]an[on]n. [et] Delm[a]t mi[r]ae inte[g]ritatis [et] bonitatis M. Aur. Ru[st]icus v. e. duce[n.]¹ amico praesta[n]tissimo (CIL, III, 8361; Dessau, 1443).

Луцию Домицию... роту, выдающемуся мужу из всаднических турм, прокуратору рудников Паннонии и Далмации, удивительной честности и доброты, Марк Аврелий Рустик, выдающийся муж, дуценарий, наилучшему другу.

¹ Duceparii — прокураторы, получавшие 200 000 сестерциев в год.

№ 814

Hispalis, Испания

T. Flavio Aug. lib. Polychryso proc. montis Mariani praestantissimo confectores aeris (CIL, II, 1179; Dessau, 1591).

Титу Флавию Полихрису, отпущеннику Августа, превосходнейшему прокуратору Мариевой горы, медники.

№ 815

Roma

P. Apicatus P. f. Cla. Celer vix. ann. XXVI mens. IIII diebus IIII Vettia $\supset$ liberta Erotice Miniari Atimeti C. Miniarius Atimetus procu. sociorum miniariarum. P. Apicatus P. f. Pri(s)cus v. a. XXVI m. IIII d. III (CIL, VI, 9634; Dessau, 1876).

Публий Апикаций, сын Публия, из Клавдиевой трибы, Целер прожил 26 лет 4 месяца 4 дня; Веттия Эротика, отпущенница женщины, [жена] Миниария Атимета; Гай Миниарий Атимет, прокуратор откупного товарищества рудников киновари; Публий Апикаций, сын Публия, Приск, прожил 26 лет 4 месяца 3 дня.

№ 816

Agrigentum, Сицилия. Надпись на клей-
мах для глыб серы

Mancipu[m] sulfuris [pro]v. Sicil[iae]... st... (Dessau, 8712a).

Откупщиков [приисков] серы провинции Сицилии...

[I]mp. Aug. p. ex of. Cass[iana] cond(uctio)ne Tri[goni] (Dessau, 8712b).

Императора нашего Августа, из Кассиевой мастерской, арендованной Тригоном.

[Imp. Aug. p. e]x of. Porciana cond. Trigoni (Dessau, 8712 c).

Императора нашего Августа из Пордиевой мастерской, арендованной Тригоном.

Imp. A[ug] p. ex [of.] Cassia[na] cond. Esn... (Dessau, 8712d).

Императора нашего Августа из Кассиевой мастерской, арендованной Эсн...

№ 817

Convena, Аквитания

Silvano deo et montibus Numidis Q. Iul. Iulianus et Publicius Crescentinus qui primi hinc columnas vicenarias celaverunt et exportaverunt vslm (CIL, XIII, 38; Dessau, 3579).

Богу Сильвану и Нумидийским горам Квинт Юлий Юлиан и Публиций Кресцентин, по случаю того, что они здесь первые украсили рельефами и вывезли колонны высотой в 20 футов, исполнили с радостью должный обет.

№ 818

Roma

IOM D(olicheno) pro salute Augg. nn. L. Septimi Severi pii Pertinacis et M. Aureli Antonini pii felicis Aug. et Iuliae Aug. s. p. q. R. Semnus Augg. nn. lib. optio tabellariorum stationis marmorum aram posuit (CIL, VI, 30760).

Юпитеру Всеблагому Величайшему Долихену поставил алтарь на благо наших двух Августов, Луция Септимия Севера благочестивого Пертинакса и Марка Аврелия Антонина благочестивого счастливого Августа, и Юлии Августы, сената и римского народа, Семн, отпущенник наших двух Августов, помощник начальника письмоводителей конторы по управлению мраморными карьерами.

№ 819

Roma

T. Flavius Aug. l. Celadus tabularius marmorum Lunensium v. a. XXXVII h. s. e. (CIL, VI, 8484; Dessau, 1599).

Тит Флавий Целад, отпущенник Августа, письмоводитель при мраморном карьере в Луне. Прожил 37 лет, здесь покоится.

№ 820

Simitthu, Нумидия

Laribus Aug. et Loco sancto Primus Aug. lib. proc(urator) m(armorum) N(umidicorum) aram consecravit (CIL, VIII, 14552; Dessau, 1597).

Ларам Августам и святому месту посвятил алтарь Прим, отпущенник Августа, прокуратор мраморных карьеров Нумидии.

№ 821*

Roma

Humenaeus Caesaris ser(vus) Thamyrianus a lapicidinibus Carystiis¹ fec(it) sibi et Thamyro nutricio opt(imo)... (CIL, VI, 8486; Dessau, 1600).

Гименей, раб Цезаря, Фамириан, из Каристийских каменоломен, сделал себе и наилучшему воспитателю Фамиру...

¹ Карист — город на Эвбее.

№ 822

Alexandria, Египет

Annius Rufus ⊃ leg. XV Apollinaris praepositus ab optimo imp. Traiano operi ma[r]morum monti Claudiano¹ v. s.[l.]a. (CIL, III, 25; Dessau, 2612).

Анний Руф, центурион легиона XV Аполлонова, поставленный наилучшим императором Траяном [начальником] над мраморными карьерами на Клавдиевой горе, охотно исполнил обет.

¹ Гора в Аравийской пустыне к востоку от Египта.

№ 823

Philae, Египет. 203 г.

IOM Hammoni Cnubidi Iunoni Reginae quor. sub tutela hic mons est quod primitur sub imperio p. R. felicissimo saeculo dd. nn. i victor. impp. Severi et Antonini Augg. et G[etae nobili]ss[imi] Caes. et] Iuliae Domnae Aug. m(atris) k(astorum) iuxta Philas novae lapicaedinae adinventae tractaeque sunt parastaticae et columnae grandes et multae sub Subatiano Aquilae pr(aef). Aeg. curam agente op(erum) dominic(orum) Aurel. Heraclidae dec(urione) al(ae) Maur(orum) (CIL, III, 75; Dessau, 4424).

Юпитеру Всеблагому Величайшему Аммону Хнубиду, Юноне парнице, под покровительством которых находится эта гора, по случаю того, что впервые за время владычества римского народа, в счастливейший век наших господ, непобедимых императоров Севера и Антонина Августов, Геты, благороднейшего Цезаря, и Юлии Домны Августы, матери лагерей, около Фил, найдены новые каменоломни и вывезены большие и многочисленные пилястры и колонны при префекте Египта Субатиане Аквиле. Господскими работами руководил Аврелий Гераклид, декурион Мавретанской алы.

№ 824

Arulum, Дакия

IOM pro salute Aeli Mari flam(ini) col(oniae) conductor pasculi et salinorum Aelius Aeticua gener (A. E., 1930, № 10).

Юпитеру Всеблагому Величайшему за благополучие Элия Мара, фламينا колонии, арендатор пастбища и солеварен, Элий Этикуа, зять.

VI. ТОРГОВЛЯ

№ 825*

Antiochia, Писидия, 93 г.

L. Antistius Rusticus leg. imp. Caesaris Domitiani Aug. Germ. propr. dict(avit): cum II vir. et decurion. splendidissim. col. Ant. scripserint mihi, propter hiemis asperitatem annonam frumenti exarsisse petierintque ut pleps copiam emendi haberet b(ene)-f(icium), omnes qui Ant. col. aut coloni aut incolae sunt profiteantur apud II viros col. Antiochensis intra tricensimum diem quam hoc edictum meum propositum fuerit quantum quisque et quo loco frumenti habeat et quantum in semen aut in cibaria annua familiae suae deducat et reliqui omnis frumenti copiam emptoribus col. Antiochens. faciat; vendendi aviem tempus consiituo (*sic!*) in k. Aug. primas. Quod si quis non paruerit, sciat me quidquid contra edictum meum retentum fuerit in commissum vindicaturum. Delatoribus praemi(i) nomine octava portione constituta. Cum autem affirmatur mihi ante hanc hibernae asperitatis perseverantiam octonis et novenis assibus modium frumenti in colonia fuisse et iniquissimum sit famem civium suorum praedae cuiquam esse excedere sing. * sing. modios pretium frumenti veto (A. E., 1925, № 126).

Луций Антистий Рустик, легат пропретор императора Цезаря Домициана Августа германского предписал: так как дуумвиры и декурионы блистательнейшей колонии Антиохии написали мне, что вследствие суровости зимы сильно возросла цена на хлеб, и просили, чтобы народ был облагодетельствован возможностью покупать продовольствие, [я приказываю], пусть все, кто в колонии Антиохии являются колонами или поселенцами, в течение тридцати дней после того, как будет выставлен этот мой эдикт, объявят в присутствии дуумвиров Антиохийской колонии, сколько каждый и в каком месте имеет хлеба и сколько в зерне или в муке на год он оставляет для своей фамилии, а весь остаток хлеба пусть обратит в продовольствие для покупателей Антиохийской колонии; крайний срок для продажи я устанавливаю до первых календ августа. Если кто-нибудь в чем-либо ослушается, то пусть знает, что за все удержанное в нарушение моего эдикта я буду карать конфискацией. Доносчикам в качестве награды назначается восьмая часть. А так как меня заверили, что до этой упорной по суровости зимы в колонии модий зерна стоил 8 и 9 ассов, и так как было бы чрезвычайно подло наживаться на голоде своих сограждан кому бы то ни было, я запрещаю превышать цену в один денарий за один модий.

Регулирование цен на хлеб и запрещение продавать его сверх установленной цены в законодательном порядке проводилось и подтверждалось многими императорами, см. Dig. I, 12, 1, 11; XLVII, 11,6; XLVIII, 12, 2. Иногда цены на зерно устанавливали сами городские магистраты, принуждая декурионов продавать его по ценам ниже установленных в общем порядке — Dig. XLVIII, 12, 3. Ряд муниципальных надписей свидетельствует о том, что в периоды неурожая и дороговизны отдельные богатые лица закупали хлеб и продавали его городскому племени по низким ценам. Все эти мероприятия имели целью предотвратить голодные бунты городской бедноты.

№ 826

Село Коротное, между Тирасполем и Аккерманом

[Exemplum epistulae ad Tertullum] [Misimus tibi epistulam ad Heraclitum, unde intelleges, quid statuerimus de immunitate, quam Tyrani sibi concessam esse contendunt. Quam licet admittere non soleamus nisi privilegii auct[orit]ate perpensa et origine immunitatis inspecta, quod usur[at]um esse diu qua[qu]a ratione videbatur, cum iusta [moderati]one servavimus, ut neque ipsi cons[uetudi]ne diuturna pellerentur, et in poste[rum] decreta civium adsumendorum consil[iis] praesidis provinciae c. v. perpenderentur].

Exemplum epistulae ad Heraclitum. Quamquam Tyranorum civitas or(i)ginem dati beneficii non ostendat, nec facile, quae per errorem aut licentiam usurpata sunt, praescriptione temporis confirmentur, tamen, quoniam divi Antonini parentis nostri litteras, sed et fratrum imperatorum¹ cogitamus, item Antonii Hiberi gravissimi praesidis, quod attinet ad ipsos Tyranos quique ab iis secundum leges eorum in numerum civium adsumpti sunt, ex pristino more nihil mutari volumus. Retineant igitur quaqua ratione quaesitam sive possessam privilegii causam in promercalibus quoque rebus, quas tamen pristino more professionibus ad discernenda munifica mercimoniorum edendas esse meminerint. Sed cum Illyrici fructum per ambitionem deminui non oporteat, sciant eos, qui posthac fuerint adsumpti fructum immunitatis ita demum habituros, si eos legatus et amicus noster v. c. iure civitatis dignos esse, decreto pronuntiaverit. Quos credimus satis abunde(a) sibi consultum, si grati fuerint, existimaturos, quod origine beneficii non quaesita, dignos honore cives fieri praeceperimus (IOSPE, I², 1916, № 4; CIL, III, 781; Dessau, 423).

Копия письма к Тертуллиу. — Мы послали тебе письмо, адресованное к Гераклиту, из которого ты узнаешь сделанное нами постановление относительно свободы от пошлин, которую присваивают себе Тиряне. Хотя мы обыкновенно допускаем ее не иначе, как по обсуждению оснований *этой* привилегии и по рассмотрении происхождения свободы от пошлин], но в данном случае мы со справедливой снисходительностью сохранили то, что казалось давно вошедшим в употребление на каком бы то ни было основании, как для того, чтобы не лишить их давнишнего обычая, так и для того, чтобы впоследствии постановления о принятии *тех или других лиц* в число граждан были представляемы на благоусмотрение сиятельнейшего правителя провинции.

Копия письма к Гераклиту. — Несмотря на то, что гражданская община Тирян не объясняет происхождения данной ей льготы и что присвоенное неправильно или произвольно не может быть подтверждено давностью времени, однакоже, принимая во внимание грамоты родителя нашего, блаженной памяти Антонина, а также и братьев императоров и почтеннейшего правителя Антония Гиберы, мы, что касается до самих Тирян и тех, которые приняты ими в число граждан по их законам, не желаем никакого изменения прежнего обычая. Посему право на привилегию, на каком бы то ни было основании испрошенное или приобретенное, пусть остается за ними и относительно предметов торговли, с тем однакоже, чтобы они помнили о необходимости заявлять их *надлежащим властям* по прежнему обычаю, для различения товаров, подлежащих оплате пошлиной. Но так как доходы Иллирика не должны уменьшаться вследствие происков, то да будет им известно, что те, которые впоследствии будут принимаемы в число граждан, только в таком случае будут *иметь право* пользоваться свободой от пошлин, если сиятельнейший легат и друг наш *особым* декретом объявит их достойными права гражданства. Мы полагаем, что если они не будут неблагодарными, то оценят всю ве-

личину и важность оказанной им милости, так как мы, не входя в рассмотрение происхождения их льготы, повелели признавать их достойными чести гражданами ².

¹ Антонин и Вер.

² Далее идет письмо Овиния Тертулла на греческом языке. Приводим его в переводе В. В. Латышева:

[*Письмо Тертулла*]. Овиний Тертулл властям, совету и народу Тирян *желает здравствовать*.

Копию благоговейно чтимых посланий, присланных мне от владык наших; непобедимых и благополучнейших императоров, я предпослал моему настоящему письму, дабы вы, узнав божественные к вам щедроты, благодарили их высокою судьбу. Желаю вам здоровья и благополучия на многие лета. — Дано в 13-й день до мартовских календ. Лицона 8-го дня. — Поставлено в консульство Мукиана и Фабиана, в 145-м году, в архонтство П. Элия Кальпурния.

№ 827.

Zarai, Нумидия. 202 г.

Imp. Caes. L. Septimio Severo III et M. Aurelio Antonino Augustis piis cos. lex portus post discussum coh(ortis) instituta.

Lex capitularis: mancipia singula — * IS; equm, equam — * IS; mulum, mulam — * IS; asinum, bovem — S; porcum — HS, porcellu(m) — ч; ovem, caprum — HS, edum, agnu(m) — ч; pecora in nundinium immunia.

Lex vestis peregrinae: abollam cenatoriam — * IS; tunicam ternariam — * IS; fodicem — S; sagum purpurium — * I; cetera vestis Afra in singulas lacinias — S (?).

Lex coriaria: corium perfectu(m) — S; pilos(um) — ч; pella(m) ovella(m), caprina(m) — ч; scordiscum malac(um) p. C — S; rudia p. C — S; glutinis p. X — ч; spongiaru(m) p. X — ч.

Lex portus m[a]xim[a] pequaria: iument(a) immunia: ceteris rebus sicut ad caput; vini amp(oram), gari amp(oram) — Hs; palmae p. C — S; fici p. C. ...vatasiae (?) [m]odios decem, nucis modios dec[em], resina(m), pice(m), alum[e]n in p. C ferr[i]... (CIL, VIII, 4508).

В третье консульство императора Цезаря Луция Септимия Севера и Марка Аврелия Антонина, Августов благочестивых, установлен закон о портовых пошлинах после ухода когорты.

Закон о поголовных [пошлинах]; за каждого раба — $1\frac{1}{4}$ денария; за коня [или] кобылу — $1\frac{1}{4}$ денария; за мула самца [или] самку — $1\frac{1}{4}$ денария; за осла [или] быка — $\frac{1}{2}$ денария; за свинью — сестерций; за поросенка — 1 дупондий; за барана [или] козла — 1 сестерций; за козленка [или] ягненка — 1 дупондий; скот для ярмарок — беспошлинно.

Закон о [пошлинах] на иноземную одежду: за плащ для трапез — $1\frac{1}{4}$ денария; за тройную тунику — $1\frac{1}{4}$ денария; за грубое покрывало — $\frac{1}{2}$ денария; за пурпурный плащ — 1 денарий; за остальные африканские одежды по $\frac{1}{2}$ денария за штучку.

Закон [о пошлинах] на кожу: за выделанную кожу — $\frac{1}{2}$ денария; за кожу с шерстью — дупондий; за овечью [или] козью шкуру — дупондий; за мягкий чепрак за 100 фунтов — $\frac{1}{2}$ денария; за грубые за 100 фунтов — $\frac{1}{2}$ денария; за 10 фунтов клея — дупондий; за 10 фунтов губок — дупондий.

Закон [о пошлинах] на стада скота: вьючный скот — беспошлинно, за остальной [скот], согласно закону о поголовных [пошлинах]. За амфору вина [или] рыбного соуса — 1 сестерций. За 100 фунтов пальмы — $\frac{1}{2}$ денария, за 100 фунтов фиг... за 10 модиев ватасия (?), за 10 модиев орехов, за древесную смолу, перец, битум, за 100 фунтов...

№ 828

Mastar, Нумидия, 212 г.

Nundinae [habe]ntur hic in castello Mastarensi die III kal. Septemb. primarum et die III idum Septembrium [s]ubsequentium et deinceps suo quoque mense ex permissu M. Aureli Comini Cassiani leg. Augg. pr. pr. c. v. (CIL, VIII, 6357; Dessau, 6868).

Здесь в кастелле Мастара торговыми днями считаются третий день первых сентябрьских календ и третий день следующих сентябрьских ид и затем соответственно каждый

месяц с дозволения Марка Аврелия Комина Кассиана, легата пропретора двух Августов, светлейшего мужа.

№ 829

Ain-Kerma, Нумидия

Ex rescripto dei Probi postulante Mun(atio) Flaviano nundinas Emadaucapens[e]s-immun[e]s V kal(endarum) et III iduum celebrandas v(ir) p(erfectissimus) p(raeses) N(umidia) Aur(elius) Diogenes beneficium datum sup[er]cre dignatus e[st] (A. E., 1903, № 243).

Восхитительнейший муж, правитель Нумидии, Аврелий Диоген удостоил выполнить благодеяние, данное по просьбе Мунация Флавиана, согласно рескрипту бога Проба, [а именно,] чтобы в пятые календы и третьи иды имела место Эмадаукапенская ярмарка, освобожденная от торговых пошлин.

№ 830

Ain-Melouk, Африка

Caelesti aeternae Aug. aedem a solo cum proaio et columnis et sedibus Phosphorus-extruxit idemq(ue) dedic(avit) item vicum cui subiacet huic templo [I]on[g]lum [p(edes)?] CCCL cum aedificiis omnibus et columnis et porticibus et arcus III idem fecit et nundinas instituit qui vicus nomine ipsius appellatur (A. E., 1913, № 226).

Целесте, вечной Августе, выстроил заново и посвятил храм с входным портиком, колоннами и сидениями Фосфор, а также улицу длиной в 350 футов, прилегающую к этому храму, со всеми зданиями и колоннами и портиками и сделал еще четыре арки и устроил ярмарку; каковая улица называется его именем.

№ 831

Azis, Мавретания

Antonia L. f. Saturinina vicu et nundina V kal. et V idus sui cuiusque mensis constituit (CIL, VIII, 8280; Dessau, 6869).

Автония, дочь Луция, Сатурнина устроила село и ярмарку за 5 дней до календ и за 5 дней до ид каждого месяца.

№ 832

Cartenna, Мавретания

L. Terentius Crescens, L. V. ...aed(ilicia) p(otestate) mensur(as) olear(ias) a ...impens[is] suis aeq(uaverunt) et dedicaver[unt...] (CIL, VIII, 9666).

Луций Теренций Кресцент [и] Луций В... властью эдилов на свой счет выровняли и посвятили ...меры для масла.

№ 833

Pisaurum, Италия

Ex iniquitatibus mensurarum et ponder(um) L. Septimius Candidus et P. Munacius Celer aed(iles) stateram aerea et pondera decret(o) decurion(um) ponenda curaverunt (CIL, XI, 6375; Dessau, 5613).

Вследствие неточности мер и гирь Луций Септимий Кандид и Публий Мунаций Целер, эдилы, озаботились, согласно декрету декурционов, поставить медные веса и гири.

№ 834

Minturnae, Италия

L. Gellius L. f. Poplicola, C. Caedicius C. f. duovir. ex s. c. pondera et metra exaequarunt, eidem de sua pecunia ponenda curarunt (CIL, X, 6017; Dessau, 5603).

Луций Геллий, сын Луция, Попликола [и] Гай Цедичий, сын Гая, дуумвиры, согласно сенатусконсульту, выровняли гири и меры и озаботились поставить их на свой счет.

№ 835

Compsae, Италия

C. Umbrius Eudrastus Fortunatus IIII vir. mensuras lege civitatis, proprio sumptu (CIL, IX, 980; Dessau, 5604).

Гай Умбрий Евдраст Фортунат, кваттуорвир, [сделал] на свой счет меры, согласно закону города.

№ 836

Albacina, Италия

C. Caesius C. f. Ouf. Silvester p. p. ponderarium s(olo) p(rivato) p(ecunia) s(ua) f(ecit) et charistionem aereum pos. stateram et pondera, quae antea resp. emit, pro quibus

Silvester pec. solvi iussit, mensur. liquarias antea positas a Caesio Prisco in eodem contulit (CIL, XI, 5695; Dessau, 5612).

Гай Цезий, сын Гая, из трибы Овфентины, Сильвестр, примициларий, на частной земле на свой счет сделал палату мер и весов и поставил бронзовые весы с рычагом; весы и гири, которые прежде купил город, за которые Сильвестр приказал заплатить деньги, [и] меры для жидкостей, прежде поставленные Цезием Приском, он перенес туда же.

№ 837

Neapolis, Италия

Надпись на бронзовом модии

Mensurae ad exemplum earum quae in Capitolio sunt auctore sanctissimo Aug. n. ...nobilissimo Caes. per regiones missae cura[nte] D. Simonio Iuliano pra[ef.] urb. c. v. (Dessau, 8627).

Меры, по образцу тех, которые паходятся на Капитолии, по указанию нашего святейшего Августа... благороднейшего Цезаря разосланы по округам под наблюдением Децима Симония Юлиана, префекта города, светлейшего мужа.

№ 838

Roma

Надпись на бронзовом конгии. 73 г.

Imp. Caesare Vespas. VI T. Caes. Aug. f. IIII cos. mensurae exactae in Capitolio p. X (Desau, 8628).

В шестое консульство императора Цезаря Веспасиана и четвертое Тита Цезаря, сына Августа, меры, проверенные на Капитолии. 10 фунтов.

№ 839

Рущук, Мёзия.

Бронзовая гиря с серебряными буквами

X. Legionis primae Italic. Lucius Iulius Lucilianus leg. Aug. leg. I Ital. examinata sig. (CIL, III, 784; Dessau, 8640).

10 [фунтов]. Первого Италийского легиона [гиря]. Луций Юлий Лудилиан, легат Августа I Италийского легиона, проверив, поставил печать.

№ 840

Narbo, Галлия

Q. Acanius Q. f. Rufus ter dictator in iuniliciis (CIL, XII, 4378).

Квинт Аканий, сын Квинта, Руф, трижды начальник июньской ярмарки.

№ 841

Inter Augustum et lacum Lemannum.

Нарбонская Галлия

...in campum hunc pecuarium ve[hiculum?] ne quis induxisse v[e]lit nisi aut [nun]dinarum caussa, a[u]t hospes qui [in] diaeta Asiciana aut [P]aconiana [hospi]taliter vel in lu[c]um ire volet. [Qui] al[i]ter intraverit in singula ve[hicula] d[are] d[amnas] e[sto] denarios? IIII, stercus s[t]ercul[ino] ingerere? debet... [?]imenta] oner[aria]... aedili[s] multabit... re mulionibu[s]... (CIL, XII, 2462).

...в это предназначенное для скота поле да не осмелится никто вводить повозку, если не для торга, или если [это] не гость, который [направляется] в жилище Асициана или для посещения к Паконнану, или хочет направиться в роцку. Кто войдет по-иному, должен заплатить штраф в 4 денария за каждую повозку и должен будет убрать навоз в ров для навоза... вьючный скот... эдил оштрафует ...погонщикам мулов...

№ 842

Roma. 177—180 гг.

Imp. Caesar M. Aurelius Antonius Aug. Germanicus Sarmat. et imp. Caesar L. Aurelius Commodus Aug. Germanicus Sarmatic. hos lapides constitui iusserunt propter controversias, quae inter mercatores et mancipis ortae erant, uti finem demonstrarent vecigali foriculari et ansarii promercalium secundum veterem legem semel dumtaxat exigundo (CIL, VI, 1016; Fontes, I, 83; Dessau, 375).

Император Цезарь Марк Аврелий Антонин Август германский, сарматский и император Цезарь Луций Аврелий Коммод Август германский, сарматский приказали установить эти камни вследствие столкновений, которые возникли между торговцами

и откупщикам, чтобы они указывали границу, где, согласно старому закону, должны быть востребованы транзитные подати и пошлины, не более одного раза за всякий товар.

№ 843

Herculaneum, Италия

Сл. Hosidio Geta L. Vagellio cos.¹ X k. Octobr. s. c. Cum providentia optumi principis tectis quoque urbis nostrae et totius Italiae aeternitati prospexerit, quibus ipse non solum praecepto augustissimo, set etiam exemplo suo prodesset, conveniret[ue] felicitati saeculi instantis pro portione publicorum operum etiam privatorum custodi[a], deberentque apstinere se omnes cruentissimo genere negotiationis ne[c] inimicissimam pacem faciem inducere ruinis domum villarumque, placere: si quis negotiandi causa emisset quod aedificium, ut diruendo plus acquireret quam quanti emisset, tum duplam pecuniam, qua mercatus eam rem esset, in aera[rium] inferri, utiq[ue] de eo nihilo minus ad senatum referretur. Cumque aequae non oportere[t] malo exemplo vendere quam emere, ut venditores quoque coercerentur, qui scientes dolo malo [co]ntra hanc senatus voluntatem vendidissent, placere: tales venditiones inritas fieri. Ceterum testari senatum domini[s nihil] constitui, qui rerum suarum possessores futuri aliquas [partes] earum mutaverint, dum non negotiationis causa id factum [sit]. Censuere. In senatu fuerunt CCCLXXXIII.

[Q.] Volusio P. Cornelio cos.² VI non. Mart. s. c. Quod Q. Volusius, P. Cornelius verba fecerunt de postulatione necessari[orum] Alliatoriae Celsil[iae] q.d.e.r.f.p., d.e.r.i.c.: Cum s. c., quod factum est Hosidio Geta et L. Vagellio cos., clarissimis viris, ante d[iem X] k. Oct. auctore divo Claudio, cautum esset, ne quis domum villamve dirueret, qu[o plus] sibi acquireret, neve quis negotiandi causa eorum quid emeret venderetve. poenaq[ue] in emptorem, qui adversus id s. c. fecisset constituta esset, [ut] qui quid emisset, duplum eius, quanti emisset, in aerarium inferre cogeretur et eius qui vendidisset inrita fieret venditio; de iis autem, qui rerum suarum possessores futuri aliquas partes earum mutassent, dum modo non negotiationis causa mutassent, nihil esset novatum; et necessari Alliatoriae Celsil[iae], uxoris Atilii Luperци ornatissimi viri, exposuissent huic ordini, patrem eius Alliatorium Celsum emisse fundos cum aedificiis in regione Mu[t]i[n]e[n]si, qui vocarentur campi Macri, in quibus locis mercatus a[gl]i superioribus solitus esset temporibus, iam per aliquod annos desisset haberi, eaque aedificia longa vetustate dilaberentur neque resecta usui essent futura, quia neque habitaret in iis quisquam nec vellet in deserta [a]c ruentia commigrare: ne quid fraudi multae poenaq[ue] esset Celsil[iae], si ea aedificia, de quibus in hoc ordine actum esset, aut demolita fuissent, aut ea condi[c]ione sive per se sive cum agris vendidisset, ut emptori sine fraude sua ea destruere tollereque liceret. In futurum autem admonendos ceteros esse, ut apstinerent se a tam foedo genere negotiationis, hoc praecipue saeculo, quo excitari nova et ornari universa, quibus felicitas orbis terrarum splenderet, magis conveniret, quam ruinis aedificiorum ullam partem deform[are] italiae et adhuc retinere priorum temporum [incuriam, quae universa affecisset] ita ut diceretur senectute ac tum[ulo iam rem Romanam perire]. Censuere. In sennatu... (CIL, X, 1401; Dessau, 6043).

Сенатусконсульт, [принятый] в консульство Гнея Госидия Геты и Луция Вагеллия за 10 дней до календ октября.

Так как предусмотрительность наилучшего принцепса одновременно заботилась о зданиях нашего города и о вечности всей Италии, которым он сам приходил на помощь не только по августейшему предписанию, но также и по личному примеру, и так как в соответствии с благодеянием наступающего века подобало охранять в должной мере как общественные, так и частные строения и все должны были воздержаться от хищного рода торговли и развалинами домов и вилл не создавать во время мира видимости жестокой вражды, постановлено: если кто-либо с целью торговли купит какое-нибудь здание, чтобы, разрушив его, приобрести больше, чем за сколько он купил, то он должен внести в казну вдвое больше денег, чем те, за которые он это имущество купил, и вместе с тем о нем непременно следует донести сенату; и так как равным образом не подобает также недолжным образом продавать, как и покупать, дабы были наказаны и продавцы, которые продали, зная о мошенничестве, совершаемом в обход этой воли сената, постановлено, чтобы эти продажи считались недействительными. Кроме того,

не должно обращаться к свидетельству сената господам, которые, как будущие владельцы своего имущества, изменят в нем какие-нибудь части, поскольку это сделано не с целью продажи. Утверждено. В сенате были 383 [члена].

Сенатусконсулт, [принятый] в консульство Квинта Волузия и Публия Корнелия за 6 дней до нон марта по докладу Квинта Волузия и Публия Корнелия о ходатайстве родственников Аллиатории Цельсиллы; так постановлено, что следует предпринять по этому делу: сенатусконсулт, который был принят в консульство Госидия Геты и Луция Вагеллия, светлейших мужей, за 10 дней до календ октября, по инициативе божественного Клавдия, предостерегает, чтобы никто не разрушал дом или виллу, тем более, если он [их] себе приобрел, и чтобы никто с целью торговли что-либо из этого не покупал и не продавал, и установлено наказание для тех, кто сделает что-либо в нарушение этого сенатусконсульта, [а именно], чтобы тот, кто что-нибудь купит, был принужден внести в казну вдвое против того, за сколько купил, и чтобы считать недействительной продажу того, кто продаст; относительно же тех, кто, как будущие владельцы своего имущества, изменят в нем какие-нибудь части, если они изменят их не с целью торговли, ничего нового не установлено; и родственники Аллиатории Цельсиллы, жены Атилия Луперка, достойнейшего мужа, доложили этому собранию, что ее отец, Аллиаторий Цельс, купил имения с постройками в районе Мутины, именуемые полями Макра, в каких-то местах он в прежние времена обычно производил торг, но в течение нескольких лет перестал, и эти здания разрушились от старости и после ремонта не будут в пользовании, так как никто не жил в них и никто не хочет перебираться в пустынные и разрушающиеся [здания]. Пусть же Цельсилле не будет причинена несправедливость наложением штрафа или наказания, если эти здания, о которых шла речь в этом собрании, будут разрушены, или если она продаст их самих по себе или с полями на том условии, чтобы покупателю было дозволено без обмана разрушить их или уничтожить. Однако на будущее время следует напомнить остальным, чтобы они воздержались от такого постыдного рода торговли, особенно в наступающем веке, когда гораздо более подобает возводить новые [здания] и украшать все, которыми блистает счастье земного круга, чем развалинами зданий обезображивать какую-либо часть Италии и доныне сохранять небрежность прежних времен, которая наносила вред всему, так что казалось будто римское государство гибнет от старости и смерти. Утверждено. В сенате...

¹ 44/6 г.

² 56 г.

№ 844

Frisia, Германия. 29 или 116 г.

Gargilius Secundus n(ummis) CXV a S[t]el[o] Reperii Beeoso vila Lopctei rite uti l(icet) bovem emi teste Cesdio c(enturion)i leg. V Muto Admeto c(enturion)i leg. I R(edhibitio) i(us) c(ivile) a(besto). Emtum C. Fuufio Cn. Minicio cos. V. [I]d(us) S(eptembris). R[ebus] p(raestari) r(ecte) Lilus Duerretus vet(eranus) T. Cesdium T. f. leg. V N. Iunnius Marci f. Ti. Leivus Erepus leg. V Numeri f. Caius Ti. f. Secundus. V(enditoris) ipsius (Fontes, III, 137).

Я, Гаргилий Секунд, за 115 сестерциев купил у Стела Бееоса, сына Риперия, из виллы Лопеты, по обычаю, как полагается, быка при свидетелях Цесдия, центурионе V легиона, [и] Муте Адмете, центурионе I легиона. Возвращение купленного по гражданскому праву да не будет дозволено. Покупка произведена в консульство Гая Фуфия и Гнея Миниция за 5 дней до ид сентября. Правильность засвидетельствовали Лил Дуррет, ветеран, Тит Цесдий, сын Тита, из V легиона, Нумерий Юний, сын Марка, Тиберий Лиев Эреп из V легиона, сын Нумерия, Гай, сын Тиберия, Секунд — со стороны продавца.

Rompreii, Италия. Надписи на деревянных диптихах, покрытых воском

№ 845

15 г., 28 мая

HS n. DXX ob mulum venditum [M.] Pomponio M. I. Niconi quam pecuniam in stipulatum L. Caecili Felicis redegisce dicitur M. Cerrinius Euprates. Eam pecuniam om-

nem, quae supra scripta est, [n]umeratam dixit se [a]ccepisse M. Cerrinius M. l. [E]uphrates ab Philadelpho [C]aecili Felicis ser(vo). Actum Pompeis V k. Iunias Druso Caesare C. Norbano Flacco cos. (CIL, IV, 3340, I; Fontes, III, 128a).

700 сестерциев за мула, проданного Марку Помпонию Никону, отпущеннику Марка, каковые деньги, как засвидетельствовано, внес в обязательство Луция Цецилия Феликса Марк Церриний Евфрат. Все эти деньги, о которых написано выше, наличными получил, по его словам, Марк Церриний Евфрат, отпущенник Марка, от Филадельфа, раба Цецилия Феликса. Составлено в Помпеях за 5 дней до календ июня, в консульстве Друза Цезаря и Гая Норбана Флакка.

№ 846

27 г., 27 ноября

HS n. ∞ CCC... quae [p]ecu[n]ia in stipulatum] L. Caecili Iucundi [veni]t [o]b [a]uctionem] M. Allei Carpi in idus D[e]cembr(es) pr[imas] mercede minus n[umerata] habere se] dixit M. Alleius Carpus ab L. Caeci[lio Iucundo]. Act(um) Pomp(eis) V k. Dec. [L]. Calpurn[i]o M. Licinio [cos.] (CIL, IV, 3340, II, Fontes, III, 128b).

1300 сестерциев, каковые деньги входят в обязательство Луция Цецилия Юкунда за публичную распродажу имущества Марка Аллея Карпа в первые иды декабря. Марк Аллей Карп сказал, что получил наличными [эти деньги] за вычетом вознаграждения [за производство распродажи] от Луция Цецилия Юкунда. Составлено в Помпеях за 5 дней до календ декабря в консульство Луция Кальпурния и Марка Лициния.

№ 847

54 г., 10 мая

HS n. ∞ C ∞ LXXXV, quae pecunia in stipulatu(m) venit L. Caeci(li)Iucundi ob auctionem buxiaria(m) C. Iuli Onesimi in idus Iulias primas mercede minus numeratos. accepisse dixit C. Iulius Onesimus ab M. Fabio Agathino nomine L. Caecili Iucundi. Actum Pompeis VI idus Maias M. Acilio Aviola M. Asinio Marcello cos. (CIL, IV, 3340, V; Fontes, III, 128 c).

1985 сестерциев, каковые деньги входят в обязательство Луция Цецилия Юкунда за публичную распродажу самшита Гая Юлия Онесима в первые иды июля. Гай Юлий Онесим сказал, что получил наличными [эти деньги] за вычетом вознаграждения [за производство распродажи] от Марка Фабия Агатина от имени Луция Цецилия Юкунда. Составлено в Помпеях за 6 дней до ид мая в консульство Марка Ацилия Авиолы и Марка Азиния Марцелла.

№ 848

55 г., 22 января

HS n. «f) «f) «f)» ∞ ∞ ∞ LXXVIII quae pecunia in stipulatum L. Caecili Iucundi venit ob auction(em) M. Lucreti Leri [mer]cede quinquagesima minu[s] numerata habere se dixit M. Lucretius Ler[us] ab L. Caecilio Iucundo. Act. Pompeis XI k. Febr. Nerone Caesare L. Antistio cos. (CIL, IV, 3340, X).

38079 сестерциев, каковые деньги входят в обязательство Луция Цецилия Юкунда за публичную распродажу имущества Марка Лукреция Лера. Марк Лукреций Лер сказал, что получил наличными [эти деньги], за вычетом вознаграждения в размере 2% [за производство распродажи] от Луция Цецилия Юкунда. Составлено в Помпеях за 11 дней до календ февраля, в консульство Нерона Цезаря и Луция Антистия.

№ 849

56 г., 24 июня

Q. Volusio Saturnino P. Cornelio Scipione cos. [VIII] kal. Iulias [M. Alle]i]us Carpus scripsi me a[cc]ep[is]se ab L. Caecilio [Iucundo] HS ∞ CCCXCVI ob auctionem me(am) sup stipulatu eius actum Pomp(eis) (CIL, IV, 3340, XXI).

В консульство Квинта Волузия Сатурнина и Публия Корнелия Сципиона, за 8 дней до календ июля я, Марк Аллей Карп, написал, что я получил у Луция Цецилия Юкунда 1386 сестерциев за публичную распродажу моего имущества по его обязательству. Составлено в Помпеях.

№ 850

56 г., 10 декабря

L. Duvio Avito P. Clodio cos. III idus Decembr. M. Helvius Catullus scripsi rogatu Umbriciae Antiochidis eam accepisse ab L. Caecilio Iucundo HS VI (milia) CCLVII.

nummos ab auctionem Trophimi servi eius mercede minus. Act. [Pom]peis. (CIL, IV, 3340, XXIV; Fontes, III, 130e).

В консульство Луция Дувия Авита и Публия Клодия, за 4 дня до ид декабря Марк Гельвий Кагулл написал по просьбе Умбриция Антиохиды, что она получила от Луция Цецилия Юкунда 6257 сестерциев за публичную распродажу имущества своего раба Трофима, за вычетом вознаграждения [за производство распродажи]. Составлено в Помпеях.

№ 851

Perscriptio [L. Corne]l]lio Ma[xs(imo)].

HS n. V (milia)CCC, quae pecunia in stipulatum L. Caecili Iucundi venit ob manc[i]pia duo veterana ¹ vendita r(atione) hereditaria L. Corneli [Tert]i soluta habere se [disxit] L. Cornelius Maximus ab L. Caecilio Iucundo (CIL, IV, 3340, XLIX; Fontes, III, 128d).

Расписка, [данная] Луцием Корнелием Максимом.

5300 сестерциев, каковые деньги входят в обязательство Луция Цецилия Юкунда за двух давнишних рабов, проданных из наследственного имущества Луция Корнелия Терция; по словам Луция Корнелия Максима, он получил выплаченными у Луция Цецилия Юкунда.

¹ По Ульпиану, раб мог считаться давнишним (veterator или veteranus) и новичком (novicius). Однако давнишним раба делал не срок пребывания в рабстве, а то, как он использовался и что собой представлял. Если только что купленный как новичок раб назначался на должность начальника, он попадал в разряд давнишних рабов. Давнишними считались рабы, обученные свободным искусствам; продавцам запрещалось выдавать давнишних рабов за новичков, так как последних покупали охотнее. Считалось, что «неотесанные» рабы проще, покорнее и более пригодны к службе (Dig., XXI, 1, 37 и 65).

№ 852 *

...L. Iunio cos. VI k. Septembres P. Alfenus Varus trecenarius ¹ Augussti scri[ps]i me accepisse ab L. Caecilio Iucundo HS viginti quinque (milia) quadringentos triginta nove(m) nummo[s] ex auctione venaliciaria P. Alfeni Pollionis de (curionis) N. Epri Niciae pro parte eius quam stipulatus est ex delegatu eorum. Actum Iulianis cos. sta[t]i[o]ne Nucherina (Следуют подписи). (CIL, IV, 3340, XLIV).

В консульство... и Луция Юния за 6 дней до календ сентября, я, Публий Алфен Вар, треченарий Августа, написал, что я получил у Луция Цецилия Юкунда 25 439 сестерциев за публичную распродажу рабов Публия Алфена Поллиона, декуриона, [и] Нумерия Эприя Никия; [эти деньги составляют] его часть обязательства, принятого по их поручению. Составлено в консульство Юлианов в квартале Нукерине.

¹ Треченариями назывались прокураторы и другие должностные лица императоров, получавшие оклад в 300 000 сестерциев в год.

№ 853

Pompeii, 61 г.

Poppaea Prisci liberta Note iuravit pueros Simplicem et Petrinum, sive ea manc[i]pia alis nominib[us] sunt, sua esse seque possidere, neque ea manc[i]pia ali ulli obligata esse neque sibi cum ul(l)o com[munia] esse, eaque manc[i]pia singula sestertis num[mis] singulis Dicia Margaris emit ob seste[r]tios n. ∞ LD et] manc[i]pio accepit de Popp(a)ea Prisc[i] liberta Note] tutore auctore D. Caprasio A[mpliato] libripende in si[ngu]la P. C.... [an]testata est in singula ...[Dicia Margaris cum] Popp(a)ea Prisci lib[erta] Note pactum fecit in hunc modum:] uti ea manc[i]pia... quae Poppaea Prisci liberta Note mihi ven]did[it], ita ei restituantur, ut antea pecunia] m[u]lt[ua] pro duob[us] manc[i]piis q[ui]bus] d(e) a(gitur) o[mn]is mihi (h)ere]dive meo solvatur vel ad me ut rede]lat usu ve[ni]at. Si ea pecu[n]ia omnis mihi heredive meo] k. Novem(br.) primis solu]ta non erit, ut mihi heredive meo liceat] ea manc[i]pia q. d. a. i]dibus D[ecembr.] primis pecunia praesenti] Pompeis in foro luce pala[m] vendere, neve] tibi eg[o] neve heres me[us] teneamur

propterea, si mi[nus in]de dolo malo ea ve[nditione] redactum esse pu[tatur. Si quo mi-
noris e[st] mancipia [q. d. a.] venier[unt, deducto pretio in sortis vic]em d[e]bebun[t]u[m]
mihi heredi[ve] meo quae reliqua erunt. Quod si pluris] ea mancipia q. d. a. veni[erunt],
id quod superfluum erit, reddetur tibi h[ereditive] tuo... ea pecunia... Utique ea man-
cipia sumtu, in[]p[er]ensa, peri[culo tuo] ex hinc sint] id mihi tecum convenit u[bi]... Didi]a
Margaris, Popp(a)ea [P]risci lib[er]ta Note, tuto[r] auctor D. Caprasius Ampliatus].
Supra h(a)ec inter eas conveneru[n]t, quae separatim pactae] inter se sunt. Ac[t]. Pompeis
IX k... L. Iunio Caesennio [Pacto] P. Calvisio Rusone cos. (CIL, IV, 3340, CLV).

Поппея Нота, отпущенница Приска, поклялась, что мальчики Симплик и Петрин, или если эти рабы именуется по-иному, принадлежат ей и она [ими] владеет и что эти рабы никому другому не заложены и что она не владеет ими с кем-либо совместно и что этих рабов, заплатив за каждого деньги поодиночке, купила Дицидия Маргарита за 1450 сестерциев и приобрела их в собственность у Поппеи Ноты, отпущенницы Приска, через посредство ее опекуна Децима Капразия Амплиата. Либринендом [при продаже] каждого [раба] был Публий ... свидетелем был [при продаже] каждого [раба]... Дицидия Маргарита с Поппеей Нотой, отпущенницей Приска, заключила договор таким образом: чтобы эти рабы... которых Поппея Нота, отпущенница Приска, мне продала, были бы ей возвращены таким образом, чтобы предварительно она мне или моему наследнику выплатила все должные деньги за двух рабов, о которых идет речь, или чтобы вернула их мне. Если все эти деньги не будут выплачены мне или моему наследнику к первым календам ноября, пусть будет дозволено мне или моему наследнику продать этих рабов, о которых идет речь, в первые декабрьские иды публично на форуме Помпей за наличный расчет, и пусть ни я, ни мой наследник вследствие этого не будут привлечены тобой к ответственности, если только затем не возникнет подозрение, что [рабы мне] возвращены посредством этой продажи путем обмана. Если эти рабы, о которых идет речь, будут проданы на сколько-нибудь дешевле, то после вычета [их] цены то, что останется, будет должно мне или моему наследнику, как если бы это была ссуда.

Если эти рабы, о которых идет речь, будут проданы дороже, то излишек пусть будет возвращен тебе или твоему наследнику... эти деньги...

II, согласно нашему договору, пусть с настоящего времени ты несешь расходы, затраты, ответственность за этих рабов... Дицидия Маргарита, Поппея Нота, отпущенница Приска, опекун посредник Децим Капразий Амплиат.

Кроме того, между ними договорено о том, о чем был заключен договор сепаратно. Составлено в Помпеях за 11 дней до календ... в консульство Луция Юния Цезенния Пета и Публия Кальвизия Рузона.

По мнению Моммзена это был договор о воображаемой продаже рабов, данных в залог выплаты взятых займа денег.

№ 854

Roma

T. Flavius Syntrophus, priusquam hortulos Epagathianos Dadu[chianos...] cum aedificio et vineis maceria clusis ita uti instructi sunt, qui sunt via Labic[ana inter miliarium II et III] euntibus ab urbe parte laeva ad viam, Aithale liberto suo mancipio daret, test[at]us est se in hanc condicione[m] mancipare, ut infra scriptum est.

Si tibi hortos Epagathianos Dad[uchianos...], qu[od] (ibus) d(e) a(gitur), q(ui) s(upra) s(crupti) s(unt), mancipio dederо vacuamque possessionem tradiderо, tum per te no[n] fieri factumve iri neque] per heredem tuum eumve, ad quem ea res q. d. a. pertinet pertinebit, quo minus ii ho[rti] aedificiumve sit com[m]une tibi cum conlibertis tuis utriusque sexus, qui a me testamento codicillisv[e] honorati erunt, cumque iis fru[ar]is, parique portione inter vos reditum eius custodiatis ita, ut die parentali [meo, item XI k. Apr. die viola]tionis, item XII k. Iunias die rosationis, item III k. Ianuar. die natali meo cu[m] mortuus ero, tum ut] quisque vestrum vivet, quive ex vobis geniti erunt, aut a quo vestrum quis ma[n]numissus erit, ad quem unum] pluresve portio similiter huius loci aedificiive pertinebit, id ex formula su[pra] scripta dividatis et si quis] ibi inhabitare voluerit ex communi omnium consensu maiorisve partis [eorum qui vivent id ei liceat]: quae au-

tem membra aedificii vacabunt, in reditu sint ita, ut huic volunta[ti parentes, deducta summa] impensae et quod ad tutelam aedificii opus erit, quod reliquum erit, inter v[os dividatis, et sic horti cum aedi]ficis instrumentoque omni, quod die mortis meae ibi habuero, usui vestro [deserviant quamdiu vivetis]: quive ex vobis novissimus morietur eodem modo testamento suo [caveat ut horti s. s. per eos q. s. s. s., quive] ex iis prognati erint, aequaliter in familia<m> nominis mei permanea[nt eodemque semper iure sint. Et] ab hac re promissioneque dolus malus cuius vestrum, de quibus agitur, a[bsit. Si adversus ea f(actum) erit, q(uanti) e(a) r(es) e(rit)], tantam pecuniam dari, et amplius poenae nomine hs L m(ilia) n(ummum) stipulatu[s est T. Flavius Syntrophus], spondit T. Flavius Aithales libertus.

Tum hortulos cum aedificio e[lt vineis maceria clusis, ita ut] empti sunt, et quae postea iis accesserunt, mancipio accepit T. Flavius Aitha[les de T. Flavio Syntropho hs. n(ummo) 1] libripende Ti. Claudio Phileto, antestatus est T. Flavium Theopom[pum].

Et in vacuam possessionem horto]rum, q.s.s.s.ex causa supra scripta ire aut mittere iussit T. Flavius Sy[ntrophus T. Flavium Aithalem, seque] inde excessisse desisseque possidere <que> dixit, salva volu[ntate si qua ossa deinceps supra dictis] hortis inferri consecrative voluerit.

Act(um) III [...] s [Mart...cos.] M. Clodi Saturnini, A. Cascelli Doryphori, T. Flavi Pii, T. St. [...T.Flavi Theopompi], Ti. Claudi Phile[ti] (Fontes, III, 94; CIL, VI, 10239).

Тит Флавий Синтроп, прежде чем он продал Айталу, своему отпущеннику, Эпагатовы Дадуховы сады... со строением и виноградниками, обнесенными забором, такими, какими они были оборудованы, которые находятся на Лабиканской дороге, между вторым и третьим верстовым столбом, если идти из города слева к дороге, засвидетельствовал, что он продает на таком условии, как написано ниже.

Если я тебе продам Эпагатовы Дадуховы сады... о которых идет речь [и] которые обозначены выше, и передам незанятое владение, то тогда ни тобой, ни твоим наследником и ни тем, кому это имущество, о котором идет речь, принадлежит или будет принадлежать, не должно быть ни теперь, ни впредь сделано что-либо такое, из-за чего эти сады и строения не будут в общей собственности у тебя с твоими соотпущенниками обоого пола, которые будут почтены мной в завещании или добавлениях к завещанию. И пусть ты вместе с ними пользуешься [этим имуществом] и вы сохраняете среди вас равные части дохода с него с тем, чтобы в мой день поминовения, а также за 11 дней до календ апреля, день, когда [гробницы] украшают венками из фиалок, также за 12 дней до календ июня, день, когда [гробницы] осыпают розами, также за 10 дней до календ января, день моего рождения, когда я умру, [и] чтобы тогда каждый из вас, кто будет в живых, или те, кто от вас родятся, или кто кем-нибудь из вас будет отпущен на свободу, и кому, таким образом, будут принадлежать одна или несколько частей этого участка и строения, разделяли [доход] согласно вышенаписанному правилу. И если кто-нибудь захочет там жить, это ему пусть будет дозволено со всеобщего согласия или [согласия] большей части тех, кто будет в живых. Те же помещения, строения, которые будут пустовать, пусть, таким образом, приносят доход, чтобы вы, покорные этой воле, вычтя сумму затраты и то, что было необходимо для охраны строения, то что осталось, разделили между собой, и таким образом сады со строением и всем инвентарем, который я буду иметь там в день моей смерти, будут служить вам на пользу, пока вы живете. И кто из вас последним умрет, пусть таким же образом предупредит в своем завещании, чтобы вышеупомянутые сады при посредстве тех, о которых написано выше, или кто будет от них рожден, равным образом оставались в фамилии, носящей мое имя, и всегда на том же праве. И да не будет в этом деле и обещании обмана кого-либо из ваших, о которых идет речь. Если будет сделано в нарушение этого, то Тит Флавий Синтроп обязался дать столько денег, сколько это будет стоить, и сверх того в виде штрафа 50 000 сестерциев. Поручился Тит Флавий Айтал, отпущенник.

Тогда Тит Флавий Айтал купил у Тита Флавия Синтропа за один сестерций сады со строением и виноградниками, обнесенными забором, и с тем, что впоследствии будет прибавлено. Либрипедом был Тит Клавдий Филет, свидетель Тит Флавий Теопомп.

Тит Флавий Синтроп приказал Титу Флавию Айталу лично войти или послать для ввода во владение незанятыми садами, о которых написано выше, по выше писанному делу, и сказал, что сам он их оставляет и отказывается от владения, сохранив право, если он пожелает, впоследствии внести и предать погребению в этих садах какие-нибудь останки.

Составлено за 3 дня до ...марта в консульство... в присутствии Марка Клодия Сатурнина, Авла Касцелла Дорифора, Тита Флавия Пия, Тита Ст..., Тита Флавия Теопомпа, Тиберия Клавдия Филета.

№ 855 * Табличка, найденная в Трансильвании. Дакия, 159 г., 6 мая

Andueia Batonis emit manci[pio]que accepit] domus partem dimidiam, intrantibus partem [dex]tram, qu[od] e est Alb[urno] Maiori vico Pirustarum in [t]er[ra] ad [fines]... Platorum Acceptianum et Ingenum Callisti* trecentis de Veturi[o Valente]. Eam domus partem dimidiam, q[ua] d[e] a[gitur], cum su[is] saepibus saepimentis finibus aditibus claustris fenestris, ita uti clao fixsa et optima maximaque est <Andueia Batonis>, h[abere] r[ecte] l[iceat]. [E]t si quis eam domum partemve quam quis [e]x [ea] vicerit, q[ua] m[inus] Andueia Batonis s[ive] a[d] q[ua]m e[a] r[es] p[er]tinebit h[abere] p[ossidere] u[su] c[apere] r[ecte] l[iceat] <tum quantum id erit> qu[od] ita licitum n[on] erit, t[antam] p[ecuniam] r[ecte] d[ari] f[ide] r[ogavit] Andueia Batonis <dari>, fide promisit Veturius Valens. Proque ea do[mus] partem dimidiam pretium * CCC Veturius Valens a[b] A[n]dulcia Ba[tonis] accepiss[e] et <h>ab[er]e se dixit]. Convenitq[ue] inter [e]os [uti] Veturius Valens pro ea] domo tributa usque ad recensum dep[on]dat]. Act[um] Alb[urno] Maiori prid. Nonas Maias Quintillo et Prisco cos. (Далее следуют подписи свидетелей.) (CIL, III, № VIII, стр. 945 слл.; Fontes, III, 90).

Андуейя, дочь Батона, купила и получила в собственность у Ветурия Валента за 300 денариев половину дома, от входа правую; [дом] находится в Большем Альбурне в селе Пирустов между соседями Платором Акцептианом и Ингеном, сыном Каллиста. Она может законно владеть этой половиной дома, о которой идет речь, с относящимися к ней заборами, запорами, границами, входами, замками, окнами как зафиксировано оговоркой, и с полным правом. И если кто-нибудь предъявит претензию на этот дом или какую-либо его часть, чтобы Андуейя, дочь Батона, или тот, кому это имущество будет принадлежать, не могли законным образом [им] владеть, обладать и пользоваться, дабы это не было дозволено, Андуейя, дочь Батона, потребовала дать законную сумму в качестве гарантии. Ветурий Валент обязался. Ветурий Валент сказал, что за эту половину дома получил у Андуейи, дочери Батона, цену в 300 денариев и что он [ее] имеет и между ними договорено, что Ветурий Валент будет до нового ценза вносить налог за этот дом. Составлено в Большем Альбурне накануне нон мая в консульство Квинтилла и Приска.

№ 856

Roma. Время Адриана

...[Iulius] Aelianus ius scholae tetrastyli... Aug., quo conveniretur a negotiantibus... eboraris dedit... [Item] placere ut si alius quam negotiator eborarius aut citriarius [p]er [fr]audem curatorum in hoc collegium adlectus esset, uti curatores eius [cau]sa ex albo raderentur ab ordine. Debent utique curatores de eo [qu]em adlecturi fuerint ante ad quinq[ue]nnales reffe[rre]. [Placere] item, uti k. Ian. strenua(m)* V ex arca n[on] ostra a curatoribus n[on]o III sui cuiusq[ue] [anni et m]ustacium et palma et carica et pir[a]... osch... [darentur. Item] VIII[I k.] Febr. [natali] Ha[driani] Aug. sportulae darentur * V, et a curatorib. praestari p[ro] [a]c[uit]... [pan(em) et] vin[um] et] caldam passive iis, qui ad tetrastylum epulati fuerint. [Item... natali] Iuli Aeliani sportulae ex arca darentur * III et a curatoribus [pan(em) et] vinum et caldam pass[ive] praestari placuit iis qui ad tetrastylum epulati [fuerint, item... natali] Iuli Flacci filii sportulae ex arca darentur * III et a curatorib. [panem et] vinum et caldam pass[ive] praestari placuit iis qui ad tetrastylum epulati fuerint. [Item uti]... sport[ulae] ex arc[a] darentur * III pan(em) et vin[um] et cald[am] passive iis [qui ad tetrastylum epulati] fuerint. Item placere uti cena rec[ita] III idus Aug. die imperi [Hadriani Aug.] ... sport. darentur a curat. n[on]o III sui cuiusq[ue] anni. [Item place] e]... a*... omnibus annis divideretur. Item [curatores

quaterni singulis] annis fierent ex albo per ordinem. Item placere [qui curatores facti erunt u]t sui anni commoda cuncta acciperent: [singulis annis k... quod supere]sset in arca corporis curatores dividerent aequis [portionibus, aut si quid tardius] inferrent centesim(is) datis a curatorib. sing(ulis) [mensibus]... Item placere uti adlecti... ne eodem anno praestarent [et pariter sump]tus ab utrisq(ue) erogentur... Item placere [uti quisquis adlectus e]sset, inferet arcae * ... (CIL, VI, 33885; Dessau, 7214; Fontes, III, 33).

...Юлий Элиан дал устав четырехколонной школы... с одобрения продавцов...слоновой кости... Также постановлено, чтобы, если кто-либо иной, чем продавец слоновой кости или эбенового дерева, будет вследствие обмана кураторов принят в эту коллегию, совет [коллегии] за это вычеркнул кураторов из списка [членов коллегии]. И пусть кураторы будут обязаны о том, кого будут принимать, предварительно доложить квинквентуалу. Постановлено также, чтобы в календы января кураторами каждого года в числе четырех в качестве новогоднего подарка 5 денариев из нашей казны, пироги и пальмы и фиги и грушевый напиток... также чтобы за 9 дней до календ февраля в день рождения Адриана Августа раздавались в подарок по 5 денариев и чтобы кураторами предоставлялись хлеб, вино и горячие напитки всем тем, кто будет пировать в тетрастиле. Также... в день рождения Юлия Элиана пусть будут розданы в подарок по 3 денария из казны и пусть кураторами будут предоставлены хлеб, вино и горячие напитки всем тем, кто будет пировать в тетрастиле... также в день рождения сына Юлия Флакка пусть будут розданы в подарок по 3 денария из казны и пусть кураторами будут предоставлены хлеб, вино и горячие напитки всем тем, кто будет пировать в тетрастиле... также... пусть будут розданы в подарок по 3 денария из казны и хлеб и вино и горячие напитки всем тем, кто будет пировать в тетрастиле. Также постановлено, пусть за 3 дня до ид августа, в день, когда стал императором Адриан Август, настоящий обед... и пусть будут розданы подарки кураторами каждого года в числе четырех. Также постановлено...каждый год делились...денария. Также на каждый год совет по списку [коллегии] пусть назначает по четыре куратора. Также постановлено, чтобы те, кто будут назначены кураторами, в свой год получали все вознаграждение: на каждый год в календы...то, что останется в казне объединения, пусть кураторы разделят на равные части, или если что-нибудь внесет позже, дав проценты кураторами на каждый месяц... также постановлено, чтобы принятые... не представляли в тот же год...пусть будет востребована затраченная сумма у обоих ...также постановлено, чтобы тот, кто будет принят [в коллегию], внес в казну ...денариев...

Об организации и деятельности купеческих коллегий дает представление относящийся к 47 г. найденный в Египте устав солеторговцев, написанный по-гречески (Fontes, III, № 46). Даем в качестве дополнения его перевод.

«В седьмой год [правления] Тиберия Клавдия Цезаря Германика, императора, в 25-й день месяца Цезаря. Нижепоменованные мужи, торговцы солью, проживающие в Тебтунисе, собравшись по общему решению, сочли нужным сделать одного из их числа магистратом и его же общественным наблюдателем и контролером на ближайший год, восьмой год [правления] Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика, и избрать на эту почетную должность Апинха, сына Орсефта, дабы этот Апинх в ближайший год исполнял все необходимое для общества вследствие занимаемой им должности, и вместе продавать соль в вышеназванном селе Тебтунисе. А также голосованием избран Орсефт, чтобы он один продавал гипс в вышеназванном селе Тебтунисе и в ближайших селах, вследствие чего пусть он отсчитывает, кроме общественной части, находящейся под его наблюдением, еще другие 56 серебряных драхм. А также этот же Орсефт избран голосованием, чтобы вести дела с селом Керкесом, чтобы он один там продавал соль, вследствие чего пусть равным образом отсчитывает, кроме вышеуказанной суммы, еще другие 8 серебряных драхм. Также голосованием избран Гермий, именуемый также Беллом, сыном Гермия, чтобы он один торговал солью и гипсом в селе Тритоме, именуемом также Буколом, вследствие чего пусть он отсчитывает кроме общественной части, находящейся под его наблюдением, еще другие 8 серебряных драхм. Кроме того, пусть он

продает хорошую соль по 2¹/₂ оболы, худшую по 2 оболы и еще худшую по 1¹/₂ оболы, пользуюсь нашими мерами или мерами общественных амбаров, если же кто-нибудь будет продавать по меньшей цене, то он должен, в виде штрафа, внести в казну коллегии 8 серебряных драхм и столько же в государственную казну. Если кто-нибудь из их числа будет уличен в том, что продал торговцу больше, чем статер соли, то в виде штрафа он должен внести 8 серебряных драхм и столько же в государственную казну. Если торговец будет намерен купить больше, чем на 4 драхмы, то тогда обязательно ему будут продавать все сообща. Наконец, если кто-нибудь будет ввозить гипс, чтобы продать его вне вышеназванных сел, то он должен обязательно сложить его на складах Орсевта, сына Гермия, пока не заберет его, чтобы продать в чужих местах. Кроме того, в 25-й день каждого месяца они будут пить одну амфору... Если в самом селе Тебтунисе, пусть будет оштрафован на одну драхму, если вне села — на 4 драхмы, если в метрополии — на 8 драхм. Если кто-нибудь не выполнит договора и не заплатит чего-либо причитающегося государству, или из вышеустановленного, то выше названный Апинх имеет право наложить на него руку на рынке, или дома, или в поле, и передать его страже».

№ 857

Mediomatrici, Галлия. 20 г.

Tib. Cae[sar] divi Aug. f(ilio) divi Iuli n(epoti) Aug(usto) pontif(ici) max(im)o cos. III imp. VIII trib pot[est]. XXII [n]leg(octiatores) [q]ui co(n)sistunt) vico. (CIL, XIII, 4481).

Тиберию Цезарю, сыну божественного Августа, внуку божественного Юлия, Августу, великому понтифику, консулу в третий раз, провозглашенному императором в восьмой раз, наделенному трибунской властью в двадцать второй раз, торговцы, проживающие в селе...

№ 858

Prymnessus, Азия

L. [A]rru[n]t[i]o L. f. S[criboniano] Pompei Magni a[bn]epoti] Ani. praef. urb. au[g]... Prymness. et c. R. [qui ibi nego]tiantur cura[m agente] C. Caecillio L. f. M... (CIL, III, 7043; Dessau, 976).

Луцию Аррунцию, сыну Луция, Скрибоняну, правнуку Помпея Великого из Анниевой трибы, префекту Города, авгуру, Примпессды и римские граждане, которые там торгуют. Под наблюдением Гая Цецилия, сына Луция, М...

№ 859

Ariminum, Италия

L. Lepidio L. f. An. Proculo mil. leg. V. Macedon. $\supset$ leg. eiusd(em), $\supset$ leg. eiusd. II $\supset$ leg. VI Victricis $\supset$ leg. XV Apollinar. prim. leg. XIII Gemin. donis donato ab imp. Vespasiano Aug. bello Iudaico torquib. armillis phaleris corona vallari salinatores civitatis Menapiorum ob mer. eius Septimina f. reponend. curavit (CIL, XI, 390).

Луцию Лепидию, сыну Луция, из Анниевой трибы, Прокулу, солдату V Македонского легиона, центуриону того же легиона, вторично центуриону того же легиона, центуриону VI Победоносного легиона, центуриону XV Аполлонова легиона, примпилярию XIII легиона Близнаца, награжденного императором Веспасианом Августом за иудейскую войну ожерельями, браслетами, фалерами, венком за овладение вражеским валом, солеторговцы общины Менапиев за его заслуги. Озаботилась восстановить Септимина дочь.

№ 860

Bracara Augusta, Испания

C. Caleroni... c. v. legato Augg. proco. tes... cap... reliquis... cives Romani qui negotiantur Bracaraugust(ae) (CIL, II, 2423).

Гаю Калерону... светлейшему мужу, легату двух Августов... проконсулу... римские граждане, которые торгуют в Бракараугусте.

№ 861

Puteoli, Италия

L. Calpurnio L. f. Capitolino C. Calpurnio L. f. ...mercatores qui Alexandr(iae) Asiae Syriae negotiantu[r] (CIL, X, 2797; Dessau, 7273).

Луцию Кальпурнию, сыну Луция, Капитолипу, Гаю Кальпурнию. сыну Луция .. купцы, которые торгуют в Александрии, Азия, Сирия.

№ 862

Interamna, Италия. 240 г.

T. Fl. T. f. Clu. Isidoro eq. Rom., patri duorum eq. pub., omnibus honorib. honeste functo, quinq. II, auguri, sacer(doti), pont., praet. sacror., patrono municipi Interamnat., Nart., Casuentinorum, Vindenatum, v. b. et quidquid in egregium hominem laudis dici potest in hoc sit beneficio naturae conlatum, possessores, inquilini, negotiantes viae strate cultores Herculis, rarissimo. L. d. d. d. Dedic. VIII id. Sept. Sabino II et Venusto cos. (CIL, XI, 4209; Dessau, 6630).

Титу Флавию, сыну Тита, из Клузуминской трибы, Исидору, римскому всаднику, отцу двух всадников высшего ранга, честно наделенному всеми почетными должностями, дважды квинквенналу, авгуру, жрецу, понтифику, претору священнодействий, патрону муниципия Интерамны, Нартия, Казуентия, Виндена, хорошему мужу — и все, что может быть сказано в похвалу выдающемуся человеку, все совместилось в нем благодеянием природы. Редчайшему [мужу] на месте, предоставленном по декрету декурионов, домовладельцы, арендаторы помещений и торговцы мощеной улицы, почтатели Геракла. Посвящено за 8 дней до ид сентября во второе консульство Сабина и Венуста.

№ 863

Sarnizegetusa, Дакия

Crasso Macrobio negotiatores provinciae Apul(ensis) defensori optimo l. d. d. d. (CIL, III, 1500).

Крассу Макробию, наилучшему защитнику, торговцы Апулийской провинции На месте, предоставленном по декрету декурионов.

№ 864*

Lugdunum, Галлия

D. M. M. Senni Metili [T]reveri, negotiatori corporis splendidissimi Cisalpinorum et Transalpinorum, eiusdem corporis praef(ecto), fabro tignuario Lug(dunensis), et Senniae Iullae coniugi eius... (CIL, XIII, 2029; Dessau, 7279).

Богам Манам Марка Сенния Метила, тревира, торговца из блистательной корпорации Цизальпинцев и Трансальпинцев, префекту той же корпорации, лугдунскому плотнику, и Сеннии Юлле, его жене...

№ 865

Lugdunum, Галлия

[S]ex. Ligurius Sex. fil. Galeria Marinus summus curator c(ivium) R(omanorum) provinc. Lug., q., II viralib. ornamentis suffrag. sanct. ordinis honoratus, II vir designatus ex postul(atione) populi, ob honorem perpetui pontif. dat. Cuius doni dedicatione decurionib. * V, ordini equestri IIIII viris Aug., negotiatorib. vinaris * III, et omnib. corporib. Lug. licite coeuntibus * II, item ludos circenses dedit. L. d. d. d. (CIL, XIII, 1921; Dessau, 7024).

Секст Лигурий, сын Секста, из Галериевой трибы, Марин, верховный куратор римских граждан Лугдунской провинции, квестор, почтенный инсигниями дуумвирата по выбору святейшего совета, назначенный в дуумвиры по просьбе народа, по случаю данной ему почетной должности бессменного понтифика. В честь этого дара он роздал декурионам по 5 денариев, всадническому сословию, севирам Августалам, торговцам вином по 3 денария и всем лугдунским корпорациям, собирающимся на законном основании, по 2 денария, а также [устроил] цирковые игры. На месте, предоставленном по декрету декурионов.

№ 866

Roma. 251 г.

Q. Herennio Etrusco Messio Decio nobilissimo Caes., principi iuventutis, cos., filio imp. Caes. Messi Quinti Traiani Deci Pii Felicis invicti Aug., argentarii et exceptores itemq. negotiantes vini supernat. et Arimin., devoti numini maiestatique eius (CIL, VI, 1101; Dessau, 519)

Квинту Гереннию Этруску Мессию Децию, благороднейшему Цезарю, главе юношества, консулу, сыну императора Цезаря Мессия Квинта Траяна Деция, благочестивого, счастливого, непобедимого Августа, менялы и сборщики налогов, а также вино-торговцы с Адриатики и из Аримина, преданные его божественной силе и величеству.

№ 867

Roma, 213 г.

Imp. Cae. M. Aurelio Antonino Pio felici invicto Aug. Parth. max. Britann. max. pont. max. trib. pot. XVI imp. II cos. IIII p. p. procos. domino indulgentissimo negotiantes vasculares conservatori suo numini eius devoti (CIL, VI, 1065).

Императору Цезарю Марку Аврелию Аптониу, благочестивому, счастливому, непобедимому Августу, парфянскому величайшему, британскому величайшему, великому понтифику, наделенному трибунской властью в шестнадцатый раз, провозглашенному императором дважды, консулу в четвертый раз, отцу отечества, проконсулу, всемирно-стивейшему господину, торговцы вазами, своему хранителю, преданные его божественной силе.

№ 868

Roma

C. Iunio C. f. Quir. Flaviano praefecto annonae, proc. a rationibus, proc. provinciarum Lugdunensis et Aquitanicae, proc. hereditat., proc. Hispaniae citerioris per Austricam et Callaeciam, proc. Alpium Maritimarum, promagistro XX hereditatum, tr. mil. leg. VII Gem., pontif. minori, mercatores frumentari et oleari Afrari (CIL, VI, 1620; Dessau, 1342).

Гаю Юнию, сыну Гая, из Квириновой трибы, Флавиану, префекту анноны, прокуратору по ведомству финансов, прокуратору провинций Лугдунской и Аквитанской, прокуратору по наследствам, прокуратору ближней Испании в Астурике и Каллеции, прокуратору Приморских Альп, промагистру в ведомстве сбора $\frac{1}{20}$ с наследств, воинскому трибуну легиона VII Близнаца, меньшему понтифику, купцы, вывозящие зерно и масло из Африки.

№ 869

Roma

M. Petronio [M. f.] Quir. Honorat[o] praef. coh. I Raet[orum], trib. mil. leg. I Miner[viae] p. f. praef. alae Aug. p. f. [Thrac.], proc. monet. proc. XX [hered.] proc. prov. Belg. et duar. Germaniar., proc. a ratio[n]. Aug. praef. annon., praef. Aegypti, pontif. minor[i], negotiatores ol[eari] ex Bactica patrono. Curatoribu[s] Cassio Faus[to] Caecilio Ho[norato] (CIL, VI, 1625b; Dessau, 1340).

Марку Петронию, сыну Марка, из Квириновой трибы, Гонорату, префекту I когорты Ретов, воинскому трибуну легиона I Минервиного благочестивого, верного, префекту алы Августовой, благочестивой, верной, Фракийской, прокуратору чеканки монет, прокуратору налога в $\frac{1}{20}$ наследств, прокуратору провинции Бельгики и двух Германий, прокуратору финансового ведомства Августа, префекту анноны, префекту Египта, меньшему понтифику, торговцы маслом из Бегики патрону. При кураторах Кассии Фавсте и Цецилии Гонорате.

№ 870

Mogontiacum, Германия, 198 г.

In h(onorem) d(omus) d(ivinae) deo Mercurio L. Senilius Decmanus q(uaestor) c(urator) c(ivium) R(omanorum) m(anticulariorum) neg(otiatorum) Mog(ontiacensium), c(ivis) T(aunensis) vsllm Saturnino et Gallo cos. (CIL, XIII, 7222; Dessau, 7077).

В честь божественного дома в консульство Сатурнина и Галла охотно и с радостью исполнил должный обет богу Меркурию Луций Сенилий Декман, квестор, куратор римских граждан — торговцев сумками (?) Могонтиака, гражданин Тауниец.

№ 871

Heddernheim, Германия

In honorem d(omus) d(ivinae) Mercurio Negotiatori k(alendarium) ¹ rus(ticum) Tauen(s) monitu d(ei) p(osuerunt) l. l. m. (CIL, XIII, 7360).

В честь божественного дома Меркурию Торговцу Таунийцы, побужденные богом, охотно и с радостью поставили должным образом деревенский календарь.

¹ Повидимому, в календарь были записаны имена должников и суммы долгов, которые они должны были в определенные сроки выплатить купцам.

№ 872

Lugdunum, Галлия

Diis Manibus C. Aproni Raptoris Treveri dec. civitat. negotiatoris vinar(ii) in canab(is) nautae Arar(icum) patron(o) utrumq. corporatorum Aproniae Bellica et ... curaverunt et sub ascia dedicaverunt (A. Ер., 1904, № 176).

Богам Манам Гая Апрония Раптора, Тревера, декурiona города, винотoрговца в предместье, корабельщику на Араре, патрону обеих корпораций, озаботились сделать [надгробие] и посвятили Апронии Беллика и...

№ 873

Lugdunum, Галлия

M. Inthatio M. fi[l.] Vitali negotiat(ori) vinario Lugud. in kanabis consist., curatura eiusdem corpor(is) bis funct(o) itemq. q(uaestori) nautae Arare navig., patrono eiusd(em) corpori(s) patron. eq. R. IIIII vir(o) utr[i]clar(iorum) fabr(um) Lugud. consist., cui ordo splendidissimus civit(atis) Albensium¹ consessum dedit: negotiatores vinari [Lug.] in kanab. consist(entes) pat[rono]; ob cuius statuae ded[ic]atione sportul(am) * ...dedit (CIL, XIII, 1954; Dessau, 7030).

Марку Интатию, сыну Марка, Виталию, винотoрговцу, проживающему в предместье Лугдуна, дважды облеченному должностью куратора той же корпорации, а также квестору, корабельщику на Араре, патрону той же корпорации, патрону римских всадников, севиру ремесленников-плотовщиков, проживающих в Лугдуне, которому ближайший совет города Альбы даровал право сидеть среди членов совета; винотoрговцы, проживающие в предместье Лугдуна, патрону. По случаю посвящения его статуи он роздал в подарок... денариев.

¹ Alba Helvorum — город Нарбонской Галлии.

№ 874

Ostia, Италия

Q. Calpurnio C. f. Quir. Modesto proc. Alpium, proc. Ostiae ad annon. proc. Lucaniae, corpus mercatorum frumentariorum per M. Aemilium Saturum et P. Aufidium Faustian. q(uin)q(uennales) ex decreto corporat., q. M. Licinio Victore et P. Aufidio Epicteto. L. d. d. d. p. (CIL, XIV, 161; Dessau, 1427).

Квинту Кальпурнию, сыну Гая, из Квириновой трибы, Модесту, прокуратору Альп, прокуратору анноны в Остии, прокуратору Лукании, корпорация хлеботорговцев через посредство Марка Эмилия Сатура и Публия Ауфидия Фавстиана, квинквенналов, по декрету членов корпорации, при квесторах Марке Лицинии Викторе и Публии Ауфидии Эпиктете, на месте, данном по декрету декурionoв.

№ 875

Inter Arelate et Tarasconem, Нарбонская Галлия

[D.] M. M. Frontoni Eupori IIIII vir. Aug. col. Iulia Aug. Aquis Sextis, navicular. mar. Arelat., curat. eiusd. corp., patrono nautar. Druenticorum et utriclarior. corp. Erpaginensum¹, Iulia Nice ux(ор) coniugi carissimo (CIL, XII, 982; Dessau, 6986).

Богам Манам Марка Фронтонa Евпора, севира, Августала колонии Юлии Августы Аквы Секстиевой, морскому судовладельцу Арелаты, патрону той же корпорации, патрону корабельщиков Друентика и корпорации плотовщиков Эрпагина, Юлия Ника, жена, дражайшему супругу.

¹ Эрпагин — поселок возле Арелаты.

№ 876

Roma

L. Scribonio Ianuario negotiant(i) vinar(i)o, item navicular(i)o cur. corporis maris Adriatici, L. Scribonius Festivus frater et M. Manlius Callicarpus socer fecerunt, et lib. libertab. Scriboni posterisque eorum (CIL, VI, 9682; Dessau, 7277).

Луцию Скрибонию Януарию, винотoрговцу, а также судовладельцу из корпорации Адриатического моря, сделали Луций Скрибоний Фестив, брат, и Марк Манлий Калликарп, зять, и отпущенникам и отпущенницам Скрибония и их потомкам.

№ 877

Aquincum, Паннония

IOM, Iunoni, Neptuno, Marti, L. Val. Italus optimo collegio negotiantium d. d. (CIL, III, 10430; Dessau, 3095).

Юпитеру всеблагому величайшему, Юноне, Нептуну, Марсу, Луций Валерий Итал принес в дар наилучшей коллегии торговцев.

№ 878

Salernum, Италия

L. Viselius L(ucii et duorum feminarum) l(ibertus) Felix mercator vinar(ius) vix. ann. LV Visellia Quarta mater filio pio fecit et sibi (CIL, X, 545).

Луций Визелий Феликс, отпущенник Луция и двух женщин, виноторговец, прожил 55 лет. Визеллия Кварта, мать, сделала благочестивому сыну и себе.

№ 879

Reate, Италия

A. Herennuleius Cestus, negotiator vinarius a septem Caesaribus, idem mercator omnis generis mercium transmarinarum, licitor, vivos sibi fecit et libertis libertabusque suis posterisq. eorum (CIL, IX, 4680; Dessau, 7484).

Авл Гереннулей Цест, виноторговец у «Семи Цезарей», а также торговец всякого рода заморскими товарами, ликтор, при жизни сделал гробницу для себя, своих отпущенников, отпущенниц и их потомков.

№ 880

Roma

C. Clodius C. l. Euphemus negotiator penoris et vinorum de Velabro a IIII scaris, aram posuit sibi, consecravit dedicavitque, librisque suis posterisque eorum (CIL, VI, 9671; Dessau, 7487).

Гай Клодий Евфем, отпущенник Гая, торговец съестными припасами и винами из Велабра у «Четырех скарв», поставил и посвятил алтарь для себя, своих детей и их потомков.

№ 881

Roma

D[eo] Soli Vi[ctori] Q. Octavius Daphnicu[s] negotia(n)s vinarius Asei triclām fec. a solo impen[sa] sua permissu kalator. pon[tif.] et flaminum cui immunitas data est ab eis sacrum faciend[i] (CIL, VI, 712).

Богу Солнцу Победителю, Квинт Октавий Дафник, торгующий вином с Азией, наово сделал на свой счет беседку с дозволения служителей понтификов и фламинов. Ему дано от них разрешение совершать священнодействия.

№ 882

Rompe, Италия. Надпись на стене под изображением девушки

Edone dicit:

assibus hic bibitur, dipundium si dederis, meliora bibes,
quattus si dederis, vīna Falerna bib(es).

(CIL, IV, 1679; Bücheler, 931).

Эдона говорит:

Выпивка стоит здесь асс, за два асса лучшего выпьешь,
А за четыре уже будешь фалернское пить.

№ 883

Lugdunum, Галлия

D. M. et Quicti aeternae... onti Incitati IIIII vir(i) Aug. Lug. et naut(ae) Arar. tem centonario Lug. consistent. honorato negotiatori frumentario... ovius Marcellus iib. [p]atrono piissimo et sibi (CIL, XIII, 1972).

Богам Мамам и Вечному Покою... Инцитата, севира Августа Лугудуна и корабельщика на Араре, а также центонарию, проживающему в Лугудуне, почетному хлеботорговцу... Марцелл, отпущенник, благочестивейшему патрону и себе.

№ 884

Noviomagus, Германия

Matribus Mopatibus suis M. Liberius Victor cives Nervius neg(otiator) fru(menta)rius vslm (CIL, XIII, 8725; Dessau, 4811).

Своим Матерям Мопатиям с радостью исполнил должный обет Марк Либерий Виктор, гражданин Нервий, хлеботорговец.

№ 885

Ostia, 173 г.

M. Junio M. f. Pal. Fausto decurioni adlecto, flamine divi Titi, duumviro, mercatori frumentario, q(uaestori) aerari, flamine Romae et Aug., patrono cor[p.] curatorum navium marinar[um], domini navium Afrarum universarum, <item Sardorum>. L. d. d. d. p. [dedic.] XII kal. Octobres [Severo II et Pompeiano II col.s., cura a]gentibus P. Aufidio...o, M. Clodio Fortuna[tiano]... (CIL, XIV, 4142; Dessau, 6140).

Марку Юнию, сыну Марка, из Палатинской трибы, Фавсту, кооптированному декурionу фламину божественного Тита, дуумвиру, хлеботорговцу, квестору эрария, фламину Рима и Августа, патрону корпорации кураторов морских кораблей, владельцу всех африканских, а также сардинских кораблей, на месте, данном по декрету народа, посвящено за 12 дней до календ октября во вторичное консульство Севера и вторичное Помпеяна под наблюдением Публия Ауфидия... Марка Клодия Фортунатяна...

№ 896

Tibur, Италия

M. Caerellius Iazemis qq. pistorum III et perp(etuus) et codicarius, item mercator frumentarius invicto Herculi ex voto d. d. (CIL, XIV, 4234; Dessau, 3417).

Марк Цереллий Яземий, квинквеннал булочников трижды и бесценно и секретарь (?), а также хлеботорговец, поставил по обету непобедимому Гераклу.

№ 887

Roma

Dis Manibus Abudiae M. lib. Megiste piissimae fec. M. Abudius Luminaris patronus idemque coniux bene merenti, negotiatrici frumentariae et legumenariae ab scala mediana, sibi et libertis libertabusque posterisq. et M. Abudio Saturnino filio, trib. Esq. seniorum, vixit annis VIII, (CIL, VI, 9683; Dessau, 7488).

Богам Манам Абудии, отпущеннице Марка, Мегисте, благочестивейшей, сделал достойной Марк Абудий Луминарий, патрон и супруг, продавщице зерна и овощей со средней лестницы, [а также] себе и отпущенникам и отпущенницам и потомкам и Марку Абудию Сатурнину, сыну, прожившему 8 лет, из корпорации старейших членов Эсквилинской трибы.

№ 888

Praeneste, Италия, 136 г.

Tu, quae Tarpeio coleris vicina Tonanti
votorum vindex semper Fortuna meorum,
accipe quae pietas ponit tibi dona merenti
effligiem nostri conservatura parentis.
Cuius ne taceat memorandum littera nomen,
Caesius hic idemq(ue) Titus Primusq(ue) vocatur.
Qui largae Cereris messes fructusq(ue) renatos
digerit in pretium, cui constat fama fidesq(ue)
et qui divitias vincit pudor, ire per illos
consuetus portus cura studioq(ue) laboris,
litor(a) qui praestant fessis tutissima nautis,
notus in Urbe sacra, notus quow(ue)finibus illis
quos Umber sulcare solet, quos Tuscus arator.
Omnibus hic annis votorum more suorum
centenas adicit numero crescente coronas,
Fortunae simulacra colens et Apollinis aras
Arcanumq(ue) Iovem, quorum consentit in illo
maiestas longae promittens tempora vitae.
Accipe, posteritas, quod per tua saecula narres.
Taurinus, kari iussus pietate parentis,
hoc possuit donum, quod nec sententib Mortis
vincere nec poterit Fatorum summa potestas,
sed populi salvo semper rumore manebit.

L. Ceionio Commodo, Sex. Vetuleno Civica Pompeiano cos. L. d. d. p. (CIL, XIV, 2852; Dessau, 3696; Bücheler, 249).

Ты, на Тарпейской скале с Громовержцем чтимая рядом,
 Вечно пособница мне во всех упованиях, Фортуна,
 Должных даров не отринь, приносимых тебе благочестьем,
 Для сохранения здесь отца моего изваяния.
 Пусть неумолчно гласит его имя достойное надпись:
 Цезий сей муж, и еще он Титом Примом зовется.
 Щедрой Цереры хлебом и новых плодов урожаям
 Цену дает он, всегда соблюдая примерную честность,
 И бескорыстие он ставит выше богатств; посещает
 Пристани он на морях, отдаваясь труду и заботам,
 Где берега доставляют приют морякам утомленным;
 Ведом он в граде святом, а также и там, где усердно
 Умбры поля бороздят, где работает пахарь этрусский.
 Из года в год, неизменно блюдя свои обещанья,
 Сотню за сотней венков, умножая число, он приносит,
 Чтя изваяния благой Фортуны, алтарь Аполлона
 С тайным Юпитером: их величие в полном согласьи
 Благословляет его и сулит ему долгие годы.
 Внемли, потомство, и все передай своим поколениям.
 Милого волю отца благочестно блюдя, здесь поставил
 Памятник этот Таврин, и его ни решению Смерти
 Не одолеть никогда, ни Судеб власти верховной:
 Он нерушимо стоять и славиться будет в народе.

В консульство Луция Цейония Коммода и Секста Ветуления Цивики Помпеяна.
 На месте, данном по декрету декурионов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ВДИ № 1, 1956 г.

- AA — Archaeologischer Anzeiger
AB — Archaeologisches Beiblatt
АВИИУ — И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту
AASOR — «The Annual of the American Schools of Oriental Research»
AJ — Antiquaries Journal
AJPh — American Journal of Philology
АЗ — Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949
AMI — E. Herzfeld, Archaeologische Mitteilungen aus Iran
ARAB — D. D., Luckenbill, Ancient records of Assyria and Babylonia, Chicago, 1927.
Ar Or — Archiv Orientalní
AT — D. J. Wiseman, The Alalakh Tablets, L., 1953
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
CRAI — Comptes rendus de l'académie des inscriptions et des belles lettres
ВЛУ — Вестник Ленинградского Университета
ГНМС — Годишник на Народния Музей, София
ГПНБМ — Годишник на Пловдивската Народна библиотека и музей
ГНМПл — Годишник на Народния археологически Музей, Пловдив
DChG — Campbell Thompson Dictionary of Assyrian chemistry and geology, Oxf., 1936.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ESAR — T. Frank, An economic survey of ancient Rome, Baltimore
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
FUF — Forschungen und Fortschritte der Deutschen Wissenschaft und Technik
НА — I. Benzinger, Hebräische Archaeologie, Tübingen, 1907
IG — Inscriptiones Graecae
IEJ — Israel Exploration Journal
JAOS — Journal of the American Oriental Society
JCS — Journal of Cuneiform Studies
JRS — Journal of Roman Studies
ИВАД — Известия на Варненската археологическо дружество
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОИГДВ — «Очерки по истории техники Древнего Востока», М.— Л., 1940
RA — Revue archéologique
RE — Pauly — Wissowa — Kroll, Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
РЗОА — И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии
SBAWW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien
SMN — Semitic Museum — Nuzi
УЗ МГПИ — Ученые записки Московского государственного педагогического института
WO — Die Welt des Orients
WZML — Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther Universität Halle, Wittenberg
-

СОДЕРЖАНИЕ

Проблема падения рабовладельческого строя (К итогам дискуссии)	3
<i>М. Л. Гельцер</i> (Таллин) — Новые тексты из древнего Алалаха и их значение для социально-экономической истории древнего Востока	14
<i>Н. Б. Янковская</i> (Ленинград) — Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы	28
Проф. <i>М. Е. Сергеенко</i> (Ленинград) — Три версии в Плутарховой биографии Тиберия Гракха	47

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. <i>С. И. Ковалев</i> (Ленинград) и <i>А. П. Каждан</i> (Великие Луки) — О. В. Кудрявцев, Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры	50
<i>А. М. Ременников</i> (Казань) — В. Д. Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья	59
<i>И. Духин</i> (Краснодар) — В. Ярхо, Аристофан	62
<i>Ю. Н. Захарук</i> (Львов) — Новые исследования культуры воронковидных сосудов в Польше	65
Проф. <i>С. И. Радциг</i> (Москва) — А. Ф. Лосев, Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии	70
<i>А. К. Бергер</i> (Москва) — <i>S. Hignett</i> , A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century	75
Проф. <i>И. М. Лурье</i> (Ленинград) — Новые работы в области позднеегипетской письменности	83
<i>К. Б. Старкова</i> (Ленинград) — Рукописи из окрестностей Мертвого моря	87
<i>С. Я. Шейнман-Топштейн</i> (Москва) — Состояние исследования социальной сущности древне-аттической комедии в современной буржуазной науке	102
<i>М. К. Трофимова</i> (Москва) — Публикации источников и источниковедческих исследований по истории Греции и Рима	112
<i>Г. Г. Дилигенский</i> (Москва) — Новые книги по истории Северной Африки	116

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>А. Н. Бернштам</i> (Ленинград) — Саки Памира	121
<i>Н. Н. Семенович</i> (Ленинград) — Способ изготовления вавилонских клинописных таблечек	134

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Б. Н. Аракелян</i> (Ереван) — Мозаика из Гарпи	143
<i>И. В. Яценко</i> (Москва) — Скифские погребения близ Ногайска	157
Проф. <i>Дм. Цончев</i> (Болгария) — Фракийский склеп в кургане близ села Строево	166
<i>О. Мельниковская</i> (Москва) — Клад браслетов в д. Горошков (Южная Белоруссия)	173

ХРОНИКА

<i>Г. М. Бонгард-Левин</i> и <i>Д. В. Деоник</i> (Москва) — Археологические работы в Индии	177
<i>А. Н. Н.</i> — Студенческая археологическая конференция	187

ПРИЛОЖЕНИЕ

Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи (Продолжение)	195
---	-----

SOMMAIRE

Le problème de la chute du régime esclavagiste (Résultats de la discussion) . . .	3
<i>M. L. Geltzer</i> (Tallinn)—Nouveaux textes d'Alalakh et leur importance pour l'histoire sociale et économique de l'Orient ancien	14
<i>N. B. Yankowskaja</i> (Léningrad) — Quelques questions de l'économie de l'Empire Assyrien	28
Prof. <i>M. E. Sergeenko</i> (Léningrad) — Trois versions de la biographie de Tibère Gracchus chez Plutarque	47

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

Prof. <i>S. I. Kovalev</i> (Léningrad) et <i>A. P. Kazhdan</i> (Velikie Louki) — O. V. K o u d r i a v t s e v, Les Provinces helléniques de la péninsule Balkanique au II ^e siècle d. n. è.	50
<i>A. M. Remennikov</i> (Kazan) — V. D. B l a v a t s k y, Essai sur l'art militaire dans les Etats antiques du Pont Euxin septentrional.	59
<i>I. Douchin</i> (Krasnodar) — V. Y a r c h o, Aristophanes	62
<i>U. N. Zacharouk</i> (Lwow) — Nouvelles études sur la culture des vases infudubuliformes en Pologne	65
Prof. <i>S. I. Radzig</i> (Moscou) — A. F. L o s s e v, L'évolution de la mythologie olympienne	70
<i>A. K. Bergher</i> (Moscou) — C. H i g n e t t, A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century.	75
Prof. <i>I. M. Lourié</i> (Léningrad) — Publications nouvelles sur les textes égyptiens de la basse époque	83
<i>K. B. Starkova</i> (Léningrad) — Manuscrits de la région de la Mer Morte	87
<i>S. I. Cheinmann-Topchtein</i> (Moscou) — Le rôle social de la comédie attique ancienne selon la science bourgeoise contemporaine	102
<i>M. K. Trofimova</i> (Moscou)—Publications et recherches sur les sources de l'histoire grecque et romaine	112
<i>G. G. Dilighenski</i> (Moscou) — Nouveaux livres sur l'histoire de l'Afrique du Nord	116

RAPPORTS ET COMMUNICATIONS

<i>A. N. Bernchtam</i> (Léningrad) — Les Sacae de Pamir	121
<i>N. N. Semenovitch</i> (Léningrad) — Les procédés de préparation des tablettes cunéiformes babyloniennes	134

PUBLICATIONS

<i>B. N. Arakelian</i> (Erevan) — Mosaïque trouvée dans les bains à Garni	143
<i>I. V. Yazenko</i> (Moscou) — Les tombeaux scythiques près de Nogaïsk	157
<i>D. Tsonchev</i> (Bulgarie) — Un caveaux funéraire thracien dans le kourgan près du village Stroievo	166
<i>O. Melnikovskaja</i> (Moscou) — Bracelets trouvés dans le village de Gorochkov (Biélorussie méridionale).	173

CHRONIQUE

<i>G. M. Bonghard-Levin</i> et <i>D. B. Déopik</i> (Moscou) — Travaux archéologiques aux Indes	177
<i>A. N. N.</i> Une assemblée archéologique des étudiants de l'Université de Moscou	187

SUPPLÉMENT

Choix d'inscriptions latines concernant l'histoire sociale et économique du Haut empire Romain (Suite)	195
--	-----

Подп. и печ. 21/III 1956 года
 Формат бум. 70 X 106¹/₁₆. Бум. л. 8¹/₂,
 Печ. л. 23,29 + 7 вкладок
 Заказ № 2013 Уч.-издат. л. 26,7
 Тираж 3825 экз. Т-01676

2-я типография Издательства
 Академии наук СССР
 Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ К ВДИ, 1955, № 4

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
65	12-я снизу	1, 2, 14, 3, 38; 12, 69;	I, 12, 14; 3, 38; 12, 6; 9
»	10-я снизу	VI, 4, 2; 30, 1; VII, 32, 2, 5	VI, 4, 2; VII, 30, 1; 32, 5
»	7-я снизу	II, 30, 1	II, 30, 2
»	6-я снизу	19, 1; 1, 3	19, 1; VII, 1, 3
»	5-я снизу	IX, 2, 6—7; 21, 2	IX, 21, 2
»	4-я снизу	XIV, 18, 1; 5	XIV, 18, 1; XVI, 5
67	6-я сверху	ангарии	«ангарии»
92	19-я сверху	mu kēnum	muškēnum
104	20-я снизу	было кенотаф	был кенотаф
105	17-я сверху	в Мемфисе	в Медуме
182	2-я снизу	«Archaeological	«Archaeological
190	15-я снизу	letter	letters
192	4-я снизу	«Archaeology	«Archaeology
197	11-я снизу	пастових	пастовых
235	23-я сверху	Hamneurabis Gesetz	Hammurabisgesetz
»	16-я сверху	Memoires	Mémoires
»	34-я снизу	L'universitté	l'université
237	26-я снизу	Андреева	Андреев
»	21-я снизу	Васильева	Васильев

Редакционная коллегия: { проф. *В. И. Авдиев*
 проф. *Н. Ф. Дератани*
 чл.-корр. АН СССР *С. В. Киселев* (глав-
 ный редактор)
 к.и.н. *Н. М. Постовская* (отв. секретарь)
 к.и.н. *О. И. Савостьянова*
 акад. *В. В. Струве*
 к.и.н. *З. В. Удальцова*
 (проф. *С. Л. Утченко* (зам. гл. редактора)

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, Институт истории АН СССР
 Телефон Б-8-81-42